This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

WID-LC
AP
50
.M55
Vol: 1905
(Pt. 1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

WID-LC
AP
50-
.M55
vol. 1905
[pt. 7]

XVIII 3/2

ЖУРНАЛЪ

ТРУДОВЪ

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 1 - 1932

№ 7.

1905.

Годъ I и II. **МИРНЫЙ ТРУДЪ** Годъ I и II.

повременное научно-литературное и общественное изданіе.

Въ „Мирномъ Трудѣ" за I-й годъ были помѣщены, м. д. проф. А. С. Вязигина Отъ редакціи, „Два слова о культѣ новизны", „О. И. Фортинскій", „Итоги перваго года". Клеменса Юноши повѣсть „Черное болото". А. Игнатьева „Былина". Проф. И. В. Нетушила „Этика въ дисциплинѣ", „Миссіологическія теоріи". М. Кайсарова „Шутка" разсказъ. Киплинга „Вильгельмъ завоеватель". В. Харціева „Ученіе А. А. Потебни о народности и національности". Проф. С. Соловьева „В. Гюго" и „Послѣдній Минезингеръ". Ладислава-Струвен-цкаго „Цивилизація обезьянъ". П. Каменскаго „Въ поѣздахъ христіанъ на Западѣ". И. Горчинскаго „Происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей національнаго характера англичанъ". И. Бичъ-Лубенскаго „Дядя изъ Калькутты" святочный разсказъ. О. Петрова „О средней школѣ". А. Каута Рядъ замѣтокъ. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность Обществъ. Библіографія. 5 книжекъ журнала за I-й годъ представляютъ собою томъ въ 1276 стр. очень убористаго шрифта, высылаемый Г.г. новымъ подписчикамъ за два рубля съ пересылкой.

Въ „Мирномъ Трудѣ" за II-й годъ помѣщены, м. п., „На Руси" ром. и „Кащей" сказка въ 4 д. кн. *Д. П. Голицына*. „Въ Сочельникъ" и „Старая усадьба" *С. Тулаева* „Врачебная тайна" и „Бытовыя картинки" *П. П. Оленича-Гненко*. „Оскорбленіе" пов. и „Изъ жизни бывшаго гимназиста" *М. Кайсарова*. „Капитанъ-баба" *Ив. Вырунина*. Стих. Св. Ф. Пестрякова, В. Иванова, М. Савинова, Ф. Берга, В. Уманова-Каплуновскаго и др. „Провиденціальныя задачи и конечныя цѣли Россіи", „Таинства и обряды православной церкви" и „Памяти В. Л. Величко" *Епископа Стефана*. „Изъ записной книжки русскаго Монархиста" и „Мистика, идеалы и поэзія Русскаго Самодержавія" *Н. Чернѣева*. „Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи" Проф. *Т. Буткевича*. „Днѣпровскіе пороги и устройство судоходства на нихъ" Проф *В. Альбицкаго*. „Праздникъ рус. самосознанія" *П. Хорсова*. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими" *М. Савинова*. „Памяти В. Л. Величко", „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева", „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого", „Необходимость Самодержавія для Россіи" *М Бородкина*. „О необходимости измѣненія системы образованія и воспитанія вообще" *Е. Дюкова*. „Предпріимчивость русскаго человѣка", „Восточные вопросы", „Основныя черты англійской политики въ XVIII вѣкѣ" „Изъ исторіи Крымской Кампаніи" Проф. *П. Буцинскаго*. „Къ вопросу о зависимости настроенія нашей школы отъ умственнаго и нравственнаго состоянія самого общества" Проф *М. Демьянова*. „Кантъ какъ великій учитель нравственности" *Н. Страхова*. „Славянскія извѣстія" и „Степанъ Радичъ о русскомъ самодержавіи" *І. Мякша*. „Санитарныя нужды нашей арміи на маньжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій" Д-ра. *В. Вишневскаго*. „Мѣсто А. С. Хомякова въ исторіи рус. народнаго самосознанія" Пр. *В. Завитневича*. „Мелкая земская единица" кн. *М. Шаховского*. „Религіозно-философскія воззрѣнія Ѳ. И. Тютчева" *І. Филевскаго*. „Необходимость преобразованій", „По поводу пребыванія Царя въ Харьковѣ", „Обновленіе", „О настроеніи русской молодежи", „Надежда Россіи", „Мнимая спасительность парламентаризма", „По поводу студенческихъ безпорядковъ", „Отвѣтъ Вѣстнику Европы" *А. Каута*. „Политическія мечты русскаго патріота" *Ф В.* „Тайное ученіе" и „Крестъ во спасеніе" *В. Задонскаго*. „В. Л. Величко", „Опасныя стороны новаго закона о бракѣ", „Россія и революція" Проф. *А. Вязигина*. „Д. С. Мережковскій, какъ переводчикъ „Медеи" Еврипида" и „Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на рус. народъ" Проф. *Я. Денисова*. „Замѣтки націоналиста" и „Письма съ Дальняго Востока" *М. Павловскаго*. „Отъ Севастополя до Портъ-Артура" *В. В. Зверева* „Значеніе М И. Глинки въ исторіи рус. музыки" *В. Липина*. „Графъ Станиславъ Тарновскій, его дѣятельность и ученые взгляды на Россію и русскихъ", „Памяти С. М. Соловьева" *М. Рождественскаго*. „Уваровскій Университетъ" *Н. Родзевича*. „О классицизмѣ" *Д. Х.* „Митрополитъ Филаретъ о Православіи и Самодержавіи" *И. Кошкарова*. „Побѣдима ли Россія?" *С. Ячейкина*. „Незабвенной памяти Императора Александра III" *С. ф.-Диллара*. „Христіанство въ Японіи" Проф. *І. Бродовича*. „В. В. Верещагинъ о русскомъ народномъ искусствѣ" *В. Карнова*. „За что насъ ненавидитъ Европа?" Ст. *В. Ермолова*. „Общія причины антисемитизма" *В. Лазара*. „Военное Обозрѣніе" *И. Чернякова*. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность „Русскаго Собранія" въ Петербургѣ, его Харьковскаго Отдѣла, Варшавскаго кружка и другихъ Обществъ. Библіографія.

10 книжекъ „Мирнаго Труда" за 1904 г. содержатъ въ себѣ 2405 стр. убористаго шрифта; высылаются Г.г. новымъ подписчикамъ за 4 руб. съ пересылкой.

Выписывающіе оба года (1903/9 и 1904) одновременно—платятъ 5 руб. съ пересылкой.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

XVIII 3/2

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

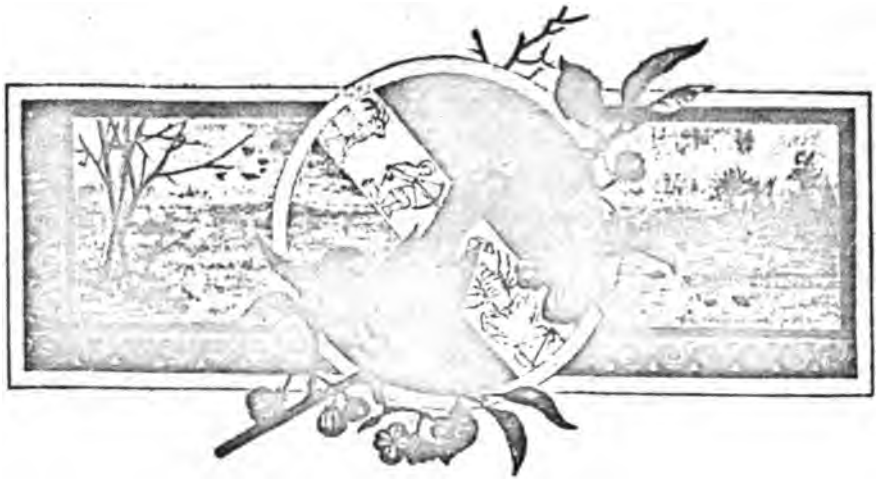
(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 7.

(Сентябрь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1905.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 2 сентября 1905 года



ОГЛАВЛЕНІЕ

сентябрьской книжки журнала „Мирный Трудъ"

	Стр.
„Высочайшій Манифестъ о Государственной Думѣ" .	V—VI
„Миръ" стих. **В. Ермолова**	VII
„Юнымъ друзьямъ" стих. **Ф. Пестрякова**	VIII
„Національныя рѣчи", V—VI, **В. Пуришкевича**	1—37
* * * стих. **Ф. Пестрякова**	37
„Путь къ рѣшенію еврейскаго вопроса", **Н. Е. Кременского**	38—48
„Призывъ", стих. **Л. Кологривовой**	48
„Не по торной дорожкѣ", повѣсть въ двухъ частяхъ, **Анатолія Брянчанинова**.	49—82
„О вѣротерпимости въ Россіи", (окончаніе), **проф. Т. И. Буткевича**.	83—103
* * * стих. **В. Ермолова**.	103
„Думы и мысли о русскомъ современномъ искусствѣ", **В. П. Карпова**.	104—120
„Три встрѣчи", **Ив. Подлясскаго**.	121—125
* * * стих. **Ф. Пестрякова**.	125
„Студенческая забастовка", **студ. В. Александровича** .	126—133

„Изъ записной книжки русскаго монархиста", окончаніе, **И. И. Чернова.** . . . . . 134—149
„Разберемся", **М. В. Лебедева.** . . . . . 150—164
*** стих. **В. Ермолова** 164
„Страница изъ исторіи Харьковскаго Драматическаго театра", **О. Барсуковой** . . . . . 165—173
Дѣятельность Обществъ: „Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія", **П. Хорсова.** „Одесскій Отдѣлъ Русскаго Собранія" . . . . . 174—194
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію «Мирный трудъ» по 15 августа 1905 г. 194
„Государственная Дума", проф **А. Вязигина.** . . . . 195—204
„Военное обозрѣніе", **Н. Чернова** . . . . . 205—214
„Послѣдняя просьба", **В. Задонскаго.** . . . . . 214—215
Библіографія: *Панова А. А.* „Что такое Сахалинъ и нуженъ-ли онъ намъ?", **И. Черникова.** „Ученобогословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи". „Пастырская бесѣда преосвященнѣйшаго Стефана" **А. Каута** . . . . . 216—224
„*Тэнъ.* Исторія французской революціи". Книга I. Глава II—III . . . . . 33—64

Высочайшій Манифестъ о Государственной Думѣ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ и отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и въ будущемъ. Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26-го февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши Предшественники. Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ Ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей русской земли къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ

законовъ на все пространство Имперіи съ тѣми лишь измѣненіями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ находящихся въ особыхъ условіяхъ ея окраинъ. О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго, по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній, будетъ нами указано особо. Вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы Министру Внутреннихъ Дѣлъ безотлагательно представить намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ Государственную Думу съ такимъ расчетомъ, чтобы члены отъ 50 губерній и области Войска Донского могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года. Мы сохраняемъ всецѣло за Собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы и когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не примипемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія. Питаемъ увѣренность, что избранные довѣріемъ своего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ, покажутъ себя предъ всею Россію достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями отъ насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ Нашихъ на благо общей Нашей матери Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія Государства и народнаго порядка и благоденствія. Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами государственнаго установленія, Мы съ непоколебимой вѣрой въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями всѣхъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтней ея исторіей могуществѣ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ шестой день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Миръ?

Она зажглась кровавая заря,
Заря грядущихъ бѣдъ, грядущихъ испытаній,
Враги привѣтствуютъ вѣнецъ своихъ желаній—
Позоръ святой Руси, и скорбь ея Царя.
Миръ, говорятъ? Увы, до мира такъ далеко:
Ударъ губительный вновь нанесенъ странѣ,
Страна трепещетъ вся въ агоніи огнѣ,
Страна терзается безсмысленно жестоко:
О мирѣ вѣсть примчалась къ ней, какъ громъ;
О *мирѣ* вѣсть? А небо кровью пышетъ,
А сердце чуткое оружья звонъ ужъ слышитъ,
Братоубійственный идетъ на насъ погромъ.
„Опомнитесь! увы, они уже не слышатъ,
Они ослѣплены и слышать не хотятъ,
Тѣ не покаются, другіе не простятъ
И приговоръ судьба неумолимо пишетъ... —
Друзья! безъ робости тотъ встрѣтимъ приговоръ,
Съ надеждой свѣтлою и вѣрой неизмѣнной:
На нашихъ знаменахъ горитъ девизъ священный.
Подъ нимъ не сломятъ насъ ни горе, ни позоръ!“

В. Ермолов.

Юнымъ друзьямъ.

Друзья мои, кругомъ шумитъ страданій море,
Кругомъ предательство, измѣна, дикій бой...
Ужели васъ не трогаетъ отчизны горе?
Ужели трусы вы, боитесь силы злой?
Смѣлѣй, смѣлѣй, друзья, впередъ,—кто помоложе:
Поборникамъ добра постыдно быть въ долгу;
Когда ликуетъ врагъ,—вамъ юнымъ спать не гоже.
Эхъ, жаль, что я старикъ, и драться не могу!
Прошла моя пора, а былъ я прежде молодъ,
И, если видѣлъ зло,—я спать и ѣсть не могъ,
Для счастья родины я шелъ на голодъ, холодъ,
Я оживалъ душой въ борьбѣ, среди тревогъ.
Не разъ бывалъ я битъ, да я и не скрываюсь,
Въ сраженіяхъ лихихъ съ насмѣшками зла,
Но билъ и я враговъ, и—здорово, признаюсь,
Такъ райскимъ сномъ въ бояхъ вся молодость прошла...
Да, былъ и я бойцомъ, но зубы обточила
Мнѣ жизнь напильникомъ—нуждой, трудомъ.
Увы, изъ стараго, разбитаго точила
Не закипитъ вино, густымъ, живымъ ключемъ.
Усталый ветеранъ, я больше не воюю;
И меркнетъ жизни блескъ, и гаснетъ жизни цѣль,
И знаетъ,—какъ объ этомъ я скорблю, горюю,
Моя отъ горькихъ слезъ промокшая постель.
Друзья, насталъ теперь, какъ видно, вашъ чередъ;
Поборникамъ добра постыдно быть въ долгу,
Впередъ, друзья мои, за родину, впередъ!
Эхъ жаль, что я старикъ, и драться не могу!

Ф. Пестряковъ.

НАЦІОНАЛЬНЫЯ РѢЧИ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА.

„Vos ego nunc moneo: felix quicumque dolore
Alterius disces posse cavere tuo".
Tibulli Eleg. Lib. III, 6.

V.

„На нашихъ глазахъ въ жизни народа происходитъ крупный переломъ, совершается серьезный кризисъ; старые устои деревенской жизни рушатся, рушатся старыя вѣрованія, старые взгляды и обычаи народа, патріархальная чистота нравовъ исчезаетъ... Расшатанный, подорванный старый строй народной жизни, подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій замѣтно разлагается. Между тѣмъ, на смѣну ему, жизнь не выработала и не создала еще ничего опредѣленнаго, твердаго, прочнаго: ни *новаго міросозерцанія*, ни новыхъ формъ жизни. И вотъ настало тяжелое, смутное, переходное время. Переживаемый народомъ настоящій историческій моментъ налагаетъ на образованную часть русскаго общества особо важныя и серьезныя обязанности. Въ самомъ дѣлѣ, что же мы—*интеллигенція*—противупоставимъ съ своей стороны этому напору деморализующихъ вліяній"... Таковы слова одного изъ современныхъ „интеллигентовъ", [1]) вызванныя горькимъ сознаніемъ той pente dance, по которой идетъ русскій крестьянскій людъ въ наши дни умственнаго и нравственнаго шатанія. Но чего хочетъ онъ и ему подобные, кто эта „интеллигенція", которую зоветъ онъ для созидательной работы новаго міросозерцанія народу и новыхъ формъ его жизни?

Чего хочетъ онъ и ему подобные? Школы!

Школа! Вотъ кличъ, который теперь раздается отовсюду. Школа! вопитъ „мыслящій интеллигентъ", который самъ не успѣлъ доучиться, убоявшись бездны премудрости, но, тѣмъ не менѣе, съ выходомъ изъ 4-го класса гимназіи, записавшій себя въ „передовые"; грамотность, всеобщее обученіе, кричитъ другой, страдающій ѣ-боязнью, внѣшкольное образованіе, воскресныя чтенія, курсы, вечернія классы, библіотеки, читальни,

[1]) Пругавинъ. „Запросы народа и обязанности интеллигенціи", стр. 495.

кричатъ на перебой десятки, сотни и тысячи голосовъ вездѣ и отовсюду.

Что это? Потребность ли времени, запросы ли народа, жажда ли знаній со стороны крестьянскихъ массъ наконецъ? Нѣтъ, это *суевѣріе*.

„Вѣра во всемогущество школы, пишетъ Гербертъ Спенсеръ, въ книжные уроки и чтенія, принадлежитъ къ числу главныхъ суевѣрій нашего времени".

Надъ этимъ стоитъ остановиться

Тойнби въ Англіи, Ульманъ, Біерсонъ—въ Норвегіи призываютъ къ служенію народу, говорятъ о необходимости искупить историческую несправедливость—забвеніе *людьми науки* рабочихъ массъ. Но „тамъ" призываются *люди науки*, здѣсь, у насъ, *интеллигенція*. Здѣсь доморощенные Кильды и Грунтвиги [1]) предлагаютъ свои проекты, свои планы, несутъ свои программы, бьютъ въ набатъ съ цѣлью получить доступъ къ „темному народу".

Школа, всеобщее обученіе! Два съ половиной столѣтія тому назадъ Яномъ Амосомъ Коменскимъ,—творцомъ народной школы въ Европѣ,—была провозглашена необходимость всеобщности образованія [2]), но и два съ половиной столѣтія тому назадъ за школой было признано громадное воспитательное значеніе (officinae Humanitatis) и полная зависимость отъ воли направляющихъ ее, духовнаго склада ея питомцевъ [3]) (Praeceptoris est valde velle). Каковъ же духовный складъ тѣхъ, которые стремятся отвѣтить на запросы народа, знакомы ли имъ запросы эти, какова программа ихъ, кто она, эта „интеллигенція", пишущая объ этихъ запросахъ, идущая въ села имъ на встрѣчу?

Бондарь и сапожникъ, кузнецъ и столяръ, пекарь и портной, всякій изъ нихъ, раньше, чѣмъ стать мастеромъ, проходитъ тяжелую школу подмастерья, всякій изъ нихъ подготовляется къ своему ремеслу, отъ всякаго изъ нихъ требуется знаніе своего дѣла и только здѣсь, въ вопросахъ образованія и воспитанія народнаго, лицами, а имя имъ легіонъ, провозглашающими принципъ свободы школы, слово „интеллигенція" заключаетъ въ селѣ право учить, поучать, наставлять, развивать и вести по пути къ истинѣ и свѣту.

Въ воспоминаніяхъ о Сократѣ, Ксенофонтъ рисуетъ по-

---

[1]) Піонеры крестьянскихъ университетовъ въ Даніи.

[2]) Did. Mag. cap. IX, X.

[3]) См. Миропольскій „Задачи, планы, основы устройства нашей народной школы", стр. 18 слѣд.

учительную картину. Двадцатилѣтній Главконъ-воинъ стремится попасть въ государственные люди и, горя желаніемъ привлечь къ себѣ любовь народную, безпрестанно произноситъ публичныя рѣчи; онъ является къ Сократу и между ними происходитъ разговоръ:

Сократъ.—Я слышу, Главконъ, тебѣ хочется стать у кормила правленія, не такъ ли?

Главконъ.—Да, Сократъ, хотѣлъ бы.

Сократъ.—Какой завидный удѣлъ управлять государствомъ, какъ много добра можно принести родинѣ, какъ высоко себя поставить, какъ быть превознесеннымъ... Но, думается мнѣ, и ты, быть можетъ, согласишься, что такая честь не приходитъ даромъ, что нужно заслужить ее?

Главконъ.—О, несомнѣнно, Сократъ.

Сократъ,—Итакъ, скажи мнѣ, съ чего бы ты началъ.—(Главконъ молчитъ, онъ не думалъ еще, съ чего бы ему начать).—Вотъ, напримѣръ, твердитъ—казна для государства всего нужнѣе, ты несомнѣнно озаботился бы прибавить ей доходовъ, не такъ ли?

Главконъ.—Да, конечно, такъ.

Сократъ.—Прекрасно, но съ чего бы ты здѣсь началъ. Ты знаешь, должно быть, съ какихъ статей казна получаетъ доходы, сколько съ чего, и откуда?

Главконъ.—Нѣтъ, къ сожалѣнію, не знаю въ точности.

Сократъ.—Но, можетъ быть, ты скажешь: какіе расходы, по-твоему, излишніе. Что-бы ты хотѣлъ въ нихъ сократить.

Главконъ.—Нѣтъ, Сократъ, мнѣ недосугъ было объ этомъ подумать; да впрочемъ и думать объ этомъ много не приходится, ибо можно всегда пополнить казну на счетъ непріятеля.

Сократъ.—Вѣрно, но для этого нужно побѣдить его, осилить, иначе онъ еще и твое отниметъ. Итакъ, если полагаешься на результатъ войны, нужно знать силы свои и непріятеля, скажи-же, какія наши морскія и сухопутныя силы и силы врага.

Главконъ.—Въ одну минуту, сразу, не могу сосчитать.

Сократъ.—Пустое, если у тебя записано, сочтемъ вмѣстѣ. (Но у Главкона ничего не записано).

Сократъ.—Ладно, оставимъ и это, этому еще у тебя часъ не приспѣлъ, видно. Но, ты знаешь, вѣроятно, въ какомъ положеніи внутренняя охрана государства, въ какомъ положеніи посты внутренней стражи государства, гдѣ мало ихъ и нужно ихъ прибавить, гдѣ много ихъ и нужно уменьшить.

Главконъ.—Правду сказать тебѣ, я бы ихъ всѣ уничто-

жилъ, плохая стража у насъ, воруютъ такъ, что никто не убережется.

Сократъ. Но, другъ мой, если поступить по твоему, то станутъ грабить еще свободнѣе, днемъ; да, впрочемъ, знаешь ли ты, что это такъ и что полиція наша никуда не годится?

Главконъ.—Такъ кажется мнѣ, такъ отовсюду слышу.

Сократъ.—Нѣтъ, Главконъ, здѣсь нужно знать, а не предполагать только. Но оставимъ и это Ты хочешь вотъ править государствомъ, скажи же мнѣ: каково потребленіе Аѳинами за годъ пшеницы, каковъ запасъ ея у насъ, сколько ея необходимо закупить.

Главконъ.—Сократъ, развѣ можно все это знать. Какой гигантскій трудъ необходимо предпринять, чтобы тебѣ отвѣтить.

Сократъ.—Но, вѣдь, это важно, Главконъ. Домомъ своимъ нельзя управлять, не зная, сколько чего для него необходимо; легче ли управлять государствомъ...

Главконъ отходитъ отъ Сократа вразумленнымъ, съ сознаніемъ неопытности своей, перестаетъ произносить публичныя рѣчи и начинаетъ учиться.

Эту старинную исторію кстати припомнить въ настоящее время, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ[1]), когда вся земля кишитъ Главконами, стремящимися къ государственной дѣятельности на поприщѣ всевозможныхъ преобразованій... только въ ту пору былъ Сократъ, .. а въ наше скудное время нѣтъ Сократа, да если бы и былъ онъ, Главконы наши не пошли бы къ нему и не стали бы его слушать; пустыя рѣчи ихъ звучатъ въ собраніи подобныхъ же имъ слушателей, надувая оратора непобѣдимымъ самодовольствомъ и непогрѣшимой самоувѣренностью".

Какая истина! Куда не посмотришь, вокругъ Главконы. Но Главконы о *себѣ* радѣющіе не страшны и не опасны; язва общественная—тѣ, что выступаютъ радѣтелями о меньшей братіи, что несутъ ей свой трудъ, что идутъ къ ней въ цѣляхъ поднять ее умственно, не будучи знакомыми съ духовными запросами и міросозерцаніемъ того народа, который долженъ стать объектомъ ихъ просвѣтительной работы.

„Интеллигенція", вотъ тотъ источникъ, который долженъ дать и свѣтъ, и жизнь народной массѣ, въ комъ видятъ спасеніе русскіе демагоги, призывающіе ее къ работѣ, къ святому дѣлу ученія и воспитанія народа.

„Интеллигенція"—вотъ среда, которая полна Главконами,

---

[1]) Побѣдоносцевъ. „М. Сб.", стр. 249.

которая привела уже народъ къ тому состоянію, на которое указываетъ г. Пругавинъ, въ цѣляхъ выставить это состояніе *причиной* и поводомъ къ намѣченной имъ работѣ для интеллигенціи, тогда какъ это печальное состояніе, замѣчаемое то здѣсь, то тамъ въ средѣ народной, есть *слѣдствіе* работы, отчасти уже совершенной интеллигенціей имъ зовомой. Да кто же она такая? „Кто установилъ ее, имѣетъ-ли она возможность исполнить эту обязанность, что подразумѣвается подъ нею [1])? Таковъ рядъ вопросовъ, который поднимается даже изъ того лагеря, со стороны котораго въ данномъ случаѣ, казалось, говоритъ съ горечью г. Пругавинъ, менѣе всего можно было ожидать ихъ, и предисловіе книги своей „Запросы народа и обязанности интеллигенціи“ посвящаетъ полемикѣ съ академикомъ Пыпинымъ, возбудившимъ эти вопросы. Суть ея въ слѣдующемъ: Въ журналѣ либеральномъ, въ журналѣ ярко окрашенномъ космополитическимъ духомъ и поклоненіемъ западничеству, А. Н. Пыпинъ тѣмъ не менѣе, разбирая трудъ Пругавина, считаетъ возможнымъ сказать по поводу его книги: „Авторъ книги поступилъ бы вѣрнѣе, говоритъ онъ, если бы сами запросы народа поставилъ дѣломъ не рѣшеннымъ, а искомымъ, и если бы „обязанности“ направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, совершенно неорганизованный и, наконецъ, не имѣющій ни права ни возможности распоряжаться народной школой и грамотностью, а къ тѣмъ вѣдомствамъ правительственнымъ, городскимъ и земскимъ, которыя имѣютъ власть надъ народной школой, или имѣютъ извѣстное право участія въ ея устройствѣ: это—Министерство Народнаго просвѣщенія, духовное, военное и иныя вѣдомства, имѣющія свою школу, наконецъ городское и земское представительство. Въ этой постановкѣ дѣло было бы совершенно ясно: писатель, принимающій къ сердцу интересы народной грамотности и образованія, обращался бы прямо къ тѣмъ властямъ или тѣмъ представителямъ общества, которые имѣютъ дѣйствительное право и возможность принимать тѣ или другія общія мѣры по этому предмету. Когда, вмѣсто того, онъ обращается къ интеллигенціи, онъ ставитъ вопросъ на чрезвычайно колеблющуюся почву: „интеллигенція“, какъ таковая, не можетъ принимать никакихъ мѣръ; если бы даже она, вслѣдствіе убѣжденія автора, увѣрилась въ необходимости работать для народной школы, она, въ нынѣшнихъ условіяхъ дѣла, не имѣла бы ни

[1]) Пыпинъ. Народная Грамотность „Вѣстникъ Европы“, 1891 г., Янв. стр. 255 слѣд.

малѣйшаго права вмѣшательства въ это дѣло и вся въ цѣломъ своемъ составѣ была бы безсильна передъ первымъ инспекторомъ народныхъ училищъ" и далѣе:

„Какъ ни заслуживаетъ уваженія любовь къ ближнему и филантропіи,—намъ кажется, что столь великое дѣло, какъ народное образованіе, не можетъ быть основываемо на одной филантропіи. Такимъ образомъ, вопросъ, который авторъ книги, повидимому, хотѣлъ поставить весьма универсально, въ сущности, поставленъ очень тѣсно". Филантропія есть несомнѣнно прекрасное дѣло, но ставить удовлетвореніе потребностей „стомилліонной массы русскаго народа" въ зависимость отъ пожертвованія, т. е. отъ подаянія, намъ кажется даже унизительно для достоинства этой стомилліонной массы...". „Мы должны бы, кажется, весь вопросъ ставить иначе—развивать мысль не о томъ, что какая-то „интеллигенція" обязана за что-то расплатиться съ народомъ, устраивая для него филантропическія школы, а о томъ, чтобы народное образованіе, независимо отъ всякой личной филантропіи, поставлено было тѣмъ нормальнымъ образомъ, какимъ оно могло быть, и было поставлено у другихъ народовъ, чтобы народъ пользовался извѣстной долей образованія не вслѣдствіе случайной благотворительности, а въ правильномъ, законномъ порядкѣ вещей... Одно государство въ состояніи принять широкія и обязательныя мѣры по устройству народной школы: усиливъ бюджетъ на народное просвѣщеніе, оно въ нѣсколько лѣтъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлаетъ частная филантропія въ десятки лѣтъ" (стр. 278—279).

Г. Пругавинъ ему возражаетъ: „У насъ въ Россіи, говоритъ онъ, гдѣ дѣло начальнаго народнаго образованія находится, можно сказать, въ полномъ загонѣ и пренебреженіи, гдѣ заботятся не столько о развитіи этого дѣла, сколько о контролѣ и надзорѣ за нимъ, гдѣ на школы, на подготовку и содержаніе учителей, на библіотеки и т. п. тратятся лишь жалкія крохи изъ огромнаго бюджета,—у насъ, въ виду этого, необходимость въ широкомъ развитіи частной инициативы является еще болѣе неотложной, еще болѣе настоятельной.

Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія есть такія области, которыя вездѣ и всегда были достояніемъ частной инициативы и въ которыхъ государство обыкновенно не играло почти никакой роли. Къ числу подобнаго рода задачъ слѣдуетъ прежде всего отнести изданіе книгъ для народа и возможно болѣе широкое распространеніе ихъ въ народной средѣ. Разрѣшеніе этихъ именно задачъ, а также вопросовъ, неразрывно связан-

ныхъ съ ними, и составляло главную важнѣйшую задачу нашего труда.

Вмѣсто того чтобы обращаться къ подлежащимъ вѣдомствамъ, которыя нерѣдко бываютъ слишкомъ равнодушны и глухи къ нуждамъ и интересамъ народнаго просвѣщенія, мы предпочли адресоваться ко всѣмъ образованнымъ людямъ страны, совершенно независимо отъ того, являются или не являются эти лица представителями тѣхъ вѣдомствъ, которыя имѣютъ право и возможность принимать различныя мѣры. Но такъ какъ всѣ представители вѣдомствъ, безъ сомнѣнія, люди болѣе или менѣе образованные, культурные, то поэтому и наше обращеніе, наши призывы, направленные къ интеллигенціи вообще, относятся, разумѣется, въ равной степени и къ нимъ, какъ и ко всѣмъ образованнымъ людямъ, обыкновеннымъ смертнымъ, непринадлежащимъ ни къ какому вѣдомству. Выдѣлять же представителей вѣдомствъ изъ общей массы интеллигентныхъ людей и къ нимъ предпочтительно адресоваться со своими обращеніями мы не имѣли никакихъ основаній, такъ какъ кому же не извѣстно, что принадлежность къ вѣдомствамъ нерѣдко, къ сожалѣнію, кладетъ особую печать на своихъ представителей, дѣлаетъ ихъ менѣе воспріимчивыми, замѣняя живое горячее отношеніе къ дѣлу формальнымъ, рутинымъ, чиновничьимъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей".

Такъ говоритъ г. Пругавинъ.

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, какъ подписались бы подъ каждымъ словомъ г. Пругавина лучшіе русскіе люди, если бы его credo и credo того многочисленнаго класса, который имъ призывается на службу народу, совпадало-бы съ историческимъ міровоззрѣніемъ этого народа, ибо нѣтъ спору въ томъ, что смѣшонъ режимъ кулака въ дѣлѣ образованія и воспитанія народнаго и что только временное, вызванное политическими событіями родного края, помраченіе ума общественныхъ классовъ можетъ толкать всякое правительство на путь крайнихъ и односторонніхъ увлеченій.

Такъ смѣшна намъ нынѣ фантазія національнаго воспитанія, предложенная Фихте въ Германіи, путемъ конскрипціи въ языческомъ духѣ Ликургова закона, смѣшны фантастическіе планы воспитанія Гете, непонятны мечтанія во Франціи Фурье о коммунистическомъ воспитаніи и образованіи народномъ въ фаланстерахъ, но, когда видишь эти крайности, невольно остановишься на причинахъ, ихъ вызвавшихъ, ибо всякая репрессія является не ex ungue leonem, а слѣдствіемъ назрѣвшей необходимости.

И если въ тѣхъ странахъ, конституціи коихъ открыт
провозглашать Lehr- und Lernfreiheit, la liberté d'énseig
nement, возможны лучшіе голоса въ защиту необходимост
самыхъ строгихъ правительственныхъ мѣропріятій въ дѣл
образованія народнаго, если тамъ, гдѣ бытовыя условія на
рода, соціальное устройство и классовыя его отношенія ко
реннымъ образомъ рознятся отъ исконнаго нашего русскаг
строя, если тамъ понятны эти консервативныя, охранительны
рѣчи и рядъ законодательныхъ въ ихъ духѣ актовъ, то на
сколько важнѣе, насколько серьезнѣе должна быть у нас
защита народа отъ поступательнаго движенія къ нему „интел
лигенціи", чуждой ему по духу, по міровоззрѣнію, способно
расшатать его въ корнѣ духовно и, съ обрывками знаній
провозглашаемыхъ *какъ просвѣщеніе, какъ поднятіе его само
сознанія*, влить въ чистую душу его ядъ умственнаго шатанія
духовной скудости и нравственной порчи.

Гдѣ видимъ мы въ намѣчаемыхъ интеллигенціею задачах
„расплаты съ народомъ" заботы о сохраненіи его характер
объ образованіи этого характера, объ „утвержденіи сознани
личной отвѣтственности каждаго", о поднятіи нравственнаг
уровня массы, что неизмѣримо важнѣе знанія, если грамо
ность только можетъ быть имъ названа, ибо грамотность, г
воря словами И. Аксакова, „не опредѣляетъ человѣку нра
ственнаго образа дѣйствій, или пути въ жизни; а можетъ посл
жить къ добру, но также и къ составленію подложныхъ актовъ

Предъ нами десятки, сотни, тысячи примѣровъ высоко
степени образованія, уживавшагося съ самой низкой степень
нравственнаго уровня. Бэконъ и Мальборугъ, Гегель, Нап
леонъ и Байронъ, не служатъ ли они поразительными обра
цами умственнаго богатства, геніальности и вмѣстѣ съ тѣм
духовной нищеты. Съ моральной точки зрѣнія, говоритъ Блэк
Наполеонъ I жилъ и умеръ убогимъ бѣднякомъ; точно така
весь блескъ величія Байрона былъ въ сущности странны
примѣромъ нравственнаго паденія [1]). Что же сказать о народ
начиняемомъ умственно, безъ души, безъ сердца, безъ пон
манія того, чего онъ хочетъ, къ чему стремится, чего ищет

„Въ политическомъ отношеніи, говоритъ Mohl, всѣ прав
пріобрѣтенныя въ послѣднія времена народомъ, безъ соотвѣ
ственнаго образованія сдѣлаются истиннымъ ящикомъ Пандор
изъ котораго только несчастія могутъ излиться на челов

[1]) Пр. Ярошъ. „Современныя задачи нравственнаго воспитанія
1893 г., стр. 52 слѣд.

чество“ [1]). Нѣтъ, мало этого; сила не въ одномъ лишь запасѣ знаній, сила въ духѣ, сила въ вѣрѣ, сила въ умственной правдѣ, сила въ любви. Si vis me flere dolendum est primum ipsi tibi!—вотъ золотыя слова, которыя должны бы были стать лозунгомъ каждаго изъ той среды, что, мня себя солью земли русской, стремится къ народу, дабы отвѣтить ему на его запросы и „заплатить ему свой долгъ“. Но, она не знаетъ ихъ,—этихъ запросовъ, вѣрнѣе, не хочетъ ихъ знать, а пока нѣтъ этого, пока даже лучшіе, наиболѣе честные, наиболѣе духовно высокіе и чистые (а какъ мало ихъ!) представители ея видятъ въ желаніи направить образованіе и воспитаніе народное по его *историческому* руслу черту „ретроградnаго націонализма“, пока смотрятъ на изученіе коренныхъ свойствъ русскаго народа, какъ на поклоненіе „зооморфическому идолу“, пока признаютъ это „зоологическимъ патріотизмомъ“, пока высмѣиваютъ его, признавая самосознаніе—самодовольствомъ, священные идеалы націоналистовъ—идолами, и твердятъ: „φυλάξατε ἑαυτοὺς ἀπὸ τῶν εἰδώλων“—покиньте псевдо патріотическій обскурантизмъ, берегитесь идоловъ, уйдите отъ самодовольной замкнутости“ [2]), пока это *есть*, къ народу *не должны быть* допускаемы новаторы, нивеллирующіе *по своему* бытъ его, эти „лучшіе люди“, эта „интеллигенція“.

Ушинскій утверждалъ, что народный идеалъ человѣка видоизмѣняется въ каждомъ народѣ по сословіямъ, но что всѣ эти видоизмѣненія носятъ одинъ и тотъ же національный типъ въ разныхъ степеняхъ его развитія, что въ глубинѣ души каждаго, принадлежащаго къ извѣстному народу, шевелятся черты національнаго идеала. Если бы это было такъ! Но нѣтъ, „русская интеллигенція и русскій народъ—двѣ несовмѣстимыя вещи и всякія попытки совмѣстить ихъ... только мѣшаютъ народу идти по своему собственному пути“,—вотъ горькія слова одного изъ лучшихъ интеллегентовъ [3]), „отказавшагося отъ идеи хожденія въ народъ“, „служенія народу“, „устроенія земли русской“.

Какъ варяго-руссы не съумѣли „устроить Русскую землю“, такъ и теперешняя интеллигенція не съумѣетъ этого сдѣлать, и только задерживаетъ народъ своими неумѣлыми, неудачными поползновеніями, такъ пишетъ эмигрантъ Тверской. „Хожденіе въ народъ“ продолжаетъ онъ, „служеніе народу“, „братство“

[1]) Mohl Staatsrecht, Völkerrecht und Politik III, II, 27.

[2]) В. Соловьевъ. Нац. вопросъ въ Россіи 1891 г.

[3]) П. А. Тверской, см. „Русск. Мысль“ 1895 г., VII, стр. 35.

и все имъ подобное только вредитъ дѣйствительному прогрессу,—пусть самъ народъ добивается этого прогресса, и если мы, интеллигенція, не будемъ у него на пути съ нашими непонятными, ненавистными ему пріемами, онъ скорѣе выбьется изъ тьмы на свѣтъ. Я пришелъ къ этому убѣжденію послѣ десятилѣтней жизни въ деревнѣ, послѣ десятилѣтней искренней, горячей, молодой борьбы со „всемірнымъ зломъ". У меня были и силы, и средства,—я не былъ интеллигентъ-пролетарій безъ связи съ окружающимъ меня мужикомъ, а мѣстный житель, предки котораго 600 лѣтъ сидѣли на одномъ гнѣздѣ. Я былъ богатъ и молодъ, молодъ и задоренъ,—безъ малѣйшихъ личныхъ эгоистическихъ мотивовъ,—былъ самымъ молодымъ изъ предводителей дворянства и предсѣдателей управъ во всей Россіи, пользовался неограниченнымъ вліяніемъ во всемъ уѣздѣ и даже губерніи, работалъ горячо и съ самоотверженіемъ,—и только исковеркалъ и собственную жизнь, и жизнь моей семьи, и свой уѣздъ... Если вамъ не лѣнь, найдите въ 1880 и 1881 годахъ мои очерки въ *Вѣстникѣ Европы*... Знайте, что они написаны моею кровью, что въ нихъ я исповѣдывался передъ моими друзьями, а ихъ въ то время у меня было много по всей интеллигентной, слѣдившей за земской жизнью Россіи, публикѣ, и что и до настоящей минуты я глубоко убѣжденъ, что я былъ правъ въ моихъ выводахъ... Я мыкался до 188.. года, когда сдѣлалось до того душно, что я ушелъ съ родины. Думаю, что *это былъ единственный шагъ, которымъ я дѣйствительно принесъ пользу русскому народу*".

Какъ понимаетъ задачи „прогресса" эмигрантъ Тверской другой вопросъ, но нельзя не согласиться съ его конечнымъ выводомъ: „мы („интеллигенція"), говоритъ онъ, не только не можемъ помочь народу, но и несомнѣнно ему вредимъ всякимъ нашимъ движеніемъ, всякимъ нашимъ словомъ, какъ бы искренно, честно и горячо оно ни было!"

Такъ говоритъ, такъ думаетъ лучшій представитель интеллигенціи, но какъ жалка она, во всей совокупности своей, мятущаяся, радѣющая о народѣ, *въ образованіи его видящая не благородную цѣль, а способъ и средства къ достиженію своей цѣли*; какъ жалка она, не желающая считаться съ нимъ, стремящаяся передѣлать его на свой ладъ, вытравляющая изъ него то, чѣмъ онъ живъ былъ десятки и сотни лѣтъ, съ цѣлью сдѣлать его вслѣдъ за симъ послушнымъ орудіемъ своей воли!

Прислушаемся же къ тому, чего она хочетъ, о чемъ проповѣдуетъ въ средѣ народной, что привѣтствуетъ въ ней

какъ зорю новой жизни Россіи и свѣтлаго ея будущаго, вглядимся въ ея нравственный обликъ. Вотъ рядъ ея героевъ.

VI.

Въ книгахъ „Внѣшкольное образованіе народа", „Народныя чтенія" и „Всеобщее обученіе" г. Вахтеровъ выступаетъ съ программами самаго широкаго образованія народа—„интеллигенціею" и земствомъ.

„Обученіемъ грамотѣ населенія не должны заканчиваться возложенныя закономъ на земство работы о просвѣщеніи народа" [1]), говоритъ онъ словами ревизіонной коммиссіи Полтавскаго земства, въ одномъ мѣстѣ своего труда. „жизнь съ неудержимой силой влечетъ насъ къ демократизаціи просвѣщенія, къ распространенію накопленныхъ знаній всюду, среди самыхъ низкихъ, самыхъ темныхъ, самыхъ косныхъ слоевъ населенія", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ и эти слова могутъ быть поставлены эпиграфомъ всѣхъ трехъ вышеназванныхъ его работъ.

Идея этихъ книгъ одна, но въ характерѣ ихъ изложенія замѣтна существенная разница. Книги „Внѣшкольное образованіе" и „Народное чтеніе" представляютъ собою почти сплошь отзывы лицъ, земствъ и связанныхъ съ ними учрежденій по вопросамъ о задачахъ интеллигенціи въ области школы и группировку этихъ отзывовъ; книга же „Всеобщее обученіе" представляетъ собою анализъ причинъ, тормозящихъ у насъ въ Россіи дѣло народнаго образованія, и указываетъ на задачи будущаго. Остановимся на первой.

Сельскія библіотеки, книжные склады, воскресныя школы повторительные классы—вотъ три вопроса, разсматриваемые авторомъ въ его „Внѣшкольномъ образованіи народа".

Въ отдѣлѣ „Сельскія библіотеки" авторъ выступаетъ прежде всего ярымъ противникомъ сообщенія дѣтямъ даже путемъ внѣшкольнымъ какихъ-либо другихъ свѣдѣній кромѣ общеобразовательныхъ. „Ершовъ, инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, говоритъ Вахтеровъ", въ своемъ письмѣ ко мнѣ сообщаетъ: „Предполагается открыть библіотеки при школахъ Юрьевскаго и Переяславскаго уѣздовъ, по типу, рекомендованному вами, причемъ въ одну группу проектируется соединить 9—10 школъ". Находя, что путь, указываемый комитетомъ грамотности къ развитію и укрѣпленію знаній въ народѣ, правильный, онъ прибавляетъ, что

[1]) Вахтеровъ. Внѣшнее обр. нар., стр. 21.

на устройство общеобразовательныхъ учрежденій, указанныхъ комитетомъ, должна быть въ настоящее время направлена вся энергія лицъ, близко стоящихъ въ школѣ, не отвлекаясь въ сторону огородничествомъ, ремеслами и т. п.

„Вопросъ, поднятый г. Ершовымъ, продолжаетъ Вахтеровъ, какъ извѣстно, разсматривался и въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности, высказавшемся въ томъ смыслѣ, что школа должна сохранить общеобразовательный характеръ. Это не значитъ, конечно, что въ составъ библіотекъ не должны входить книги по огородничеству, пчеловодству, садоводству, кустарному дѣлу и проч., а значитъ только, что учебное время нельзя безъ вреда для дѣла отнимать на занятія, очень почтенныя сами по себѣ, но неимѣющія никакого отношенія къ задачамъ начальной школы“ [1]) Затѣмъ авторъ, отозвавшись съ презрѣніемъ о Чернскомъ, Тульской губерніи, земствѣ написавшемъ ему: „Бѣда, если въ какомъ населеніи всѣ будутъ грамотные и очень даже грамотные, да не будетъ въ немъ ни одного ремесленника“, переходитъ къ описанію „отрадныхъ“ картинъ, той жажды къ „хорошей книгѣ, которую проявляетъ народъ“. Онъ указываетъ, какъ рабочіе спичечной фабрики читали книги послѣ 8 часовъ вечера по окончаніи работъ и просиживали ночи за „хорошей“ книжкой [2]), онъ даетъ перечень книгъ, прочитанныхъ за зиму нѣкоторыми подписчиками изъ народа, и какъ на примѣръ, достойный всяческаго подражанія, указываетъ на одного писаря В. и мастерового Г. прочитавшихъ за зиму слѣдующія произведенія: *Писарь В*: Лермонтовъ, „Новые люди“, Мордовцева, „Психологія“ Селли, Толстой, Шиллеръ, Дарвинъ, „Отцы и дѣти“, Тургеневъ, Екатерина Великая“ (біогр.), „Обломовъ“ Гончарова, „Миръ чрезъ Симона“ (изд. Павленкова), „Любовь до эшафота“, „Грядущая раса“, „Духовидецъ“ Шиллера, „Императоръ“ Эберса, „Гамлетъ“, „Царь и гетманъ“ Мордовцева, „Въ небесахъ“ Фламмаріона, Успенскій [3]). *Мастеровой Г*: „Рудинъ“, „Большая медвѣдица“ Крестовскаго, Некрасовъ, Байронъ, „Жизнь и поэзія Лермонтова“, Надсонъ, Писемскій—„1000 душъ“, „Рыбаки“ Григоровича, „Во время оно“ Уоллеса, „Углекопы“, Толстой, Щедринъ, Толстой, Байронъ, журналъ „Вѣстникъ Европы“, „Заря новой жизни“, „Униженные и оскорбленные“ Достоевскаго, его же „Преступленіе и наказаніе“. Лягнувъ Черское земство, онъ съ умиленіемъ выписываетъ изъ „Самар-

[1]) Вахтеровъ. Внѣшк. Обр. Нар. стр. 13 слѣд.

[2]) Назв. соч. стр. 17.

[3]) Вахтеровъ. Внѣшк. Обр. Нар., стр. 54.

ской газеты" письмо *интеллигентнаго* крестьянина, задумавшаго открыть въ своемъ селѣ безплатную читальню исключительно на частныя пожертвованія. Какъ характерно это письмо. „Нельзя сказать, пишетъ этотъ крестьянинъ, чтобы дѣло шло хорошо. Сосѣдніе помѣщики, на библіотеки которыхъ я дѣлаю набѣги, ссужаютъ меня старыми и разрозненными журналами, романами безъ начала и конца и прочею литературною ветошью. И это еще самые гуманные; а то есть такіе, что, обругавъ меня дуракомъ, безъ дальнихъ словъ выпроваживаютъ въ шею. Сельское начальство тоже косится и старается на каждомъ шагу подставить ножку. Крестьяне, противъ обыкновенія, сильно интересуются и высказываютъ сочувствіе,—не всѣ конечно: много и такихъ, которые чуть не въ глаза называютъ меня „пройдохой", который въ концѣ концовъ „облапошитъ дураковъ", т. е. „любителей чтенія". Но у сочувствующихъ нѣтъ денегъ, и „рука не протягивается взять его гривенникъ, когда знаешь, что у него соли нѣтъ". И несмотря на такую бѣдность, говоритъ Вахтеровъ, вотъ трогательная сцена, которая описывается дальше въ письмѣ: „Когда пришлось посылать просьбу о разрѣшеніи на открытіе читальни, потребовалось два рубля гербоваго сбора. Мнѣ нигдѣ не могли найти такой громадной суммы Я сидѣлъ на завалинкѣ, ломая голову, гдѣ-бы достать два рубля. У меня были новые сапоги, за которые даже здѣсь, въ деревнѣ, дали бы 2 рубля, но разстаться съ сапогами было жалко... Подходятъ трое мужиковъ, грязные, запыхавшіеся, и, какъ бы стыдясь своего увлеченія, тычутъ мнѣ въ руку два двугривенныхъ и гривенникъ. Оказывается, что всѣ они обѣгали всю деревню, и только троимъ посчастливилось найти 50 коп." [1]). Деньги эти однако не были взяты, восклицаетъ г. Вахтеровъ, и на уплату гербоваго сбора пошли новые сапоги; вмѣстѣ съ публицистомъ Я. Абрамовымъ онъ возмущается далѣе отсутствіемъ просвѣщенной инициативы въ Ставропольской губерніи, шлетъ упреки Смоленскому земству, для котораго „какъ-будто не существуетъ закона, возложившаго на уѣздныя и губернское земства заботы о начальномъ народномъ образованіи, останавливается на уставахъ и организаціяхъ народныхъ библіотекъ земствъ, представившихъ самую широкую инициативу „интеллигенціи" въ постановкѣ въ селахъ этого дѣла (Новохоперское и Вольское земства), и ратуетъ за самое широкое привлеченіе частныхъ лицъ къ участію въ сельскихъ библіотекахъ.

[1]) Вахтеровъ. Внѣшн Обр. Нар., стр. 23

Второй отдѣлъ своей книги „Внѣшкольное образованіе народа" г. Вахтеровъ посвящаетъ книжнымъ складамъ въ провинціи.

Одна за другой проходятъ въ этой главѣ картины земскихъ книжныхъ складовъ и параллельно безпощадное порицаніе изданій лубочныхъ, къ замѣнѣ коихъ эти склады предназначены.

„По свѣдѣніямъ, собраннымъ Московскимъ комитетомъ грамотности, говоритъ Вахтеровъ, въ 1892 году издано лубочной литературы 3.929,200 экземпляровъ, т. е. почти 4 милліона, причемъ комитетъ оговаривается, что зарегистрированы были еще не всѣ книги. На сельскихъ базарахъ въ мелкихъ лавочкахъ и офенями продаются книги по преимуществу лубочной литературы. Покупателемъ этихъ книгъ является исключительно деревенскій людъ. Въ лубочной литературѣ рѣдко можно встрѣтить порядочную книжку, большій же процентъ этихъ книгъ—прямо вреденъ, развивая страсти къ грубымъ и кровавымъ сценамъ и увеличивая въ народѣ суевѣрія. Чтобы понять тотъ вредъ, какой приноситъ лубочная литература неокрѣпшему умственно и нравственно читателю деревни, необходимо ознакомиться съ нею ближе. Другая отличительная сторона лубочной литературы та, что тождество названій съ хорошими книжками вводитъ покупателя въ обманъ, и купленная книжка представляетъ изъ себя или плохое подражаніе подлиннику, а иногда не имѣетъ съ нимъ рѣшительно ничего общаго, кромѣ заглавія. Отличительною же чертою этой литературы для народа является и небрежность изданія. Книги печатаются на тонкой, промокающей бумагѣ, дурнымъ шрифтомъ, крайне безграмотно, нерѣдко съ пропусками цѣлыхъ главъ разсказа, иногда съ картинками, ничего не имѣющаго общаго съ текстомъ"[1]). За то изящныя изданія земскихъ складовъ! и г. Вахтеровъ продолжаетъ ихъ описаніе.

Въ книгѣ г. Вахтерова нѣтъ прямого указанія на характеръ этихъ складовъ и только по нѣкоторымъ предъявляемымъ населеніемъ къ нимъ запросамъ легко догадаться о томъ, чего въ нихъ недостаетъ и что ими игнорируется. „Многіе просятъ выписать евангелія какъ на русскомъ, такъ и на славянскомъ языкахъ, стоющія по 14 коп., пишетъ нѣкто Усачовъ, очевидно учитель, изъ с. Красноселья въ Александрійскій земскій складъ.

---

[1]) Вахтеровъ. Внѣшк. Обр. Нар., стр. 36.

„Въ слѣдующій разъ слѣдуетъ выслать побольше евангелій и книгъ цѣною до 5 коп.“, пишетъ изъ Новгородки въ тотъ же складъ учитель Сошкинъ.

„Желательно было бы, чтобы въ числѣ книгъ для продажи было побольше доступныхъ пониманію учениковъ 1-го и 2-го отдѣленій, такъ какъ таковыхъ большинство; для нихъ годились бы сказки, а также житія святыхъ“, пишетъ въ складъ изъ Варваровки учитель З. Пихай.

„Покупаютъ книги, пишетъ въ складъ изъ села Дмитровки учитель Каракачъ, какъ учащіеся, такъ и взрослые крестьяне; послѣдніе однако нѣсколько разъ заявляли, что они охотнѣе покупали бы книжки болѣе серьезнаго содержанія чѣмъ тѣ, которыя имъ предлагались“. Таковы требованія народа, но склады очевидно имѣютъ свои задачи и до этихъ требованій имъ дѣла нѣтъ.

Понять эти задачи не трудно, доискаться цѣли работы такихъ складовъ легко, ибо недомолвки въ книгѣ г. Вахтерова ярко освѣщаются откровеннымъ признаніемъ той интеллигенціи, которая призывается имъ къ работѣ „надъ народомъ“. Въ Орлѣ существуетъ комитетъ народныхъ чтеній, устроившій свой книжный складъ дешевыхъ народныхъ изданій. Цѣль склада характеризуется слѣдующими двумя пунктами его программы.

1. Цѣль склада—воспитывать въ читателѣ изъ народа чувства *человѣческаго и гражданскаго достоинства*. Для этого въ складѣ должны быть книги: 1) сообщающія знаніе *правъ* и обязанностей; 2) указывающія наилучшіе пути *для защиты правъ* и выполненія обязанностей; 3) воспитывающія въ читателѣ желаніе *защищать свои права* и выполнять свои обязанности; 4) знакомящія съ исторіей *общественныхъ учрежденій*. Этой цѣли могутъ вредить и потому подлежатъ исключенію изъ склада книги: 1) воспитывающія въ читателѣ чувства *національной, сословной и религіозной* нетерпимости и 2) развивающія въ немъ мистицизмъ и индифферентное отношеніе къ жизни общественной.

„2. Цѣль склада—*ознакомить народнаго читателя съ интеллигенціей, какъ передовою частью общества*, стремящеюся къ созданію такихъ общественныхъ условій, которыя способствовали бы умственному, нравственному и физическому совершенствованію личности. Для этой цѣли желательны книги: 1) содержащія свѣдѣнія объ *общественныхъ движеніяхъ* и *той роли, которую играла и играетъ* въ нихъ интеллигенція, и 2) знакомящія съ дѣятелями и типами изъ среды интеллиген-

ціи. Въ виду этой цѣли, въ складъ не должны быть допускаемы книги, въ которыхъ цѣли и стремленія интеллигенціи представляются въ искаженномъ видѣ" [1]).

30 іюня 1895 года началъ свою дѣятельность книжный складъ Черниговскаго земства, поставившій себѣ задачей правильное и своевременное снабженіе училищъ необходимыми предметами школьнаго обученія, а также и распространеніе при посредствѣ уѣздныхъ земствъ полезныхъ книгъ для народнаго чтенія.

Въ складѣ имѣются народныя изданія С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности, Харьковскаго, Кіевскаго и др. обществъ распространенія грамотности, „Народныя чтенія" С.-Петербургской постоянной коммиссіи, изданія журнала „Читальня Народной Школы", „Народныя Чтенія" А. М. Калмыковой, „Народная Библіотека" Маракуева (Прянишникова), изданія „Посредника", журнала „Русская Мысль", „Начальная Школа" Тихомирова и др., а также лучшія книги и картины С.-Петербургскихъ и Московскихъ лубочныхъ изданій [2]). И только! и только! восклицаетъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ современныхъ представителей нашего духовенства священникъ І. Фудель [3]), „ни одного упоминанія, ни одного намека на излюбленныя народомъ изданія нашихъ монастырей и духовно-просвѣтительныхъ братствъ, какъ будто ихъ и не существуетъ или какъ будто устроители народныхъ библіотекъ и книжныхъ складовъ никогда не слышали объ ихъ существованіи".

Указывая далѣе на условія, тормозящія развитіе дѣятельности складовъ, г. Вахтеровъ признаетъ вмѣстѣ съ однимъ изъ учредителей такихъ складовъ серьезнѣйшимъ тормазомъ воспрещеніе продажи въ складахъ всѣхъ одобренныхъ цензурою изданій, находя, что книгъ, допущенныхъ только каталогомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и мало и онѣ дороги, чтобы найти себѣ хоротій сбытъ.

Наконецъ, послѣднія страницы этой главы труда г Вахтерова посвящены любопытному опыту торговли книгами, описанному въ „Вѣстникѣ Европы" г. Яковенко, опыту, предпринятому „двумя интеллигентами", наскучившими бездѣятельностью деревенской жизни.

Подводя итоги работы этихъ „интеллигентовъ", г. Вахтеровъ вмѣстѣ съ г. Яковенко говорятъ: какъ ни кратковре-

[1]) Орловскій Вѣстникъ, № 16, 1895 г.

[2]) Вахтеровъ. Народн. Образ., стр. 122.

[3]) І. Фудель. Народн. образ. и школа, стр. 36.

менна была торговля отставного капитана, но она съ несомнѣнностью убѣждаетъ въ слѣдующемъ: 1) Тотъ мусоръ, которымъ столичные издатели снабжаютъ обыкновенно деревенскій рынокъ подъ видомъ народныхъ книгъ, не засорилъ еще ума и сердца народнаго.

2) Народъ отзывается на всякую хорошую и удобопонятную для него книгу, а также на всякую дѣйствительно полезную; конечно, это происходитъ не сразу.

3) Такихъ книгъ за послѣдніе годы стало появляться немало, но онѣ остаются неизвѣстными народу.

4) Кто же долженъ и кто можетъ, при настоящемъ положеніи вещей, взяться за проведеніе этихъ новыхъ хорошихъ книгъ въ народную массу? Конечно, это—прямое дѣло того русскаго интеллигента, который ищетъ осмысленнаго дѣла въ деревнѣ и почему-либо не желаетъ или не можетъ идти по проторенным уже теперь дорогамъ учительства, фельдшерства и т. д., а чтобы не ввести въ заблужденіе читателя на счетъ того, кто этотъ „интеллигентъ“ г. Вахтеровъ тутъ же даетъ картину: „Года два назадъ, говоритъ онъ, явился ко мнѣ плохо одѣтый молодой человѣкъ, назвавшійся уволеннымъ отъ должности сельскимъ учителемъ за нетрезвую жизнь, и просилъ помощи. Я далъ ему сотни двѣ—три народныхъ улучшенныхъ изданій стоимостью на 2½ руб. и посовѣтывалъ ему продать ихъ въ подмосковной деревнѣ. Черезъ недѣлю онъ пришелъ сказать мнѣ, что выручилъ за эти книги болѣе 17 рублей и купилъ на вырученныя деньги новый полушубокъ, въ которомъ явился на этотъ разъ ко мнѣ. Велика должна быть потребность въ такихъ книжкахъ восклицаетъ Вахтеровъ, если крестьяне платили моему случайному знакомому за каждую книгу среднимъ числомъ всемеро дороже, нежели она стоитъ на книжномъ рынкѣ. Едва ли существуетъ какой-нибудь другой товаръ, который могъ-бы дать продавцу въ одну недѣлю болѣе 600% барыша“.

Третья глава книги г. Вахтерова „Внѣшкольное образованіе народа“, посвящена вопросу о воскресныхъ школахъ и повторительныхъ классахъ.

Авторъ даетъ картину развитія воскресныхъ школъ въ Россіи (открытіе первой послѣдовало 14 октября 1858 г. въ Кіевѣ Попечителемъ учебнаго округа Н. И. Пироговымъ), но съ первыхъ же строкъ, въ силу необходимости, вынужденъ остановиться на причинахъ отрицательнаго отношенія къ нимъ правительственной власти. Картина этого отношенія рисуется и освѣщается г. Вахтеровымъ слѣдующимъ образомъ:

Всего воскресныхъ школъ насчитывалось въ Россіи (къ началу 60-хъ годовъ) около 90. Но вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій въ одной или двухъ воскресныхъ школахъ Петербурга, онѣ были закрыты по мысли генерала Игнатьева Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10 іюня 1862 года: „О пересмотрѣ правилъ о воскресныхъ школахъ и временномъ ихъ закрытіи". Впрочемъ, еще раньше этого священникъ Гумилевскій въ Петербургѣ представилъ учебному начальству о преобразованіи воскресныхъ школъ въ приходскія и о подчиненіи ихъ главному вѣдѣнію приходскихъ священниковъ.

Въ маѣ 1860 года Министръ Народнаго Просвѣщенія, признавая воскресныя школы полезными, предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ правила о наблюденіи за ними, ограничивъ объемъ преподаванія въ нихъ Закономъ Божіимъ, чтеніемъ, письмомъ и счисленіемъ, а выборъ учебниковъ—каталогами книгъ, одобренныхъ учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1861 году по Высочайшему повелѣнію было сдѣлано по духовному вѣдомству распоряженіе о назначеніи въ воскресныя школы наблюдателей-законоучителей изъ священниковъ. 8 января 1861 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о надзорѣ за воскресными школами со стороны органовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Министерства Народнаго Просвѣщенія и священниковъ. Въ этомъ актѣ дѣло народнаго образованія въ воскресныхъ школахъ признается весьма важнымъ, и констатируется ихъ быстрое размноженіе въ обѣихъ столицахъ и провинціи. Но уже въ іюнѣ 1862 г. по военному вѣдомству былъ объявленъ приказъ о закрытіи воскресныхъ школъ, учрежденныхъ при войскахъ, для лицъ, не принадлежащихъ къ военному вѣдомству.

Репрессивныя мѣры слѣдуютъ одна за другой весьма быстро. 6 іюня 1862 года г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объявляетъ о Высочайшемъ повелѣніи „принять мѣры къ тому, чтобы надзоръ за воскресными школами былъ дѣйствителенъ и непрерывенъ", проситъ „безотлагательно доставить ему точныя свѣдѣнія о существующихъ воскресныхъ школахъ и о томъ, какой за ними учрежденъ надзоръ и въ какой степени дѣйствительно за ними наблюденіе учебнаго начальства". А 12-го того же іюня то же Министерство сообщаетъ о Высочайшемъ повелѣніи 10-го іюня „впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы".

Причины, послужившія къ закрытію воскресныхъ школъ, состояли, говоритъ въ томъ, продолжаетъ г. Вахтеровъ, что

преподаватели покушались „въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ развивать вредныя ученія, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе". Послѣднія слова г. Вахтеровъ цитируетъ иронически въ ковычкахъ и съ этой причиной не признаетъ возможнымъ согласиться. Мы имѣемъ, продолжаетъ онъ, точныя свѣдѣнія о преподавателяхъ и распорядителяхъ шести воскресныхъ школъ, находившихся въ началѣ 60-хъ годовъ въ предѣлахъ одной губерніи. Изъ нихъ было священниковъ 5 и одинъ діаконъ (послѣдній распорядителемъ школы), одинъ судебный слѣдователь съ университетскимъ образованіемъ, одна дѣвица 25 лѣтъ, окончившая курсъ въ институтѣ, одинъ врачъ, получившій особую благодарность отъ Губернатора, одинъ полковникъ изъ гвардейской батареи, одинъ капитанъ, два поручика: всѣ же остальные преподаватели, составлявшіе огромное большинство въ личномъ составѣ воскресныхъ школъ, были штатные смотрителя и учителя уѣздныхъ и приходскихъ школъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ шли въ воскресныя школы скорѣе по предназначенію учебнаго начальства, чѣмъ по доброй волѣ.

Самыя тщательныя разслѣдованія, производимыя надъ воскресными школами гражданскимъ и учебнымъ начальствомъ уже послѣ ихъ закрытія въ 1862 году, привели въ извѣстныхъ намъ мѣстностяхъ къ выводу, продолжаетъ г. Вахтеровъ, что „школы эти шли совершенно согласно установленнымъ правиламъ и держатся строго законнаго направленія". Гдѣ-же находятся причины закрытія воскресныхъ школъ. Опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ въ настоящее время нѣтъ возможности. Единственное, что можно теперь сдѣлать, это собирать матеріалы для его рѣшенія. Между преподавателями воскресныхъ школъ встрѣчались принципіальные противники этихъ учрежденій. Одно изъ такихъ лицъ боится и пишетъ объ этомъ въ рапортѣ своему начальству, что „зайдетъ какой-нибудь посѣтитель изъ проѣзжихъ въ родѣ праздношатающагося, учителей въ воскресной школѣ никого не застанетъ, вотъ и напишетъ, что наше училище не сочувствуетъ воскресной школѣ, что училищные чиновники здѣсь не стараются удовлетворить потребностямъ и желанію народа учиться". Желаніе начальства, съ одной стороны, боязнь гласности—съ другой еще заставляли этихъ педагоговъ посѣщать воскресную школу, но расположить къ ней населеніе они, очевидно, не могли и не хотѣли. Одинъ изъ такихъ распорядителей воскресной школы писалъ учебному начальству, что воскресныхъ школъ совсѣмъ не надо по слѣдующимъ причинамъ: „Наши рьяные прогрессисты, ухва-

тившись за нелѣпую мысль съ одного почерка передѣлать весь нашъ простой русскій народъ на новую стать, вдохнуть въ него сразу новую жизнь, поднять его въ уровень съ высшими сословіями, оторопѣлаго и неосмотрѣвшагося еще въ новомъ своемъ положеніи, ввести его, еще неуспѣвшаго ни умыться, ни пообчиститься, въ кругъ образованныхъ людей,— кричатъ, шумятъ, всѣхъ ругаютъ и тормошатъ не хуже любого полицейскаго солдата на базарѣ; но вѣдь „вино молодое не вливаютъ въ мѣхи старые", изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ взрослыхъ евреевъ, вышедшихъ изъ Египта, только два человѣка сподобились войти въ землю обѣтованную". Были и другія лица, и даже учрежденія, недовольныя воскресными школами, продолжаетъ г. Вахтеровъ. „Наше купеческое общество, пишетъ одинъ штатный смотритель, положимъ, пожертвовало на воскресную школу 52 руб., но пожертвовало эти деньги по настоянію губернскаго начальства, противъ воли, а вслѣдствіе сего неминуемо произошла и реакція .."

Польская партія въ Кіевѣ по политическимъ соображеніямъ была недовольна воскресными школами; духовенство въ лицѣ о. Голумбіевскаго было недовольно воскресными школами изъ за вѣдомственнаго патріотизма, чиновники, въ родѣ только что цитированнаго нами выше, были недовольны, потому что ихъ заставляли безвозмездно заниматься въ воскресныхъ школахъ; купеческія и мѣщанскія общества были недовольны воскресными школами, потому что ихъ противъ воли заставляли жертвовать деньгами на пріобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій. Не здѣсь ли лежитъ одна изъ причинъ, почему со всѣхъ сторонъ раздавалось столько злостныхъ обвиненій, столько клеветы и нападокъ на воскресныя школы, гдѣ простой народъ учился Закону Божію, чтенію и письму. Не изъ этихъ ли отдѣльныхъ недовольствъ, вызванныхъ различными мѣстными и личными причинами, сложилось движеніе противъ воскресныхъ школъ,—движеніе, къ которому естественно примкнуло все, что не любитъ просвѣщенія, боится свѣта.

Но само правительство сознавало въ то время, что противъ злоупотребленій школьнымъ преподаваніемъ наиболѣе цѣлесообразными средствами должны служить мѣры предупредительныя: строгій контроль за преподаваніемъ, направленіемъ и программами, а также опредѣленныя требованія отъ учредителей школъ. Исторія указываетъ массу примѣровъ, что злоупотреблять можно не только школою, печатью, наукою и искусствомъ, но даже святыней, даже евангеліемъ. Правительство понимало, что надо бороться съ злоупотребленіями, пре-

кращать ихъ; но нельзя уничтожать могучихъ орудій къ умственному и нравственному совершенствованію человѣка. Въ то самое время, какъ состоялось закрытіе воскресныхъ школъ, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ разрабатывался училищный уставъ 1864 года, по которому воскресныя школы были узаконены, и процедура ихъ открытія была обставлена еще проще, чѣмъ прежде.

Почему не воскресли вновь тотчасъ же послѣ 1864 года эти школы на основаніи изданнаго устава. Куда дѣлись тѣ серьезные преподаватели, которые были душою прежнихъ школъ. Было ли это возбужденіе только благороднымъ и горячимъ, но быстро остывающимъ, свойственнымъ, говоритъ, славянской расѣ порывомъ. Дѣйствовалъ ли тутъ страхъ передъ только что обнаружившеюся неудачею или неумѣнье приспособиться къ новымъ условіямъ, въ какія ставились изданнымъ закономъ воскресныя школы. Слѣдуетъ ли признать, что воскресныя школы, вызванныя къ жизни сочувствіемъ къ нимъ высшихъ правительственныхъ сферъ, должны были пасть, какъ только въ этихъ сферахъ появилось нѣкоторое охлажденіе къ дѣлу. А, можетъ быть, и въ области общественныхъ направленій происходитъ то самое, почему отъ обрѣзаннаго растенія свѣжіе побѣги появляются лишь чрезъ извѣстный періодъ времени. Это вопросы, крайне интересные даже съ точки зрѣнія психологіи массъ, въ настоящее время трудно разрѣшимы. Такъ пишетъ г. Вахтеровъ и читая эти строки, эти возгласы недоумѣнія нельзя не удивиться тому, что человѣкъ мечется изъ стороны въ сторону cherchant midi à quatorze heures, по мѣткому выраженію французской пословицы, доискиваясь причины неуспѣха воскресныхъ школъ и видя ее во всемъ вездѣ и всюду, но только не въ томъ въ чемъ она—эта причина неуспѣха—дѣйствительно коренилась. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти лица, всѣ эти классы общества, отворачивавшіеся отъ воскресныхъ школъ, какъ бы не закидывалъ грязью ихъ побужденій Вахтеровъ, отшатывались отъ нея вслѣдствіе направленія, дававшагося ей „интеллигенціей“, и тѣхъ „общественныхъ задачъ“, которыя послѣдняя поставила себѣ цѣлью выполнить надъ народомъ путемъ школы вообще и въ частности воскресной.

Не упреждая, однако, выводовъ, напрашивающихся отъ разсмотрѣнія книги г. Вахтерова, послѣдуемъ за нимъ дальше.

Несмотря на всѣ „тяжелыя условія“, коими обставлялось открытіе воскресныхъ школъ, авторъ отмѣчаетъ ихъ постепенный ростъ. Очевидно, говоритъ онъ, что неблагопріят-

ныя условія начала 60-хъ годовъ, еще недостаточно изслѣдованныя, могли на время пріостановить и задержать это движеніе, но не могли его совершенно уничтожить. Естественно, что при первой же возможности это движеніе возрождается снова, съ прежнею силою. Два фактора оказали особенное вліяніе на возрожденіе и развитіе воскресныхъ школъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, это—наше законодательство и аналогичное движеніе образованныхъ классовъ въ Западной Европѣ, и вотъ благодаря этимъ двумъ факторамъ, въ настоящее время число сельскихъ воскресныхъ школъ по всей Россіи нужно считать уже тысячами.

Распространеніе воскресныхъ школъ въ Россіи, продолжаетъ г. Вахтеровъ, не стоитъ одинокимъ, изолированнымъ явленіемъ, а представляетъ, повидимому, отраженіе другого гораздо болѣе крупнаго, хотя и аналогичнаго теченія, характеризующаго современную Европу, и вотъ авторъ даетъ рядъ картинъ, „характеризующихъ современную Европу", и вслѣдъ за симъ свои просвѣтительные „desiderata" для русскаго крестьянина. „Вѣнцомъ вечерне-воскресной школы въ Европѣ, говоритъ онъ, являются университетскіе курсы, крестьянскіе и народные университеты. Едва-ли не самымъ знаменательнымъ, характернымъ для нашего времени, явленіемъ въ области народнаго образованія служитъ движеніе англійскихъ среднихъ классовъ на встрѣчу духовнымъ запросамъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой странѣ, гдѣ до послѣдняго времени доступъ въ университетъ былъ такъ затрудненъ, что талантливые, даже геніальные, представители науки, философіи и литературы были обыкновенно люди, не получившіе университетскаго образованія,—въ этой самой странѣ мы встрѣчаемся теперь съ широкимъ распространеніемъ университетскаго знанія среди простого рабочаго населенія. Благодаря статьямъ проф. Ипжулз и г-жи Макъ-Гаханъ, у насъ пользуются достаточною извѣстностью три системы распространенія высшаго образованія: university extention (внѣуниверситетскія лекціи и занятія по высшимъ предметамъ), американская система чаутокуа (распространеніе знанія посредствомъ домашняго чтенія по указаніямъ согласно программы, издаваемой особымъ бюро) и, наконецъ, система университетскихъ поселеній. Благодаря каждой изъ этихъ системъ, высшее образованіе, бывшее до сихъ поръ только удѣломъ немногихъ, распространяется все шире и шире, въ самые низшіе слои населенія; учебныя занятія, считавшіяся до сихъ поръ приличными только для опредѣленнаго возраста, становятся дѣломъ цѣлой

жизни; свѣдѣнія, пріобрѣтавшіяся образованными классами для профессіональныхъ цѣлей, получаютъ общеобразовательный характеръ; науки, считавшіяся роскошью для непрофессіональныхъ ученыхъ, признаются необходимыми. Происходитъ или, вѣрнѣе сказать, начинается міровой процессъ, о которомъ едва-ли мечтали когда-нибудь наши предки.

Сущность этого движенія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что такъ какъ занятые добываніемъ куска насущнаго хлѣба не могутъ придти въ университетъ, то люди науки сами идутъ къ ищущимъ знанія. Въ однихъ мѣстахъ университеты чрезъ своихъ лекторовъ въ разныхъ уголкахъ страны сообщаютъ рабочимъ, приказчикамъ и женщинамъ результаты науки. Старшіе студенты Оксфорда и Кембриджа состязаются между собою въ дѣлѣ распространенія университетскаго знанія въ рабочей средѣ. Движеніе это разрастается такъ быстро, что если возрастающая прогрессія числа слушателей въ теченіе еще двухъ трехъ десятковъ лѣтъ будетъ имѣть тотъ же знаменатель, то недалеко время, когда большинство рабочаго населенія Англіи и Соединенныхъ Штатовъ будетъ пріобщено къ высшимъ источникамъ знанія. Такъ повѣствуетъ г. Вахтеровъ и вслѣдъ за симъ, отославъ читателя, желающаго ознакомиться съ подробностями преподаванія въ народныхъ университетахъ, къ книгѣ Милюкова „Распространеніе университетскаго образованія", авторъ продолжаетъ: „въ моемъ воображеніи, говоритъ онъ, рисуется такая картина: Пройдетъ пять-десять лѣтъ Въ Россіи станетъ совершившимся фактомъ всеобщее обученіе. Библіотеки будутъ учреждены всюду. Но между начальною школою и высшими источниками знаній останется пространство, которое надо наполнить. Эту работу мы не задумываясь поручили бы нынѣшнимъ руководителямъ воскресныхъ школъ. Пусть они руководятъ чтеніемъ вчерашнихъ школьниковъ до тѣхъ поръ, пока эти послѣдніе не будутъ въ силахъ сами пріобщить себя къ источникамъ высшаго знанія. Воскресная школа тогда возьметъ на себя роль свободной средней школы, а гдѣ условія благопріятствуютъ, гдѣ есть подготовительные учителя и высокія требованія читателей,—то и university extension! Что мѣшаетъ, пишетъ онъ дальше, учителямъ воскресныхъ школъ не ограничивать свои сношенія только учащимися, почему не распространить ихъ и вообще на читателей и посѣтителей библіотекъ въ городѣ, въ волости, въ уѣздѣ. Почему нельзя примкнуть къ нимъ и всѣмъ другимъ интеллигентнымъ людямъ, желающимъ послужить образованію народа. Почему въ каждомъ городѣ, гдѣ

есть какое-нибудь общество грамотности, общество трезвости, комитетъ народныхъ чтеній или просто общественная библіотека, не образовать при этихъ учрежденіяхъ маленькой коммиссіи домашняго чтенія. Почему лицамъ, входящимъ въ составъ такой коммиссіи, не взять на себя составленія программы чтенія для лицъ, прошедшихъ курсъ начальной школы, но еще не достигшихъ умственной зрѣлости, а тамъ, гдѣ возможно, и для этихъ послѣднихъ, почему не высылать имъ книгъ, не отвѣчать на ихъ запросы, не давать имъ темъ для письменныхъ и иныхъ работъ, не просматривать этихъ работъ и не дѣлать имъ критической оцѣнки. Чѣмъ это ни университетъ, если программы чтенія будутъ носить университетскій характеръ, и чѣмъ это не средняя школа, если по составу читателей придется понизить уровень чтеній до пониманія гимназиста средней руки. А если прибавить сюда туманныя картины и публичныя чтенія, учебныя пособія, музеи и подробныя ихъ объясненія, носящія характеръ лекцій, если устраивать время отъ времени самыя лекціи, если ввести во всю эту организацію опредѣленную систему, разработать классы, соединить занимательность съ серьезными задачами, если дополнить все это курсами по отдѣльнымъ предметамъ для лицъ извѣстной подготовки, зимними для крестьянъ, лѣтними для рабочихъ и праздничными для тѣхъ и другихъ, съѣздами руководимыхъ коммиссіею лицъ—тогда это будетъ академія и академія народная. Разница между ею и учебнымъ заведеніемъ будетъ главнымъ образомъ въ свободѣ, въ свободѣ отъ ограниченій мѣстомъ, срокомъ, временемъ, программой, школьными правилами. Учатся, когда хотятъ и сколько хотятъ, и какъ хотятъ, и что хотятъ"! Такъ пишетъ г. Вахтеровъ, такъ говоритъ человѣкъ, направляющій дѣло народнаго образованія въ губерніи, бывшей до сихъ поръ фокусомъ русской души, ея вѣрованій, источникомъ жизни русскаго духа—губерніи Московской, и когда пробѣгаешь эти страницы труда г. Вахтерова какое то острое, щемящее чувство охватываетъ душу, чувство боли за то, что между народомъ и тѣми, которые называютъ себя интеллигенціею, лежитъ такая непроходимая пропасть различія понятій, взглядовъ и вѣрованій, различія представленій на жизнь, на ея цѣли и задачи, чувство страха за будущее этого прекраснаго, еще мощнаго народа, надъ которымъ изо всѣхъ силъ своихъ работаетъ интеллигенція, тщась вырвать съ корнемъ все то, на чемъ онъ выросъ, чѣмъ живъ былъ во всѣ вѣка своего существованія, лишить его духовной опоры и сдѣлать пятасканою обрывками знаній,

безпочвенною массою, грозною чернью и, наконецъ, чувство негодованія противъ тѣхъ близорукихъ администраторовъ (а число ихъ легіонъ), которые въ погонѣ за дешевой популярностью и за безмятежнымъ теченіемъ своей служебной карьеры не имѣютъ силы, мужества и охоты властною рукою во время поставить преграду вакхическому, побѣдному шествію „интеллигента“ въ ту минуту, когда онъ отъ словъ перейдетъ къ дѣлу, шествію, плетворные результаты коего несомнѣнно увидятъ въ ужасахъ народнаго броженія молодыя поколѣнія, уже идущія намъ во слѣдъ.

Есть вопросы, выдвигаемые печатью извѣстнаго направленія, къ которымъ можно и должно относиться съ чувствомъ снисходительной терпимости или холоднаго равнодушія, ибо складъ русской жизни и нравственные устои лучшей части того, что называется обществомъ, хоронятъ несбыточныя иллюзіи недозрѣлой мысли эпигоновъ сонма мечтателей 60-хъ годовъ. Но есть другіе. Есть вопросы, которые освѣщаются какъ назрѣвшіе въ самомъ обществѣ, какъ результатъ проявившейся просвѣтительной дѣятельности лучшихъ его членовъ, какъ симптомъ крѣпнущаго въ насъ самосознанія, какъ программа для расширенія культурныхъ начинаній тѣмъ, которые коснѣютъ еще во мракѣ, и похвала вступившимъ на путь выполненія своихъ общественныхъ задачъ.

Но, если смѣшны ребяческія грезы лицъ первой группы,— то опасна пропаганда второй, ибо какъ первые тщатся стать вожаками русской мысли, пытаясь въ то же время найти, но не находя почвы для ея развитія, въ извѣстномъ направленіи, такъ вторые работаютъ надъ расширеніемъ яко бы уже вспаханной нивы, толкуютъ о сдѣланномъ, указывая бѣднымъ иниціативой на уже достигнутое, требуя ему подражанія. И слабые духомъ, слабые энергіей воли, боясь громкой насмѣшки и публичнаго порицанія кличкой отсталаго и ретрограда, поддаются вліянію того, что освѣщается какъ запросъ времени, коимъ прониклись передовые, земскіе люди Россіи въ сознаніи на нихъ лежащаго долга.

Эванъ, эвое! несется со всѣхъ сторонъ отъ безграмотныхъ глашатаевъ народнаго образованія и демократизаціи просвѣщенія. Эванъ, эвое! По истинѣ мы переживаемъ, мы свидѣтели какого-то вакхическаго опьяненія идеей натаскиванія и начинки обрывками знаній крестьянскаго люда земли русской.

Но послѣдуемъ за г. Вахтеровымъ. Какъ ни заманчивы перспективы народнаго образованія, имъ нарисованныя, какъ ни прекрасно то будущее, которое предстоитъ русскому на-

роду съ развитіемъ въ немъ знанія, „успѣхи коего уготовятъ намъ такія формы общежитія, которыя затемняютъ собою всѣ идеальныя организаціи, какія мы теперь можемъ формулировать", какъ ни блестяще все это, оно, однако, еще впереди, пока же г. Вахтеровъ предлагаетъ работать, работать и работать надъ народомъ, тянущимся къ знанію, какъ растеніе къ свѣту.

Разница, говоритъ онъ, между народообразовательнымъ движеніемъ въ Западной Европѣ и у насъ—громадна, какъ въ смыслѣ программъ преподаванія, такъ и въ отношеніи достигаемыхъ результатовъ; но въ обоихъ этихъ движеніяхъ есть нѣчто связывающее ихъ, какъ два однородныя явленія,—это стремленіе средняго образованнаго класса преподать народу знанія и движущаяся на встрѣчу ему все возростающая потребность народа къ образованію и вотъ передъ нами рядъ примѣровъ, уясняющихъ степень „жажды народа къ знанію, къ свѣту, къ наукѣ" въ освѣщеніи г. Вахтерова.

Вотъ письмо учителя Краспинской, Днѣпровскаго уѣзда, народной школы: „Крестьяне посѣщали вечернія занятія даже во время наступившихъ уже полевыхъ работъ и нерѣдко, возвратясь съ поля усталыми, просиживали въ школѣ за книгой до 12 часовъ ночи. Взрослые крестьяне, научившись въ школѣ читать, брали съ собою въ поле книги и тамъ же производили уроки письма, причемъ письменными принадлежностями служили „истыкъ" (палка для очистки плуга отъ налипшей земли) и мать сыра-земля, о чемъ свидѣтельствовали исписанныя дороги съ тщательно разглаженною пылью".

Вотъ выдержки изъ дневника учительницы Т—ой воскресной школы.

„Первая группа учениковъ, посѣщающая вечернюю школу,—все слесаря; они являются къ намъ съ черными, закопченными лицами, съ черными, какъ у арабовъ, руками, съ остатками копоти и сажи на взъерошенныхъ волосахъ. Они прибѣжали въ школу прямо изъ мастерской, не успѣвъ привести себя въ порядокъ: для этого надо было бы заходить домой и опоздать еще болѣе. И какими незнакомыми глядятъ на насъ эти симпатичныя лица подъ своею черною маскою.

Вотъ выдержка изъ дневника завѣдующей Харьковской воскресной школой: „Мавра Т., жена дворника, вся раскраснѣвшаяся и съ каплями пота на лбу, влетѣла какъ бомба въ залу, гдѣ занимаюсь я, и, быстро подойдя къ столу неуклюжими медвѣжьими шагами, заявила, запыхавшись и раскутывая огромный головной платокъ: „Только-что съ желѣзной

дороги... на дачѣ была съ господами... на цѣлую недѣлю завезли, чтобъ ихъ совсѣмъ... И такъ спѣшно собрался, что дощечку даже позабыла, просто плакать готова была... И дальше на другой день: „Сегодня она быстро и вся запыхавшись влетѣла въ залу и объявила, что еле вырвалась изъ дому. „Ну просто какъ нарочно тебѣ все въ одно утро собралось,—говорила она:—корову изъ деревни привели, барышню съ дачи привезли и барина схватило: заболѣлъ чѣмъ-то, Богъ знаетъ чѣмъ. Не свяжи я своей книжечки и дощечки съ вечера въ платочекъ, непремѣнно запоздала бы; а то выскочила, вижу—Маша идетъ издали, я за нею вдогонку, насилу нагнала". И разсказывая все это, она отирала потъ платкомъ съ своего покрытаго красными пятнами лица. „Ужъ теперь нечего и думать, при коровѣ, по будиямъ ходить,—продолжала она болѣе грустнымъ тономъ:—за эту недѣлю хоть бы полчаса тебѣ выбралось, чтобъ присѣсть поучиться. Хорошо еще, если въ головѣ осталось отъ прошлаго воскресенья". Вслѣдъ за нею торопливо и сконфужено вошла горничная Авдотья У., съ своими горчичниками на щекахъ и блуждающей, неувѣренной улыбкой. Оказалось, что она должна была проводить на вокзалъ барышню изъ пансіона и сломя голову прилетѣла оттуда въ школу.

Вотъ выдержка изъ дневника г-жи Алчевской: „Чувствуя, что она отстала отъ другихъ, Анюта подошла ко мнѣ и сказала весело: „а нельзя къ вамъ когда-нибудь въ будни придти поучиться?"

— Какъ же ты съ Сабуровой дачи придешь за пять верстъ?—спросила я не безъ удивленія.

— Ничего, лишь бы мамаша согласилась за ребятами посмотрѣть—отвѣчала она, улыбаясь.

И мы сговорились, что она придетъ ко мнѣ во вторникъ утромъ".

Нужно ли приводить еще примѣры? Ихъ десятки, сотни, тысячи. Г. Вахтеровъ видитъ въ нихъ залогъ будущаго развитія воскресной школы, ея роста, ея обращенія въ университеты народные въ селахъ и городахъ, но тотъ, кто трезво глядитъ на жизнь, кто не хочетъ ломки классовыхъ отношеній, кто вѣритъ въ будущее своего народа и въ спокойное, мирное развитіе своей страны, тотъ не можетъ не усмотрѣть въ этомъ одно изъ наиболѣе уродливыхъ явленій современной, общественной жизни, съ которымъ необходимо бороться, которое необходимо высмѣивать, развитію котораго необходимо ставить твердыя, несокрушимыя преграды.

Suum cuique! Въ обширныхъ залахъ Академіи Худо-
жествъ, густая толпа посѣтителей молча созерцала нѣсколько
лѣтъ тому назадъ прекрасное полотно великаго художника.
Всемірная извѣстность, гордость русской литературы, авторъ
безсмертныхъ произведеній, запечатлѣнныхъ печатью генія,
былъ изображенъ здѣсь босымъ, въ рубищѣ за крестьянскимъ
плугомъ въ день весенней страды. Передъ картиной толпи-
лись, удивлялись сходству, поражались художественностью ра-
боты, восхищались этими дорогими для всякаго русскаго че-
ловѣка чертами суроваго лица великаго писателя и отходили,
однако, со словами „зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?“

Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ на самомъ дѣлѣ? вотъ вопросъ,
вырывающійся изъ тайниковъ души всякаго, кто любитъ, кто
цѣнитъ свое родное, кто гордится родной литературой. За-
чѣмъ онъ это дѣлаетъ? Зачѣмъ даетъ онъ право намъ—ду-
ховнымъ и умственнымъ предъ нимъ пигмеямъ, обращаться
къ нему со словами укоризны и снисходить къ его странно-
стямъ, видѣть въ его поступкахъ слабости, свойственныя нѣ-
которымъ геніальнымъ людямъ и прощаемыя имъ только изъ
за всего того высокаго и прекраснаго, что они дарятъ род-
ному краю, что вкладываютъ въ сокровищницу его духовпаг
„я“, какъ κτῆμα εἰς ἀεί! Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Зачѣм
покоится на плугѣ рука творца „Карениной“ и „Севастополя“
„Войны и мира“, „Дѣтства, отрочества и юности“? Зачѣм
великій человѣкъ, дивными плодами своего божественнаго огня
воспитавшій уже не одно поколѣніе и нынѣ не утратившій
еще ни силъ, ни вдохновенія „глаголомъ жечь сердца людей“
зачѣмъ онъ у плуга, а не за столомъ въ тиши своего каби-
нета, зачѣмъ онъ не пѣвецъ, какъ встарь, своей страны, душ
своего прекраснаго народа, не изобразитель настроеній об
щественныхъ классовъ, столь знакомыхъ ему отъ пахаря-му
жика глухихъ, далекихъ деревень до родовитаго царедворц
шумливой жизнью вѣчно трепещущей столицы!

Suum cuique! Что дастъ потомству борозда вспаханная
и, его старческою, слабою рукою, засѣяннаго луга и ко
увлечетъ на путь опрощенія его примѣръ?

Suum cuique! Художникъ мысли, художникъ чувств
художникъ слова сколькими дивными страницами могъ-бы он
подарить еще литературу, если-бы остался вѣренъ своему вы
сокому назначенію и не уклонился бы отъ писательскаго пут

Да, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?

Но если мучительно напрашивался такой вопросъ ря
досужихъ обозрѣвателей картинной галлереи, то во сколь

разъ больше, острѣе тѣ вопросы, которые тревожатъ душу истинно русскихъ людей при обозрѣніи задачъ современной народной школы и намѣченныхъ къ выполненію надъ народомъ образовательныхъ и, главное, воспитательныхъ программъ „интеллигенціею", несущею ему просвѣщеніе. Зачѣмъ *они* это дѣлаютъ? чего хотятъ они отъ народа? любовь-ли движетъ ими или что иное?

Кивая на западъ, указывая на культуртрегерское движеніе тамошнихъ среднихъ классовъ и въ особенности людей науки, „пріобщающихъ народъ къ высшимъ источникамъ знанія", они говорятъ: „тамъ знаютъ, какъ много талантовъ живетъ въ этихъ многомилліонныхъ народныхъ массахъ, откуда, благодаря темнотѣ, до сихъ поръ царившей въ этой средѣ, выходили на свѣтъ Божій только немногія лица, благодаря какому-нибудь счастливому случаю, выброшенныя на поверхность. Тамъ знаютъ, что знаменитый Уаттъ былъ сыномъ плотника, Дальтонъ—бѣднаго ткача, Фарадей—кузнеца, Стефенсонъ началъ жизнь пастухомъ и не умѣлъ читать до 18-ти лѣтъ, Тельфордъ и Бриндлей были рабочими, а Гентсменъ—бѣднымъ часовщикомъ. Множество другихъ извѣстныхъ лицъ, облагодѣтельствовавшихъ человѣчество своими трудами, были дѣти рабочихъ и часто сами начинали свою карьеру рабочими-же. И тамъ люди науки не щадятъ ни силъ, ни матеріальныхъ средствъ для того, чтобы сообщить народу все, до чего додумались великіе люди вѣка, все, что открыла въ послѣднее время наука. И народныя массы не заставили себя ждать. Онѣ хлынули на встрѣчу людямъ науки широкимъ потокомъ, чтобы пріобщиться къ источникамъ высшаго знанія" [1]). А у насъ, а у насъ, говорятъ они, „гдѣ 90% населенія безграмотно, гдѣ народъ ничего не слыхалъ о музеяхъ, и народнаго театра не создано до сихъ поръ даже въ столицахъ, гдѣ часто встрѣчаются цѣлыя деревни, не имѣющія ни одной печатной строчки газеты или книги и ни одного грамотнаго, гдѣ русскихъ книгъ издается въ годъ менѣе, нежели по одной на квадратную версту пространства, но гдѣ также живетъ народъ, не лишенный даровъ Божіихъ, гдѣ также знаютъ, что Ломоносовъ, патріархъ Никонъ и Посошковъ вышли изъ крестьянъ, Кольцовъ и Никитинъ изъ мѣщанъ", что сдѣлано у насъ для пріобщенія этого народа къ свѣту и къ высшимъ источникамъ знанія?

Фарисеи! да развѣ знаніе, развѣ чистый свѣтъ его, цѣль

[1]) В. Вахтеровъ „Народныя чтенія" стр. 5 слѣд.

вашей работы, а не средство къ другой цѣли: не изъ вашей ли среды раздавались слова Писарева, встрѣчавшіяся громомъ одобренія вашего—„школа взята, тараканъ пойманъ!“ и не вы ли хотите „новой Россіи, юной Россіи 20 вѣка, которая, сознательно протянувъ руку рабочему, начнетъ идти вмѣстѣ съ нимъ къ великому соціалистическому идеалу дать счастье (вашего измѣренія) трудящемуся большинству?“ [1]).

Вы, вѣчно указывающіе на Ломоносова, какъ на примѣръ генія изъ народа; вы, требующіе во имя Ломоносова знаній, знаній и знаній народнымъ массамъ, вплоть до наиболѣе сложныхъ и трудныхъ университетскихъ дисциплинъ, сосчитали ли вы во что обошолся вашъ силлогизмъ. Ломоносовъ—крестьянинъ, Ломоносовъ геній, значитъ крестьяне геніи, во что обошлось и еще обходится это русскому народу, выбиваемому изъ своей колеи благодаря вамъ и вами гипнотизируемымъ, подчасъ, близорукимъ разсадникамъ на мѣстахъ народнаго просвѣщенія правящихъ классовъ?!

Въ тѣ дни, когда эти дѣти народа, вскормленныя школою вашего образца и ею воспитанныя, въ тѣ дни когда они, оторванныя отъ своей среды и въ силу этого тянущіяся къ высшимъ классамъ, но имъ чуждыя по рожденію, по воспитанію, по понятіямъ, по идеаламъ, вступаютъ въ жизнь, требуя правъ и не справляясь объ обязанностяхъ, неся ближнимъ и родинѣ разрушеніе, а не созиданіе и совершенствованіе ея исконныхъ, историческихъ, творческихъ началъ, въ тѣ дни, когда они гибнутъ жертвами собственнаго безумія, познавъ весь ядъ развѣнчанной мечты и неудовлетворенныхъ желаній, озлобленные, безпринципные съ хаосомъ въ сердцѣ и разумѣ, что въ эти дни можете имъ дать и сказать въ утѣшеніе вы, ихъ учителя и просвѣтители, погнавшіе ихъ отъ плуга будняго дня и призывнаго благовѣста Церкви въ часы молитвы къ имъ чуждой, къ имъ непонятной наукѣ безъ вѣры въ Бога, безъ духа цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви...

Но пойдемъ дальше, дальше въ уясненіе того, къ чему стремится „интеллигенція“, чего она хочетъ отъ народа, на что негодуетъ и что несетъ ему.

Поле дѣятельности интеллигенціи кажется г. Вахтерову узкимъ: „можно доказывать, говоритъ онъ, что пока русская интеллигенція работаетъ только въ центрахъ, число образовательныхъ учрежденій, въ родѣ воскресныхъ школъ, будетъ

[1]) „Гражданинъ“ № 24, 1904 г. (Дневникъ, суббота 20 марта).

ничтожно, и что дѣло это получитъ достаточно широкое развитіе только тогда, когда центръ тяжести перейдетъ изъ города въ деревню", а тогда, „тогда сельская воскресная школа вызоветъ среди интеллигентныхъ жителей деревни такое же широкое, свѣтлое и безкорыстное движеніе на встрѣчу духовнымъ запросамъ народа, какое мы и теперь уже наблюдаемъ въ большихъ культурныхъ центрахъ среди состоятельныхъ классовъ и среди лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ". Что вечернія, или въ крайнемъ случаѣ воскресныя школы необходимы въ селахъ, въ этомъ, повидимому, продолжаетъ г. Вахтеровъ, *всѣ* сходятся, ибо, когда подумаешь объ этой массѣ безграмотныхъ людей, становится страшно за наше будущее.

„Школа, говоритъ г. Вахтеровъ, это только основа, но на ней должно быть воздвигнуто новое зданіе. Народныя массы на всемъ земномъ шарѣ, вновь повторяетъ онъ свою мысль, неудержимо стремятся къ источникамъ знанія. Ихъ запросы поднимаются все выше и выше—вплоть до университетскихъ лекцій. За Европою и Америкою въ этомъ великомъ движеніи вѣка слѣдуютъ Азія и Австралія. Неужели намъ, громаднѣйшему изъ государствъ на свѣтѣ, можно отставать отъ этой могущественной волны, знаменующей наше время?

Повторительная школа является вѣнцомъ дѣла начальнаго обученія въ деревнѣ; она имѣетъ цѣлью преобразить малограмотнаго крестьянина въ развитаго человѣка, которому стала-бы доступна всякая популярная книга изъ области религіи, исторіи, географіи, природовѣдѣнія, сельскаго хозяйства и т. п. Учениками такой школы будутъ молодые люди, находящіеся въ возрастѣ, когда формируются нравственные идеалы, слагаются міровоззрѣнія, когда чувства пріобрѣтаютъ всю ихъ силу и въ то же время отличаются свѣжестью. Это—моментъ, часто опредѣляющій, чѣмъ останется человѣкъ во всю свою послѣдующую жизнь, потому что именно въ это время зарождаются и развиваются тѣ глубокія и могущественныя *движенія*, которыми опредѣляется наша нравственная личность". Такъ говоритъ г. Вахтеровъ, не зная или сознательно закрывая глаза на печальные выводы по вопросу о соотношеніи между распространеніемъ знанія и нравственностью, на тѣ выводы, къ коимъ уже пришли „люди науки", которыхъ такъ любитъ приводить онъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ о задачахъ и значеніи народной школы, а между тѣмъ выводы эти высоко любопытны.

Вотъ напр. слова Альфреда Фуллье въ „Revue des deux Mondes" по этому вопросу: „Оказывается, говоритъ онъ, что

французская статистика обнаруживаетъ тревожное совпаденіе между распространеніемъ образованія въ странѣ и возрастаніемъ преступности. Общая преступность во Франціи за послѣдніе 50 лѣтъ утроилась, хотя количество народонаселенія увеличилось лишь немного. Но, что самое интересное—*замѣчено возрастаніе преступленій со времени введенія обязательнаго обученія въ 1881 году,* при чемъ преступность дѣтей и подростковъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ настоящее время *преступность дѣтей стала почти вдвое превышать преступность совершеннолѣтнихъ*, причемъ въ преступленіяхъ молодежи, по словамъ Адольфа Гилльйо, замѣчается, сравнительно со взрослыми, избытокъ свирѣпости, изысканная похотливость и хвастовство порочностью.

Оказывается, что въ числѣ нѣсколькихъ причинъ увеличивающейся преступности дѣтей необходимо считать *господствующее* въ современномъ обществѣ *понятіе о просвѣщеніи* и создаваемая имъ система школьнаго образованія. Это распространенное понятіе характеризуется какъ нельзя лучше словами Дж. Ст. Милля, который разсказываетъ, что его отецъ „былъ убѣжденъ, что все было бы спасено, если бы весь свѣтъ былъ грамотенъ". Такъ думали почти всѣ въ XVIII вѣкѣ, повторяя съ Кондорсэ: „Всеобщее безпрерывно улучшающееся образованіе составляетъ единственное лѣкарство противъ общихъ причинъ бѣдствій рода человѣческаго". Такъ ли это? „Главный недостатокъ нашей системы обученія, продолжаетъ А. Фуллье, состоитъ въ преобладаніи элемента умственнаго и разсудочнаго. По наслѣдію XVIII вѣка, до сихъ поръ преувеличиваютъ значеніе *знаній*, особенно естественно-научныхъ, для нравственности человѣка. Между тѣмъ, давая знанія, безъ укрѣпленія нравственности, мы даемъ лишь болѣе сильныя орудія для дурныхъ наклонностей. Ребенокъ можетъ сколько угодно учиться ариѳметикѣ, знать голландскіе мысы, американскія озера, и цѣлую кучу историческихъ анекдотовъ: его дурныя наклонности ничуть не перемѣнятся. Еще Сократъ говорилъ: „Образованіе, не дающее ума здраваго и проникнутаго справедливостью—только ухудшаетъ людей, давая имъ болѣе способовъ дѣлать зло". „Знаніе безъ совѣсти,—говоритъ Рабле,—только разрушаетъ душу". Еще глубже выразилъ ту же мысль Гете: „Гибельно все, что освобождаетъ нашъ умъ, не давая намъ господства надъ своимъ характеромъ". Мы,—говоритъ А. Фуллье,—именно „освободили" умы „даже у дѣтей", но ничего не сдѣлали для умѣнья господствовать надъ самимъ собою. Совершенно ошибочно приписали мы побѣды

нѣмцевъ ихъ *образованію*, тогда какъ силу ихъ должно приписать *воспитанію*, нравственной и военной дисциплинѣ, уваженію къ правиламъ, наконецъ чувству горячаго патріотизма, который нѣмцы умѣли слить съ религіей. *Мы же думаемъ лишь о знаніяхъ*, наполняемъ умъ воспитанниковъ фактами, энциклопедически, но не глубоко. Мы не концентрируемъ способностей, а разсѣеваемъ ихъ, и одностороннее развитіе ума соединяется сверхъ того съ поверхностнымъ образованіемъ" [1]). Такъ говоритъ благоразуміе, истинная любовь къ своему народу и опасенія за его будущее, но наша „интеллигенція", наши просвѣтители стремятся именно дать народу такіе отрывки знанія; вотъ, напримѣръ, программа перваго урока по физической географіи, какъ онъ былъ проведенъ въ одной воскресной школѣ, имѣвшей возможность иллюстрировать его картинами:

а) Разнохарактерность земной поверхности. Глобусъ. Волшебныя картины: Различные виды и ландшафты: 1) подмосковный видъ; 2) видъ степи; 3) видъ хутора съ нивою; 4) Гельголандъ—море бушующее у скалистаго берега; 5) Кавказскія горы; 6) видъ Оризаба; 7) видъ Ніагары; 8) видъ коралловыхъ острововъ; 9) Монте Роза; 10) Гренландія.

б) Сама природа лучшій о себѣ разсказчикъ—значеніе наблюденій и сопоставленій.

в) Что можетъ разсказать оврагъ, булыжникъ. Картины: 11) оврагъ; 12) большой булыжникъ; 13) финляндскія скалы—бараньи лбы; 14) морены.

г) Геологическое прошлое Москвы—понятіе о наслоеніи и формаціи—общее заключеніе о первичномъ состояніи всей земли. Картины: 1) туманное пятно; 2) общій солнечный видъ (какъ прототипъ прошлаго состоянія земли); 3) планетная ситема Коперника.

А вотъ программа VI-го, послѣдняго, по физической географіи урока въ той же школѣ:

Элементы вращенія земли, времена года, фазы луны, солнечныя и лунныя затменія; земля въ четырехъ положеніяхъ; фазы луны; теллурій [2]), но это уроки только по физической географіи, т. е. только по одному предмету, уроки способные однако въ корень разшатать (пунктъ г. програм.) всѣ поня-

[1]) Фудель. Нар. Образ. и школа, стр. 45 слѣд. и П. Тихомировъ „Неразрѣшимая задача передовой культуры (Московскія Вѣдомости № 20, 1897 г.).

[2]) Вахтеровъ, Внѣшкольное Образованіе, стр. 327.

тія народа-дитяти о сотвореніи земли и неба, въ безхитростномъ разсказѣ сообщаемыя ему его духовнымъ пастыремъ по книгамъ священнаго писанія, а уроки исторіи,—освѣщенія важнѣйшихъ моментовъ прошлаго родного края? если система ея преподаванія проникнута тѣмъ же духомъ „прогрессивности", что можетъ быть результатомъ, что выйдетъ въ будущемъ изъ начиняемыхъ ею молодыхъ поколѣній?

За отвѣтомъ ходить не далеко. Предъ нами исповѣдь г-жи Штевенъ—„интеллигентной" народной учительницы села Яблонки, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, проникнутой желаніемъ „заплатить (народу) за полученное и подѣлиться съ нимъ пріобрѣтеннымъ" [1]).

Она рисуетъ два урока по русской исторіи съ крестьянскими дѣтьми, сопоставляя духовное развитіе и „запросы" учениковъ въ первый и во второй періодъ своихъ съ ними занятій.

„Мы, конечно, и тогда уже говорили иногда о законахъ и порядкахъ, о нравахъ и обычаяхъ русскихъ; но нашествіе татаръ и Куликовская битва, Мининъ и Пожарскій, Нарва и Полтава, 12 й годъ и Севастополь интересовали насъ въ то время несравненно болѣе... Мы восхищались народной нашей доблестью и нашимъ презрѣніемъ къ смерти и совсѣмъ почти забывали объ ужасахъ и бѣдствіяхъ, сопровождавшихъ военные наши подвиги и, хотя мы съ самаго начала признавали, что мы во многомъ *гораздо хуже европейскихъ нашихъ сосѣдей*, ребята постарше и поумнѣе привыкли съ какою-то особенной осторожной нѣжностью и особеннымъ уваженіемъ произносить слова „Россія" или „Русская земля"; прошло, пишетъ г-жа Штевенъ, нѣсколько лѣтъ, „ребята выросли и, поумнѣвъ, вновь собрались учиться, вновь принялись за исторію... оставалось узнать о другихъ сторонахъ народной жизни, о томъ, не требуетъ-ли Россія отъ насъ и отъ любви нашей еще чего-нибудь, кромѣ нашей готовности умереть за нее на полѣ сраженія, и внутренній, бытовой строй государства, перемѣны въ законахъ и нравахъ, ростъ сознанія, мыслители и и дѣятели мирнаго времени скоро заинтересовали лучшихъ нашихъ учениковъ еще болѣе, нежели интересовали ихъ прежде переходъ чрезъ Балканы и взятіе Плевны; она посвящаетъ дѣтей въ *реформы* и вотъ любимыми героями ихъ сдѣлались Черкасскій, Милютинъ, Самаринъ и всякіе вообще *поборники человѣческаго достоинства, гуманности и просвѣщенія*".

Каковы результаты? она сама ихъ съ гордостью указы-

[1]) Вѣстникъ Европы, Авг. 1895 г. стр. 463 „Изъ жизни деревни".

ваетъ, не замѣчая, что въ нихъ ей приговоръ: „Появился цѣлый новый, многочисленный классъ мелкой деревенской полуинтеллигенціи, кое-что читавшей и читающей, имѣющей довольно живое чувство собственнаго достоинства и не скрывающейся отъ болѣе темной и приниженной своей братіи и кое-гдѣ уже проснулся *духъ критики*, возникаютъ горячіе споры, и люди, такъ долго жившіе по традиціи и поклонявшіеся *невѣдомому Богу*, начинаютъ разсуждать *о вѣрѣ, объ общихъ вопросахъ*. Какъ будто посвѣтлѣе, какъ будто пожившѣе стало въ деревнѣ!“ восклицаетъ г-жа Штевенъ.

Какая иронія надъ дѣломъ образованія и воспитанія народа! „духъ критики“, въ проснувшемся народѣ, многочисленный классъ сельской полуинтеллигенціи, переходящей къ поклоненію вѣдомому Богу отъ того „невѣдомаго“, которому поклонялся онъ по традиціи, разсужденія „о вѣрѣ“, объ „общихъ вопросахъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ г-жи Штевенъ сказано все. Все непониманіе ею этого народа, его міросозерцанія, его наклонностей, его духа и вся злонамѣренность памѣченной цѣли—создать изъ школы очагъ и разсадникъ политической пропаганды.. Но Штевенъ имя нарицательное: гдѣ тотъ глухой уголъ Россіи и въ „особенности земской“, гдѣ нынѣ не „работали-бы“ надъ народомъ Штевенъ и не калѣчили-бы его нравственно, умственно и духовно?

Въ послѣднихъ страницахъ книги г. Вахтерова „Внѣшкольное образованіе народа“, несмотря на общій бодрый тонъ вѣры въ счастливое, свѣтлое будуще предстоящее „интеллигенціи“ сквозитъ, однако, чувство нѣкотораго опасенія за быстрый успѣхъ предпринятой ею работы.

„Какъ, однако, ни распространена, повидимому, увѣренность въ пользѣ воскресныхъ школъ въ деревнѣ, пишетъ г. Вахтеровъ, какъ ни много приводится доказательствъ за то, что подобныя школы отвѣчаютъ уже назрѣвшей потребности взрослыхъ крестьянъ въ образованіи,—большинство сдѣланныхъ опытовъ въ этомъ направленіи дало не вполнѣ удовлетворительные результаты. По словамъ волчанскаго училищнаго совѣта, въ 1889—90 учебномъ году въ уѣзда была закрыта одна воскресная школа за недостаткомъ посѣтителей. По свидѣтельству мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, закрылось нѣсколько такихъ школъ въ Елабужскомъ уѣздѣ“.

Въ чемъ-же причина этого явленія? ихъ нѣсколько, но думается, что едва-ли возможно болѣе мѣтко, болѣе ясно опредѣлить истинную причину слабаго успѣха въ массѣ народа

до сихъ поръ школъ, ведомыхъ „интеллигенціею", чѣмъ опредѣлилъ ее „извѣстному педагогу Бунакову" простой, но „оборотистый и бойкій" мужикъ Жерноклеевъ, жалуясь Бунакову на школу, гдѣ обучался его, Жерноклеева, сынъ. „А пуще всего то плохо, говорилъ мужикъ, что въ счетѣ не твердъ, на счетахъ не гораздъ, и помощи мнѣ отъ него то-есть ни на столько. Учатъ-ли тамъ не по-настоящему, али самъ онъ удался такой *никудышникъ*—Богъ его знаетъ. На что ужъ я, неучъ неграмотный—и то кое-какъ сочту, что слѣдуетъ по своему дѣлу. А малый мой никакъ не сообразитъ, только глазами хлопаетъ. Безпремѣнно ему бумагу да карандашъ подавай, а такъ, въ головѣ, ничего какъ есть не сочтетъ, никакой у него то-есть умственности не видать. Къ счетамъ и приступиться не умѣетъ. Въ училищѣ задачи тамъ разныя рѣшали—и про кульеровъ и про бассейны какіе то, а тутъ, какъ къ дѣлу пріучаться надо, безъ бумаги да карандаша не сочтетъ, сколько мнѣ надо за рожь денегъ мужику отдать. Развѣ это настоящее ученье? сами посудите. Оно, можетъ, тѣ задачки про кульеровъ да про бассейны и хитрѣе нашихъ, да ни къ чему онѣ намъ,—вотъ что! Намъ вотъ умственность нужна. Чтобы безъ бумаги, безъ карандаша, да живой рукой. Прокладываться намъ некогда. Ну, счеты возьми, коли умственности нѣтъ, смѣтка плоха".

„Никудышникъ!" такъ говоритъ неграмотный мужикъ и, читая это мѣткое опредѣленіе, данное имъ безпомощному, задолбленному, но не развитому ребенку-сыну, невольно вспоминаешь безсмертныя строки: „Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отозвется слово британца, легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза, затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное умно-худощавое слово нѣмецъ, но нѣтъ слова, которое было-бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово!" [1])

„Никудышникъ!" говоритъ объ ученомъ сынѣ своемъ безграмотный, но толковый мужикъ. Но сынъ-ли его „никудышникъ", сынъ-ли, отпившій отъ науки, для которой не рожденъ, къ коей не призванъ, или же, „никудышники" тѣ, которые, задалбливая дѣтей народа, вытравляютъ въ нихъ духовно-нравственныя сѣмена, разрушаютъ ископныя, семейныя начала крестьянскаго быта и, безсердечно порождая взаимное

[1]) Гоголь. „Мертвыя души", кн. I глава 5 конецъ.

непониманіе крестьянскихъ поколѣній, поселяютъ между ними, путемъ школы, духовный разладъ, чувство отчужденности другъ отъ друга и растлѣвающей розни? Думается, что нѣтъ и быть не можетъ въ живомъ организмѣ мощнаго народа, какимъ безусловно является народъ русскій, большей язвы, болѣе смертоноснаго микроба, чѣмъ „интеллигенція“, и трудно кажется подыскать иное слово, другое опредѣленіе, которое бы такъ удачно, такъ точно, такъ мѣтко характеризовало всю ее, въ совокупности, чѣмъ эта кличка неграмотнаго, но умнаго мужика, неповинному сыну имъ данная—„*никудышника*“!..

В. Пуришкевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Пора безумныхъ разговоровъ,
Попранья правды и добра
Пора измѣны, пошлыхъ споровъ...
Какая гнусная пора!
Потрясены основы вѣры;
Подъ флагомъ всяческихъ свободъ
Ведутъ открыто лицемѣры
Въ ярмо неволи весь народъ.
Нѣтъ больше казни преступленью:
Сномъ непонятнымъ дремлетъ судъ,
Порокъ ликуетъ, и въ презрѣньи
Отцовъ наслѣдье—честный трудъ;
И сѣютъ сѣмена разврата
Пришельцы наглою рукой,
И братъ встаетъ уже на брата,
Сбитъ съ толку алчною ордой.

Ф. Постниковъ.

Путь къ рѣшенію Еврейскаго вопроса.

Еврейскій вопросъ—роковой для Россіи. Русскимъ людямъ, пока не поздно, необходимо хорошенько въ немъ разобраться. Въ послѣднее время евреи черезчуръ ужъ энергично добиваются уравненія въ правахъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ; болѣе умѣренная часть еврейства добивается этого шумными сборищами, зажигательными рѣчами, пѣніемъ марсельезы и другихъ „бундовскихъ" пѣсенъ; революціонная же еврейская партія поддерживаетъ свои требованія бомбами и стрѣльбой изъ всевозможныхъ оружій въ служилыхъ русскихъ людей, преданныхъ своему долгу и вѣрныхъ присягѣ.

Во имя чего же евреи требуютъ полной равноправности съ русскими?

Вотъ главнѣйшіе доводы, которыми мотивируютъ свои домогательства евреи и ихъ приспѣшники.

I. Евреи требуютъ полнаго уравненія въ правахъ съ русскими, во имя справедливости. „Мы такіе же подданные русскаго царя", говорятъ евреи, „какъ и русскіе; мы также платимъ государственные и общественные налоги и подати, также принимаемъ участіе въ трудовой жизни страны, несемъ воинскую и другія натуральныя повинности; слѣдовательно и должны пользоваться одинаковыми правами со всѣми русскими".

Разберемъ это положеніе sine ira et studio. „Евреи такіе-же подданные русскаго царя, какъ и коренные русскіе"... Правда-ли это? Нѣтъ, не правда.

Коренные русскіе—это потомки тѣхъ великихъ тружениковъ, которые выдержали натискъ монголовъ, болѣе двухсотъ лѣтъ терпѣли тяжелое иго татаръ, перенесли смутное время, отстаивали грудью свою родную землю отъ многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ, словомъ, коренные русскіе—потомки тѣхъ страстотерпцевъ-предковъ, которые кровью, потомъ и неимовѣрными трудами собирали и устрояли великое государство Русское.

Участвовали-ли евреи въ этомъ трудномъ, но и славномъ дѣлѣ устроенія царства Русскаго? Нѣтъ, не участвовали, а слѣдовательно и не имѣютъ основаній равняться въ правахъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Подобная претензія евреевъ несправедлива и просто обидна для русскаго человѣка.

Евреи вошли въ составъ русскаго государства главнымъ образомъ съ присоединеніемъ Польши, къ которой эти пришельцы присосались въ качествѣ болѣзнетворнаго паразита и во многомъ способствовали погибели этого несчастнаго государства. Оставаясь жить въ присоединенной къ Русскому государству странѣ, не пожелавъ возвратиться въ родную Палестину, евреи естественно и должны были стать подданными русскаго царя. Интересно-бы знать, по еврейской логикѣ, чьими подданными при такомъ условіи они могли-бы сдѣлаться? Не турецкаго-ли султана?

Сдѣлавшись русскими подданными, евреи, понятно, и должны подчиняться русскимъ законамъ, платить подати и нести тѣ повинности, которыя укажетъ имъ русское правительство. За это евреи въ предѣлахъ своей осѣдлости пользуются благами русской культуры, живутъ подъ защитой русской силы и русскихъ законовъ, къ ихъ услугамъ русскія казенныя и общественныя учрежденія и сооруженія общаго пользованія. Неужели же евреи полагаютъ, что все это должно быть имъ предоставлено даромъ? Евреи должны быть благодарны Россіи за то, что она пріютила ихъ; но благодарность, очевидно, не свойственна этому, по библейскому выраженію, „жестоковыйному народу“. Имъ все мало; они хотятъ непремѣнно сравняться въ правахъ съ родными сынами Россіи. Ни одинъ еврей, купецъ или банкиръ, во всемъ мірѣ, не сравнялъ въ правахъ бухгалтера, или приказчика, съ своими родными дѣтьми; почему-же это Россія должна непремѣнно уравнять этихъ пришельцевъ въ правахъ съ своими родными сыновьями?

Многіе коренные русскіе далеко еще не пользуются всѣми выгодами и преимуществами, на которыя имѣютъ право, какъ граждане могущественнаго государства и потомки устроителей этого государства. Нашъ простой народъ, напримѣръ, еще очень бѣденъ, необразованъ, даже въ большинствѣ неграмотенъ. Много-ли крестьянъ обучается не только въ высшихъ, но даже среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Самая ничтожная часть! На какомъ же основаніи евреи съ такою навойливостью добиваются права поступленія во всѣ учебныя заведенія, когда въ нихъ и русскимъ тѣсно, а дѣтей многомилліон-

наго крестьянскаго люда тамъ почти нѣтъ? Предоставленіе евреямъ неограниченнаго права поступать во всѣ учебныя заведенія будетъ сопровождаться тѣмъ, что десятки тысячъ русскихъ останутся вовсе безъ образованія. Для того-же, чтобы настроить столько учебныхъ заведеній, чтобы въ нихъ могли свободно вмѣститься не только дѣти русскихъ, но и дѣти необычайно плодовитаго еврейскаго племени, понадобится громадная сумма денегъ. Съ бо́льшею справедливостью по отношенію къ коренному населенію и съ бо́льшею пользой эту сумму русское правительство можетъ затратить на устройство низшихъ и профессіональныхъ училищъ, въ которыхъ могли-бы обучаться дѣти крестьянскаго населенія. Стѣснять себя ради евреевъ, нѣтъ смысла. Евреи, не велика бѣда, могутъ обождать и обождать...

Евреи еще жалуются, что они обижены правами по сравненію съ прочими инородцами, входящими въ составъ Россійской имперіи. Справедлива ли эта еврейская жалоба? Нѣтъ, не справедлива. По этому поводу совершенно справедливо говоритъ одинъ писатель слѣдующее: „поляки, нѣмцы, финны, татары, кавказскія и иныя племена, признавъ (добровольно или въ силу обстоятельствъ) господство Россіи, примкнули къ великому зданію Россійскаго государства вмѣстѣ съ своими національными усадьбами—Польшею, Прибалтійскимъ краемъ, Финляндіею, Крымомъ, восточными татарскими царствами и кавказскими княжествами; а что принесли съ собою евреи, кромѣ своихъ эксплоататорскихъ талантовъ и беззастѣнчиваго паразитизма? Понятно поэтому, что упомянутыя народности являются какъ бы совладѣльцами русскаго народа, въ силу сліянія исконно принадлежащихъ имъ земель и угодій въ одномъ общемъ съ нимъ государственномъ хозяйствѣ. Бездомнымъ-же евреямъ, не съумѣвшимъ создать себѣ самостоятельнаго отечества, приличествуетъ въ этомъ обширномъ государственномъ зданіи лишь второстепенная роль квартиронанимателей, съ ограниченными правами пользованія, на опредѣленныхъ условіяхъ, благоустроеннымъ и прочнымъ кровомъ, подъ защитою котораго они могли бы укрываться отъ стихійныхъ невзгодъ и бѣдствій, но безъ всякаго права на участіе въ распоряженіи имуществомъ, имъ никогда не принадлежавшимъ[1]).

Такимъ образомъ, требованіе евреями полной равноправности не только съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, но и съ инородцами, входящими въ составъ имперіи—несправедливо и обнаруживаетъ только ихъ чрезмѣрную притязательность.

[1]) Б. Юзефовичъ. „Еврейскій вопросъ въ печати и въ жизни".

II. Евреи и ихъ интеллигентные приспѣшники требуютъ равноправія во имя христіанской любви къ ближнему, упрекаютъ русскихъ въ несоблюденіи завѣтовъ Христа и такимъ образомъ переносятъ вопросъ съ почвы историко-правовой, на почву религіозно-нравственную. Правы-ли евреи съ этой точки зрѣнія? Нѣтъ, не правы.

Требованіе правъ во имя Христа въ устахъ евреевъ просто—кощунство. Евреи, распявъ Христа, предпочтя Ему разбойника Варраву, тѣмъ самымъ всему міру показали, что они по своей духовной организаціи, враги Христа и Его божественнаго ученія. Современные евреи, не вѣря Христу, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ, что они не далеко ушли отъ своихъ предковъ, кричавшихъ: „распни, распни Его“ и „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“. Евреи на это, правда, возражаютъ: „мы не вѣримъ Христу, какъ Богу, но преклоняемся предъ Его возвышеннымъ нравственнымъ ученіемъ“. Но это—ложь. Многовѣковой историческій опытъ показываетъ, что гдѣ только евреи ни поселялись, вездѣ они вызывали своими эксплоататорскими наклонностями, чуждыми любви къ ближнему, враждебное къ себѣ настроеніе среди мѣстнаго населенія. И тамъ, гдѣ евреи, благодаря своимъ капиталамъ, пріобрѣтали наибольшую власть и силу, эксплоататорская дѣятельность ихъ сказывалась съ особой силой и доходила до полнаго цинизма. Стоитъ только вспомнить несчастную Малороссію, и то время, когда евреи, высасывая соки изъ народа, вызывали кровавыя возмущенія казаковъ. Въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ евреямъ дана полная свобода и гдѣ ихъ въ десятеро меньше, чѣмъ въ Россіи, мы видимъ, ростетъ и крѣпнетъ противуеврейское движеніе, извѣстное подъ именемъ антисемитизма.

Чѣмъ же оно вызывается? Не преклоненіемъ-ли евреевъ предъ нравственнымъ ученіемъ Христа? Да зачѣмъ намъ забираться въ глубь исторіи, зачѣмъ обращаться за примѣрами въ западную Европу? Современное поведеніе евреевъ въ Россіи съ поразительною ясностью убѣждаетъ каждаго, что эти люди не имѣютъ и тѣни той любви къ ближнимъ, къ которой призывалъ людей Христосъ. Всѣмъ извѣстно, что первые христіане были безправными людьми, терпѣли страшныя муки и гоненія отъ язычниковъ и евреевъ. Что-же? Христіане устраивали протестующія сборища, подстрекали гражданъ къ бунту противъ правительства, убѣгали отъ воинской повинности, избирали мишенью для стрѣльбы изображенія императоровъ, какъ это теперь дѣлаютъ евреи? Нѣтъ! Христіане съ кротостью

переносили гоненія, были покорны властямъ, мужественно сражались въ рядахъ языческихъ войскъ за императоровъ-гонителей, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ и съ молитвой за мучителей шли на костры и на съѣденіе звѣрей! Кротость, смиреніе и терпѣніе—вотъ какими добродѣтелями были проникнуты первые христіане. Видимъ-ли мы что-нибудь подобное среди евреевъ? Нѣтъ! Пусть же они не лицемѣрятъ и не говорятъ намъ, что они преклоняются предъ нравственнымъ ученіемъ Христа! Пусть также евреи поймутъ, что любовь свободна и пріобрѣтается не требованіемъ, не проявленіемъ злобы и вражды, а красотою духа. Пусть же евреи покажутъ намъ прекрасныя качества души, и ихъ всѣ полюбятъ и съ радостью дадутъ имъ всѣ права.

Евреи, говоря о христіанской любви, обнаруживаютъ непониманіе этой возвышенной заповѣди Спасителя, толкуютъ ее по своему, въ видахъ своихъ интересовъ, и сбиваютъ съ толку и нашихъ интеллигентовъ, никогда не заглядывающихъ въ евангеліе. Въ евангеліи, заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ въ изложеніи оканчивается слѣдующими словами: „и такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѳ. 5, 48).

Заключительныя слова Спасителя ясно показываютъ, что ученіе о любви къ ближнимъ есть высочайшій идеалъ, къ которому люди должны стремиться неустанно и осуществлять его въ жизни постепенно. Осуществить этотъ идеалъ сразу, полюбить вдругъ все человѣчество, ни каждый человѣкъ въ отдѣльности, ни цѣлый народъ, не могутъ. Любовь христіанская, возгрѣваясь при помощи Божіей въ сердцѣ человѣка, растетъ и крѣпнетъ постепенно: начинаясь съ близкихъ по крови, это благодатное чувство постепенно охватываетъ все большій и большій кругъ любимыхъ существъ, распространяется на единовѣрцевъ, единоплеменниковъ и, наконецъ, на все человѣчество и даже на враговъ. Спаситель, посылая апостоловъ на проповѣдь, повелѣлъ имъ соблюдать именно эту постепенность любви къ ближнимъ: „на путь язычниковъ не идите, въ городъ Самарянъ не входите, идите прежде къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“, сказалъ Спаситель. Такимъ образомъ возвѣщеніе величайшаго блага—евангельскаго благовѣстія, Спаситель повелѣлъ апостоламъ начать съ близкихъ ихъ сердцу людей—единоплеменниковъ и потомъ уже распространить это благо на все человѣчество. Апостолъ же Петръ повелѣваетъ христіанамъ съ любовью соединять разсудительность. Слѣдовательно, и намъ, русскимъ людямъ, нисколько

не грѣшно осуществлять заповѣдь Спасителя о любви, заботами прежде всего о близкихъ нашему сердцу людяхъ и въ особенности „о меньшемъ нашемъ братѣ"—простомъ народѣ, младенцѣ по вѣрѣ и слабомъ въ экономическомъ отношеніи. И именно разумная, разсудительная любовь побуждаетъ русское правительство защищать нашъ простой народъ, отъ хищническихъ посягательствъ евреевъ, ограничительными законами. Не будь таковыхъ законовъ, нашъ народъ давно попалъ бы въ кабалу къ евреямъ и былъ бы развращенъ талмудическою моралью.

Не укорять христіанъ должны евреи въ несоблюденіи заповѣдей Спасителя, а должны хорошенько поглядѣть на себя. Они вѣдь не только не вѣрятъ Христу, но не покоряются и своему Богу Іеговѣ и не исполняютъ Его заповѣдей. Не люди опредѣлили судьбу еврейскаго народа, а самъ Богъ. Вотъ что сказалъ Іегова еврейскому народу въ лицѣ царя ихъ Соломона по устроеніи перваго іерусалимскаго храма: „Если же вы и сыновья ваши отступите отъ Меня и не будете соблюдать заповѣдей Моихъ и уставовъ Моихъ, которые Я далъ вамъ, и пойдете и станете служить инымъ богамъ и поклоняться имъ, то Я истреблю Израиля съ лица земли, которую я далъ Ему, и храмъ, который я освятилъ имени Моему, отвергну отъ Лица Моего и будетъ Израиль притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ. И о храмѣ семъ высокомъ всякій проходящій мимо его ужаснется и свиснетъ и скажетъ: за что Господь поступилъ такъ съ сею землею и съ симъ храмомъ. И скажутъ: за то что *они оставили Господа Бога своего*, который вывелъ отцовъ ихъ изъ земли Египетской, и *приняли другихъ боговъ*, и поклонялись имъ и служили имъ,—за это навелъ на ихъ Господь все сіе бѣдствіе" (3 Цар. 9, 6—9).

Таково грозное опредѣленіе о еврейскомъ народѣ самого Бога. Господь же посылаетъ людямъ наказаніе для ихъ вразумленія и исправленія. Если же евреи до сихъ поръ терпятъ наказаніе Божіе, то значитъ, они не раскаялись и упорствуютъ во грѣхахъ. Да это и очевидно для всякаго. Евреи только тѣломъ поклоняются Іеговѣ, а душой служатъ богу иному—золотому тельцу. Постановленія и уставы они соблюдаютъ не Божьи, данныя чрезъ пророка Моисея, а—человѣконенавистническаго талмуда, сочиненнаго фарисеями и раввинами [1]).

---

[1]) Замѣчательно, что самъ ученый еврей, г. Гуревичъ, членъ Минской Коммиссіи по еврейскому вопросу,—въ засѣданіи Коммиссіи 15-го ноября 1881 г. публично высказался, что единственное средство въ под

Впрочемъ наше мнѣніе, мнѣніе русскихъ людей, евреи ставятъ ни во что, признавая русскихъ народомъ некультурнымъ, дикимъ, не могущимъ понять и достойно оцѣнить „культурное и даровитое“ Израильское племя. Поэтому въ доказательство своей мысли приведемъ отзывы о евреяхъ выдающихся людей Западной Европы.

Величайшій изъ музыкальныхъ геніевъ, Францъ Листъ, говоритъ о евреяхъ слѣдующее: „Еврей идетъ все впередъ по пути *къ монополизаціи денегъ*. Онъ уже достигъ того, что въ минуту опасности, можетъ *сжать и освободить горло цѣлой страны по мѣрѣ того, какъ будетъ стягивать и распускать свой кошелекъ*, ставшій въ его рукахъ ящикомъ Пандоры. Мелкое ремесло и грошевое барышничество, которыми онъ довольствовался попыпѣ, уже никуда, по его мнѣнію, не годятся теперь, когда онъ замѣнилъ ихъ безграничными операціями банковъ и огромными гешефтами биржевой игры, т. е такими сферами, гдѣ съ головокружительной быстротой онъ сталъ неограниченнымъ владыкою и повелителемъ. Еврей до отвалу насосался всѣми видами современныхъ вольностей съ цѣлью, уже безъ всякаго стѣсненія, вести атаку противъ любой христіанской правды. Онъ захватилъ и весь объемъ прессы, дабы съ большимъ успѣхомъ потрясать самые устои нашего гражданскаго быта. Подобно тому, какъ онъ ненавидитъ Бога на Голгофѣ, онъ точно также пылаетъ злобою ко всему, что представляетъ силу, благородство и величіе тѣхъ религіозныхъ общинъ, которыя исповѣдуютъ распятаго Господа... Неуклонно заботясь о томъ, чтобы смѣшиваться съ христіанами во всевозможныхъ тайныхъ сообществахъ и обращать ихъ дѣятельность на пользу Израиля, онъ, съ давнихъ временъ, всегда и прежде всего, поровитъ примкнуть къ такимъ шайкамъ, которыя поставили своею задачею ниспроверженіе существующаго порядка. При этомъ для еврея безразлично, каковъ именно данный режимъ, равно какъ и то, ради чего собственно дру-

---

пятія нравственнаго уровня въ еврейскомъ народѣ онъ видитъ только въ закрытіи спеціальныхъ еврейскихъ школъ и въ прекращеніи доступа евреямъ источниковъ еврейскаго вѣроученія, а послѣднее можетъ быть достигнуто только тогда, когда евреи перестанутъ читать и понимать талмудическую литературу.

Желающіе обстоятельно ознакомиться съ ученіемъ талмуда, исполненнымъ вражды ко всѣмъ не евреямъ, могутъ воспользоваться сочиненіями: „Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе“—С. Я. Дмитрискаго; „Талмудъ и Евреи“—Лютостанскаго; „Еврейскія рѣчи“—А. Шмакова.

гіе стремятся поколебать его. Еврею все годится, разъ оно имѣетъ цѣлью ниспровергнуть, во-первыхъ, тронъ, а во вторыхъ алтарь. Ему доставляетъ истинное наслажденіе такая картина, когда въ омутахъ революціи гибнетъ и вихремъ бѣшенныхъ переворотовъ разсѣивается все, что въ христіанской цивилизаціи есть высокаго, чистаго и прекраснаго".

Знаменитый германскій философъ Фихте характеризуетъ евреевъ такъ: „Надъ всѣми почти странами Европы простирается могущественное и враждебное государство, которое живетъ въ непрерывной войнѣ съ прочими державами и страшно угнетаетъ ихъ гражданъ—это іудаизмъ. Я думаю, что онъ столь ужасенъ не въ силу обособленности, паразитизма и его крѣпкой сплоченности, а потому, что онъ основанъ и выстроенъ на глубокой *ненависти* ко всему человѣческому роду. Племени, которое видитъ во всѣхъ другихъ народахъ лишь потомковъ тѣхъ, которые выгнали его изъ его родины; племени, которое умаляетъ свое тѣло и свой умъ и гаситъ въ себѣ всякое доброе побужденіе, предаваясь низкому торгашеству и ростовщичеству; племени, которое, вопреки тому, что дѣлается у другихъ народовъ Европы, направляетъ самое святое изъ всего, чѣмъ располагаетъ—узы своей религіи на то, чтобы воспретить себѣ общеніе съ нами даже въ пищѣ, и которое не только не хочетъ дѣлить нашихъ радостей и печалей, но требуетъ полнаго размежеванія какъ въ обязанностяхъ, такъ и въ правахъ предъ престоломъ Всевышняго, Отца всѣхъ людей,—такому племени, говорю я, надо бы занимать среди насъ нѣсколько иное положеніе, чѣмъ то, которымъ оно владѣетъ въ дѣйствительности и которому мы сами повседневно очевидцы. Я хочу сказать, что въ государствѣ, гдѣ безъ вины самый неограниченный монархъ не отниметъ у меня хижины моихъ предковъ,—первому попавшемуся еврею не слѣдовало бы, кажется, позволять грабить меня безнаказанно всякій разъ, когда это ему понравится.

И они хотятъ имѣть права человѣка, даже несмотря на то, что сами же они намъ въ этихъ правахъ отказываютъ (какъ видно изъ талмуда)!.. Но дать евреямъ гражданскія права возможно лишь при одномъ условіи, а именно—чтобы въ одну прекрасную ночь на мѣсто каждой еврейской головы поставлена была другая, въ которой бы не осталось ни одной еврейской идеи".

Вотъ каковы евреи въ изображеніи выдающихся людей Западной Европы. Понятно, какъ мудро до сихъ поръ посту-

пало русское правительство, ограничивъ права евреевъ и тѣмъ самымъ оградивъ русскихъ людей отъ еврейской эксплоатаціи. Напрасно евреи кричатъ объ угнетеніи; никто ихъ не угнетаетъ, а напротивъ только спасаются отъ ихъ гнета. Тѣмъ евреямъ, которые дѣйствительно поклоняются Іеговѣ и свято исполняютъ законы Моисея, русское правительство давно даровало полныя права. Таковы караимы; но замѣчательно, что этихъ своихъ родичей терпѣть не могутъ евреи талмудисты. Евреи и интеллигенты-угодники еврейскіе говорятъ еще: измѣните ненормальныя соціальныя условія, въ которыхъ живутъ евреи и они измѣнятся и проникнутся братскими чувствами къ русскому народу. Какая наивность! Такъ разсуждать могутъ, либо неисправимые теоретики-фантазеры, либо люди, завѣдомо продавшіеся евреямъ. Вѣдь каждый человѣкъ по личному опыту знаетъ, какъ трудно нравственно переродиться, побороть въ себѣ дурныя наклонности и привычки. Для того же, чтобы цѣлый народъ, воспитывавшій въ продолженіи многихъ вѣковъ въ себѣ эгоизмъ, своекорыстіе, вражду къ христіанству, могъ нравственно переродиться, необходимы при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, *при искреннемъ желаніи* самихъ евреевъ *измѣниться* къ лучшему,—столѣтія. Обрекать Россію, въ угоду евреямъ и нашимъ фантазерамъ интеллигентамъ на такой продолжительный опытъ, опасно и преступно. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что за это время Россія превратится въ сборище жалкихъ пролетаріевъ, покорныхъ волѣ еврейскихъ капиталистовъ.

Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія религіозно-нравственной еврейскія домогательства равноправности не выдерживаютъ критики. Напротивъ, вѣрующій человѣкъ въ библіи почерпнетъ для себя основаніе остерегаться евреевъ и тщательно оберегать „малыхъ сихъ“ отъ этого народа, упорнаго и Богу непокорнаго.

III. Наконецъ евреи, домогаясь равноправности, указываютъ на свое безвыходное положеніе и взываютъ къ человѣколюбію русскаго народа. „Намъ невыносимо тѣсно въ чертѣ осѣдлости“, кричатъ они, „мы просто задыхаемся въ ней и неизбѣжно должны погибнуть“.

На это евреямъ мы отвѣтимъ вотъ что: прежде всего, „черта осѣдлости“—территорія далеко не маленькая: она превосходитъ въ нѣсколько разъ нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ государствъ. Странно, отчего же это западно европейскіе народы, любезные сердцу еврейскому, на меньшей терри-

торіи благоденствуютъ, а евреи на большей территоріи почему-то стали задыхаться? Затѣмъ, если-бы и дѣйствительно евреямъ было ужъ очень тѣсно жить въ чертѣ осѣдлости, то что-же дѣлать? И коренпымъ русскимъ людямъ въ своей родной землѣ тоже не просторно: иначе тысячи крестьянъ не переселялись бы въ Сибирь. Русскимъ же людямъ долгъ велитъ позаботиться не только о себѣ, но о своихъ дѣтяхъ и внукахъ, чтобы имъ не пришлось, въ угоду евреямъ, впослѣдствіи переселяться въ тайгу и тундры. Россія колоній не имѣетъ, да и имѣть ихъ не будетъ. Она должна ограничиться той территоріей, которую теперь занимаетъ. Территорія же эта для стомилліоннаго населенія, не потерявшаго способности размножаться, весьма не велика. Поэтому объ уничтоженіи черты осѣдлости пусть евреи лучше и не думаютъ. Евреи съ свойственною имъ хитростью, поднявъ шумъ и крики на весь міръ о своемъ безправіи въ Россіи, упорно замалчиваютъ объ одномъ простомъ и мирномъ способѣ рѣшенія еврейскаго вопроса. Мы разумѣемъ переселеніе по крайней мѣрѣ излишка евреевъ изъ Россіи. Культурнымъ и деликатнымъ евреямъ не нравятся русскіе порядки, пусть же они и уходятъ въ тѣ страны, гдѣ порядки лучше. Еврсямъ въ Россіи тѣсно, пусть же они, по примѣру нѣмцевъ, французовъ, ирландцевъ и др., уходятъ въ страны, гдѣ много еще свободныхъ земель—Африку и Америку. Намъ скажутъ: многіе бѣдняки-евреи охотно бы это сдѣлали, но не имѣютъ на то средствъ. Но лишь бы евреи искренно этого захотѣли, а то многіе русскіе во имя христіанской любви съ радостью присоединятъ свою лепту къ тѣмъ кушамъ, которые должны на дѣло переселенія евреевъ пожертвовать еврейскіе милліонеры. Такимъ образомъ, *организація фонда на выселеніе излишка евреевъ изъ Россіи*—самый цѣлесообразный и мирный способъ рѣшенія злосчастнаго еврейскаго вопроса. Уравненіе въ правахъ евреевъ съ русскими не принесетъ успокоенія нашей многострадальной родинѣ. Организація евреями революціоннаго „бунда“, который перестрѣляетъ скоро всѣхъ лучшихъ русскихъ людей, погромъ Одессы, во время котораго евреи играли очень видную роль, появленіе наконецъ евреевъ на взбунтовавшемся броненосцѣ,—всѣ эти ужасные факты должны убѣдить каждаго въ томъ, что евреи обладаютъ дьявольскимъ умѣньемъ вліять на толпу, сбивать ее съ толку и развращать до неузнаваемости. Послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ можно ли серьезно даже говорить объ удовлетвореніи какихъ бы то ни было еврейскихъ требованій? Надо же русскимъ лю-

дямъ пробудиться и не игнорировать мнѣніемъ о евреяхъ выдающихся соотечественниковъ. Гуманнѣйшій изъ профессоровъ, Грановскій, выразился о евреяхъ, что они „въ искусствѣ возбуждать противъ себя ненависть не знаютъ соперниковъ“. А великій писатель, Достоевскій, прозорливо печаловался, что если землѣ русской прійдется погибать, то, вѣроятнѣе всего, отъ евреевъ. Уравненіе евреевъ въ правахъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ будетъ началомъ гибели земли русской, такъ какъ внесетъ страшную смуту и разложеніе въ наше отечество, отъ котораго оно едва-ли когда оправится. Да не будетъ же этого!!!

Н. Е. Кременской.

Призывъ.

Тучи темныя надвинулись,
Просыпайся, Русь великая,
Иль не слышишь ты, что вороги
Въ твои двери уже ломятся?
Добрый мечъ твой притупился-ли,
Твоя броня-ли заржавѣла,
Иль забыла ты минувшее,
Супостатовъ разучилася
Отъ воротъ своихъ отваживать?
Вспомни время богатырское,
Громкимъ кличемъ кликни по дому:
„Эй, вы дѣтушки сбирайтеся,
Бросьте споры: дѣло первое
Намъ, сплотясь стѣной желѣзною
Дать отпоръ лихому недругу,
А потомъ свои обиды мы
Разберемъ ужъ по домашнему.
Позабудьте распри старыя,
Время-ль намъ теперь избу чинить,
Когда крыша загорается?
Покажите-жъ, мои дѣтушки,
Что орлята вы отважные,
А не воронье задорное,
Черноперое, болтливое.
Лишь тогда Господь поможетъ намъ
Отвести бѣду великую“.

Л. Кологрибова.

Не по торной дорожкѣ[1].

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Около года прошло послѣ женитьбы Ореста; снова наступила зима, снова начались свѣтскія развлеченія. Въ городѣ. за это время, не случилось ничего достопримѣчательнаго. За то въ жизни нѣкоторыхъ лицъ нашего разсказа произошли перемѣны. Надежда Александровна, получивъ отъ дяди и брата субсидіи, разошлась съ мужемъ и жила съ дѣтьми въ Грязяхъ. Благодаря хлопотамъ Татьяны Львовны, Владиміръ Львовичъ согласился дать денегъ на выкупъ усадьбы племянницы, а Орестъ секретно передалъ сестрѣ, на веденіе хозяйства, полученныя имъ отъ крестнаго отца въ видѣ свадебнаго подарка, три тысячи рублей, отъ которыхъ онъ, не желая ссориться, не отказался, но которыя обратить въ свою пользу не пожелалъ. Владиміръ Константиновичъ, сначала не хотѣвшій было давать женѣ паспортъ, принужденъ былъ къ тому Осокинымъ, который пугнулъ его наложеніемъ опеки, а потомъ соблазнилъ сотнею—другой рублей, которыя бывшій виверъ конечно не отвергъ. Бирюковъ собралъ свои вещи, весьма водевильно разыгралъ сцену прощанія и полупьяный, захвативъ съ собою любимую борзую Стелльку, укатилъ въ свое ярославское имѣніе, доживать въ одиночествѣ свой бурный вѣкъ. Съ его отъѣздомъ не состоялась понятно и предположенная Настей перемѣна мѣста: она попрежнему осталась у Надежды Александровны, къ великому удовольствію сей послѣдней и къ своему собственному. Каменевъ исполнилъ свое намѣре-

[1]) Продолженіе. См. „Мирный Трудъ“ № 4—6.

ніе, сдалъ экзаменъ на доктора медицины и поселился въ Петербургѣ. М-me Соханская пробыла полгода за границей и вернулась въ P** съ пріятными, какъ сама она разсказываетъ, воспоминаніями о нѣкоемъ итальянскомъ графѣ, съ которымъ познакомилась на водахъ и потомъ „бѣшено“ прожила два мѣсяца въ Парижѣ. М-r Огневъ давно уже не у дѣлъ и потому рѣшительно не знаетъ, куда дѣвать свое свободное время, котораго, какъ намъ извѣстно, у него всегда много. Губернскій левъ до сихъ поръ не можетъ забыть своего фіаско съ Бирюковой и той холодности, которою наградила его Софи въ послѣднее время передъ своимъ замужествомъ. Онъ и теперь не прочь бы поухаживать за нею, но на бѣду не вхожъ къ нимъ въ домъ, да и Осокинъ—не Владиміръ Константиновичъ, котораго можно умаслить проигрышемъ или бутылкою—другой шампанскаго. Одна Татьяна Львовна по прежнему видится съ Перепелкиной, бранится съ Марѳушкой, но ей не отказываетъ и очень сокрушается о томъ, что Ильяшенковъ до сихъ поръ ничего не далъ за дочерью, а блажной ея племянникъ не только порастрясъ свой капиталецъ для покрытія свадебныхъ расходовъ, но, словно принцъ какой, отказался отъ трехтысячнаго дядина подарка и швырятъ деньги въ такую бездонную кадку, какъ Бирюковъ (о Владиміръ Константиновичѣ она была уже очень невысокаго мнѣнія).—Татьянѣ Львовнѣ очень понравилась новая племянница своею почтительностію, хотя, конечно, въ расположеніи къ Софи играло не малую роль и то обстоятельство, что она, Татьяна Львовна, такъ сказать первая обратила на нее вниманіе и намѣтила какъ невѣсту, годную для Ореста.—Молодые, по наружности, жили согласно, но взаимныя ихъ отношенія были далеко не одинаково искренни: Осокинъ относился къ женѣ съ тою-же горячностью, какъ и въ первые дни послѣ свадьбы; онъ все болѣе и болѣе привязывался къ молодой женщинѣ и всею душою былъ преданъ ей; Софи-же, по удовлетвореніи страстной горячки, становилась все холоднѣе и уже равнодушнѣе начала относиться къ ласкамъ мужа. Этому главнымъ образомъ способствовало то, что надежда ея на перевоспитаніе Ореста все слабѣла и слабѣла. Осокинъ глу-

боко любилъ жену, но ставилъ высоко и свои убѣжденія и никакія ласки Софи не могли измѣнить его взглядовъ или заставить отклониться отъ усвоенныхъ имъ принциповъ. Три тысячи, посланныя дядей, отъ которыхъ Орестъ отказался въ пользу сестры, послужили началомъ скрытаго разлада между супругами; отъ нихъ-то, какъ говорится, весь сыръ-боръ и загорѣлся. Софи страшно оскорбилась, увидя, что ни ласки ея, ни просьбы не подѣйствовали на рѣшеніе мужа; надежда на то, что будущее наслѣдство гораздо крупнѣе этихъ трехъ тысячъ и что отказаться отъ него будетъ далеко не такъ легко какъ отъ свадебнаго подарка, въ виду твердаго характера Осокина, становилась все болѣе призрачной и мучительное безпокойство овладѣвало молодою женщиной: „не любитъ онъ меня", разсуждала Софи: —„если-бы любилъ—все-бы сдѣлалъ, чтобы только утѣшить... Онъ—деспотъ... Ему только на своемъ поставить!"—Софья Павловна, какъ и многія жены, не постаралась изучить, какъ слѣдуетъ, своего мужа; внутреннихъ его достоинствъ, которыя-бы могли составить счастіе другой женщины, она не смогла оцѣнить; кромѣ того понятія ея о любви были довольно своеобразны: „не удовлетворяетъ всѣмъ ея прихотямъ—значитъ не любитъ!" Ко всему этому скромная жизнь Ореста казалась ей тяжелою; невозможность выѣзжать такъ-же часто, какъ прежде, блистать новымъ и богатымъ туалетомъ у себя дома, раздражала Софи и уязвляла ея свѣтское самолюбіе. Часто и долго плакала она послѣ встрѣчи въ обществѣ съ другою какою-нибудь молоденькою дамою, въ эффектномъ нарядѣ, пріѣхавшею на рысакахъ съ чиновнымъ, но не старымъ еще, мужемъ. Невыносимы были также ей слухи о новыхъ партіяхъ, дѣлаемыхъ ея сверстницами, которыя, по ея мнѣнію, не стоили ея ботинки, а между тѣмъ выходили за людей богатыхъ и красивыхъ. Но всѣ эти страданія Софи становились для нея еще тяжелѣе отъ того, что она должна была не только скрывать ихъ отъ мужа, но еще, для пріобрѣтенія надъ нимъ вліянія (Софи все еще надѣялась!), поддѣлываться подъ его тонъ и взгляды и сплошь и рядомъ высказывать совершенно противоположное тому, что у нея было на душѣ.

Неестественность эта не укрылась отъ Ореста, но онъ далекъ былъ отъ того, чтобы угадать настоящую ея причину. Сначала, вѣря въ безграничную любовь къ нему Софи и замѣчая скучающее и недовольное ея лицо, онъ относилъ это къ неудовлетворенному желанію ея быть постоянно съ нимъ, но потомъ, когда Осокинъ сталъ наблюдать за хандрой Софьи Павловны попристальнѣе— онъ съ горестью увидѣлъ, что и въ его обществѣ лобъ жены не разглаживался и расположеніе духа ея нисколько не мѣнялось къ лучшему. Тогда онъ прибѣгнулъ къ различнымъ средствамъ: давалъ Софи книги, читалъ ей вслухъ, доставалъ разныя работы, возилъ въ театръ, дѣлалъ вечеринки; но за чтеніемъ Софья Павловна дремала, книги на первыхъ же страницахъ желтѣли отъ пыли, начатыя вышиванія отдавались на попеченіе горничной, а вечера Ореста, по словамъ Софи, въ такой маленькой квартирѣ, лишенные блеска и сливокъ общества, были крайне скучны и отзывались чѣмъ-то мѣщанскимъ. Осокинъ изъ кожи лѣзъ, чтобы только какъ-нибудь угодить женѣ, но къ сожалѣнію это рѣдко ему удавалось: Софи, воспитанная на широкую руку, не привыкшая цѣнить деньги, считала всякую трату ихъ ничтожною и потому предъявляла мужу часто такія требованія, на которыя тотъ, не смотря на все желаніе, никакъ не могъ согласиться вслѣдствіе самыхъ простыхъ экономическихъ разчетовъ. Съ другой стороны подарки мужа, цѣны хотя и высокой для его состоянія, но жалкіе для избалованной его супруги, хотя и принимались ею, но не доставляли ни малѣйшаго удовольствія. И то и другое бѣсило Софи и наводило ее на многія и тяжелыя размышленія: „ну нельзя было-бы получить денегъ—тогда и говорить-бы нечего“, разсуждала она,—„а то кто-же виноватъ въ томъ, что мы чуть не бѣдствуемъ? Вѣдь только руку протянуть и деньги будутъ!.. Богъ-вѣсть съ чего отшатнулся отъ дяди, подарокъ его отдалъ сестрѣ, да еще замышляетъ отказаться отъ наслѣдства!.. Да со мной-то, что тогда будетъ?.. Господи! И зачѣмъ я за него вышла!“

Слова эти хотя и вырвались у Софи невольно, но они не удивили ее и не заставили ее раскаяться: они представлялись совершенно послѣдовательнымъ выводомъ

изъ ея разсужденій. Съ своей точки зрѣнія, Софи считала себя вправѣ высказать подобное сожалѣніе: въ самомъ дѣлѣ, шла она замужъ, хотя и по любви, но никакъ не въ пастушескую хижину, не на кринку молока и кусокъ хлѣба. Молодая женщина понимала любовь, но не обставленную трудомъ и лишеніями, а окруженную блескомъ, комфортомъ, удовлетвореніемъ малѣйшихъ прихотей. Все это, казалось, она нашла въ Осокинѣ и полюбила его... но въ томъ-то и заключалась ея ошибка, что увлеклась она не имъ, а тѣмъ идеаломъ, который былъ ею созданъ и подъ мѣрку котораго, по мнѣнію Софи, подошелъ Орестъ. Покуда держался идеалъ въ своей золотой оболочкѣ—держалась и любовь, покойна была и душа Софи; стала исподволь обламываться та дорогая штукатурка, которая такъ манила ее, проглянулъ человѣкъ, достоинствъ котораго она не могла оцѣнить—и страстный капризъ началъ охладѣвать, испаряться, а на мѣсто его явились скука и позднее раскаяніе.

Осокинъ, хотя и весьма далекъ былъ отъ тѣхъ чувствъ, которыя волновали душу его жены, не могъ однако не согласиться съ своимъ тайнымъ голосомъ въ томъ, что семейная его жизнь устроилась не совсѣмъ такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. У Ореста тоже былъ свой идеалъ, но діаметрально противоположный идеалу Софи: онъ искалъ въ женѣ, кромѣ чистой, неподкупной любви и дружбы, еще тожественности во взглядахъ и убѣжденіяхъ, прочныхъ задатковъ супружескаго счастія. Всего этого, казалось ему, онъ могъ ожидать отъ своей невѣсты: увлеченный страстью, онъ слѣпо вѣрилъ разсужденіямъ Софи о тихой жизни, ея безкорыстію и любви къ уединенію, а разговоръ, на возвратномъ пути съ пикника, о замышляемомъ имъ отказѣ отъ наслѣдства, окончательно разрушилъ всѣ его сомнѣнія насчетъ характера Софьи Павловны. Конечно, другой на его мѣстѣ, болѣе умудренный опытомъ и знаніемъ людей человѣкъ, не такъ легко поддался-бы разглагольствованіямъ Софи, скоро разгадалъ-бы ея поддѣлку подъ его тонъ и взгляды и, во всякомъ случаѣ, со всѣхъ сторонъ постарался-бы изучить характеръ своей будущей жены, но Осокинъ, какъ мы и выше видѣли, не былъ такимъ

человѣкомъ. Одностороннее воспитаніе, направленное исключительно въ сторону пуританизма, отдалило его отъ жизни, а удаленіе это въ свою очередь помѣшало ему изучить людей и практическую ея сторону. Эта-то неопытность, да вдобавокъ непониманіе однимъ другого разница въ воспитаніи и были причинами, которыя мало по малу, но вѣрно, начинали подрывать семейное счастіе молодыхъ Осокиныхъ.

Въ аристократическомъ кружкѣ города Р. задуманъ былъ спектакль любителей; предполагали дать „Ошибки молодости" Шеллера и два водевиля. Роль княгини, по внушенію Соханской, предложили Софьѣ Павловнѣ, а роль управляющаго—Огневу. М-me Осокиной очень хотѣлось явиться на сцену въ черномъ бархатномъ платьѣ, но его у нея не было. Павелъ Ивановичъ не счелъ нужнымъ включать его въ списокъ приданаго,—пришлось обратиться къ мужу. Орестъ крайне огорчился невозможностью исполнить желаніе жены:

— Дорогая моя, сказалъ онъ, обнимая и лаская ее,—пойми, ради Бога, какъ горько мнѣ отказать тебѣ въ просьбѣ... всѣ помыслы мои направлены къ тому, чтобы малѣйшая прихоть твоя исполнялась, но не могу я, ангелъ мой, рѣшиться на подобный расходъ... Не могу, а не то, что не желаю!

„Все это одни слова, чтобы прикрыть свою скупость и деспотизмъ!" промелькнуло въ головѣ Софи;—„Захотѣлъ-бы, такъ купилъ!" И, измѣнивъ своему обычному притворству, она надулась.

— Ты думаешь мнѣ пріятно досаждать тебѣ? взявъ у жены руку и цѣлуя ее, ласково продолжалъ Осокинъ (онъ подмѣтилъ неудовольствіе Софи);—Да если-бы была возможность—я-бы озолотилъ тебя!

„Какъ лжетъ-то!" уже со злостію подумала Софья Павловна;—„Точно не отъ него зависитъ!"

— Но будь благоразумна... состояніе у насъ весьма ограниченное... Подойди, дружокъ, я подсчитаю тебѣ наши доходы...

Софи, занятая мыслью о бархатномъ платьѣ, готова была послать къ чорту всѣ всевозможные разсчеты, но, не желая сердить мужа, встала и подошла.

— Вотъ, дорогая моя, взявъ карандашъ и бумагу, посвящалъ ее въ хозяйственные тайны Орестъ:—съ усадьбы - 500—600 рублей, и то въ урожайный годъ, съ капитала рублей 200, жалованья 1500 — всего 2200—2300 рублей... Изъ какихъ-же денегъ, Сонечка, заводить платья въ двѣсти рублей? Не въ долги-же лѣзть?.. Будь умница... разсуди серіозно... вѣдь у насъ дѣти могутъ быть—на что мы ихъ воспитывать-то будемъ!

„Дѣти!.. Вотъ еще глупости выдумалъ!“ снова мелькнуло въ головѣ Софи; —„Лучше-бы самъ-то умницей сдѣлался: сошелся-бы съ дядей — и дѣлу конецъ!

— Ты сердишься на меня! грустно сказалъ Осокинъ, не получая отвѣта; - Богъ съ тобой Соня!

Онъ бросилъ на столъ бумагу и карандашъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Не сержусь я на тебя, возразила Софи, —но признаюсь непріятно мнѣ отказаться отъ спектакля... Ты самъ знаешь, какъ мало я выѣзжаю!

— Да развѣ нельзя эту роль исполнить въ шелковомъ платьѣ?

— Конечно можно, если ты захочешь, чтобы твоя жена была одѣта хуже другихъ!

Фраза эта покоробила Ореста: отъ нея повѣяло чѣмъ-то мелочнымъ, даже пошленькимъ.

— А для тебя главное—затмить другихъ своимъ туалетомъ? не выдержалъ Осокинъ.

Софья Павловна тотчасъ-же остереглась.

— Чтобы доказать тебѣ противное—я сейчасъ-же напишу Ketty объ отказѣ.

Осокинъ задумался; ему очень непріятно было огорчить жену и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшиться на такой крупный расходъ онъ боялся.

— Прости меня, спустя минуту, подошла Софи къ мужу и поцѣловала его въ щеку;—я увлеклась ребяческимъ желаніемъ участвовать въ спектаклѣ, не сообразивъ, что ты и такъ на „меня порядкомъ тратишься... Вѣдь я ничего не внесла въ твой домъ кромѣ расходовъ.

Оресту вдругъ почему-то стало ужасно совѣстно; онъ молча заключилъ жену въ свои объятія, а въ тотъ-же день вечеромъ Софи любовалась прекраснымъ бархатомъ,

подареннымъ ей мужемъ, и втайнѣ радовалась вліянію, которое, казалось ей, она пріобрѣла надъ Орестомъ.

Исторія съ бархатнымъ платьемъ, разсказанная Софьей Павловной Катеринѣ Ивановнѣ подъ первымъ впечатлѣніемъ и до удовлетворенія ея просьбы, сразу поставила опытную вдову au courant семейной жизни Осокиныхъ. Правда, она и прежде замѣчала нѣкоторый разладъ между супругами: Орестъ, напримѣръ, не хотѣлъ знакомиться съ Соханской, а жена его довольно часто навѣщала ее; дѣлалось-ли это тайкомъ отъ мужа или съ его согласія — было въ сущности все равно: обманъ или вынужденное разрѣшеніе одинаково показывали неискренность отношеній молодыхъ людей. Но до спектакля, Софья Павловна многое скрывала; невозможность явиться въ пьесѣ *настоящею* княгиней, въ бархатномъ платьѣ, взорвала ее и она не утерпѣла, чтобы не сдать съ души волновавшія ее чувства; слово „деспотъ“ было произнесено. Катерина Ивановна вполнѣ согласилась съ правильностію взгляда своей подруги, довольно картинно вызвала въ свой памяти воспоминанія о гнетѣ, который она перенесла и который предстоялъ Софи, и весьма тонко намекнула на громадность ошибки, сдѣланной сею послѣднею, въ смыслѣ предпочтенія Осокина Огневу.

— Chère amie, c'est un baron féodal que votre homme... Хорошаго отъ него ничего не ждите... Et puis cette idée... постоянно отталкивать руку, дающую золото, — cela n'a rien dé consolant pour une jeune femme comme vous!

Интересная вдова таки постаралась въ этотъ визитъ, настроить Софи на свой ладъ и, если-бы не подарокъ Ореста, снова возбудившій какъ мы выше видѣли, надежды молодой женщины, домашній миръ Осокиныхъ былъ-бы нарушенъ въ весьма непродолжительномъ времени.

II.

Разрывъ съ мужемъ, котораго такъ опасалась Надежда Александровна въ разговорѣ съ братомъ, удивилъ ее тѣмъ, что прошелъ для нея почти безъ всякихъ осо-

бенныхъ потрясеній: она ожидала совсѣмъ другаго. Правда много способствовали этому удачное разрѣшеніе матеріальнаго вопроса и дружба брата, который, вызвавъ наконецъ сестру на откровенность, прямо объявилъ ей, что сочувствуетъ любви ея къ Каменеву и будетъ всячески стараться устроить разводъ ея съ Бирюковымъ: „Владиміръ Константиновичъ", сказалъ онъ ей,—„всегда пойдетъ на сдѣлку,—были-бы только деньги... Ну, достанемъ ихъ какъ-нибудь!"—Не лишнимъ оказалось, конечно, и присутствіе Насти: эта простая, милая дѣвушка, своимъ искреннимъ ухаживаніемъ, не мало облегчила тяжелыя минуты Бирюковой.

Отъѣздъ Бориса Яковлевича, перемѣна образа жизни, матеріальныя заботы—все это не могло не подѣйствовать на слабое здоровье Надежды Александровны; но вмѣшательство близкихъ людей, а главное надежда, поданная ей Орестомъ, оживили бѣдную женщину: возможность счастія блеснула передъ ней и она поправилась. Конечно, она не замедлила сообщить обо всемъ Каменеву, тотъ отвѣтилъ и между ними завязалась переписка, которой пока довольно было для освѣщенія той будничной жизни, которую вела Надежда Александровна, тѣмъ болѣе, что извѣстія, получаемыя ею отъ Бориса Яковлевича были самаго успокаивающаго свойства: экзаменъ его сошелъ блистательно, а каждая строчка его письма дышала такою безпредѣльною любовью, такою чистотою чувства, что Бирюковой отрадно было сознавать, какъ все выше и выше поднимался въ ея глазахъ дорогой для нея человѣкъ, и мечтать о счастьи сдѣлаться когда-нибудь его женою.

Между тѣмъ какъ Надежда Александровна, живя въ деревнѣ, предавалась своимъ мечтамъ и надеждами на будущее скрашивала свое грустное настоящее, золовка ея, Софья Павловна, чуть не каждый день, ѣздила на репетиціи и своею игрой приводила въ восторгъ всѣхъ р—скихъ театраловъ. Мужъ, занятый службою, рѣдко сопутствовалъ ей и Софи очень была рада, въ отсутствіе его, порасправить хотя немного свои крылышки, потерявшіе отчасти свою гибкость отъ недостатка практики и перемѣны жизни. Къ тому-же мысль употребить всѣ старанія, чтобы окончательно поработить Ореста и, за-

ставивъ его полюбить себя еще болѣе, чѣмъ прежде, безгранично властвовать надъ нимъ, все болѣе и болѣе овладѣвала Софи. Уступка Ореста въ покупкѣ бархатнаго платья показалась ей хорошимъ предзнаменованіемъ. Софья Павловна не поняла побужденій, вслѣдствіе которыхъ Осокинъ согласился на ея просьбу; она видѣла только, что капризъ ея исполненъ, что мужу больно отказывать ей, и вывела изъ всего этого заключеніе, что надо этимъ пользоваться и забирать Ореста въ руки.

Участіе Огнева въ той-же піесѣ, въ которой играла и Софи, и проистекавшія изъ этого частыя встрѣчи съ нимъ и разговоры не могли быть пріятны Осокину; этимъ она рѣшилась воспользоваться и, заронивъ ревность въ сердце мужа, потомъ по мѣрѣ надобности пугать его этимъ страшнымъ призракомъ. Задавшись такою цѣлью, Софи перемѣнила и обращеніе свое съ Огневымъ: мало по малу она перешла съ нимъ на прежній фамильярный тонъ и разъ-другой позволила себѣ и пококетничать. Этого, конечно, довольно было для самонадѣяннаго франта, чтобы сразу заставить его позабыть всѣ прежнія его неудовольствія на Софи и снова возгорѣться пламеннымъ желаніемъ ухаживать за нею.

День спектакля былъ совершеннымъ торжествомъ для Софи: эффектная роль, осмысленная, бойкая игра, туалетъ—все сгруппировалось для того, чтобы выставить въ полномъ блескѣ и безъ того красивую женщину. Вызовамъ, рукоплесканіямъ, комплиментамъ не было конца. Осокинъ былъ въ восторгѣ; какъ безумный влетѣлъ онъ въ антрактѣ на сцену, цѣловалъ руки жены и радовался какъ ребенокъ. Софи тотчасъ-же надумала воспользоваться подобнымъ его настроеніемъ: она отвела Ореста въ сторону и ласково, заискивающимъ тономъ, сказала ему:

— Знаешь что, Орестъ... ссора твоя съ Огневымъ ставитъ меня въ крайне неловкое положеніе: всѣ спрашиваютъ, что вышло между вами... я не знаю, какъ и отвѣчать.

Осокинъ нахмурился.

— Ссоры у меня съ нимъ никакой нѣтъ, а по-просту я не хочу кланяться подобному мерзавцу.

— Противъ тебя лично онъ ничего не сдѣлалъ, ты-же первый отвѣтилъ дерзостью на его поклонъ.

— Но эта дерзость въ то время, была одобрена тобой?

— Я и теперь скажу, что съ Огнева иногда не мѣшаетъ посбить спѣси; но съ тѣхъ поръ прошло уже довольно времени... можно-бы и оставить это... И для Нади было-бы лучше, чтобы весь этотъ вздоръ поскорѣе забылся, а то теперешнія отношенія ваши даютъ только пищу для сплетенъ и больше ничего.

— Чего-жъ ты отъ меня требуешь? серіозно спросилъ Орестъ.

— Огневъ желаетъ выразить тебѣ свое глубокое сожалѣніе о сдѣланной имъ глупости...

— Не глупости, а оскорбленіи, поправилъ Осокинъ:— за подобныя вещи мужья, конечно не Бирюковы, кровію расплачиваются!

— Ну, о оскорбленіи... Онъ сдѣлаетъ тебѣ визитъ и...

— Визитъ?!.. Нѣтъ, ужъ этого не будетъ! Извиненіе его я принять могу, а отъ посѣщенія прошу уволить!

— Подумай, Орестъ: вѣдь могутъ сказать, что оттого ты не принимаешь Огнева, что исторія его съ Надей все еще не кончена или, чего добраго,—здѣсь вѣдь мастера на выдумки, что ты изъ-за меня его опасаешься!

Софи улыбнулась и нѣжно посмотрѣла на мужа; но взглядъ этотъ пропалъ даромъ.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, а Огнева я не приму. Тебѣ я не навязываю своихъ мнѣній: ты можешь по прежнему продолжать знакомство и съ нимъ и съ Соханской, хотя страненъ немножко такой разладъ между мужемъ и женой въ оцѣнкѣ личностей.

Онъ поцѣловалъ руку Софи и пошелъ со сцены, далеко уже не такой веселый и счастливый, какимъ входилъ на нее; желаніе жены видѣть Огнева у себя въ домѣ почему-то безпокоило его. Ему вдругъ припомнилось, что то-же или почти то-же почувствовалъ онъ въ собраніи, когда Огневъ весело болталъ съ Софи, когда разбитная дама указала на нее, какъ на предметъ страсти губернскаго льва. „Но вѣдь это ревность!“ мысленно воскликнулъ Осокинъ и самъ ужаснулся, какъ могъ онъ дать волю своимъ размышленіямъ, позволить возникнуть

въ своемъ сердцѣ такимъ подозрѣніямъ;—„Кто далъ мнѣ право унижать женщину, ни въ чемъ неповинную?.. Какая низость!“ И ему дѣйствительно сдѣлалось стыдно самаго себя за свои нечистые помыслы; онъ постарался отогнать ихъ и, съ полнѣйшимъ вниманіемъ, сталъ слушать піесу.

Софи нисколько не разсердилась на мужа за его отказъ принять визитъ губернскаго льва: „все къ лучшему“ разсуждала она:—„мы будемъ встрѣчаться у Ketty и эта таинственность еще сильнѣе возбудитъ рѣвность Ореста“.

Но молодая женщина и не догадывалась, что планъ, созданный ею, какъ нельзя болѣе приходился на руку Огневу и Соханской и что именно этою-то таинственностію она попадала въ ловушку, которою тѣ не замедлятъ воспользоваться.

По уходѣ Осокина, къ женѣ его подошелъ Леонидъ Николаевичъ; Софи похвалила его игру.

— Я самъ чувствовалъ, что у меня хорошо выходитъ, отвѣчалъ онъ.

— Вотъ какъ!

— Да, потому что я вошелъ въ роль; вы, Софья Павловна, хотъ кого наэлектризуете!

Осокина слегка покраснѣла.

— Tréve de compliments! улыбнулась она;—Я уже довольно ихъ наслушалась.

— Къ сожалѣнію, это не комплиментъ, а горькая правда! вздохнулъ Огневъ.

— De quel ton vous me dites cela!

— Лучше было-бы не наэлектризовываться! А то что-же? кончится сегодняшній вечеръ, а съ нимъ и мое мимолетное счастіе!

— Какъ замѣтно, что вы часто упражнялись въ разныхъ déclarations! иронически замѣтила молодая женщина.

— Еслибъ вы знали, Софья Павловна, какъ я былъ обрадованъ перемѣной вашего обращенія со мной: мнѣ такъ тяжело было переносить ваше пренебреженіе!

— Право? усмѣхнулась Осокина.

— Вы мнѣ не вѣрите... Вы думаете, что передъ вами прежній фатъ,—вы какъ-то дали мнѣ это названіе—qui

passe son temps à débiter des compliments banals à toutes les femmes—нѣтъ, Софья Павловна, бракъ вашъ сильно встряхнулъ меня . Comme c'est juste: тогда только и оцѣнишь, какъ слѣдуетъ, когда потеряешь!

— Voyons un peu, M-r Огневъ: къ чему эти іереміады?

Онѣ вырвались помимо моей воли... Простите!

Онъ церемонно наклонился.

— Ну что вашъ процесъ? послѣ небольшой паузы, перемѣнила разговоръ Софи.

— Тянется.

— Есть надежда на благопріятное для васъ окончаніе?

— Даже большая, какъ пишетъ мой адвокатъ... Mais pardon... вы исполнили мою просьбу?

— Какую? небрежно спросила Осокина.

— Относительно вашего мужа?

— А!.. Да, исполнила.

— Et votre mari?

— Ne veut pas vous recevoir! Франта передернуло.

— Je m'attendais à cela... Онъ не можетъ простить мнѣ моего ухаживанія за вами!

— Напрасно вы такъ думаете: мужъ мой не настолько мелоченъ и въ доказательство этого я играю и говорю съ вами.

— Черезъ полчаса это будетъ уже въ прошедшемъ! вздохнулъ Огневъ.

— Даже ранѣе, улыбнулась Софи,—я сію минуту ухожу въ уборную: моя роль актрисы кончилась.

Она подала Огневу руку, которую тотъ осмѣлился хотя и слегка, но выразительно пожать.

— Mes affaires vont mal, улучивъ минуту, пожаловался Леонидъ Николаевичъ Соханской,—cet ours ne veut pas me recevoir!

Raison de plus, чтобы Софи захотѣла васъ видѣть! Потерпите немного и мы все это устроимъ... Сколько я могла замѣтить, Софи что-то затѣваетъ и, если я не ошибаюсь, оборвется на своихъ затѣяхъ?

III.

Двѣ недѣли прошло со дня любительскаго спектакля и въ домашней жизни Осокиныхъ не случилось ничего

достопримѣчательнаго. Софья Павловна скучала, ѣздила къ Соханской, гдѣ почти всегда, какъ-бы невзначай, встрѣчалась съ Огневымъ, навѣщала родителей и Татьяну Львовну и весьма ловко запускала имъ крючечки на счетъ деспотизма и нелѣпыхъ идей мужа, разыгрывая изъ себя будущую мать, сильно безпокоющуюся о печальной участи своихъ дѣтей. Татьяна Львовна, и безъ того сокрушавшаяся о блажи Ореста, принимала сторону политичной племянницы, утѣшала ее, какъ могла, но вмѣстѣ съ тѣмъ выпѣвала ей и то, что имѣла на сердцѣ противъ Павла Ивановича.

- Остя - блажной, словъ нѣтъ, говорила она,—но и папенька твой не особенно хорошо поступаетъ: какъ, скоро годъ минетъ, а онъ хоть-бы вотъ эстолько за тобою далъ! Вѣдь, не разсердись Соня, а люди говорятъ, что все-то приданое твое въ кулакѣ унести можно—ну хорошо развѣ это?

Софья Павловна и сама прекрасно понимала, что это не хорошо; что гораздо пріятнѣе-бы было заполучить отъ папеньки хотя малую толику, эдакъ тысячъ двадцать примѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ она знала и то, что Павелъ Ивановичъ себѣ на умѣ и что почти безполезно заводить съ нимъ подобную матерію. Татьяна Львовна, однако убѣдила племянницу попытать счастья—и вотъ, однажды Софи замѣтила старику, что въ городѣ чуть не въ одинъ голосъ кричатъ о его скупости и дурной привычкѣ не держать даннаго слова.

— Репутація моя, Софья Павловна, сдѣлана, гордо возразилъ Ильяшенковъ,—и не въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ заботиться мнѣ о городскихъ сплетняхъ. Два—три негодяя не подорвутъ составившагося обо мнѣ десятилѣтіями хорошаго мнѣнія! Что я сказалъ—отъ того не отказываюсь: умру—все ваше.

Тѣмъ разговоръ и кончился; почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ вновь посулилъ дочери журавля въ небѣ, а дать синичку въ руки считалъ преждевременнымъ: очень ужъ сжился его превосходительство съ сей милой пташкой.

Въ то время, какъ madame Осокину и тетушку Татьяну Львовну безпокоили корыстолюбивыя мысли, въ душѣ моего бѣднаго героя шла тревога совершенно иного рода:

онъ видѣлъ, что Софи скучаетъ, недовольна своимъ положеніемъ—и горькая дума о томъ, что онъ „выдыхается“ для жены, чаще и чаще начала приходить ему въ голову. Сердце его сжималось, разочарованіе, тоска нераздѣляемаго чувства, скорбь по недостигнутому идеалу, сознаніе, что любовь, та лучезарная любовь, которая такъ еще недавно пригрѣвала его своими лазурными крыльями, отлетаетъ отъ него, теряетъ свои блестящія краски, холодили ему сердце, отравляли его спокойствіе. Дорого далъ-бы теперь Орестъ за то, чтобы повторились эти, канувшія въ вѣчность, блаженныя минуты, когда съ прелестныхъ устъ Софи, страстнымъ полушопотомъ, срывались слова любви, когда дрожащая, стыдливая прятала она свое горѣвшее лицо на его взволнованной груди!

Екатерининъ день, кромѣ большаго числа имянинницъ, принесъ сливкамъ р—скаго общества еще немаловажное развлеченіе: не успѣлъ дежурный телеграфистъ переписать пришедшую на имя Осокина изъ Москвы, депешу, какъ объ этомъ уже былъ освѣдомленъ начальникъ станціи, а затѣмъ, по заведенному въ губерніяхъ порядку, содержаніе телеграммы, конечно по секрету, было передано его близкимъ—и чуть не полгорода узнало о томъ, что дядя Ореста при смерти, гораздо ранѣе, чѣмъ молніеносный разсыльный позвонилъ у дверей Осокинской квартиры.

Вѣсть о безнадежномъ положеніи Владиміра Львовича не могла не потрясти впечатлительную душу Ореста, но не менѣе встревожила она и Софью Павловну, хотя и совершенно въ иномъ смыслѣ: теперь-то, передъ отъѣздомъ мужа, приходилось ей испробовать свою силу надъ нимъ и. . или лечь костьми, или торжествовать побѣду.

Орестъ самъ избавилъ жену отъ непріятныхъ лавированій и тяжелой обязанности первой поставить вопросъ о наслѣдствѣ: собравшись въ присутствіе, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами:

— Дорогая моя, смыслъ телеграммы таковъ, что мнѣ нечего ждать выздоровленія дяди... Уѣзжая, приготовившись ко всему дурному, я опять напоминаю тебѣ о томъ, что я говорилъ наканунѣ нашего обрученія: „не приму я этого наслѣдства“. Тогда ты изъявляла готовность слѣ-

довать моимъ взглядамъ, сочувствовала имъ,—не сомнѣваюсь, что и теперь, Соня, ты раздѣляешь мои убѣжденія?

Вопросъ поставленъ былъ ребромъ; Софи чувствовала это и, Боже мой, сколько разнообразныхъ плановъ мелькнуло въ ея головѣ, сколько противоположныхъ ощущеній потрясло ея взволнованную душу!

— Въ то время, Орестъ, отвѣчала она не совсѣмъ спокойно,—я была еще неопытна; я не могла сознавать всей непрактичности твоего намѣренія. Передо мной была только идея, которую я привѣтствовала потому, что она была высока и честна. Но, сдѣлавшись женщиной, раздумавшись надъ жизнью, гдѣ деньги играютъ главную роль, приготовившись быть можетъ—быть матерью, я взглянула на это иначе: хороша твоя идея, Орестъ, но будущія дѣти мнѣ дороже ея; не поворачивается у меня языкъ дать теперь свое согласіе на ихъ бѣдность!

Осокинъ былъ непріятно изумленъ; даже нетерпѣніе выразилось на его лицѣ.

— По твоему, Софи, горячо возразилъ онъ,—наши будущія дѣти рискуютъ быть бѣдными, если не кутать ихъ въ бархатныя шубки, не водить въ брюссельскихъ кружевахъ? Если на ихъ крестины не созвана будетъ толпа народа и нѣсколько бутылокъ шампанскаго не опривѣтствуютъ ихъ появленіе на свѣтъ?.. Нѣтъ, не такъ понимаю я бѣдность; наши дѣти не пойдутъ протягивать руку, не будутъ страдать отъ голода или дрожать отъ стужи—и слава Богу! Имъ легче, чѣмъ другимъ, избрать прямую дорогу, дорогу чести и труда! Пусть въ примѣрѣ, который имъ дадутъ отецъ и мать, они пріучаются къ труду и поймутъ, что назначеніе человѣка—не блистать роскошью, не добывать деньги сомнительными путями, а работать на пользу свою и общую, созидать свое благосостояніе не на плутняхъ и такъ называемыхъ, торговыхъ оборотахъ, а путемъ честнымъ, трудовымъ... Пусть наградою будетъ имъ не лживая похвала накормленныхъ ими гостей, не уваженіе къ ихъ богатству, а спокойная совѣсть, сознаніе своей правоты и чистота убѣжденій!

„Это просто пунктъ помѣшательства!“ думала Софи; — „Да его не сдвинешь съ этой мысли!“

— Орестъ, ласково сказала она мужу,—все, что ты

говорилъ—прекрасно; но, другъ мой, нельзя развѣ воспитать дѣтей и приготовить изъ нихъ полезныхъ дѣятелей, не отказываясь отъ того, что посылаетъ намъ Богъ?

— Нѣтъ! быстро перебилъ жену Осокинъ;—Богъ далъ намъ сердце и разумъ; помощію ихъ выработалъ я свои убѣжденія... Къ чему-жъ тогда добытая мною нравственная сила, если при первомъ удобномъ случаѣ я не задумаюсь ею пожертвовать?

— Но, милый мой, вкрадчиво замѣтила Софи,—кто далъ тебѣ право судить такъ строго заблужденія другихъ? Почему ты знаешь, что состояніе, отъ котораго ты теперь хочешь отказаться, не нажито подобно сотнѣ другихъ?

— Что оно нажито подобно тысячѣ другихъ—объ этомъ я и спорить не стану, Соня; но если прежде я бѣжалъ изъ дядиныхъ раззолоченныхъ палатъ потому, что въ нихъ мнѣ душно было—не слѣдъ мнѣ теперь измѣнять своимъ убѣжденіямъ и сознательно, дрожащей рукой передавать тебѣ и дѣтямъ деньги отъ которыхъ все время отрекался!

Онъ взялъ шляпу, поцѣловалъ жену и отправился хлопотать объ отпускѣ. Съ его уходомъ, Софи сбросила маску: „все пропало!“ отчаянно воскликнула она—и соболиныя брови ея сердито сдвинулись;—„Что сдѣлаешь противъ маніи? Это какое-то сумасшествіе, противъ котораго безсильны и моя любовь и мои ласки!.. О Боже, мой, для чего понадѣялась я на свои силы, выйдя замужъ за этого человѣка! Вотъ оно мое вліяніе... много принесло пользы!.. Это—камень, а не человѣкъ... его ничѣмъ не растрогаешь, ничѣмъ не усыпишь... Онъ всѣмъ пожертвуетъ для своихъ бредней: и женой, и дѣтьми, и своимъ собственнымъ спокойствіемъ!“

И роскошное зданіе, которое еще такъ недавно и съ такимъ наслажденіемъ рисовала себѣ Софья Павловна, тотъ блескъ, передъ которымъ она заранѣе уже щурилась,—вдругъ все это рухнуло въ нѣсколько минутъ, погрузивъ ее во мракъ, въ которомъ она уже не различала ни одной свѣтящейся точки!

Но трудно оторваться человѣку отъ облюбованной

и выношенной имъ мысли; услужливая надежда не оставляетъ его и тогда, когда, казалось-бы, все уже кончено и приходится только покориться выпавшему на его долю жребію. Софья Павловна, скорѣе, чѣмъ всякій другой, готова была уцѣпиться за малѣйшій ея призракъ и бороться съ препятствіемъ до истощенія силъ. Она велѣла кликнуть извощика и, съ нервною торопливостію, помчалась къ отцу.

Павелъ Ивановичъ внимательно выслушалъ дочь и, съ полною вѣрою въ свой авторитетъ, возгласилъ:

— Успокойся, я его урезоню.

Но самонадѣянность его превосходительства сразу оказалась несостоятельною; хотя Павелъ Ивановичъ и старался выгородить Софи, мотивируя свой визитъ желаніемъ проститься съ зятемъ, но Орестъ понялъ, что это ложь, что тутъ дѣйствовала жена, и потому крайне огорчился и озлобился.

— Напрасно взяли вы на себя трудъ уговаривать меня, Павелъ Ивановичъ, немного рѣзко сказалъ онъ тестю: — я стараюсь поступать по возможности обдуманно... и если я уже рѣшился на что-нибудь — не вамъ разубѣдить меня.

— Однако, мой милѣйшій, возразилъ Ильяшенковъ,— я отдавалъ вамъ дочь не для того чтобы она терпѣла нужду. Я — отецъ и слѣдовательно имѣю нѣкоторое право...

— Надѣлять ее — да! перебилъ Осокинъ; — и никто вамъ въ этомъ не помѣшаетъ, но моихъ убѣжденій, моихъ взглядовъ — вы не судья! Софи — не малолѣтокъ; она не была имъ и тогда, когда вы *отдавали* (онъ подчеркнулъ это слово) ее замужъ. Къ сожалѣнію, то, что теперь такъ рельефно выясняется, мнѣ надо было раньше видѣть, раньше понять, что и въ любви ко мнѣ Софи, и въ расположеніи вашемъ ко мнѣ играла роль не моя личность, а мое будущее наслѣдство!

— Орестъ!.. Орестъ Александрычъ! воскликнули вмѣстѣ жена и тесть.

— Да, наслѣдство! съ легкою дрожью въ голосѣ продолжалъ Осокинъ, и красныя пятна выступили на его щекахъ; Горько, тяжело сознавать, что все, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ, было сонъ, мечты... Невыносимо

пробужденіе! Но ребячество и утѣшаться несбыточнымъ, когда видишь, что истина предстала во всей наготѣ!... Соня! въ отчаянномъ порывѣ схватилъ онъ руку жены; —Зачѣмъ хитрила ты со мной?... Зачѣмъ, въ отвѣтъ на мои искреннія слова, внесла ты въ наши отношенія ложь, постыдную игру?... Не во сто-ли разъ честнѣе было признаться въ своей слабости, въ томъ, что шагъ, который я предлагалъ, тебѣ не по силамъ? Тогда ты бы разбила только мое чувство—теперь же ты разрушила всю мою жизнь!

Онъ бросился въ кресла и закрылъ лицо руками. Софи молчала и только блѣдность щекъ свидѣтельствовала о ея внутренней тревогѣ.

— Не понимаю, къ чему всѣ эти громкія тирады, усмѣхнулся Павелъ Ивановичъ,—когда дѣло идетъ только о томъ, чтобы отказаться отъ заблужденій и тѣмъ внести миръ и тишину въ свое семейство!

— Отъ заблужденій! вскочилъ Орестъ и быстро взглянулъ на жену и тестя;—Да, немного помолчавъ, грустно проговорилъ онъ,—вы правы; для практическихъ людей это—заблужденіе... Такъ вотъ, горько улыбнулся онъ,—чѣмъ долженъ былъ держаться миръ въ моей семьѣ—договорились!

— Однако, нахмурился Ильяшенковъ,—вы уже слишкомъ.. Этотъ тонъ...

— Тонъ? воскликнулъ молодой человѣкъ;—Вамъ не нравится мой тонъ?.. Не салоннымъ-ли языкомъ прикажете вы выражаться человѣку, у котораго вдругъ, въ одинъ моментъ, рухнуло все будущее, исчезли вѣра и надежда?... Поймите, ваше превосходительство: вы убили меня... Вы опошлили въ глазахъ моихъ то, чѣмъ я дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ: любовь моей жены!

Павелъ Ивановичъ молча пожалъ плечами и взялся за шляпу.

— Бѣдная! тихо сказалъ онъ дочери и торжественно поцѣловалъ ее въ лобъ;—Bon voyage! обратился онъ къ зятю.

Тотъ поклонился и, не отвѣчая ни слова, проводилъ тестя.

По отъѣздѣ его, мужъ и жена нѣсколько минутъ молчали; Орестъ ходилъ по комнатѣ грустный и взвол-

нованный, Софи сидѣла блѣдная, задумчивая. Обоимъ было тяжело. Но то, что творилось въ душѣ ихъ, было далеко не одинаково: Осокинъ плакалъ о своей погибшей любви, страдалъ на развалинахъ своего счастія; Софи мучило ея безсиліе надъ мужемъ, оскорбленное самолюбіе, неудавшаяся карьера. Одинъ терзался изъ-за благъ нравственныхъ, другая—изъ-за благъ вещественныхъ!

— Орестъ, пересиливая себя, почти ласково сказала Софи мужу,—ты можетъ быть замѣтилъ, что я не сказала ни слова во время вашего разговора... я это сдѣлала нарочно, считая неумѣстнымъ спорить съ тобою при свидѣтеляхъ, хотя-бъ то былъ и мой отецъ, Теперь, когда мы одни, сядь и поговоримъ.

Осокинъ сѣлъ.

— Ты оскорбилъ меня совершенно незаслуженно; мою любовь ты представилъ въ видѣ какой-то постыдной сдѣлки... Ты унизилъ меня въ томъ, что священнѣе всего для женщины!

Она остановилась немного и исподлобья посмотрѣла на мужа: тотъ сидѣлъ нахмуренный, подпершн рукою голову, и легкая краска пробѣжала по его лицу при послѣднихъ словахъ жены.

— Я не отвѣтчица за слова отца, продолжала Софья Павловна,—и, возражая ему, тебѣ не слѣдовало задѣвать меня... Ну, да не въ томъ дѣло.. Женщина, которая любитъ, не оскорбляется часто даже и побоями... Въ чувствахъ моихъ къ тебѣ увѣрять я не стану; вѣришь ты имъ—хорошо, сомнѣваешься—слова мои не убѣдятъ тебя... Возвращусь къ нашему разговору: ты все обдумалъ, не боишься, что совѣсть упрекнетъ тебя впослѣдствіи, что будущія дѣти можетъ быть иначе взглянутъ на твой поступокъ?

— Не боюсь! поднялъ голову Орестъ и прямо взглянулъ въ глаза жены.

— Послушай, съ скрытою досадою сказала она помолчавъ;—ты утверждаешь, что любишь меня, но сколько я слышала и насколько понимаю любовь—человѣкъ, истинно любящій, жертвуетъ всѣмъ для любимой женщины... на преступленіе даже идетъ... А ты...

— А я не хочу его совершить—правда!

Глаза Софи сверкнули гнѣвомъ.

— Но то, что ты называешь преступленіемъ, въ глазахъ всего свѣта, полученіе наслѣдства и только!

— Соня! всталъ съ мѣста Орестъ:—Будетъ намъ препираться! Наши взгляды расходятся: ты любишь золото, я—правду. Сбрось съ себя то, что привито къ тебѣ плохимъ воспитаніемъ и примкни ко мнѣ искренне и тѣсно! Исправляться, другъ мой, никогда не поздно!

Онъ взялъ руку жены и выразительно пожалъ ее, но рука дрожала, а лицо Софи то блѣднѣло, то вспыхивало.

— Что съ тобой? спросилъ молодой человѣкъ.

— Что со мной? оттолкнувъ руку мужа и задыхаясь отъ волненія, вскричала Софья Павловна,—я вдумываюсь въ ваши слова... А... такъ я люблю золото, а вы—правду!.. Но, правдивый, честный человѣкъ, развѣ такъ платятъ женщинѣ за ея любовь?.. Деспотизмомъ и полнѣйшимъ ея подчиненіемъ всѣмъ вашимъ маніямъ и капризамъ? Вы совѣтуете мнѣ исправиться... да я исправлюсь! Я вылечусь отъ этой любви, которой вы не стоите! Я охотно уступлю вамъ, когда нужно, но безотвѣтно исполнять ваши причуды не намѣрена! (Голосъ ея перерывался отъ сильнаго горлового спазма) - Не безпокойтесь, остановила она мужа, который, весь блѣдный, наливалъ воду въ стаканъ:—я не впаду въ истерику... это удѣлъ слабыхъ женщинъ, а я, слава Богу, еще сильна... Ступайте, дѣлайте, что диктуютъ вамъ ваши принципы—, со временемъ я выскажу и свои!

И вся дрожащая, разгорѣвшаяся, блистая дерзкой красотой, молодая женщина вышла изъ комнаты.

Пошатнулся Орестъ отъ обрушившагося на него удара, но не пошатнулись его убѣжденія. Онъ велѣлъ подавать экипажъ и, со смертію въ душѣ, отправился встрѣчать кончину близкаго ему человѣка.

IV.

Между тѣмъ, какъ Павелъ Ивановичъ, пожимая плечами, разсказывалъ своимъ пріснымъ о слабоуміи зятя, Татьяна Львовна охала и служила молебны о здравіи брата, а Софья Павловна рвала и метала отъ злости,

городъ Р. переходилъ отъ изумленія къ изумленію; не успѣла еще вѣсть о предположенномъ Осокинымъ отказѣ отъ наслѣдства облетѣть главные пункты сплетни, какъ новость совершенно однородная, только съ другою развязкою, взволновала умы Р-цевъ: Леонидъ Николаевичъ Огневъ выигралъ процессъ. Такое происшествіе произвело положительную революцію въ аристократическихъ слояхъ: прежніе враги губернскаго льва вдругъ почему то стали показывать ему величайшую нѣжность, строго нравственные папаши и мамаши, считавшіе Огнева во время оно шелопаемъ и дерзкимъ волокитою, начали съ нимъ заигрывать, а въ головкахъ скучающихъ барынь и жаждущихъ вѣнца барышенъ образъ Леонида Николаевича внезапно окружился самымъ блестящимъ ореоломъ. Небывалыя качества начали приписываться счастливцу, самыя ошибки его облеклись въ форму достоинствъ, а цифра выиграннаго имъ состоянія, въ устахъ городскихъ кумушекъ, росла какъ снѣжный комъ. Въ одинъ какой-нибудь день Огневъ сдѣлался и богачемъ, и рѣдкимъ служакою, и настоящимъ львомъ съ золотыми когтями, и примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ. Подумаешь: какъ деньги-то украшаютъ слабаго смертнаго!

Въ глазахъ Софи Леонидъ Николаевичъ выигралъ чуть не пятьдесятъ процентовъ; какъ прежде слегка относилась она къ его ухаживаніямъ, такъ теперь боялась его пренебреженія. Правда, сильный переворотъ произвела въ ней исторія съ Орестомъ: золотой идолъ оказался глинянымъ чурбаномъ, а оскорбленное самолюбіе, разбитыя надежды и злоба на мужа нашептывали ей мысль объ отмщеніи. Тонкая нить, связывавшая супруговъ, оборвалась; страстный капризъ Софи, поддерживавшійся радужными мечтами о богатствѣ, съ исчезновеніемъ ихъ, канулъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ, въ видѣ воспоминаній, только горькія сожалѣнія, да позднее раскаяніе. Отъ Ореста ждать было болѣе нечего; въ глазахъ Софьи Павловны онъ представлялся уже не иначе, какъ безполезною вещью, на которую нѣтъ цѣли обращать даже вниманіе: „не любить же въ самомъ дѣлѣ такого идіота, разсуждала она,—и, выслушивая его дурацкую мораль, дойти до того, чтобы ходить въ ситце-

выхъ платьяхъ и ѣздить на извощикахъ! Теперь у насъ, по его милости, двѣ съ чѣмъ то тысячи въ годъ... это со службой... А выгонятъ его или опять найдетъ на него блажь и онъ самъ выйдетъ - останется около тысячи.. Извольте тутъ жить! Да тогда онъ меня на рынокъ пошлетъ, стряпать заставитъ!" И услужливое воображеніе мгновенно рисовало ей картины будущаго, одна другой печальнѣе; злость закипала въ душѣ молодой женщины и бывали минуты, когда она искренне ненавидѣла бѣднаго Ореста.

Ну, а что-же подѣлывалъ въ это время счастливецъ Леонидъ Николаевичъ? Не забылъ ли онъ, въ чаду опьяненія, прелестной Софьи Павловны? Напротивъ Выигрышъ процесса еще болѣе усилилъ въ немъ желаніе обладать ею, а сообщенныя Соханскою подробности объ отъѣздѣ Ореста значительно облегчали ему это дѣло. Не теряя времени, онъ условился со вдовушкою на счетъ свиданія съ Осокиной и въ назначенный день и часъ явился въ квартиру Катерины Ивановны. Ее, какъ онъ и ожидалъ, не было дома; Софи-же засталъ скучающею, раздраженною, полулежащею на кушеткѣ, съ „Journal pour rire" въ рукахъ; палевое, отдѣланное кружевами, легкое шелковое платье мягко драпировало роскошныя формы молодой женщины, а черные волосы, хотя и небрежно, но живописно убранные, казались еще темнѣе отъ ея слегка поблѣднѣвшаго, утомленнаго лица. Лѣниво приподнялась Софи при входѣ гостя и съ очаровательной улыбкой протянула ему руку.

— Enfin je vois l'astre, autour du quel le groupe en ce moment toute la haute volée de R.!

— Новое свѣтило очень радо случаю позаимствоваться блескомъ отъ стараго! любезно возразилъ франтъ, цѣлуя руку молодой женщины.

— Старое свѣтило давно уже не блеститъ! усмѣхнулась Софи, — и ваши надежды совершенно неосновательны!

— За то оно не потеряло способности пригрѣвать!

— Вы думаете?

— Увѣренъ!

Огневъ положилъ шляпу и сѣлъ возлѣ Осокиной.

— Et madame Sockansky n'est pas visible?

— Ketty vient de me quitter... встрѣтилось что-то спѣшное... je ne saurais vous dire... Elle va revenir tout à l'heure.

— Votré santé madame? поинтересовался Леонидъ Николаевичъ;—Я слышалъ о постигшемъ васъ несчастіи...

— Положимъ, что оно еще насъ не постигло... да наконецъ я понятія даже не имѣю о дядѣ моего мужа. —Ma santé va bien—merçi.

— Несчастіе это очень сродни тому счастію, жертвою котораго я сдѣлался на дняхъ, разсмѣялся Огневъ.

Софи немного смутилась; она затруднялась какой смыслъ придать этой фразѣ: хитритъ-ли Леонидъ Николаевичъ, показывая видъ, что ему неизвѣстна ея семейная драма, или въ самомъ дѣлѣ онъ ничего о ней не знаетъ.

— Если оно такъ велико, какъ разсказываютъ, возразила Софья Павловна,—то пожалуй вы и жертва: счастіе давитъ васъ своею тяжестью.

— Ну, нѣтъ, улыбнулся Огневъ, такого пріятнаго давленія я не боюсь... Тѣмъ болѣе, что состояніе, полученное мною гораздо менѣе того, которое мнѣ приписываютъ.

Софи ужасно хотѣлось спросить: „однако?.. Цифру-то, цифру скажи!“, но удержалась. За то Леонидъ Николаевичъ, которому вновѣ очень хотѣлось блеснуть свалившимся съ неба богатствомъ, не утерпѣлъ:

— Я получилъ симбирское имѣніе, тысячъ эдакъ во сто примѣрно,—e'est le prix qu'on me donne déjà, небрежно замѣтилъ онъ,—ну, за провладѣніе—доходы прежнихъ лѣтъ, лѣсная дача еще есть... на самой Волгѣ... Капиталецъ достался, въ разныхъ бумагахъ, около пятидесяти тысячъ... Enfin je ne suis pas pauvre, Dieu merçi!

Онъ съ наслажденіемъ потянулся, поигралъ часовою цѣпочкой и положилъ нога на ногу. Софи совершенно согласилась съ Огневымъ въ томъ qu'il n'est pas pauvre и съ злостію подумала, что будь муженекъ ея не такой крупный балванъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, она тоже была-бы „astre“ и такъ-же съумѣла бы растянуться, отъ полноты счастія, какъ и Леонидъ Николаевичъ.

— Vous êtes aussi à la veille de tirer un bon numéro! сказалъ тотъ, пытливо взглядывая на Осокину.

— Je l'ignore, совершенно невинно отвѣчала Софи, принимая кокетливую позу.

Огневъ хотѣлъ было продолжать этотъ разговоръ, съ цѣлью вызвать Осокину на откровенность, но чувственность, подъ вліяніемъ которой онъ и пріѣхалъ и которая разожглась въ немъ еще болѣе отъ близости къ этой красавицѣ Софи, заставила его прекратить безполезныя словоизверженія и перенести разговоръ на болѣе пріятную для него почву.

— Et aprés tout ce qui arrive, сказалъ онъ, приподнимаясь, je ne suis pas heureux!

— Vraiment?... Vous êtes difficile!

— Дайте вашу ручку, Софья Павловна, et je vais vous dire...

Осокина небрежно дала ему руку.

— Не цѣнятъ этой ручки! горячо проговорилъ левъ, цѣлуя ее;—О, если бы она была моя! Да, Боже мой, какихъ жертвъ не принесъ-бы я, чтобы только заслужить ласку ея обладательницы!

Онъ крѣпко сжалъ ее и снова поцѣловалъ, учащенно въ нѣсколько пріемовъ.

Раздался звонокъ и Софи отдернула руку. Вошелъ лакей съ письмомъ на серебряномъ подносѣ.

— Ко мнѣ! быстро спросила молодая женщина.

Послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ.

Осокина встала, взяла письмо и, отпустивъ лакея, начала нервно срывать конвертъ.

— Черная печать! замѣтилъ Леонидъ Николаевичъ; —отъ вашего мужа вѣроятно?

— Да, растерянно отвѣчала Софи, торопливо пробѣгая строки Ореста.

Огневъ пристально поглядѣлъ на нее: волненіе молодой женщины и та лихорадочная поспѣшность, съ которою она бросилась на письмо; не укрылись отъ вниманія губернскаго льва. „Видно еще надѣялась! подумалъ онъ;—Ну, что-то она вычитаетъ, а утѣшительнаго кажется немного!“ радостно прибавилъ онъ, замѣтивъ, что на лицѣ Осокиной появились морщинки и оно то блѣд-

нѣло, то краснѣло. - „Этакая красавица!“ плотоядно оглядывалъ онъ ее, любуясь съ видомъ знатока ея возбужденною красотою, той жизнью, полною огня, которая проглядывала въ каждой чертѣ ея лица, въ каждомъ движеніи. „Еслибъ только она полюбила меня!“

— Pardon, Леонидъ Николаевичъ, пряча письмо въ карманъ и употребляя всевозможныя усилія, чтобы сдержаться, проговорила Софи, — дядя моего мужа скончался и это нѣсколько взволновало меня.

Она сѣла на кушетку и, вынувъ платокъ, нѣсколько разъ обмахнула имъ свое горѣвшее лицо.

— Слѣдовательно уже не долго вамъ томиться одиночествомъ? послѣ небольшой паузы замѣтилъ франтъ.

Глаза Софи гнѣвно сверкнули изъ подъ внезапно сдвинувшихся бровей.

— Нѣсколько дней, довольно спокойно отвѣтила она, но нервное раздраженіе слышалось въ ея голосѣ.

— Какъ же успѣетъ вашъ мужъ, въ такой короткій срокъ, привести въ порядокъ дѣла, свести счеты? Вѣдь состояніе далеко не маленькое и хлопотъ должно быть много.

Злоба кипѣла въ душѣ молодой женщины; почти задыхаясь, она сказала Огневу:

—Brisons cela... дѣлъ моего мужа я не знаю, да и à vrai dire не особенно ими интересуюсь.

Леонидъ Николаевичъ наклонился и, взявъ со стола альбомъ, принялся его разсматривать.

Прошло нѣсколько секундъ.

Софья Павловна, обратился къ ней Огневъ и, тихо взявъ ея руку, страстно взглянулъ ей въ глаза,—вы несчастливы?

Софи нѣсколько смутилась и сдѣлала движеніе, чтобы высвободить руку.

— Ну за что, за что? удерживая ее, нѣжно нашептывалъ франтъ;—Вѣдь я люблю васъ!.. Вы — первая женщина, заставившая биться мое сердце!

— Послѣ цѣлаго ряда другихъ! усмѣхнулась Осокина.

— То были развлеченія, des passades...

— А Бирюкова?

—Un écart... par dépit... Я удалился отъ васъ съ

разбитыми надеждами, со слезами въ горлѣ, но любить васъ не переставалъ ни минуты! Сознайтесь: вы были крайне ко мнѣ жестоки!

Онъ придвинулся къ ней и робко, съ нерѣшительностію страстнаго возбужденія, хотѣлъ обнять Софи за талію; но та быстро встала и, вся пылающая, дрожа отъ волненія, перешла на другой конецъ комнаты.

— Je ne veux pas que vous m'aimiez de la sarte!

Огневъ тоже поднялся. отыскалъ шляпу и, раскланиваясь, холодно произнесъ:

— Adieu madame.

— Это что значитъ?

— Дѣлать мнѣ здѣсь больше нечего... вы поиграли со мной, какъ кошка съ мышью—ну и довольно... долѣе быть вашею игрушкою я не хочу.

— Какой игрушкой?

— Вамъ, можетъ-быть, весело мучить человѣка, который и безъ того изстрадался? Или вы думаете легко было мнѣ перенести предпочтеніе, оказанное вами вашему теперешнему мужу, видѣть ласки, которыя вы ему расточали, быть свидѣтелемъ вашего счастія?... Нѣтъ, Софья Павловна, не дай Богъ кому либо пережить все это!

Леонидъ Николаевичъ снова раскланялся; Софи стояла въ раздумьи и нервный трепетъ пробѣгалъ по ея тѣлу

— Madame, j'ai l'honneur de vous saluer! повторилъ франтъ.

— Vous me blessez monsieur, прерывающимся голосомъ остановила она его,—я не хочу, чтобы вы третировали меня какъ... какъ всякую изъ вашихъ многочисленныхъ побѣдъ!

— Я люблю васъ, Софья Павловна, схватилъ Огневъ обѣ руки Осокиной и крѣпко сжалъ ихъ,—а не ухаживаю за вами—поймите это! Я—весь вашъ!... Все блаженство мое въ томъ, чтобы вы позволили мнѣ жить для васъ, для вашего счастія!

Онъ страстно глядѣлъ ей въ глаза и наслаждался ея волненіемъ, ея замѣшательствомъ; но оно было непродолжительно: Софи вскорѣ овладѣла собой и, высво-

бодивъ свои руки, довольно спокойно возразила Леониду Николаевичу:

— И я расположена къ вамъ... какъ къ другу...

— Adieu madame, холодно проговорилъ онъ.

Осокина пристально взглянула на него.

— Bonjour, monsieur, отвѣтила она и отвернулась къ окну. Огневъ уѣхалъ.

Въ письмѣ своемъ Орестъ увѣдомлялъ жену о смерти дяди и о томъ, что все оставшееся послѣ него состояніе онъ предоставилъ сестрѣ, Надеждѣ Александровнѣ Бирюковой.

V.

Молва о необычайномъ поступкѣ Ореста, съ быстротою молніи, облетѣла весь городъ и произвела совершенный кавардакъ въ умахъ до нельзя изумленныхъ р-цевъ. „Это дуракъ какой-то!“... „Un maniaque!“... „Взбалмошный человѣкъ!“ повторялось на разные лады, во всевозможныхъ кружкахъ и центрахъ, вызывая самыя разнообразныя сужденія и предположенія. Всѣмъ хотѣлось доискаться настоящей причины такого невѣроятнаго событія, объяснить чѣмъ-нибудь его неестественность. Какъ ни простъ былъ принципъ, руководившій Орестомъ въ его отказѣ отъ наслѣдства, но именно вслѣдствіе своей простоты онъ не укладывался въ р-скія головы. Общество, изъ среды котораго вышла Софи, которое ее воспитало и съ которой оно было вполнѣ солидарно, не могло не смотрѣть на дѣйствіе Осокина такъ-же, какъ и супруга послѣдняго. По его понятіямъ, молодой человѣкъ сдѣлалъ капитальную глупость; затѣмъ начались догадки, какимъ путемъ дошелъ онъ до совершенія этой глупости: то говорилось, что онъ начитался разной новѣйшей ерунды, вредно повліявшей на его слабые мозги, то, будто-бы онъ страсть какъ пилъ по начамъ и, допившись до бѣлой горячки, впалъ въ особаго рода меланхолію. Мѣстныя старушки, крестясь, передавали другъ другу объ его атеизмѣ и неуваженіи къ крестному отцу и вообще къ старшимъ, а сановитые старики считали молодого человѣка

существомъ положительно вреднымъ, поелику онъ вносилъ въ общество самыя крайнія соціалистическія стремленія и революціонерство. Власти, а въ томъ числѣ и ближайшее начальство Ореста, прежде столь благоволившія къ нему, вдругъ шарахнулись въ сторону и начали на него коситься. Генеральскія руки хотя и подавались опасному человѣку, но уже не такъ часто и не всей пятерней, а перстами, съ извѣстнымъ пренебреженіемъ и разсѣянностью. Любезный тонъ, мягкое хихиканье и превосходительная фамильярность перешли въ сухую начальническую рѣчь, надменное позированіе и явное невниманіе На сколько выигралъ Огневъ въ общественномъ мнѣніи—на столько проигралъ Осокинъ, и ни одного человѣка не нашлось въ цѣломъ городѣ, который бы понялъ принципъ Ореста и сочувственно отнесся къ нему!

Впрочемъ оговорюсь: нашелся такой человѣкъ, но не въ Р., а въ деревнѣ: то была Настя. Радуясь отъ души за Бирюкову, которой неожиданное наслѣдство развязывало руки не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи (Завольская допускала, что съ деньгами не трудно добиться развода), она благоговѣла передъ поступкомъ Осокина, силой его души и характера. Молодой человѣкъ и прежде нравился Настѣ, теперешнія же его дѣйствія окончательно вскружили голову бѣдной дѣвушкѣ. Напрасно убѣждала она себя въ томъ, что Орестъ для нея не существуетъ, и потому, что принадлежитъ другой и потому, что ни разу, даже и прежде, кромѣ обыкновенной мягкости и любезности ничего ей не показывалъ,—уваженіе росло, голова и сердце усиленно работали и, помимо воли Насти, любовь, тяжкая, нераздѣляемая, закрадывалась ей въ душу, медленно впускала въ нее свое ядовитое жало.

И начались для Насти безсонныя ночи, невѣдомая ей дотолѣ тоска, мучительныя думы. Измѣнился, какъ бы по волшебству, ея душевный строй; иначе взглянула она на жизнь и непривѣтно отозвалась она ей...

Но еще суровѣе отнеслась жизнь къ Осокину: любовь, счастіе, надежды—все рушилось для него въ одинъ мигъ, исчезло какъ струйка дыма. Теперь Оресту все

стало ясно: и мелкая любовь Софи и та постыдная комедія, которую она съ нимъ разыгрывала. „На мое наслѣдство били!“ бѣшено восклицалъ онъ;—„Для того и въ топъ мнѣ нѣли и маску надѣвали, но ошиблись друзья!“ съ злорадствомъ добавлялъ онъ, представляя себѣ разочарованіе жены, тестя и всѣхъ ихъ присныхъ.

И гадко вдругъ стало у него на душѣ при воспоминаніи о разговорахъ съ Софи въ зимнемъ саду, на тройкѣ, въ послѣдовавшіе затѣмъ блаженные дни... „И все это было обманъ, притворство!“ схватившись за голову, стоналъ онъ;—„Ни одного проблеска истиннаго чувства, ни одного слова правды!.. Соня, Соня! Того-ли я отъ тебя ожидалъ! Могъ-ли я предполагать, что подъ такою привлекательною внѣшностію таилось столько лжи и лукавства!“

Орестъ не обольщалъ себя мечтами о томъ, что все это можетъ еще поправиться; онъ ясно видѣлъ, что жизнь переломилась, что возврата нѣтъ Вернувшись изъ Москвы онъ наглядно убѣдился въ этомъ: Софья Павловна встрѣтила мужа весьма холодно и тотчасъ же ушла къ себѣ; Осокинъ тоже удалился въ свой кабинетъ, сѣлъ за столъ и, послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ секундъ раздумья, проговорилъ: „все кончено!“

Тогда онъ вспомнилъ о сестрѣ и все свое вниманіе устремилъ на упроченіе ея счастія. О матеріальной сторонѣ онъ позаботился еще въ Москвѣ, исполнивъ всѣ формальности по передачѣ наслѣдства и увѣдомивъ о томъ Надежду Александровну; о нравственномъ же ея спокойствіи онъ хотѣлъ переговорить съ нею лично и для этого, на другой же день пріѣзда, отправился въ Грязи.

Свиданіе ихъ было самое трогательное. Надежда Александровна не знала, какъ выразить брату свою благодарность, цѣловала его руки, плакала на-взрыдъ, чуть не молилась на него; скорбѣла объ его семейномъ разладѣ и сильно настаивала на томъ, чтобы онъ оставилъ себѣ хотя половину наслѣдства. Поступала она въ этомъ случаѣ совершенно искренне, такъ какъ вообще была большая безсребренница, а если и радовалась теперь улучшенію своихъ средствъ, то только за дѣтей, да еще

потому, что это давало ей возможность, по увѣренію Ореста, склонить мужа на разводъ. Осокинъ отъ дѣлежа, конечно, отказался на отрѣзъ и свелъ разговоръ на тему болѣе близкую сестрѣ: на Каменева. Рѣшено было предложить Бирюкову извѣстный кушъ и затѣмъ, въ случаѣ его согласія, приступить къ дѣлу. Сообща написали ему письмо и Орестъ взялся немедленно его отправить.— „Хоть сестру сдѣлаю счастливою, если себя не умѣлъ устроить!“ съ грустью думалъ онъ, оставляя усадьбу Надежды Александровны.

Семейная жизнь Осокина была окончательно разстроена: Софи теперь уже не скрывала своей холодности къ мужу, распоряжалась своей особой вполнѣ самовластно и даже какъ-то свысока обращалась съ Орестомъ. Сценъ или какихъ-либо объясненій между супругами болѣе не произошло, да онѣ были-бы и совершенно излишни, такъ какъ въ минуту отъѣзда Осокина взаимныя отношенія молодыхъ людей вполнѣ выяснились. Видѣлись они только за обѣдомъ и въ это время, ради приличія передъ прислугою, обмѣнивались нѣсколькими фразами; затѣмъ Софья Павловна обыкновенно отправлялась куда-нибудь, а Орестъ или корпѣлъ надъ бумагами въ кабинетѣ, или безплодно тужилъ о своей судьбѣ уничтожая папиросу за папиросой. Родные Софи смотрѣли на Осокина не только съ пренебреженіемъ, но даже съ сожалѣніемъ, до того обиднымъ, что онъ пересталъ къ нимъ ѣздить. Татьяна Львовна, и та, окончательно рѣшила, что племянникъ ея сбрендилъ, и серьезно увѣряла, что его надо лечить и какъ можно скорѣе. По службѣ Орестъ тоже на каждомъ шагу натыкался на непріятности; начальство къ нему перемѣнилось, сослуживцы его, въ разговорахъ съ нимъ, приняли какой-то особенный тонъ. Осокинъ видѣлъ, что въ глазахъ всѣхъ онъ что то такое странное, отъ чего сторонятся, чего избѣгаютъ, надъ чѣмъ смѣются. Онъ понялъ, что теперь онъ не ихъ, что поступкомъ своимъ онъ оторвался отъ той почвы, на которой крѣпко сидятъ его родня, знакомые, сослуживцы, что это обращеніе ихъ съ нимъ—кара за его смѣлыя дѣйствія, и Оресту, при всемъ раздраженіи и боли отъ этихъ булавочныхъ уколовъ, было весело взглянуть нѣ-

сколько сверху на этихъ нравственныхъ пигмеевъ и еще рѣшительнѣе утвердиться на избранномъ имъ пути.

Время шло и положеніе Осокина становилось все болѣе и болѣе неловкимъ; ему невыносима становилась семейная жизнь, въ сущности не болѣе, какъ свѣтская комедія, эта драпировка въ плащи Ромео и Юліи, когда на душѣ было пусто и скверно. „Къ чему тянуть эту канитель и потѣшать собою другихъ? разсуждалъ онъ:— Вѣдь все кончено!... Къ чему привязывать насильно Софи къ домашнему очагу?—И Орестъ, которому претили эти неразъясненныя окончательно отношенія, рѣшился во что-бы то ни стало объясниться съ Софьей Павловной. Случай не замедлилъ представиться.

Однажды вечеромъ Софи оставалась дома; погода была адская и она не рѣшилась выѣхать. Орестъ воспользовался этимъ и вошелъ въ ея будуаръ. Очертивъ въ нѣсколькихъ словахъ ихъ настоящую жизнь, онъ спросилъ жену, что думаетъ она дѣлать, такъ какъ предолжать подобное существованіе, по его мнѣнію, положительно невозможно.

— Je n'en sais rien! еле выговорила Софья Павловна и взялась за лежавшую возлѣ нея книгу.

— Но жить подъ одной кровлей съ человѣкомъ, котораго не любишь... не уважаешь...

— Vous voulez me mettre à la porte? прищурилась на него Софи.

— Нисколько... да я и права не имѣю: вы моя жена.

— Хороша жена, расхохоталась молодая женщина,— которою жертвуютъ. Богъ знаетъ для какихъ бредней, qu'on traite comme je ne sais qui!

— Вамъ самимъ угодно было порвать наши отношенія.

— A la bonne heure! Я всему виною: j'ai rompu la ficelle! ха-ха-ха! Voyons un peu qu'allez—vous me débiter encore?

— Rien. Дѣло не въ томъ, кто виноватъ, а въ томъ, какъ разрѣшить наши отношенія; обращеніемъ своимъ со мной вы показываете, что для васъ, я—человѣкъ не только посторонній, но даже, который вамъ въ тягость.

— Не прикажете-ли мнѣ пылать къ вамъ страстію?

— Оставьте шутки—право онѣ не у мѣста; я завелъ этотъ разговоръ не для того чтобы упражняться въ краснорѣчіи, а чтобы окончательно выяснить наши отношенія.

— Vous trouvez qu'elles ne sont pas encore claires!

— Итакъ... мы разошлись? категорически спросилъ Орестъ и почувствовалъ, какъ какая-то острая боль кольнула его вдругъ въ сердце.

— Je pense! небрежно отвѣтила Софья Павловна, искоса взглянувъ на мужа и покачивая ножкой.

Злость закипѣла въ душѣ Осокина: такъ бездушна показалась ему въ эту минуту Софи, но онъ сдержался и только съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ сказалъ:

— Какъ же вамъ будетъ угодно распорядиться?

— Я подумаю.

— Помните одно: я васъ ни въ чемъ не стѣсняю, ничего вамъ не навязываю. Все, что въ домѣ, по прежнему, къ вашимъ услугамъ.

Орестъ повернулся и пошелъ изъ комнаты; въ догонку ему послышались слова жены:

— Merci за великодушіе... mais je tacherai de ne pas abuser de votre aumône!

Осокинъ постоялъ-постоялъ, крѣпко стиснулъ руки и, съ жгучей болью въ сердцѣ, отправился въ кабинетъ зарабатывать эту aumône.

А что-же думала въ это время Софья Павловна? О, она еще ранѣе мужа выговорила роковое слово „кончено!“ и если теперь жила еще съ Орестомъ подъ одной кровлей, то только потому, что было-бы непрактично, не имѣя въ виду ничего лучшаго, мѣнять свой домъ на зависимое положеніе подъ крылышкомъ Павла Ивановича. Къ Осокину она, кромѣ положительнаго равнодушія, ничего не чувствовала; сердиться или ненавидѣть его ей и въ голову не приходило. „Донъ-Кихотъ какой-то!“ съ сожалѣніемъ отзывалась она о немъ и окончательно махнула на него рукой.

Но если Софи съ такимъ пренебреженіемъ относилась къ мужу, за то родные ея, и въ особенности Павелъ Ивановичъ, крайне занимались имъ. Ильяшенковъ, возненавидѣвъ зятя со времени послѣдняго съ нимъ разговора, и спалъ и видѣлъ какъ-бы выместить на немъ

всѣ свои неудавшіеся родительскіе виды. „Меня провелъ!“ восклицалъ его превосходительство;—„Дрянной мальчишка!.. Ну постой-же: покажу я тебѣ, какъ умничать!“ Павелъ Ивановичъ, рѣшившись вредить Оресту, и помнить не хотѣлъ, что онъ ему зять; этимъ титуломъ пользовался у него Осокинъ, пока былъ богатымъ наслѣдникомъ,—теперь-же, отказавшись отъ денегъ, онъ заносился Ильяшенковымъ въ разрядъ глупцовъ, тѣхъ козловъ, отъ которыхъ, какъ говорится, нельзя ожидать ни шерсти ни молока. Ну развѣ можетъ жить его Софи съ подобнымъ балваномъ? Въ такой квартирѣ, при такихъ доходахъ?—Нѣтъ. А можетъ онъ, помимо наслѣдства, доставить ей комфортъ, блестящее положеніе въ свѣтѣ?—Нѣтъ.—Ну и жалѣть его нечего! Пусть по крайней мѣрѣ знаетъ, какъ опасно бороться съ высокопоставленными и среди бѣла дня показывать такіе кундштюки честности!

И всѣ пружины были пущены въ ходъ, чтобы окончательно подрѣзать бѣднаго Ореста.

Мы выше видѣли, какъ по первому-же абцугу, всѣ перемѣнились въ отношеніи къ нему, но все это были одни цвѣточки, а ягодки, хотя и завязались, а все еще были впереди. Павелъ Ивановичъ изо всѣхъ силъ способствовалъ ихъ созрѣванію; при его громадномъ знакомствѣ дѣло это было нетрудное и вотъ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ пріѣзда Осокина изъ Москвы, р—скіе жители прочли въ газетахъ, что Орестъ причисляется къ министерству, а на мѣсто его назначается какой-то Верхоглядовъ.

Поразила эта новость Осокина, но не отняла у него энергіи; онъ отчасти ожидалъ чего-либо подобнаго, но не такъ скоро. „Тестюшка видно поддоброхотилъ!“ догадался молодой человѣкъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ отправился въ Петербургъ.

— Желаю вамъ успѣха, усмѣхнувшись сказала ему на прощаньи Софья Павловна, - но врядъ-ли ваша поѣздка принесетъ вамъ что-нибудь, кромѣ издержекъ... Нельзя, Орестъ Александрычъ, безнаказанно плыть противъ теченія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Анатолій Брянчаниновъ.

О вѣротерпимости въ Россіи [1].

(Окончаніе) [2].

Не съ такою, по-видимому, терпимостію и гуманностію относились русскіе государи и русское правительство къ своимъ собственнымъ русскимъ *расколо-сектантамъ*. Иногда по отношенію къ нимъ были употребляемы довольно *жестокія и насильственныя мѣры*. Но что особенно бросается въ глаза, такъ это то, что иногда одни и тѣ же государи различно относились къ однимъ и тѣмъ же нашимъ сектантамъ: покровительствуя имъ въ началѣ царствованія, подъ конецъ его они иногда употребляли и такія мѣры, которыя какъ будто-бы непримиримы съ гуманною *вѣротерпимостію*. Конечно, отношеніе Православной Церкви къ русскимъ расколо-сектантамъ не можетъ быть такимъ объективнымъ, какимъ является ея отношеніе къ католичеству или протестантству; русскіе расколо-сектанты вышли изъ нѣдръ нашей Православной Церкви, отрицая ее, а потому они первые неизбѣжно становятся во враждебное отношеніе къ ней. Но не этою религіозною враждебностію раскольниковъ и сектантовъ къ нашей Православной Церкви, не ихъ фанатизмомъ, иногда выражающемся даже въ разгромѣ православныхъ церквей и кощунственномъ осквернепіи православной святыни, объясняются тѣ стѣснительныя мѣры, которыя иногда были принимаемы русскимъ правительствомъ въ борьбѣ съ нашимъ расколо-сектантствомъ. Когда мы познакомимся ближе съ русскимъ расколомъ и сектантствомъ, то мы увидимъ, что причины этого прискорбнаго явленія заключаются въ самомъ расколо-сектантствѣ нашемъ. Наши раскольники и сектанты часто оставляютъ религіозную почву и переходятъ на чисто политическую, вслѣдствіе чего и правительство вынуждено бывало принимать соотвѣтствующія мѣры. Въ этомъ случаѣ, конечно, о полной вѣротерпимости уже не можетъ быть и рѣчи.

---

[1]) Докладъ, прочитанный въ Харьковскомъ Отдѣлѣ „Русскаго Собранія“. [2]) См. „Мирный Трудъ“ № 6.

Въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія въ Псковѣ и Новгородѣ появилась *ересь стригольниковъ*—дьякона *Никиты* и какого-то *Карпа*, отрицавшихся отъ пастырей церкви, какъ отъ незаконныхъ, поставленныхъ на мздѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ ихъ священнодѣйствій (таинствъ) и отъ всего проповѣдуемаго ими ученія, т. е. отъ всего христіанства. Такъ какъ на этихъ еретиковъ не дѣйствовали никакія убѣжденія, то новгородскій владыка отлучилъ ихъ отъ церкви (въ 1375 г.). Но новгородцы не удовольствовались такимъ судомъ архіепископа; они посмотрѣли на этихъ еретиковъ съ иной точки зрѣнія: въ ихъ ученіи они увидѣли оппозицію противъ іерархическаго подчиненія Пскова Новгороду и потому поступили съ ними по-своему: народная толпа схватила ихъ и бросила въ Волховъ. Митрополитъ *Фотій* въ особомъ посланіи *укорялъ новгородцевъ* за то, что они поступили съ еретиками не по-христіански.

Въ томъ же самомъ Новгородѣ въ концѣ XV вѣка появилась другая ересь—*жидовствующихъ*, на которую мы указали. Ученіе ея состояло въ отрицаніи всего христіанства и въ замѣнѣ его раціоналистическимъ еврействомъ. Ересь эта была осуждена на соборѣ и великій князь Іоаннъ III „явилъ *похвальную умѣренность* въ этомъ случаѣ, столь важномъ для вѣры". Были люди, которые хотѣли было пытать и казнить уличенныхъ еретиковъ; но великій князь не допустилъ этого, и соборъ, дѣйствуя согласно съ его волею, только отлучилъ не покаявшихся еретиковъ отъ церкви, а вожаковъ осудилъ на монастырское заточеніе. Такое наказаніе,—говоритъ *Карамзинъ*,—по суровости вѣка и по важности разврата, было весьма человѣколюбиво. Князь думалъ, что отлученія церковнаго достаточно для отвращенія людей слабыхъ отъ подобныхъ заблужденій. „*Развратъ истреблять нужно*, говорилъ онъ, *но безъ казни, противной духу христіанства*". „Не должно злобиться и на еретиковъ",—говорилъ митрополитъ Зосима; „пастыри духовные да проповѣдуютъ только миръ". Замѣтимъ кстати, что соборъ русскихъ архипастырей осудилъ только ересь, т. е., ученіе еретиковъ, а самыхъ еретиковъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, „судили *по градскому* закону".

Въ царствованіе *Іоанна Грознаго* въ Москвѣ были обнаружены ереси *Матвѣя Башкина* и монаха (изъ бояръ) *Ѳеодосія Косого*. Еретики эти проповѣдывали какое-то раціоналистическое, не-христіанское ученіе, отвергали божество Іисуса Христа, всѣ таинства нашей церкви, дѣянія соборовъ и святость угодниковъ Божіихъ. Своими совратителями Башкинъ

назвалъ *католиковъ*—аптекаря Матвѣя Литвина и Андрея Хотѣева, а единомышленниками: Ивана и Григорія Борисовыхъ, монаха Бѣлобаева и др. Царь Иванъ Васильевичъ *Грозный* и митрополитъ, уличивъ еретиковъ на соборѣ, „*не хотѣли однако-же употребить жестокой казни*“: они осудили ихъ только на заточеніе, „да не сѣютъ соблазна между людьми“.

Въ 1689 году въ Нѣмецкой Слободѣ въ Москвѣ явился изступленный мистикъ *Квиринъ Кульманъ*, называвшій себя княземъ Бога Израилева, сыномъ Сына Божія, пророкомъ, *который долженъ былъ возстановить тысячелѣтнее царство Божіе на землѣ*“. Онъ былъ сожженъ на кострѣ. Чѣмъ объяснить эту непонятную жестокость,—мы не знаемъ; для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ достаточно матеріала. Можно однако-же предполагать, что намѣреваясь *основать на землѣ свое царство*, онъ чрезъ это ступилъ на политическую почву, грозившую устоямъ тогдашней государственной жизни русскаго народа. Во всякомъ случаѣ считаемъ нужнымъ замѣтить, что *Кульманъ* былъ преданъ не русскими, а самими же *нѣмцами*, среди которыхъ онъ жилъ.

Расколъ старообрядства, и по своему внутреннему значенію, и по количеству своихъ послѣдователей, и по своей живучести, есть самое выдающееся отрицательное явленіе въ церковно политической жизни русскаго народа. Къ сожалѣнію, русскіе люди, особенно—питающіе къ расколу большія симпатіи, имѣютъ о немъ весьма невѣрное понятіе. Они ошибочно приписываютъ ему *только* религіозный характеръ. Съ этимъ несогласны безпристрастные изслѣдователи нашей исторіи. „По своему *догматическому* ученію,—говоритъ, напр., даже нѣмецкій ученый изслѣдователь нашего раскола, проф. *Герингъ*,—раскольники такъ близко родственны съ православными, что стоящій внѣ ихъ взаимныхъ споровъ только съ трудомъ можетъ отыскать тѣ пункты, въ которыхъ воззрѣнія, относящіяся собственно къ ученію о спасеніи, у обоихъ противниковъ находятся въ такомъ непримиримомъ противорѣчіи, что исключается всякое общеніе. Равнымъ образомъ они не различаются и въ своихъ принципальныхъ стремленіяхъ: тѣ и другіе хотятъ быть „православными“ и притомъ—по однимъ и тѣмъ же авторитетамъ; тѣ и другіе имѣютъ одинаковыя принципальныя воззрѣнія на клиръ и таинства; тѣ и другіе одинаково придаютъ существенно важное значеніе обрядамъ“. Послѣ этого нельзя не согласиться съ Герингомъ въ томъ, что если бы расколъ старообрядства былъ явленіемъ *только религіознымъ*, то онъ самъ по себѣ не могъ бы долго суще-

ствовать,—онъ скоро слился бы съ русскою церковію.. Герингъ считаетъ нашъ расколъ явленіемъ столько-же религіознымъ, сколько и соціально-политическимъ, консервативно-реакціоннымъ; „а со временъ Петра, говоритъ онъ, расколъ принимаетъ особый, чисто *революціонный* характеръ", ибо онъ оказываетъ уже противодѣйствіе не только церкви, но и государству.

Съ этимъ мнѣніемъ Геринга нельзя не согласиться. Церковныхъ мнѣній, защищаемыхъ раскольниками 11, гражданскихъ—свыше 70. И мы, только по недоразумѣнію, ошибочно, считаемъ раскольниковъ настоящими русскими людьми, даже патріотами, безпредѣльно преданными русскому царю. Кто знаетъ расколъ, тотъ знаетъ и то, какой смыслъ имѣютъ всѣ вѣрноподданническіе адресы и поздравительныя телеграммы раскольниковъ. Наши раскольники лучше всего доказали то положеніе, что кто перестаетъ быть православнымъ, тотъ неизбѣжно долженъ перестать быть и русскимъ. Въ дѣйствительности расколъ есть самый враждебный элементъ въ Россіи и для русскаго дѣла [1]). Раскольники никогда не будутъ искренно почитать русскаго царя и никогда не будутъ даже молиться за него. Въ глазахъ раскольниковъ русскій православный царь—*еретикъ*, съ которымъ, слѣдов.. нельзя имѣть никакого общенія; мало того, онъ,—*антихристъ*, царствующій въ мірѣ [2]); въ самомъ его титулѣ заключается и его антихристово имя,—число звѣрино (ИПЕРАТОР=666). Но если русскій царь—антихристъ; то не только не слѣдуетъ исполнять, но нужно всѣми силами противиться его указамъ и распоряженіямъ. Такъ раскольники и поступали: они объявили дѣломъ антихриста всѣ реформы Петра и всѣ распоряженія послѣдующихъ императоровъ: народныя переписи, рекрутчину, паспорты; они противились даже распоряженіямъ Екатерины о разведеніи картофеля, вишень и т. п. И не думайте, что въ настоящее время расколъ сталъ инымъ. Нѣтъ, онъ остался тѣмъ же. Въ 1896 г. по повелѣнію нынѣ царствующаго Государя, была производима въ Россіи народная перепись. И

---

[1]) Подробно объ этомъ раскрыто въ интересномъ сочиненіи знатока Раскола—Н. И. Субботина „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій".

[2]) Подлинное ученіе раскольниковъ о русскихъ царяхъ положено въ раскольническихъ символическихъ книгахъ: Пандектѣ, Цвѣтникѣ и въ Собраніи отъ Св. Писанія объ антихристѣ (См. Кельсіева „Сборникъ о раскольникахъ", Лондонъ, 1961., вып. 2, стр. 245—269).

что же? Раскольники въ Тирасполѣ Херсон. губ. (въ числѣ 21) живыми замуровали себя въ стѣны, чтобы только уклониться отъ антихристовой переписи. „Странники“ и теперь ни за что не возьмутъ паспортовъ, не пойдутъ въ солдаты. Министры и сановники въ глазахъ нашихъ раскольниковъ—слуги антихриста. Но раскольники враждебно относятся и ко всѣмъ вообще русскимъ людямъ, какъ подвластнымъ антихристу. Даниловцы и филипповцы считаютъ тяжкимъ грѣхомъ даже заговорить съ православными; ѳедосѣевцы всѣ купленные на рынкѣ продукты очищаютъ 100 поклонами, дабы на нихъ снизошла благодать Божія; а чтобы она имѣла свободный проходъ, для этого ѳедосѣевцы дѣлаютъ въ своихъ печахъ особыя отверстія и никогда не закрываютъ горшковъ, въ которые вложены эти продукты. Питая такую враждебность къ русскимъ людямъ, наши раскольники никогда не считали грѣхомъ дѣлать вредъ и Россіи. Многіе изъ нихъ подъ предводительствомъ казака Некраса, бѣжали въ Турцію и во время нашихъ турецкихъ войнъ, не исключая и послѣдней—восточной, становились въ ряды турецкихъ войскъ и сражались противъ своихъ братьевъ-россіянъ; но особенно много вреда причиняли они русскимъ войскамъ въ качествѣ турецкихъ шпіоновъ. Въ 1812 г. всѣ русскіе люди оставили Москву; одни только раскольники съ радостнымъ біеніемъ сердца ожидали прибытія Наполеона. На Воробьевыхъ горахъ, чрезъ французскаго коменданта Москвы генерала Дюронеля, они поднесли ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и глубокую тарелку червонцевъ, прося его милостей. 12 сентября на Преображенскомъ кладбищѣ раскольники давали Наполеону роскошный обѣдъ; а на Рогожскомъ, съ разрѣшенія *новаго царя Россіи*, часовня была освящена въ церковь... Отказавшіеся молиться за своихъ природныхъ царей, раскольники неопустительно молились за Наполеона, прося ему побѣдъ надъ Александромъ. Пользуясь благорасположеніемъ французскаго узурпатора, раскольники безнаказанно грабили православныя церкви, похищая древнія иконы и утварь. Никифоръ Тимоѳеевъ утащилъ даже часть мощей св. митрополита Филиппа... Можно ли послѣ этого удивляться тому, что въ расколѣ образовалась даже особая секта—*наполеоновцевъ*, почитающихъ Наполеона I воплощеннымъ Христомъ, спасителемъ міра и поклоняющихся предъ *иконою*, изображающею Наполеона, возносящимся на небо... И какая иронія судьбы: эта секта раньше всего появилась въ бѣлокаменной Москвѣ!.. (Кельсіева Сборникъ о раскольникахъ, Лондонъ, 1861. вып. 2, стр. 135—137). Не считали для себя расколь-

ники позоромъ вступать въ сношенія съ русскими эмигрантами и революціонерами: поляком—Садыкъ-пашею—Михаиломъ Чайковскимъ, Гончаровымъ, Равскимъ и Жуковскимъ, которые, собственно, и дали имъ ихъ австрійскую лже-іерархію; не устыдились наши раскольники посылать своего лже-епископа Пафнутія въ Лондонъ къ революціонерамъ: *Герцену, Бакунину, Кельсіеву* и *Огареву* съ тѣмъ, чтобы устроить въ Лондонѣ для раскольническаго „новгородскаго архіепископа" каѳедральный соборъ, монастырь, типографію... По внушенію этихъ же друзей своихъ наши раскольники въ 1854 г. учинили гнусный замыслъ цареубійства. Главными участниками этого замысла были раскольники: епископы Алиній и Аркадій, а изъ мірянъ: Гончаровъ, Никита Бѣляевъ и нѣкіе: Стефанъ, Ѳеодоръ и Димитрій.. Не по волѣ этихъ лицъ не удался ихъ гнусный замыселъ...

Между тѣмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи расколъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ себя какъ явленіе крайне вредное и нетерпимое въ благоустроенномъ государствѣ. Такъ, отвергнувъ священство, раскольники-безпоповцы должны были отвергнуть вмѣстѣ со всѣми другими таинствами и таинство брака. Въ результатѣ: полиція каждою весною стала вытаскивать изъ Хапиловскаго пруда (близъ Преображенскаго кладбища) цѣлыя сотни младенческихъ труповъ; а у раскольниковъ явилась новая секта—*дѣтоубійцъ;* дѣтей-де убивать полезно: они невинные ангелы и у престола Божія будутъ самыми надежными молитвенниками за своихъ родителей. Изъ идеи же сопротивленія русскому правительству развились двѣ секты, также нетерпимыя ни въ какомъ культурномъ государствѣ: секта *душителей* и секта *самосожигателей*. Такъ, въ 1670 году сожгли себя 2700 безпоповцевъ въ Беризанкѣ и 300 человѣкъ въ Сибири. Въ Палеостровскомъ монастырѣ въ 1687 г. около 1000 фанатиковъ сожгли себя въ ямѣ, обложенной хворостомъ; то же самое повторилось и въ слѣдующемъ году. Въ 1832 г. около 500 раскольниковъ сожгли себя, запершись въ одной избѣ. Такихъ случаевъ не перечтешь.

Послѣ сказаннаго понятно и самое двойственное поведеніе нашего правительства по отношенію къ раскольникамъ: когда наши государи видѣли въ расколѣ только религіозное явленіе, хотя бы то даже и въ видѣ самыхъ безсмысленныхъ сектъ его, каковы. нѣтовцы, немоляки, дырники, раззини и т. п., они относились къ нему съ полною вѣротерпимостію и даже благорасположеніемъ; но какъ-только они усматривали въ немъ вредный политическій элементъ, нетерпимый ни въ какомъ

государствѣ, они предпринимали противъ него внѣшнія, полицейскія мѣры. Такой взглядъ высказываетъ и извѣстный эмигрантъ, другъ нашихъ раскольниковъ—*Кельсіевъ*. Вотъ что мы читаемъ въ его „Сборникѣ о раскольникахъ“ (вып. 2, Лондонъ, 1861, стр. 95): „Сначала на расколъ смотрѣли только какъ на чисто религіозную секту; но вскорѣ замѣтили въ немъ политическій характеръ, и тогда послѣдовали законы противъ раскольниковъ, совершенно противоположные выше помянутому (крайне либеральному) взгляду“.

Въ первый разъ русское правительство прибѣгаетъ къ стѣснительнымъ мѣрамъ противъ раскольниковъ въ 1681 г., но не за ихъ вѣрованія, а какъ объявило само правительство, *„за великія поносительныя рѣчи противъ царскаго дома“*.

Петръ Великій, отличавшійся вѣротерпимостію вообще, былъ весьма снисходителенъ и къ раскольникамъ. Онъ никогда ихъ не преслѣдовалъ за ихъ вѣрованія. Когда ему однажды дали знать, что много раскольниковъ живетъ на Волгѣ, онъ сказалъ: „пускай живутъ!“ и не велѣлъ ихъ трогать. Въ другой разъ ему заявили, что изъ раскольниковъ выходятъ хорошіе купцы. Въ отвѣтъ на это онъ сказалъ: „Если они таковы, то, по мнѣ, пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть,—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Особенное расположеніе къ раскольникамъ Петръ обнаружилъ послѣ шведской войны, во время которой ему помогали стародубскіе раскольники. Онъ велѣлъ переписать на себя ихъ слободы, утвердилъ за ними ихъ земли, промыслы и торги и даровалъ амнистію всѣмъ бѣглецамъ, которые къ нихъ скрывались Къ сожалѣнію, раскольники всегда были настроены враждебно по отношенію къ Петру. Уже за то, что 23 іюня 1682 г. Петръ былъ коронованъ по *Никоніанскому обряду*, раскольники 5 іюля подняли открытый бунтъ. Когда, по возвращеніи изъ-за границы Петръ не обратилъ вниманія на челобитную раскольниковъ и не отказался отъ своихъ реформъ, они прямо объявили его антихристомъ и рѣшили оказывать самое рѣшительное противодѣйствіе всѣмъ его начинаніямъ. Удивительно ли, если, узнавъ послѣ этого сущность раскола, Петръ къ концу своего царствованія сталъ принимать въ отношеніи къ расколу нѣкоторыя стѣснительныя мѣры, въ родѣ двойного подушнаго оклада, установленія для раскольниковъ особой одежды и т. п.? Но само собой понятно, что эти мѣры ничего не говорятъ противъ разумной вѣротерпимости Петра...

Императрица Анна Іоанновна если не благоволила, то во всякомъ случаѣ и не преслѣдовала нашихъ раскольниковъ. Къ сожалѣнію, раскольники сами скоро вызвали репрессивныя мѣры противъ себя. Они на отрѣзъ отказались возносить молитву за императорскую фамилію на своихъ богослуженіяхъ; только *поморяне* и то лишь „страха ради полицейска“ (ихъ выраженіе) рѣшили для виду читать молитву за царя, но—съ пропускомъ „*благочестивѣйшаго*“; остальные раскольники въ молитвѣ за царя выраженіе: „побѣды благовѣрному *императору нашему*“ замѣнили словами: „побѣды благовѣрнымъ *рабомъ твоимъ*“; въ 3-мъ ирмосѣ на Крещеніе Господне вмѣсто: „крѣпость даяй *царю нашему*“ раскольники поютъ: „крѣпость даяй *рабомъ своимъ*“. Лже-архіепископъ московскій *Антоній*, по словамъ раскольническаго же лже-епископа Пафнутія (въ запискѣ лже-попамъ—Петру и Ѳеодору), особымъ посланіемъ запретилъ молиться за *русскаго* царя. *Поморянъ* за то именно, что они рѣшили хотя въ присутствіи полицейскихъ чиновниковъ молиться за царя, раскольники обыкновенно зовутъ „*самарянами*“. Кромѣ того, раскольники, проживавшіе во множествѣ на Вѣткѣ, занимались разбоемъ и грабительствомъ не только въ Россіи на большихъ дорогахъ, но и въ сосѣдней Польшѣ. Императрица Анна особеннымъ указомъ въ 1733 г. предложила вѣтковскимъ раскольникамъ возвратиться въ Россію и обѣщала имъ полную амнистію (это ли не вѣротерпимость?); но приглашеніе это успѣха не имѣло. Въ слѣдующемъ году оно было повторено неоднократно и только послѣ этого въ 1735 г. императрица послала противъ нихъ полковника *Я. Г. Сытина* и приказала ему разрушить ихъ колонію. И что же?—Только годъ спустя Сытину удалось овладѣть ихъ монастыремъ и захватить 40,000 раскольническихъ монаховъ. Чрезъ 5 лѣтъ императрица вынуждена была отправить еще *Самарина* для усмиренія возмутившихся филипповцевъ. Но когда Самаринъ приблизился къ монастырю Филиппа, послѣдній сжегъ самъ себя вмѣстѣ съ 38 своими приверженцами при возмутительныхъ демонстраціяхъ противъ царицы и церкви.

Подобно Аннѣ и императрица *Елисавета* (1741—1761) особымъ указомъ, *переведеннымъ на многіе иностранные языки*, предлагала вѣтковцамъ возвратиться въ свое отечество и обѣщала имъ полную амнистію и рѣдкія права. Но они отклонили и это предложеніе. Здѣсь важно отмѣтить, что вѣротерпимости Елисаветы удивлялись самые либеральные иностранцы и иновѣрцы.

Петръ III еще при вступленіи на престолъ даровалъ

раскольникамъ полную свободу вѣроисповѣданія, „ибо (говорилъ онъ въ своемъ манифестѣ) внутри имперіи и иновѣрные, яко магометане, и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники—христіане... Отвращать ихъ отъ суевѣрія должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно".

Екатерина II еще указомъ 14 декабря 1762 г. предоставляла раскольникамъ *всякую свободу вмѣстѣ съ новою амнистіею* при возвращеніи ихъ въ Россію; имъ было дозволено носить бороды, сохранять свой обычный костюмъ; они могли селиться въ губерніяхъ Курской, Воронежской и Казанской по ихъ усмотрѣнію и въ теченіе шести лѣтъ освобождались отъ всякихъ податей и рекрутскаго набора, какъ торговцы или государственные крестьяне. Въ благодарность за такое благорасположеніе раскольники въ 1763 г. подняли на Вѣткѣ цѣлое возстаніе, такъ что въ 1764 г. Екатерина вынуждена была послать генерала *Маслова*, чтобы разрушить непокорную Вѣтку. Масловъ привелъ въ Россію около 20,000 раскольниковъ... Не смотря на это въ 1771 г., во время моровой язвы, Екатерина позволила безпоповцамъ поселиться въ самой Москвѣ и основать здѣсь большую общину—*Преображенское Кладбище*,—гдѣ проживало до 15000 раскольниковъ; поповцы основали подобную же общину подъ именемъ *Рогожскаго Кладбища*. Даже фанатикамъ филипповцамъ Екатерина дозволила поселиться въ Москвѣ и учредить общину. Выговскимъ раскольникамъ она подарила въ вѣчное владѣніе 12,500 десятинъ земли въ то время, какъ отнимала имущества у православныхъ монастырей и мучила православнаго архіепископа *Арсенія Маціевича*, не сочувствовавшаго этому распоряженію ея. Но особенно большою свободою пользовались раскольники, жившіе на югѣ Россіи подъ покровительствомъ благоволившаго къ нимъ Потемкина. Въ 1789 году Екатерина II издала даже указъ, которымъ предписывалось таврическому архіепископу назначить для *старообрядцевъ* Черниговской и Новгородсѣверской губерніи особыхъ священниковъ, которые совершали бы для нихъ всѣ требы по *старымъ* книгамъ. Только когда Екатерина узнала, что раскольники были турецкими и польскими шпіонами, снаряжали на свой счетъ противъ русскихъ цѣлые военные отряды и сражались противъ русскихъ вмѣстѣ съ турками, она измѣнила свое отношеніе къ нимъ и обратилась къ мѣрамъ Петра Великаго...

Императоръ *Николай I* былъ возмущенъ тѣмъ, что рас-

кольники, устранявшіе гнусный замыселъ противъ его жизни, находились въ сношеніяхъ съ русскими революціонерами и явно сопротивлялись многимъ требованіямъ закона; поэтому онъ былъ къ нимъ довольно строгъ: велѣлъ запечатать ихъ церкви и кладбища, а имущества ихъ конфисковать.

Гуманный, но безхарактерный *Александръ II* снова возвратилъ раскольникамъ все, что было конфисковано его отцомъ... Еще въ первый годъ своего царствованія, присутствуя на засѣданіи Сепата, обсуждавшаго вопросъ о раскольникахъ, императоръ Александръ закрылъ это засѣданіе слѣдующими словами: „Господа, я нахожу, что мѣры *противъ гражданскихъ поступковъ раскольниковъ*, принятыя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и утвержденныя моимъ покойнымъ отцомъ,— необходимы: полиція должна исполнять свою обязанность; духовенству слѣдуетъ проповѣдывать и поучать: но въ уваженье къ искреннимъ убѣжденіямъ—*я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ царствовала терпимость!*“ (Le Raskol. стр. 159; Кельсіева Сборникъ о раскольникахъ, вып. 2. Лондонъ, 1861. стр. 190).

О положеніи раскольниковъ въ настоящее время мы скажемъ нѣсколько ниже.

Къ *сектамъ* русское правительство относилось такъ же, какъ и къ расколу. Оно не стѣсняло ихъ вѣрованій, но предпринимало репрессивныя мѣры противъ того, что оказывалось въ нихъ вреднаго для общественной и государственной жизни.

Изъ русскихъ *сектъ* раньше другихъ, еще въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича (въ 1645 г.) появилось *хлыстовство* подъ именемъ ереси *людей Божіихъ*. Основателемъ ея былъ бѣглый солдатъ *Даніилъ Филипповъ*, изъ Владимірской или Костромской губерніи. Онъ увѣрялъ, что на горѣ Городинѣ въ муромскомъ уѣздѣ на него сошелъ съ неба Саваоѳъ и въ немъ вселился. Въ 1649 году онъ объявилъ своимъ сыномъ-богомъ или христомъ своего ревностнаго послѣдователя, крестьянина муромскаго уѣзда владимірской губерніи *Ивана Тимофеевича Суслова*. Сусловъ уже завелъ себѣ богородицу и 12 апостоловъ и распространялъ свое ученіе въ нижегородской и владимірской губерніи. Послѣ Суслова въ 1716 году объявилъ себя христомъ стрѣлецъ *Прокопій Лупкинъ*, а жену свою *Акулину Ивановну* онъ выдавалъ за богородицу. Замѣчательно, что этою ересью были заражены 8 московскихъ (большею частью—женскихъ) монастырей. Въ основѣ ученія хлыстовъ лежитъ идея *перевоплощенія*. Перевоплощаются Саваоѳъ, христосъ, богородица, пророки, апостолы и т. д.

Съ этой идеей въ тѣсной связи находится идея предсуществованія душъ и душепереселенія. Послѣ разлученія съ тѣломъ, душа становится или ангеломъ (душа хлыста), или діаволомъ (души православныхъ), но чаще всего переселяется въ какое либо животное; только живущіе въ брачной жизни *несомнѣнно* переходятъ въ свиней. Сущность нравственнаго ученія хлыстовъ, состоитъ собственно въ отрицаніи брака или брачной жизни и въ умерщвленіи плоти черезъ ея изнуреніе и распутство. Хлысты образуютъ отдѣльныя общины или корабли (въ харьковской губерніи—садки, сіоны); во главѣ каждаго корабля, стоитъ особый кормщикъ—христосъ, пророкъ, иногда просто наставникъ. Культъ хлыстовъ состоитъ изъ трехъ моментовъ: 1) чтенія Слова Божія и пѣнія псалмовъ; 2) радѣній и 3) свальнаго грѣха. Радѣнія хлыстовъ раздѣляются на 6 видовъ: 1) одиночное, 2) въ схватку, 3) стѣнкою, 4) корабельное, 5) крестное и 6) круговое. Не всѣ моменты культа обязательны для выполненія и сами хлысты не знаютъ, чѣмъ окончится въ данное время ихъ моленье. Часто, по требованію обстоятельствъ, хлысты ограничиваютъ свое моленье только первымъ моментомъ, т. е. чтеніемъ Св. Писанія и пѣніемъ псалмовъ, и тогда они оказываются безупречными въ своемъ поведеніи. Вообще хлысты въ высшей степени лицемѣрны. Сами пророки поучаютъ ихъ лицемѣрить и лицемѣрія не признаютъ грѣхомъ. Они крестятъ въ нашей церкви своихъ дѣтей, вѣнчаются у приходскихъ священниковъ, отпѣваютъ умершихъ, въ домахъ своихъ имѣютъ иконы, принимаютъ духовенство. Хлысты почти всегда первыми являются на церковныя богослуженія и вечернія собесѣдованія въ церквахъ; когда на этихъ собесѣдованіяхъ священникъ заводитъ рѣчь о мерзостяхъ хлыстовства, хлысты первые начинаютъ вздыхать и возмущаться этими мерзостями; въ обществѣ хлысты въ особенности любятъ осуждать блудъ и распутную жизнь. Будучи по внѣшности благочестивыми, хлысты чаще другихъ становятся друзьями дома своихъ приходскихъ священниковъ, и послѣдніе, нерѣдко только на судебномъ слѣдствіи узнаютъ, кто были ихъ друзья, кого они уважали за благочестіе и считали лучшими христіанами въ приходѣ! Какъ ловко они умѣютъ скрывать свои мерзости, доказываетъ слѣдственная комиссія, учрежденная Александромъ I въ 1818 году, которая засвидѣтельствовала, что „православная церковь должна признать хлыстовъ своими вѣрнѣйшими и благочестивѣйшими овцами, въ вѣрованіи которыхъ нѣтъ ничего, заслуживающаго порицанія“. Удивляться ли такому отзыву, если принять во

вниманіе, что къ этой сектѣ принадлежали: бывшій съ 1803 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода кн. Алексѣй Голицынъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей! Цѣлыхъ 88 лѣтъ (1645—1733) секта хлыстовъ безпрепятственно и безъ всякаго стѣсненія распространялась по Россіи. Власти прекрасно знали о ея существованіи,—и молчали... Это ли не вѣротерпимость? Только въ 1733 году хлысты московскіе были преданы суду, но—не за вѣрованія свои, а за разрушеніе основъ семейной жизни, за свальный грѣхъ, за растлѣніе малолѣтнихъ, за кровосмѣшеніе и прелюбодѣяніе.. Такъ смотритъ наше правительство на хлыстовъ и въ настоящее время. *Хлысты* предаются суду только тогда, когда будетъ установлено, что они учинили умерщвленіе блудно прижитыхъ младенцевъ, свальный грѣхъ на радѣніяхъ, половой развратъ, какъ замѣну брака и т. п. противонравственныя и гнусныя дѣянія (рѣш. Прав. Сен. по дѣлу тарусскихъ хлыстовъ 1895 г. № 34; Полн. Собр. Зак. 6613, 10664; ук. Св. Син. 1734 г. 7 авг. и 9 дек.). Но могло ли бы другое какое-либо культурное государство терпѣть эти противонравственныя и вредныя для общества дѣянія?...

Скопчество основалъ одинъ изъ хлыстовъ, орловскій крестьянинъ *Кондратій* или *Андрей Селиванов* (по нѣкоторымъ—подпоручикъ *Владиміръ Селиванов*), возмутившійся сильнымъ распространеніемъ разврата среди хлыстовъ; ревностными послѣдователями его были: тульскій крестьянинъ *Александръ Ивановичъ Шиловъ*, и фабричный писарь *Емельянъ Ретивый* или *Аверьянушка*. По своему ученію скопчество есть то же самое хлыстовство, отъ котораго оно и произошло. Скопчество отличается отъ хлыстовства лишь тѣмъ, что на мѣсто свальнаго грѣха ставитъ оскопленіе. По ученію скопцовъ, оскопленіе было установлено еще въ вѣтхомъ завѣтѣ въ видѣ обрѣзанія; Христосъ былъ оскопленъ Іоанномъ Предтечею; на тайной вечери Онъ оскопилъ Своихъ учениковъ, кромѣ Іуды, который не былъ оскопленъ, но „шедъ, удавися“, т. е., женился. Все дѣло искупленія Христа состояло въ томъ, что Онъ научилъ людей оскопляться. Къ скопчеству наше правительство относилось неодинаково. Въ 1775 году основатели скопчества *Селиванов* и *Шиловъ* были сосланы по суду: первый—въ Сибирь, второй—въ Ригу. Такъ какъ въ Сибири Селивановъ выдавалъ себя за Петра III, то императоръ *Павелъ*, признавъ его сумасшедшимъ, отправилъ только для излѣченія въ Обуховскую больницу. *Александръ I*, какъ извѣстно, покровительствовалъ всевозможнымъ сектантамъ, а потому съ

1801 года настало и для скопчества, по ихъ собственному выраженію, „счастливое время", „золотой вѣкъ"; скопцовъ велено оставить въ покоѣ. Впрочемъ, съ 1819 года долженъ былъ измѣнить свой взглядъ на скопчество и Александръ I, потребовавшій указомъ, чтобы эти сектанты впредь не производили оскопленій, а три вожака были даже сосланы въ Соловецкій монастырь, *Селиванов* же—въ Суздальскій—Спасо-Евфиміевъ. Императоръ *Николай I* объявилъ скопчество самою вредною сектою въ Россіи и велѣлъ преслѣдовать за простую принадлежность къ ней. Въ настоящее время суду предаются только тѣ скопцы, относительно которыхъ будетъ доказано, что они оскопили себя или другихъ (Рѣш. Прав. Сен. по дѣлу Кудриныхъ 1871 г. и Шараповыхъ—1872 г.).

М. г.! девять лѣтъ я несъ обязанности миссіонера въ этой епархіи; иногда я былъ вызываемъ въ судъ въ качествѣ эксперта. Я видѣлъ членовредительство скопцовъ; я видѣлъ ихъ такъ называемыя большія *царскія* печати: но я не желалъ бы, чтобы *вы* ихъ когда-нибудь увидѣли. По возвращеніи изъ суда, я, даже усталый, не могъ заснуть въ теченіе многихъ ночей. Все у меня стояли передъ глазами эти ужасныя печати! Такого звѣрства не можетъ терпѣть ни одно государство... Не спѣшите же обвинять свое отечество въ нетерпимости. Какъ вы видѣли, оно долго гуманничало даже со скопцами...

Идеи *духоборчества* стали распространяться въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ еще въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка; но форму ереси имъ далъ нѣкто *Силуанъ Колесниковъ* только около 1785 г., а ея распространителемъ былъ одподворецъ с. Горѣлова Тамбовской губ. *Иларіонъ Побирохинъ*. Сущность ученія духоборовъ состоитъ въ томъ, что въ ихъ родѣ обитаетъ Богъ-Слово и предохраняетъ ихъ отъ заблужденій. Догматики у нихъ почти нѣтъ и источникомъ ихъ вѣроученія служитъ только внутреннее откровеніе или сообщеніе духа, обитающаго въ каждомъ духоборѣ. Ихъ ученіе, въ видѣ отдѣльныхъ сверхъестественныхъ откровеній, содержится въ ихъ псалмахъ, которые въ своей совокупности составляютъ такъ называемую *„животную книгу"*. Библію духоборы отвергаютъ. Признавая всѣхъ духоборовъ носителями духа или Бога Слова, они проповѣдуютъ вообще равенство, отвергаютъ власть начальниковъ и даже царя, не признаютъ суда, не даютъ присяги, не хотятъ отбывать воинской повинности и т. д. Это ученіе заставило даже Екатерину обратить вниманіе на секту духоборовъ. Впрочемъ, когда духоборы не

противились исполнять законныя требованія властей, ихъ никто не трогалъ и они пользовались полною свободою своей совѣсти. Въ Канаду наши духоборы ушли сами, несмотря на увѣщанія правительства...

Молоканство выдѣлилось изъ духоборства, какъ скопчество изъ хлыстовства. Его основателемъ былъ портной, крестьянинъ борисоглѣбскаго уѣзда тамбовской губерніи *Семенъ Матвѣевичъ Уклеинъ*. Онъ отдѣлился отъ духоборовъ только потому, что духоборы не приписывали никакого значенія книгамъ Св. Писанія, а всю систему своего ученія построяли только на основаніи внутренняго озаренія или просвѣщенія. Въ существенныхъ же частяхъ своего ученія молоканство согласно съ духоборчествомъ. При Александрѣ I эта секта пользовалась совершенною свободою своего вѣроисповѣданія; но Николай I призналъ молоканъ, какъ и духоборовъ вредными для общественной и государственной жизни: вмѣстѣ съ духоборами они были выселены въ Закавказье. Въ послѣднее время духоборы и молокане усвоили еще ученіе штундистовъ и толстовцевъ и потому стали еще болѣе вредными сектами.

Штунда появилась у насъ на югѣ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія; ея первыми распространителями были малороссійскіе крестьяне: *Ратушный*, *Рябошапко*, *Балабанъ* и *Ковалъ*. Секта эта нѣмецкаго происхожденія и потому носитъ на себѣ явно протестантскій характеръ. Сущность ученія ея состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Христосъ умеръ на крестѣ и искупилъ всѣхъ людей отъ ихъ грѣховъ. Человѣкъ оправдывается предъ Богомъ только вѣрою. Церковь и ея таинства отвергаются. Крещенію, впрочемъ, придается символическое значеніе. Теперь у штундистовъ появились уже епископы, пресвитеры и діаконы; есть и преломленіе хлѣба. Моленія ихъ состоятъ большею частью изъ чтенія Св. Писанія Новаго Завѣта, его толкованія (проповѣди) и молитвъ. Правительство признало штунду вредною сектою потому, что штундисты отвергаютъ всѣ церковные обряды и таинства, не признаютъ никакихъ властей, возстаютъ противъ присяги и военной службы, вѣрныхъ защитниковъ престола и отечества уподобляютъ разбойникамъ и проповѣдуютъ соціалистическіе принципы, какъ-то: передѣлъ земли и т. д. (Полож. Ком. министр. 4 іюля 1894 г. и цирк. мин. вн. д. отъ 3 сент. 1894 г.). Несмотря на это, правительство всегда смотрѣло сквозь пальцы на штунду, и штундисты совершенно свободно собирались для своихъ молитвословій; неоднократно здѣсь, въ Харьковѣ, я

присутствовалъ на ихъ собраніяхъ,—и они меня нисколько не стѣснялись.

Толстовщину, особенно народную, какъ она выразилась среди крестьянъ харьковской губерніи, только по недоразумѣнію, можно причислять къ религіознымъ сектамъ; это—чисто политическая доктрина, проповѣдующая анархизмъ и соціализмъ. Тѣмъ не менѣе крестьяне совершенно свободно исповѣдывали и исповѣдуютъ эту доктрину: есть много толстовцевъ-крестьянъ, не принявшихъ вѣрноподданнической присяги, есть много некрещенныхъ парней и дѣвокъ. И никто ихъ не принуждаетъ ни присягать, ни креститься. Если въ 1901 году павловскіе крестяне были преданы суду, то—не за толстовскія ихъ убѣжденія, а за то, что они разгромили церковь православную, осквернили святыню, произвели буйство и побои...

Итакъ, мы разсмотрѣли всѣ наши секты и расколы и видѣли, что правительство наше всегда относилось къ нимъ гуманно, снисходительно и съ вѣротерпимостью, пока они не принимали вреднаго политическаго направленія. Какъ же оно относится къ нимъ теперь? Объ отношеніи правительства къ сектантамъ мы уже говорили; здѣсь мы покажемъ только, въ какомъ положеніи, по нашему законодательству, находится расколъ.

Вотъ что говоритъ нашъ законъ (Собр. узак. 1883 г. мая 24-го, ст. 469. Полное Собран. зак., собр. 3-е, т. III. 1883. № 1545).

1. Паспорты на отлучки внутри имперіи выдаются раскольникамъ всѣхъ сектъ, за исключеніемъ скопцовъ, на общемъ основаніи. Дѣйствующія правила о паспортахъ скопцовъ остаются безъ измѣненія.

2. Всѣмъ вообще раскольникамъ дозволяется производить торговлю и промыслы, съ соблюденіемъ общедѣйствующихъ по сему предмету постановленій.

3. Раскольники допускаются къ вступленію въ иконописные цехи, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

4. Раскольникамъ дозволяется занимать общественныя должности, съ утвержденія, въ указанныхъ законами случаяхъ, подлежащихъ правительственныхъ властей. Въ томъ случаѣ, когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостного старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Принадлежащіе къ расколу волостные старшины и

ихъ помощники не допускаются къ участію въ дѣлахъ приходскихъ попечительствъ.

5. Раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка. Независимо отъ сего, относительно часовенъ и другихъ молитвенныхъ зданій соблюдаются правила, постановленныя въ статьяхъ 6—8 настоящаго узаконенія.

6. Раскольникамъ предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащія имъ часовни и другія молитвенныя зданія, приходящія въ ветхость, съ тѣмъ, чтобы общій наружный видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. На производство упомянутыхъ работъ, предварительно приступа къ онымъ, испрашивается каждый разъ разрѣшеніе губернатора или начальника области. Въ случаѣ необходимости такой перестройки молитвеннаго зданія, вслѣдствіе которой общій наружный его видъ долженъ подвергнуться измѣненію, соблюдается порядокъ, указанный въ статьѣ 8 сего узаконенія.

7. Распечатаніе молитвенныхъ зданій раскольниковъ допускается съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы распечатаніе производилось безъ всякаго торжества, причемъ о каждомъ случаѣ этого рода министръ входитъ предварительно въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ св. Синода. Распечатаніе раскольничьихъ монастырей и скитовъ не допускается.

8. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовенъ, ни другихъ молитвенныхъ зданій, дозволяется, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, обращать для общественнаго богомоленія существующія строенія. При этомъ наблюдается, чтобы обращенному для сего строенію не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма, и чтобы при немъ не имѣлось наружныхъ колоколовъ. Наддверные кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или другое молитвенное зданіе ставить не возбраняется.

9. При погребеніи умершихъ раскольниковъ дозволяется: а) предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и б) твореніе на кладбищѣ молитвы по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія.

10. Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за сіе преслѣдованію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между православными или въ иныхъ преступныхъ дѣяніяхъ. За означенными лицами не признается духовнаго сана или званія, причемъ они считаются, въ отношеніи къ правамъ состоянія, принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ.

11. Послѣдователямъ раскола воспрещается публичное оказательство онаго, которымъ признаются: а) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, б) публичное ношеніе иконъ, за исключеніемъ случая, предусмотреннаго въ пунктѣ а) статьи 9 настоящаго узаконенія, в) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній и г) раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ.

12. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи статей 3, 4, 7 и 8 настоящаго узаконенія, требуется разрѣшеніе и утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, онъ дѣлаетъ надлежащія, относительно раскольниковъ распоряженія, сообразуясь какъ съ мѣстными условіями и обстоятельствами, такъ равно съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты".

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находится нашъ расколъ старообрядства въ настоящее время. Между тѣмъ наши либералы вопятъ о гнетѣ, стѣсненіи, нетерпимости русскаго правительства въ отношеніи къ расколу. Голосъ этотъ доходитъ до Царскаго Престола: 12-го декабря прошлаго года Государь Императоръ предписалъ Комитету министровъ (въ пунктѣ 6): „принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ раскольниковъ и лицъ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія". Комитетъ министровъ, приступая къ выполненію этого Высочайшаго повелѣнія 25 января н. г., нашелъ, что „при сложившейся вѣками близости у насъ вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ отличій, нѣкоторыя *стѣснительныя въ дѣлахъ вѣры мѣропріятія имѣютъ скорѣе политическое, чѣмъ религіозное значеніе, и въ силу этого могутъ подлежать сохраненію и впредь*". Посему, и на основаніи другихъ соображеній Комитетъ положилъ:

I. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ: 1) безъ за-

медленія и во всякомъ случаѣ не позднѣе трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія сего Положенія распорядиться отмѣною всѣхъ, кромѣ указанныхъ въ слѣдующемъ пунктѣ (2), стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры и неосновательныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, отъ какихъ бы начальствъ они ни исходили; 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры административныхъ распоряженій окажутся такія, примѣненіе коихъ и впредь, по соображеніямъ государственнаго порядка, онъ признаетъ необходимымъ, то на утвержденіе оныхъ испросить черезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее соизволеніе, и 3) принять дѣйствительныя мѣры надзора къ тому, чтобы никакими административными учрежденіями и лицами, впредь не устанавливалось какихъ либо стѣсненій въ области религіи, закономъ не указанныхъ.

II. Поручить министру внутреннихъ дѣлъ: 1) не допускать впредь примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства Положеній о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и о полицейскомъ надзорѣ, учрежденномъ по распоряженію административныхъ властей (Уст. Пред. Прест., прилож. I и II къ ст. 1 (прим. 2)), преподавъ надлежащія по сему предмету разъясненія всѣмъ административнымъ мѣстамъ и лицамъ, и 2) немедленно прекратить дальнѣйшее дѣйствіе всѣхъ, принятыхъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ, центральнымъ управленіемъ Министерства или мѣстными главными и губернскими начальствами мѣръ на основаніи упомянутыхъ выше (п. 1) Положеній, или въ какомъ либо иномъ порядкѣ; и

III. Поручить главнымъ начальникамъ вѣдомствъ и въ частности оберъ-прокурору Св. Синода немедленно войти всеподданнѣйшими докладами къ Его Императорскому Величеству о помилованіи тѣхъ лицъ, которыя были подвергнуты безъ суда высылкѣ изъ мѣстъ постояннаго жительства или лишенія свободы за религіозныя заблужденія и вытекающіе изъ оныхъ поступки.

Таковыя заключенія Комитета повергаемы были на Всемилостивѣйшее одобреніе Его Императорскаго Величества и удостоились 11 го сего февраля Высочайшаго утвержденія.

Но этимъ постановленіемъ Комитета министровъ наши раскольники, конечно, не удовлетворятся; въ своей петиціи они уже просятъ: 1) чтобы ихъ впредь именовали не раскольниками, а только старообрядцами; 2) чтобы правительство признало всѣхъ ихъ лжеепископовъ, поповъ и діаконовъ и предоставило бы имъ, наравнѣ съ духовенствомъ Православной

Церкви права и преимущества государственной службы; 3) чтобы имъ позволено было, не испрашивая разрѣшенія у губернатора. по своему усмотрѣнію, строить свои церкви и молитвенные дома; 4) чтобы имъ позволено было, въ своихъ дѣйствіяхъ по общественнымъ учрежденіямъ (богадѣльнямъ, кладбищамъ и т. п.) не подлежать государственному контролю; 5) чтобы имъ дозволено было принимать къ себѣ на воспитаніе дѣтей православныхъ родителей; 6) чтобы ихъ попамъ и наставникамъ дозволено было преподавать въ школахъ *ихъ* законъ Божій и т. п.

Разсмотрите эти пункты, и вы увидите, что раскольники требуютъ себѣ *не вѣротерпимости и свободы совѣсти*, а уже, по меньшей мѣрѣ, *равноправности* съ Православною церковью, если не болѣе... Но дѣло въ томъ, что требованія ихъ совершенно незаконны или излишни.

1. Оффиціально раскольники, уже съ царствованія Александра III, именуются *„глаголемыми старообрядцами*, а не раскольниками; называть же ихъ прямо старообрядцами, безъ слова „глаголемые", было бы несправедливо по отношенію къ Православной церкви, которая всегда оставалась вѣрною древнѣйшимъ, т. е., апостольскимъ обрядамъ; раскольническіе же обряды появились только въ 17 вѣкѣ и называть ихъ старыми въ сравненіи съ обрядами апостольской церкви нельзя.

2. Еще со временъ Екатерины Великой наше правительство охотно давало раскольникамъ законно поставленныхъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы они совершали богослуженіе по старообрядческимъ книгамъ и обрядамъ, но раскольники предпочитали имѣть самозванныхъ и самочинныхъ лицъ австрійскаго несвященія. Митрополитъ Амвросій, виновникъ этой лже-іерархіи, отличался отъ нашихъ епископовъ развѣ только тѣмъ, что не имѣлъ канонического права рукополагать никого въ то время, когда рукополагалъ нынѣшнихъ раскольничьихъ лже-епископовъ и лже-поповъ.

3. Позволить раскольникамъ строить ихъ церкви и молельни безъ разрѣшенія губернатора нельзя. Церкви и молельни—зданія общественныя; кто же будетъ отвѣчать, если эти зданія впослѣдствіи рухнутъ и подавятъ молящихся? И православныя церкви строются не иначе, какъ по утвержденіи плана Строительнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія. Мало того,—православнаго храма нельзя даже покрасить безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ городахъ разрѣшеніе требуется даже для построенія частнаго дома.

4. Что раскольники хлопочутъ объ освобожденіи ихъ общественныхъ учрежденій отъ полицейскаго надзора, это—ихъ дѣло и къ вопросу о вѣротерпимости не относится.

5. Понятно, что побуждаетъ раскольниковъ-безпоповцевъ хлопотать о разрѣшеніи брать имъ на воспитаніе православныхъ дѣтей. Отвергнувъ бракъ они подготовили могилу для своей будущности. Но въ интересахъ ли Россіи доставлять безпоповщинѣ контингентъ ея будущихъ послѣдователей?..

6. Противъ дозволенія раскольническимъ попамъ обучать въ нашихъ школахъ раскольническихъ дѣтей закону Божію въ принципѣ ничего нельзя сказать; но чему они будутъ учить ихъ? Вѣдь лишь восемь *ничтожныхъ* мнѣній объ обрядахъ составляютъ отличительную особенность раскольниковъ: Это—1) старыя книги и иконы, 2) сугубая аллилуіа, 3) слово „истинный“ въ 8 членѣ символа вѣры, 4) хожденіе посолонь, 5) двуперстное крестное знаменіе, 6) восьмиконечный крестъ, 7) имя Христа—*Іисусъ* и 8) семпричное число просфоръ. Но этому можетъ научить дѣтей и простая баба. Бѣдь замѣняютъ же бабы-богородицы поповъ въ нѣкоторыхъ сектахъ безпоповщинскихъ, гдѣ также исповѣдуются эти раскольническія мнѣнія!..

Какъ ни странны приведенныя требованія раскольниковъ, онѣ, впрочемъ, имѣютъ нѣкоторый смыслъ. Тѣ права, которыхъ требуютъ раскольники *теперь*, правительство наше, какъ мы видѣли, предлагало имъ давнымъ давно,—еще со времени Петра I. Тогда раскольники отказались отъ нихъ, предпочитая прятаться въ своихъ конурахъ... Теперь они вылазятъ, такъ сказать на свѣтъ Божій. Что же? Слава Богу! Расколъ для простого народа замапчивъ только *теперь*. Теперь раскольничьи попы не отвѣчаютъ предъ правительствомъ за свои дѣйствія: погребаютъ усопшихъ въ самый день ихъ смерти, вѣнчаютъ несовершеннолѣтнихъ и въ родствѣ. Не нужно имъ ни предбрачныхъ свидѣтельствъ, ни гербовыхъ марокъ. А вы знаете, какъ крестьянину трудно въ лѣтнюю пору держать въ домѣ покойника до третьихъ сутокъ! Вѣдь у него одна комната: она и кухня, и спальня, и столовая, и гостинная... А сколько хлопотъ и затрудненій бываетъ у крестьянъ при вѣнчаніи дѣтей!.. Станутъ раскольничьи попы отвѣтственными предъ закономъ,—и заманчивость раскола для крестьянъ изчезнетъ... Кромѣ того, не забудемъ, что расколъ есть результатъ невѣжества. А тьма исчезаетъ отъ свѣта. Лучи солнца высушиваютъ и зловонныя болота. Людямъ раскольники не осмѣлятся показать тѣхъ мерзостей, которыя они совершаютъ въ своихъ норахъ. Свѣта больше, свѣта! 25 лѣтъ я служу въ разныхъ

учебныхъ заведеніяхъ,—и я видѣлъ не одинъ примѣръ, какъ благотворно дѣйствуетъ на раскольниковъ одинъ разсказъ учителя исторіи о происхожденіи раскола...

Русскіе люди! Когда ваши школы пріймутъ нормальное теченіе и будутъ поставлены на твердыхъ религіозно-нравственныхъ началахъ, откройте пошире ихъ двери. Дѣти раскольниковъ войдутъ въ нихъ врагами нашей церкви, а выйдутъ изъ нихъ ея чадами. Вѣрьте этому!

22 марта 1905 г.

Проф. Прот. Т. Бутковичъ.

* * *

Собирайтесь, друзья, вкругъ родимыхъ знаменъ,
Приближаются бранные дни,
Средь равнины родной по высокимъ холмамъ
Зажигайте призыва огни!
Вся тревоги полна, чуя поступь бѣды,
Въ ожиданьи родная страна.
Грозно встанетъ она, и толпы потекутъ
Къ тѣмъ столбамъ призывного огня.
Тѣ, кто духомъ сильны, въ чьемъ священный порывъ
Яркимъ пламенемъ сердцѣ горитъ,
Тѣ намъ будутъ вожди, они насъ поведутъ
Куда Первый имъ Вождь повелитъ.
Первый Вождь будетъ Тотъ, Кому Богъ завѣщалъ
Во главѣ стать Великой Страны,
Предъ престоломъ святымъ, Кто клялся охранять
Честь и цѣлость родимой земли.
Если Богъ такъ судилъ, если близокъ конецъ,
Пусть же славнымъ онъ будетъ концомъ,
Пусть падемъ мы въ бою: не вернуться коль „съ нимъ",
Такъ клянемся-жъ, что будемъ „на немъ".
Намъ она дорога—наша *русская* Русь,
А другой намъ не надо Руси!
Такъ, какъ создалъ насъ Богъ,—подъ уборомъ роднымъ,—
Онъ намъ краше заморской парчи:
Дорога намъ Москва, пока въ небѣ надъ ней
Золотятся кресты да орлы,
А коль смѣнятъ ихъ символы новыхъ началъ...
Намъ не надо не русской Москвы!..
Собирайтесь-же, друзья, вкругъ родимыхъ знаменъ,
Приближаются бранные дни,
Средь равнины родной по высокимъ холмамъ
Зажигайте призыва огни.

В. Ермоловъ.

ДУМЫ и МЫСЛИ

о русскомъ современномъ искусствѣ.

(Посвящаю сестрѣ своей Т. П. Гаринъ).

«Что ты спишь мужичекъ,
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно?»

Кольцова.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и до настоящихъ дней, чувствуется упадокъ нашего русскаго искусства. Слѣдившій за послѣдовательнымъ открытіемъ художественныхъ выставокъ, до 1905 года включительно, не могъ не замѣтить, какъ изъ года въ годъ, художественныя выставки различныхъ обществъ и школъ, возникая въ разныхъ городахъ Россіи, прогрессивно бѣднѣли произведеніями талантливыхъ художниковъ За послѣдніе годы, иллюстрированныя изданія газетъ и журналовъ, вынуждены помѣщать даже снимки съ фотографій, съ картинъ третьяковской галлереи и съ произведеній иностранныхъ художниковъ. Между тѣмъ, за эти четверть вѣка Россіей многое пережито и перечувствовано, и матеріала для темъ и мотивовъ къ услугамъ творческой силы собралось довольно. Наконецъ, вотъ уже второй годъ, какъ Россія ведетъ ожесточенную войну со своимъ упорнымъ и воинственнымъ врагомъ—съ Японіей.

Въ это смутное и тяжелое для Россіи время, когда всякій русскій человѣкъ, съ тяжелой грустью на душѣ, ложится спать, невольно повторяя слова поэта: „что день грядущій мнѣ готовитъ?“, а встрѣтивъ утро новаго дня, принимается за работу съ поникшей головой и съ надломленной надеждой. Въ эти тяжелые дни—повторяю я—когда съ трудомъ находишь человѣка съ лицомъ жизнерадостнымъ съ поднятымъ уровнемъ энергіи духа, готоваго бодро идти на борьбу съ жизнію и полнаго надеждъ на счастье и отраду; когда въ любой семьѣ, среди друзей и близкихъ сердцу, встрѣчаешь вздохи печали и слезы, когда человѣкъ такъ нуждается въ

отдыхѣ отъ скорби, такъ желаетъ пріютиться подъ крыло добраго, отзывчиваго на все хорошее, искусства, увидѣть глубоко прочувствованные и правдивые снимки съ текущей жизни людей; увидѣть, чѣмъ эти люди радуются, чѣмъ утѣшаютъ себя и какимъ духовнымъ хлѣбомъ питаютъ себя. И хочется, смотря на картины, жить съ этими людьми среди ихъ горя, среди суровой или полной прелести природы, окружающей ихъ, раздѣлить съ ними и смѣхъ, и радость, и слезы... Это своего рода счастіе и счастье дорогое, котораго всѣ мы теперь ищемъ, желаемъ, ждемъ и, какъ дѣти малыя, спѣшимъ на зовъ искусства, въ залы выставокъ, чтобы освѣжиться среди произведеній талантливыхъ художниковъ, набраться новыхъ силъ, ѳбодрить себя на новые подвиги и съ надеждой на все лучшее взглянуть на свое будущее...

По осматривая выставки, переходя отъ холста къ холсту, человѣкъ не находитъ того, чего искалъ, не видитъ ничего, что бы говорило ему о жизни людей текущихъ дней, о событіяхъ времени, о тѣхъ мотивахъ скорби и радости, какими переполнена жизнь переживаемаго нами времени. Все старо на выставкахъ, все пережитки того, что когда то было писано много и много разъ. Все дышетъ, если не цвѣлью, то какимъ то леденящимъ душу равнодушіемъ ко всему, чѣмъ живетъ и дышетъ теперь человѣкъ, чѣмъ богата и бѣдна жизнь грядущихъ дней. Еще залъ, еще отдѣленіе картинъ, еще и еще группа холстовъ и „*предметовъ прикладного искусства*“ и... все то же, все повтореніе былого, и невольно хочется сказать: неужели теперь, когда вся Россія напрягаетъ свои мощныя силы, чтобы побѣдить врага; когда идетъ обновленіе внутренней жизни среди всѣхъ классовъ, сословій и народностей, населяющихъ Россію; когда мысли и желанія всѣхъ насъ напряжены къ тому, чтобы остаться вѣрными своему долгу и сохранить тысячи жизней; неужели—говорю я—теперь нѣтъ мотивовъ, нѣтъ темъ для творческой кисти художника? Когда же какъ не теперь открылась широкая арена для дѣятельности кисти и рѣзца? Вотъ уже другой годъ пошелъ, какъ вся Россія поднялась на ноги противъ вѣроломнаго врага своего. Сколько сценъ и мотивовъ для искусства даетъ театръ войны, проявляя подъемъ человѣческаго духа изъ дѣятельности докторовъ, сестеръ милосердія, фельдшеровъ, солдатъ на полѣ битвы и офицеровъ въ траншеяхъ? Одновременно съ этими сценами, не мало мотивовъ даетъ

жизнь на темы такъ называемой „волчьей философіи", которою пользуются мародеры, маркитанты и враги, проходящіе мимо свалившихся съ ногъ, но не умершихъ нашихъ воиновъ.

Не менѣе благодарными темами переполнена теперь Россія у себя дома. Сцены радости нерѣдко быстро смѣняются сценами скорби и слезъ. Тутъ читаютъ газету, ища имя своего сына, мужа, брата, дяди или жениха, которые служатъ въ полкахъ дѣйствующей арміи.—Тамъ, плачутъ прочтя письмо отъ роднаго сына, присланное изъ театра войны. Иные радуются возвращенію сына или отца на родину; другіе—одновременно и радуются и плачутъ о томъ, что возвратился ихъ кормилецъ съ тяжелой раной. А вотъ и невѣста разстается съ своимъ женихомъ, который уходитъ на театръ войны. Молодая дѣвушка добровольно уѣзжаетъ на войну въ качествѣ сестры милосердія. Мать, прочитавшая, что ея сынъ убитъ, вдругъ, неожиданно видитъ его пріѣхавшимъ. Какою радостью переполнена душа ея? Съ какимъ другимъ чувствомъ счастія можно сравнить ея положеніе при встрѣчѣ съ сыномъ, оплаканномъ ею потокомъ горючихъ слезъ? А вотъ и священникъ, удрученный годами, благословляетъ сына своего, добровольно уѣзжающаго на войну. Молодой солдатикъ возвращается на родину изъ театра войны, лишившись ноги, и не доходя степью двухъ верстъ до родного села своего, видитъ его объятымъ пламенемъ. А вотъ и счастливая встрѣча внука съ своей бабушкой, которая его—сироту вскормила, женила и „посадила на тягло". Шла бабушка къ заутрени подъ день Христова Воскресенія, съ зажженною свѣчею въ рукахъ и на пути своемъ, неожиданно встрѣтила любимца-внука. Радуются родные его встрѣчею съ ними, а онъ показываетъ имъ орденъ Георгія на груди своей.. Да мало ли есть мотивовъ и темъ показывающихъ два конца—казовый и задній—жизни текущихъ дней? И неужели всего этого матеріала изъ непрестанно клокочущей жизни, мало для того, чтобы вызвать въ душѣ силу творчества?

Но оставимъ до лучшаго времени скорбную арену войны и перейдемъ на родную намъ землю Россіи-матушки. Вотъ уже болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, какъ мы, художники, точно рыбы въ прудѣ, толкаемся „вокругъ да около" береговъ Крыма, плѣняя публику своимъ искусствомъ на выставкахъ, то изображая изъѣденный нами, точно шашелью, Гурзуфъ съ его „Медвѣдь-горою", Ялту съ Яйлой, окутывающей ее съ востока и сѣвера, то, частію, картинами съ Кавказа. Не менѣе извѣстны

публикѣ заѣденные профессіональнымъ искусствомъ: „ставки, млынки и вишневые садки“ Малороссіи. А лучшія художественныя силы послѣднихъ двадцати лѣтъ, совсѣмъ оставили Россію, уѣхали въ Парижъ, образовавъ тамъ цѣлую *„колонію русскихъ художниковъ“*. Время отъ времени присылаютъ они къ намъ картины на мотивы, не менѣе заѣденные, изъ жизни французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, и чаруютъ насъ, то видами Венеціи, то этюдами съ Булонскаго лѣса. Неужели же у насъ въ Россіи все уже исчерпано, все уже использовано художниками? Какъ то не хочется вѣрить въ такое предположеніе! Возьмемъ хотя бы родную намъ землю великой Сибири и ея окрестныхъ городовъ и селъ. Мы —русскіе— владѣющіе этимъ краемъ со времени Ермака Тимофеевича, знаемъ объ этомъ краѣ только изъ краткаго учебника географіи,—учебника, который, кстати сказать, по сухости своей, не привлекаетъ къ себѣ ученика, а, по содержанію, даетъ только номенклатуру городовъ, селъ, рѣкъ и озеръ, разбросанныхъ по лону земли хотя и нашей, но все же невѣдомой нами на столько, что говоримъ мы о ней нерѣдко тѣ же небылицы, какія иногда говорятъ намъ иностранцы о Россіи.

Въ этомъ краѣ, между тѣмъ, работы для кисти художника, *„непочатой уголъ“*. Природа Сибири крайне интересна и своеобразна. Ея ночи съ свѣтомъ дня, ея дни съ сумракомъ ночи, ея озера, какъ озеро-море Байкалъ, ея рѣки, катящія свои воды въ Сѣверный и Великій океаны; сцены изъ жизни Бурятъ, Остяковъ, Камчадаловъ и Самоѣдовъ; бытъ и вѣрованія этихъ инородцевъ; ихъ религіозный культъ, ихъ понятія о любви, о трудолюбіи, о счастіи,—все это настолько для насъ ново, что со времени ученаго Гмелина, подарившаго Россію своимъ сочиненіемъ о Сибири въ четырехъ томахъ in quarto, съ рисунками въ краскахъ, на синей, грубой бумагѣ, мы почти ничего не имѣемъ. И вотъ только три года тому назадъ, художникъ А. А. Борисовъ далъ русскимъ людямъ на экранѣ, при чтеніи своей публичной лекціи о Сибири, картины природы того края и познакомилъ насъ съ культомъ ея обитателей—самоѣдовъ, показавъ намъ ихъ кладбища, ихъ боговъ, ихъ гробы, вокругъ которыхъ разставлены предметы, принадлежавшіе покойнику: сани, сбруи для оленей и собакъ, ковши, корыта, чаши и все другое, чѣмъ онъ пользовался во время своей земной жизни, вѣруя крѣпко, что и тамъ, въ загробномъ мірѣ, ему нужны будутъ всѣ эти предметы для продолженія прерванной имъ жизни на землѣ.

Не менѣе Борисова возбуждаютъ интересъ картины ху-

дожника Рериха[1]) изображающія старинную жизнь Россіи. Виды древнихъ тюремъ, городскихъ стѣнъ, кремлевскихъ башенъ, звонницъ и храмовъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ всеразрушающей жажды перекраивать все русское—родное, въ общеевропейское—чужое, довольствуясь и радуясь сколками съ разныхъ храмовъ и зданій Европы. Мы и теперь еще не умѣемъ отрѣшиться отъ той школы искусства, которая преслѣдуетъ самобытное творчество и поощряетъ подражаніе, хотя и славнымъ, но все же иноземнымъ представителямъ искусства. А это отвлекаетъ насъ отъ любви къ родинѣ и не вызываетъ въ насъ желанія изучать жизнь родной намъ земли. Мы съ готовностію беремся за трудъ изобразить подвигъ Іоанны д'Аркъ или Вильгельма Телля и равнодушно слушаемъ о самоотверженныхъ подвигахъ сыновъ и дочерей нашего отечества, жертвующихъ собою *во имя любви къ человѣку*, даже *внѣ войны*.

Характерная черта искусства текущихъ дней выдѣляется двумя своими сторонами:—это безсодержательностію, вслѣдствіе поражающаго оскудѣнія идеи и чувства, и нерадивымъ выполненіемъ картины въ техническомъ отношеніи.

Художники текущихъ дней, думается мнѣ, прежде пишутъ картину, а потомъ уже даютъ названіе ей, что въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ тому, что картина не только не исчерпываетъ идеи, заключающейся въ названіи ея, а даже, какъ будто обходитъ ее. Зритель недоумѣвая, напрасно ищетъ экспрессіи и деталей, которыя бы могли отвѣтить ему на данное художникомъ названіе картинѣ и отходитъ отъ нея неудовлетвореннымъ. Есть не мало картинъ, которыя могутъ выдержать три-четыре названія и совершенно не отвѣчать названію, данному ей художникомъ.

Это не искусство!...

Истинное искусство выражаетъ мысль художника легко и понятно для всякаго зрителя. Оно порождаетъ у зрителя чистыя чувства и вызываетъ его на размышленія и выводы тѣмъ, что изображено художникомъ кистью, рѣзцомъ или циркулемъ. А всякій выводъ, резюмированный мышленіемъ, даетъ человѣку толчекъ сдѣлать шагъ впередъ, къ прогрессу.

Если въ хореграфическомъ искусствѣ достаточно имѣть грацію въ движеніяхъ и хорошо плясать, то въ искусствахъ

---

[1]) Выдающіяся произведенія по своей правдивости и сохраненію типа списанной А. А. Борисовымъ и Рерихомъ натуры надо, однако, разсматривать какъ драгоцѣнный матеріалъ для науки этнографіи Россіи, но не какъ произведенія изящнаго искусства.

высшихъ: въ поэзіи, въ литературѣ, живописи, ваяніи и архитектурѣ, умѣніе писать, даже хорошо писать, чертить или владѣть стекой, и кистью, болѣе чѣмъ недостаточно. Для высшаго искусства необходимы *чуткость духа и глубина идеи.* Особенно же этого настоятельно требуютъ изобразительныя и пластическія искусства. Поэтъ или писатель, пользуясь услугами бумаги и печатнаго станка, можетъ не стѣсняясь останавливать вниманіе читателя на подробностяхъ описанія экспрессіи лицъ, пейзажа или силы удара врага, скульпторъ и живописецъ должны выразить это однимъ-двумя мазками кисти или увѣренно смѣлымъ ударомъ рѣзца для вызова энергичнаго жеста, взмаха руки или отчаяннаго вздоха человѣка, изображеннаго художникомъ. Если рабски подражая натурѣ, художникъ написалъ кистью или изваялъ рѣзцомъ и стекой тѣло человѣка, зданіе, пейзажъ или какую либо картину стихійной силы и не повелъ разсказа объ идеѣ избраннаго имъ предмета, онъ будетъ болѣе правъ передъ собою и обществомъ, когда перенесетъ свою дѣятельность на иную почву. Онъ не художникъ.

Если наши геніальные художники—пейзажисты Шишкинъ, Клодтъ, Куинджи, въ своихъ выразительныхъ картинахъ съумѣли разсказать намъ, что говоритъ природа, о чемъ шепчетъ лѣсъ, какую пѣснь поетъ утро и какою думою закатъ солнца обворожилъ сосновый боръ, то отъ художника исторической живописи, отъ жанриста, искусство требуетъ еще большаго. Оно не выноситъ рабскаго подражанія природѣ и вообще натурѣ, такъ какъ оно вѣчно живо и „*смерти не имать*". Вся природа одухотворена, полна жизненныхъ силъ, полна чувства, которое хранится въ ней во имя міровой идеи, во имя новой и молодой жизни. И эта идея сквозитъ во всемъ, начиная отъ былинки въ необозримой степи и до гордыхъ твердынь Кавказа... Но перейдемъ ко второй, слабой сторонѣ современной школы искусства,—это къ совершенно нерадивой, полной всеотвергающаго нигилизма, техникѣ.

Въ настоящее время, на всѣхъ выставкахъ можно видѣть, какъ обычное, заурядное явленіе,—вмѣсто картинъ, холсты, даже большихъ размѣровъ, которые небрежно замазаны красками различныхъ цвѣтовъ. И эту работу требуютъ принять за искусство, а холсты—за картины. На картинахъ такого искусства нѣтъ ни формъ, ни контуровъ, ни даже абрисовъ тѣхъ предметовъ, которые пожелалъ изобразить худож-

никъ. При этомъ, слѣдя за содержаніемъ картинъ, диву даешься, настолько невзыскательны художники въ выборѣ сюжетовъ, что, думается, нѣтъ въ природѣ предмета, который бы не останавливалъ ихъ вниманія и не былъ бы записанъ на холстѣ. Это неминуемо повело къ тому, что современное искусство отъ изящнаго ушло, отвернулось, а вслѣдствіе небрежности письма, къ этнографическому искусству не приблизилось.

Боссюэтъ, во время паденія изящнаго искусства во Франціи, осматривая салонъ выставки, сказалъ: „Tout etait beaux excepté Beaux". Думается, что и теперь, осматривая выставки текущихъ дней, онъ сказалъ бы то же.

Что совершается съ нашимъ искусствомъ, и совершается въ тѣ годы, когда такъ энергично развертывается стремленіе къ поднятію интелектуальнаго и духовнаго уровня въ народѣ, населяющемъ Россію; когда, для этой нелегкой работы, призываютъ всѣхъ; когда спѣшатъ научить народъ грамотѣ и прояснить въ его жизни тѣ темныя мѣста, которыя мѣшаютъ ему идти къ свѣту—художественныя выставки, годъ отъ года богатѣютъ картинами, въ которыхъ невидно ни поэзіи, ни мысли, ни переживаній души, рвущейся въ высь, ближе къ свѣту, въ эфиръ голубого неба, гдѣ дышется полною грудью.

За тридцать лѣтъ тяготѣнія надъ душою и умомъ юношества сухой, бездушной, классической школы, подорванъ интересъ къ наукѣ, подавлены и осмѣяны поэтическія стороны души юношей; а вслѣдствіе преуспѣянія развитія техническихъ производствъ и индустріи, начали интересовать молодежь не желательныя стремленія къ карьерѣ и къ наживѣ. Между тѣмъ, оказывала непрерывное воздѣйствіе ничѣмъ неудовлетворенная духовная сторона жизни молодого поколѣнія, обольщеннаго нигилизмомъ, хотя и талантливаго, но все же крайнихъ убѣжденій писателя Писарева, требовавшаго не только „*разрушить всю эстетику, но даже истолочь ея произведенія и плоды въ мелкій порошокъ и разсѣять по вѣтру*".

Говорить-ли о томъ, что хотя и на жирномъ черноземѣ, но сухомъ и мелко вспаханномъ, не могутъ цвѣсти розы и благоухать жасмины.

И вотъ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ появились въ литературѣ и поэзіи, а вслѣдъ за ними и въ изобразительныхъ искусствахъ, странныя аномаліи. Писателей, поэтовъ и художниковъ, работавшихъ на этой „новой" почвѣ, незамедлили назвать: однихъ „*декадентами*"; другихъ—„*импрессіонистами*"; третьихъ—„*пленеристами*" и пр. Всѣ эти названія или прозвища, ничего не говорили въ пользу этихъ аномалій,

но все же они успокоили публику, давъ ей возможность обзывать однихъ тѣмъ, а другихъ—другимъ именемъ. Изобразительное искусство, подъ вліяніемъ такихъ эксцентричностей, понудило художниковъ поклониться пріемамъ этого новаго искусства. Декадентство, Импрессіонизмъ и Пленеонизмъ—это тѣ „*три сосны*" далекаго сѣвера, среди которыхъ, по сказанію Финновъ, кто станетъ, тотъ будетъ блудить, теряя съ каждымъ днемъ надежду выйти изъ нихъ на просторъ, на торный путь.

Мы видѣли и въ памяти нашей еще свѣжи и полны мы очарованья отъ картинъ новаторовъ искусства начала семидесятыхъ годовъ,—создателей передвижныхъ выставокъ. Это было время высокаго подъема таланта чисто русскаго искусства, обновленнаго и полнаго правды, поэзіи, глубины идеи и силы творчества.

Что же дала намъ русская школа изящнаго искусства текущихъ дней? Какими произведеніями творчества она подарила насъ? Всякій мимолетный набросокъ, случайный мазокъ кистью, художникъ текущихъ дней ставитъ на выставку. Какая самонадѣянность, съ кичливымъ духомъ самомнѣнія, окутала, точно покровомъ сумерокъ, многихъ изъ представителей этого „*новаго*" (?) искусства? Или такія явленія могутъ быть объяснимы тѣмъ, что большинство представителей такого искусства, напоминаютъ собою тѣхъ „дѣвъ", у которыхъ свѣтильники погасли и нечѣмъ имъ встрѣтить жениха?...

Въ семидесятыхъ годахъ, да и раньше того, этюдами и набросками полны были мастерскія художниковъ, которые такъ ими дорожили, что съ большой охотой готовы были подарить картину, чѣмъ продать этюдъ. Такое же отношеніе къ этюдамъ и наброскамъ было обычное и среди писателей и поэтовъ. Гончаровъ, не задолго передъ своей смертью, едва согласился отдать въ печать свои наброски нѣсколькихъ типовъ лакеевъ, разновременно служившихъ у него. Теперь, какъ я уже сказалъ, этюдами и набросками полны выставки, на которыхъ почти не видать картинъ. Трудно вѣрится, но есть картины, на которыхъ звѣзды ночи изображены бѣлою краскою плюсами (+). Является вопросъ, кто писалъ эту картину,—даже пусть это будетъ этюдъ или набросокъ,—взрослый человѣкъ съ претензіею на имя художника, или ребенокъ, достигшій семилѣтняго возраста?..

Есть и такія картины, на которыхъ изображены сплошныя, безформенныя масы темно-синей краски, на которой рѣзко обозначено кистью пять-восемь бѣлыхъ точекъ. И это не этюдъ, а картина, въ рамѣ, съ паспарту и подъ стекломъ.

Но что же она должна изображать?—Это ночь, отвѣчаю я словами каталога выставки; а бѣлыя точки—„*свѣтляки*“, т. е. „ивановы-червячки“...

Художники новаго искусства весьма серьозное значеніе придаютъ „*настроенію*“, которое *непремѣнно* должно играть главенствующую роль въ картинѣ потому, что въ немъ вся сила: „Da ist der Hund begraben“, какъ говорятъ нѣмцы. А если такъ, то почему бы художнику не натянуть на подрамокъ черную клеенку, вставить въ раму и поставить на выставку съ отмѣткой въ каталогѣ—„Ночь“? „*Настроеніе*“, составляющее альфу и омегу современнаго искусства, сдѣлаетъ все остальное...

Есть картины, которыя кажутся писанными ладонью руки. Покрайней мѣрѣ онѣ, при взглядѣ на нихъ, даютъ такое „*настроеніе*“...

Но пойдемъ дальше.

Прочитывая рецензіи о выставкахъ картинъ послѣднихъ годовъ въ двухъ столицахъ Россіи и внимательно изучая выставки, которыя ежегодно посѣщаютъ г. Харьковъ, я не могъ не усмотрѣть явленія, которое невольно рождаетъ вопросъ: не болѣетъ ли зрѣніемъ художникъ, писавшій ту или иную картину и несмотря на талантъ, теплящійся въ душѣ его, безсознательно дѣлаетъ ошибки?

На такія грустныя мысли наводятъ меня тѣ болѣзни зрѣнія, которыми страдали, какъ извѣстно, многіе художники, обладавшіе весьма крупными талантами.

Никто не станетъ отрицать, что есть глаза дальнозоркіе, есть глаза близорукіе и есть глаза, имѣющіе исключительныя особенности, съ которыми художнику нельзя не считаться.

Извѣстный пейзажистъ фламандецъ Янъ Брегель (Brëughel † 1622 г.), писалъ пейзажи, вырабатывая на деревьяхъ листья съ полною тщательностью. Онъ обладалъ такимъ острымъ зрѣніемъ, что онъ видѣлъ мельчайшія подробности и потому на вопросъ, зачѣмъ онъ отдается такой тщательной отдѣлкѣ листьевъ, онъ, указывая на свою картину, обыкновенно отвѣчалъ: „Ich sehe so und darum das ist richtich“.

Въ истекшемъ столѣтіи былъ весьма талантливый художникъ Густавъ Доре. Но его зрѣніе плохо воспринимало цвѣта красокъ и потому на картинахъ его преобладалъ *сѣрый тонъ*.

У нѣмцевъ и теперь извѣстенъ такъ называемый „Der Grau Blick“ (сѣрый взглядъ) и потому художнику безъ труда

и упорства можно было дойти до убѣжденія въ необходимости перестать писать красками. Онъ началъ работать въ двѣ краски (черная и бѣлая), иллюстрируя произведенія великихъ писателей: Данта, Мильтона, Шекспира, Гете и др. Онъ сдѣлался первымъ иллюстраторомъ, неимѣвшимъ себѣ равнаго.

Существуетъ еще болѣзнь зрѣнія, называемая „дальтонизмомъ". Эту болѣзнь хорошо знаютъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, такъ какъ ни одного стрѣлочника не оставятъ на службѣ, если онъ не способенъ на разстояніи отличить въ семафорѣ красный цвѣтъ отъ зеленаго.

Между тѣмъ и страдающій „дальтонизмомъ", если бы онъ былъ художникомъ, могъ бы съ успѣхомъ развивать свой талантъ въ качествѣ иллюстратора, гравера, архитектора или скульптора.

Въ прошломъ столѣтіи въ Лондонѣ былъ одинъ изъ талантливыхъ художниковъ Тадема Гуднейль, который долгое время писалъ, не замѣчая того, что у него всѣ предметы имѣютъ противъ натуры очень удлиненный размѣръ. Люди, лошади, деревья, улицы,—всѣ эти предметы настолько были длинны или высоки, что, чаруя глазъ зрителя богатствомъ тоновъ красокъ и силой воздушной перспективы, они изумляли въ то-же время даже не знатоковъ искусства удлиненностью линій. Современный ему извѣстный ученый, физикъ и оптикъ Тиндаль, обратилъ вниманіе на особенность зрѣнія художника и открылъ у него болѣзнь глазъ, которую онъ назвалъ: *„астигматизаціей глаза"*. Придуманные имъ особенные очки, предложенные художнику, совершенно удалили недостатокъ въ его картинахъ.

Не менѣе опасна и докучлива болѣзнь глазъ, извѣстная въ Австріи въ горахъ Тироля и состоящая въ томъ, что человѣкъ все видитъ какъ будто черезъ вуаль, почему она извѣстна подъ названіемъ „Dunkel Auge". И въ свою очередь, больные такою болѣзнью зрѣнія не замѣчаютъ своей болѣзни и доживаютъ съ нею до глубокой старости, имѣя смутное понятіе не только о яркости красныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ и др. цвѣтовъ, но даже о свѣтѣ полуденнаго солнца.

Исходя изъ всего сказаннаго и принимая во вниманіе искренность, съ какою, какъ мнѣ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ художниковъ, они настаивали, что именно такъ, какъ написано ими на картинѣ, есть и въ натурѣ, т. е. *„нѣтъ ни контуровъ, ни рисунка предметовъ, а только одни общія мѣста, утопающія въ какомъ-либо общемъ тонѣ"*, я склоненъ

думать: не лежитъ-ли здѣсь скрытая отъ наблюденій какая-то болѣзнь зрѣнія?

Я все же говорю не о подражателяхъ чему бы то ни было и кому бы то ни было, а о весьма немногихъ художникахъ, бесѣдуя съ которыми, нельзя не признать за ними хорошихъ знаній объ искусствѣ. Тѣмъ же художникамъ, которые спѣшатъ увѣрить, что въ картинѣ самое главное—это „*настроеніе*“, спѣшу сказать, что такія картины лишены возможности вызвать таковое „настроеніе“ у зрителя. Вспомнимъ мы картины выставки семидесятыхъ годовъ: „Бурлаки на Волгѣ“, „Царевна Софья“—Рѣпина; „Просвѣтъ въ лѣсу“, „Ночь въ Малороссіи“—Куинджи; „Утро на пашнѣ“—Клодта и многія другія, развѣ не вызывали эти произведенія у зрителей „*настроенія*“? Развѣ не приводили они зрителей, однихъ —въ неописуемый восторгъ, другихъ—въ благоговѣйное настроеніе, несмотря на тщательность письма? Картины: „Христосъ въ пустынѣ“ и „Генисаретское озеро“—Крамского и Поленова, „Тайная вечеря“—Ге, несмотря на тщательность письма, развѣ не поражали зрителя своею близостью къ натурѣ и силой экспрессіи? Всѣ эти и подобныя имъ картины обновленнаго искусства семидесятыхъ годовъ писаны смѣлою, широкою кистью, съ серьезнымъ отношеніемъ къ техникѣ искусства. Но каждый мотивъ картины былъ прочувствованъ художникомъ и послалъ отпечатокъ думъ и восторженно-поэтическихъ представленій художника о положеніи лицъ, дѣйствующихъ въ драмѣ картины, а также предметовъ въ пейзажѣ изъ жизни природы.

Я уже указалъ выше нѣкоторыя причины упадка нашего искусства, но считаю необходимымъ сказать еще также о не менѣе вѣсской причинѣ, которая тягостно отразилась на прогрессѣ современнаго изобразительнаго искусства

Литература, живопись и ваяніе—это такія родныя сестры, которыя находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга настолько, что одно искусство какъ-бы рождаетъ другое, а это *другое,* въ свою очередь, здоровѣетъ или болѣетъ тѣмъ же, чѣмъ здоровѣетъ или болѣетъ сестра его. Изящная литература можетъ быть названа собирателемъ и выразителемъ того драгоцѣннаго матеріала, который служитъ изобразительнымъ искусствамъ, живописи, ваянію и архитектурѣ, воспламеняя въ душѣ представителей этихъ искусствъ силу творчества.

Мы знаемъ, что, у всѣхъ народовъ земли, литература искони была выразительницею тѣхъ думъ и завѣтныхъ стремленій, какими полна душа народа. Она говоритъ одинаково

краснорѣчиво и убѣдительно о высокихъ идеяхъ, рѣющихъ въ воздухѣ, которыми дышетъ и живетъ народъ, и о тѣхъ темныхъ сторонахъ жизни народа, которыя идутъ въ разрѣзъ съ прогрессомъ его.

Въ нашей памяти свѣжи еще тѣ идеи, какими полны были художники шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Они черпали идеи, образы и мотивы жизни изъ роскошно цвѣтшей тогда литературы. Произведенія: Печерскаго (Мельникова)—„Въ лѣсахъ“ и „Въ горахъ“; Григоровича—„Антонъ Горемыка“; Некрасова—Стихотворенія на разныя темы; Щедрина (Салтыкова)—Сатиры; историковъ Соловьева, Костомарова и другихъ, не могли не повліять благотворно на разцвѣтъ талантовъ изобразительнаго искусства—живописи, ваянія и зодчества.

И вотъ одновременно съ авторами вышепоименованныхъ произведеній литературы, появились въ тѣ годы талантливые художники и инициаторы созданія „*Общества передвижныхъ выставокъ*“: Крамской, Рѣпинъ, Мясоѣдовъ, Клодтъ, Маковскій, Ге, Куинджи, Шишкинъ и другіе. Кто помнитъ картины упомянутыхъ художниковъ, тотъ не будетъ отрицать, что изящная и научная литература благотворно повліяла на прогрессъ изобразительнаго искусства того времени.

Въ переживаемые нами дни мы имѣемъ произведенія изящной литературы, созданныя не менѣе талантливыми писателями. Но можно ли бросить въ нихъ слово обвиненія за то, что ихъ лица и типъ не влекутъ къ себѣ, а заставляютъ задуматься передъ ихъ отличительными чертами характера и придти въ уныніе Мелочность характеровъ, безцѣльность обыденной жизни, цинизмъ и низменность жизненныхъ идеаловъ, черствость души, грубые инстинкты и даже варварскіе поступки съ тѣми людьми, которые отнеслись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и даже съ чувствомъ первой любви. Достаточно возстановить въ памяти своей типы, выведенные на сцену жизни однимъ изъ выдающихся писателей текущаго времени Чеховымъ, чтобы убѣдиться въ правотѣ мною сказаннаго и задаться вопросомъ, можно ли было изобразительному, пластическому искусству, воодушевиться до высокаго подъема творчества, прочитавъ или просмотрѣвъ на сценѣ піесы: „Вишневый садъ“, „Три сестры“, „Невѣста“ и друг. А кромѣ Чехова возьмемъ типы людей, какими пестрѣютъ произведенія Вересаева, Андреева, Горькаго и передъ нами предстанетъ длинная вереница людей, которые своей духовною и умственною нищетою убѣждаютъ насъ, что мы живемъ „на

днѣ", на безлюдьи, на сорномъ базарѣ житейской суеты... А нѣтъ выдающихся душой и умомъ людей, нѣтъ и идеаловъ, которыми живъ человѣкъ. И потому—повторяю слова Боссюэта: въ живописи такъ-же какъ и въ литературѣ—„Tant etait beaux excepté Beaux".

„Что ты спишь мужичекъ? Вѣдь весна на дворѣ"—невольно вспоминаются слова поэта Кольцова.

Не пора ли и намъ „проснуться, оглянуться, посмотрѣть на себя" и задаться вопросомъ, „что мы были", еще такъ недавно и „чѣмъ мы стали теперь?" Неужели еще долго мы не перестанемъ *„блудить въ трехъ соснахъ"* и проживаться до полнаго одряхлѣнія въ исканіи чего-то для самихъ себя непонятнаго и необъяснимаго? Вѣдь такое положеніе болѣе чѣмъ ужасно?..

На Западѣ давно уже „декаденты", „импрессіонисты", „пленеонисты" и другіе *„исты"* отошли на задній планъ жизни, какъ нѣчто былое, отболѣвшее и вырванное вмѣстѣ съ склерозными зубами. Тамъ уже на ихъ мѣстѣ выростать начали зубы новые, полные жизненной силы и чистой бѣлизны.

Достаточно видѣть такія произведенія искусства, какъ портретъ Бетховена, изваянный изъ бѣлаго мрамора рѣзцомъ Макса Клингера, чтобы убѣдиться, что на Западѣ изящное искусство шагнуло далеко впередъ и, какъ разсвѣтъ новаго утра, освѣжило жизнь, вдохнуло въ нее свѣжую струю чистаго, озонированнаго воздуха.

Бетховенъ представленъ Максомъ Клингеромъ, какъ богъ древняго Олимпа, нагимъ и сидящимъ въ креслѣ изъ темнаго мрамора древняго, тяжелаго стиля. Ноги его укрыты тяжелою драпировкой, тоже изъ темнаго мрамора. У смотрящаго на это высоко-художественное произведеніе, поражающее возвышенно-серьозной экспрессіей лица великаго творца сонатъ, ораторій и симфоній, рождается вопросъ: „что это?—человѣкъ или богъ?" „Ни тотъ и ни другой!"—зрителю подсказываетъ *„настроеніе"*, производимое на него статуей. Это *„звукъ"*, олицетворенный въ формѣ человѣка; *„звукъ"* мелодіи души, *„звукъ"* гимна Богу; *„звукъ"* торжества добра надъ зломъ. Все остальное,—тяжелое, стариннаго фасона, крѣпко и грузно охватившее его со всѣхъ сторонъ, начиная отъ кресла и кончая драпировкой, укрывшей, или лучше сказать спрятавшей подъ собою ноги композитора,—это матерія, ветошь земли, которою былъ окутанъ этотъ небесный *„звукъ"*, стѣсненъ и связанъ ею.

Черный орелъ, которому поютъ пѣсни всѣ птицы земли, паря надъ землею на недосягаемой для человѣка высотѣ, вдругъ услышалъ дивные звуки неба, непохожіе на звуки земли, такъ ему знакомые и скучные. Проницательнымъ взоромъ своимъ онъ нашелъ творца этихъ небесныхъ звуковъ и спустился на землю. Схватившись своими крѣпкими когами за подножіе

пьедестала его и опустивъ свои крылья, какъ знакъ покорности, съ благоговѣніемъ слушаетъ онъ эти звуки и не хочетъ разстаться съ ними.

Максъ Клингеръ, какъ художникъ,—патура созерцательная, поэтическая, замкнутая сама въ себѣ и имѣющая особенный даръ выражать въ своихъ произведеніяхъ красоту не тѣла, а духа, дающаго и творящаго жизнь.

Не менѣе замѣчательны послѣднія произведенія художника Климта, которому были заказаны вѣнскимъ университе-

томъ для его залъ, три весьма большихъ размѣровъ картины (панно) „*Медицина*“, „*Философія*“ и „*Правосудіе*“. Эти три аллегоріи на парижской выставкѣ получили первую, большую золотую медаль. Но въ Вѣнѣ, онѣ произвели сенсацію, вызвали цѣлую бурю споровъ и не только среди публики, но и среди профессоровъ образовали два лагеря, изъ которыхъ одинъ рукоплескалъ художнику, расточая похвалы, а другой— осуждалъ и порицалъ его, требуя чуть не уничтоженія всѣхъ трехъ картинъ.

Говорить ли о томъ, что такое рѣзкое раздѣленіе людей на двѣ враждующія партіи, само по себѣ убѣдительно говоритъ, что художникъ—одинъ изъ выдающихся талантовъ, а его три картины дѣйствительно представляютъ собою новую эпоху въ искусствѣ.

Не желая удерживать до усталости вниманіе читателя, я останавливаюсь лишь на описаніи картины-аллегоріи— „Правосудіе“.

У художника Климта все ново, все свѣжо, все идетъ рука объ руку съ современнымъ, умственнымъ и духовнымъ подъемомъ человѣчества. Древніе греки, а за ними вслѣдъ и всѣ народы Европы, обыкновенно изображали „Правосудіе“ въ видѣ женщины, конечно не лишенной античной красоты, какъ богиня правосудія, серьезной, сидящей на своемъ тронѣ, невозмутимо и безпристрастно смотрящей на весь міръ и держащей въ рукахъ своихъ вѣсы, стрѣла которыхъ стоитъ непоколебимо и перпендикулярно.

Климтъ изобразилъ „Правосудіе“ не богиней, не красавицей, а просто *женщиной-человѣкомъ*. У него это—та женщина, которая, какъ мать всѣхъ, какъ первая провозвѣстница „Воскресенія Христова“, какъ мученица въ циркѣ за идею Христа, какъ распространительница христіанства среди варварскихъ народовъ Европы... дорога и близка всѣмъ намъ.

Сидитъ эта „*женщина-человѣкъ*“ грустная, съ поникшей головой и съ слѣдами скорби на лицѣ. Тронъ ея спинкой своей опирается на стѣну, покрытую отъ ветхости мохомъ и плѣсенью, вслѣдствіе чего тамъ и сямъ обваливаются ея камни. Но твердыня ея все еще могуча и непроницаема для свѣта истины...

Женщина, изображающая собою „Правосудіе“ не держитъ въ рукахъ вѣсовъ. Передъ нею лежитъ раскрытымъ толстый и большой фоліантъ книги, на которой написано только одно слово: „Lex“. На эту книгу она положила свою правую руку, какъ бы закрывая ею этотъ грозный фатумъ человѣчества.

Мимо ея проходятъ люди съ самыми разнообразными и

въ то же время внушительными экспрессіями лицъ. Между ними зритель находитъ пляшущихъ, смѣющихся людей; жестокихъ, суровыхъ, грозящихъ кому-то кулаками, съ лицами и глазами напоминающими идіотовъ, неврастениковъ, алкоголиковъ и людей съ ангельской добротой, невинныхъ и въ первыхъ дняхъ разцвѣта весны своей жизни.

Сзади этой группы людей бѣгутъ за ними вслѣдъ темныя тѣни, какъ бы обволакивая собою людей, проходящихъ мимо „Правосудія". Это тѣ кошмары, недобрыя мысли и идеи, подъ вліяніемъ которыхъ люди совершаютъ преступленія, губя себя и другихъ, парализуя свою совѣсть, о которой еще философъ Сенека сказалъ: „*Quod non vetat lex, sed vetat fieri pudor*" [1]).

Художника обвиняютъ въ томъ, что его аллегорія „*Правосудіе*" граничитъ съ отрицаніемъ юстиціи и наталкиваетъ на мысль объ отмѣнѣ системы наказанія. Можетъ быть,—отвѣчаю я. Но художникъ—не мастеръ по заказу. Онъ свободенъ въ своей душѣ. *какъ свободно само искусство* отъ условнаго режима, времени и мѣста. Если онъ высказалъ эту мысль, то, конечно, потому, что душой своей доросъ до нея и поклонился ей въ лицѣ Христа, завѣщавшаго людямъ любовь, милость и всепрощеніе. А потому идея, проведенная художникомъ на картинѣ, если и кажется нѣкоторымъ преждевременной, то во всякомъ случаѣ она останется навсегда величавымъ памятникомъ двадцатаго вѣка и показателемъ выдающагося таланта художника [2]).

Не менѣе глубокъ и величавъ, по идеямъ въ своихъ аллегоріяхъ, художникъ Штукъ. Достаточно видѣть его двѣ картины: „Сфинксъ" и „Война", чтобы признать его за крупный талантъ, а картины за выдающіеся художественныя произведенія.

Что касается технической стороны западнаго искусства текущихъ дней, то она говоритъ о хорошей студіи, о добросовѣстномъ отношеніи художника къ избранному дѣлу и чаруетъ зрителя правдивостью колорита, силой и сочностью кисти и богатствомъ гаммы тоновъ красокъ, при гармоничномъ сочетаніи ихъ.

---

[1]) „Что не запрещаетъ законъ, запрещаетъ совѣсть". В. К.

[2]) Это второй случай закарузлаго взгляда на искусство въ столицѣ Австріи. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ художникъ В. В. Верещагинъ поставилъ на выставку картину „Іоаннъ Креститель въ пустынѣ", ее облили азотной кислотой, а художника собирались на улицахъ Вѣны побить. В. К.

Я могъ бы еще и еще перечислить не мало славныхъ именъ художниковъ современнаго искусства на западѣ, но боясь утомить читателя своей бесѣдой, на этомъ краткомъ описаніи двухъ-трехъ картинъ, останавливаюсь.

А мы? А наша русская, современная школа искусства?

Неужели душа русская, чуткая ко всему прекрасному, настолько понизилась въ своемъ уровнѣ, что искусство наше теперь лежитъ „на днѣ“ своего русла?

Я этому не вѣрю!...

Не оскудѣла душа русскаго человѣка стремленіемъ къ свѣту истины. Не умолкли ея пѣсни, полныя чувства. Не затихли ея сказки и былины, такъ много говорящія о силѣ духа, о мощи богатырской. Не перестала, волной золотого моря, рожь колоситься. Не умолкла, въ выси небесной, пѣснь жаворонка. Все такъ же лѣсъ шумитъ зеленою листвою. Въ дубравѣ, среди липъ, все такъ же тихо шепчетъ ручей воды студеной. И Грыцю, гдѣ старая верба склонилась надъ водою, все такъ же вечеромъ играетъ *„на сопилкѣ“* и ждетъ на свиданіе „кохапую Марусю“...

Лишь стоитъ встрепенуться, отрѣшиться отъ тяжелаго кошмара, который окуталъ всѣхъ насъ, поставивъ задачею жизни карьеру и богатство, въ объятіяхъ которыхъ, все лучшее, святое земли, томится, блекнетъ и теряетъ способность цвѣсти и благоухать...

Опять настанетъ день радостнаго утра, и тогда сынъ или дочь возьмутъ за руки своихъ престарѣлыхъ отца и мать и покажутъ имъ *въ новое окно къ свѣту*, дивную картину обновленной жизни. И явятся таланты, вновь поднимется уровень нашего искусства на завидную высоту, на новую ступень своего безконечнаго развитія.

1905 г. *В. П. Карповъ.*

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(Изъ прошлаго Забужной Руси).

I.

„Contendo de loco“ [1])—объявилъ убогій русинъ-шляхтичъ, Юрій Софроновичъ, юному магнату, гордому князю Николаю Сапѣгѣ. Съ усмѣшкой принялъ вызовъ литовскій вельможа. Встрепенулись благочестивые о.о. іезуиты, заволновались новиціаторы и студенты коллегіума [2]): всѣхъ заинтересовала развязка предстоящаго состязанія. Произошелъ диспутъ. Въ колоквіумѣ развязность и природныя дарованія князя стушевались предъ научной подготовкой никому невѣдомаго дотолѣ русина. Ловко отпарировалъ нѣсколько направленныхъ на него ударовъ шляхтичъ Софроновичъ и самъ, въ свою очередь, путемъ наводящихъ вопросовъ и своей безпощадной логикой довелъ „примуса“ до „абсурда“. Побѣжденный князь примирился со своей участью и уступилъ первое мѣсто счастливому своему сопернику. Съ того времени князь Николай, не утратившій пока всѣхъ доблестей своихъ князей-предковъ, заинтересовался личностью своего коллеги и, цѣня въ немъ прекрасныя качества души, сдружился съ нимъ, несмотря на то, что тотъ оказался сыномъ попа въ одномъ изъ многочисленныхъ и необъятныхъ княжескихъ владѣній, раскинутыхъ по всей Литовской Руси.

II.

Пуритъ [3]) шестеркой съ Варшавскаго сейма широкимъ гостинцемъ [4]) въ свою Коденицину [5]) магнатъ-князь Николай Сапѣга. Презрительно, сжавъ свои коралловыя губки, смотритъ на разстилающіяся равнины, на убогое, сгибающее при встрѣчѣ спины, холопство, ясновельможная пани „ксенжниха“. Лов-

[1]) Споръ о занимаемомъ въ классѣ мѣстѣ. [2]) Виленскій коллегіумъ-академія, основанный епископомъ Проташевичемъ и утвержденный Баторіемъ 1579 года. [3]) Ѣдетъ. [4]) Дорогой. [5]) Коденцина—помѣстье на Подлясьи у Буга, при нынѣшнемъ м. Коденъ, Сѣдл. губ.

кимъ медвѣдемъ сидитъ въ колымагѣ рядомъ съ ней дюжій Сапѣга въ роскошномъ польскомъ кунтушѣ, въ золотолитомъ „пасѣ". Боится онъ, бѣдняга, своей культурной жены, своей насмѣшливой „бѣлоголовой", и старается въ глазахъ ея показаться не увальнемъ, русскимъ медвѣдемъ, а настоящимъ польскимъ, галантнымъ вельможей; боится онъ пересудовъ и тонкихъ насмѣшекъ со стороны сопровождающей его блестящей свиты изъ шляхетскаго сброда со всего свѣта, и, стараясь смыть съ себя пятно „русина", говоритъ съ гостями по-латыни, а ругаетъ встрѣчающееся ему на пути „хамство" по польски. Чѣмъ ближе къ Коденщинѣ, тѣмъ мрачнѣе на душѣ князя: знаетъ онъ упорство своихъ русиновъ и побаивается ихъ. Не весело ему на душѣ и поневолѣ закрадывается въ его душу боязнь прослыть среди народа отступниковъ [1]) отъ вѣры и русской народности. Какъ-то отнесется къ его отступничеству бѣдная приниженная Русь, которой онъ всецѣло обязанъ своимъ значеніемъ, силой и могуществомъ? Вѣдь изъ-за этой тьмы приверженныхъ къ нему вѣрныхъ русиновъ и ухаживаютъ за нимъ король и всемогущіе о.о. іезуиты! Вѣдь не изъ-за любви къ нему, а въ виду миссіонерскихъ соображеній вышла за него замужъ его „пани „ксенжничка", бѣлоголовая. O mi cari Ruthèni per vos... слышится ему лозунгъ папы...

Неистовые крики: „стой, пся кревь, а ты, галгане! Бей его, бей!.." прерываютъ его смутныя думы. Неожиданный толчокъ и карета остановилась. Ясновельможная пани вскрикнула, но, при видѣ пріятной для ея глазъ картины, звонко расхохоталась. Выглянулъ изъ окопца колымаги князь и увидѣлъ опрокинутую вверхъ дномъ одноконную телѣжку, барахтающагося въ грязной канавѣ попа схизматика; видъ запутавшагося въ длинной одеждѣ русскаго священника вызвалъ дружный хохотъ со стороны блестящей свиты представителей культурнаго шляхетства; князь же, узнавъ знакомыя, когда-то дорогія ему, черты въ лицѣ священника, рванулся къ нему впередъ, но, замѣтивъ удивленный взглядъ своей бѣлоголовой супруги, остановился и, рѣшительно сдвинувъ брови, махнулъ своимъ гайдукамъ. Тѣ только того и ждали: надоѣла имъ собачья выдержка и стойка, съ гикомъ кинулись они на добычу и живо, въ одинъ мигъ, отстегали арапниками проклятаго схизматика. „Неужели—Юрій?"—провожая тревожнымъ взглядомъ безчувственное тѣло—думалъ князь Сапѣга.

[1]) Николай Сапѣга совратился въ латинство въ 1635 году, а въ 1636 году передѣлалъ въ Коденѣ выстроенную имъ Михайловскую церковь на костелъ.

III.

Жаль бѣднаго князя Николая: не даютъ ему спокойно умереть въ своемъ палацѣ благочестивые о.о. іезуиты, набожные прелаты, безкорыстные реформаты и нищіе капуцины. Терпѣливо ждутъ всѣ эти отцы своей добычи. Когда же представится имъ болѣе благопріятный случай, чѣмъ нынѣ, въ день ожидаемой смерти богача князя? Знаютъ они объ этомъ хорошо и потому каждый изъ нихъ наперерывъ, изощряясь въ ловкости и краснорѣчіи, старается вырвать лакомый кусочекъ у своего собрата. Вѣдь не получили они отъ князя всего того, что имъ желательно было получить. Большія надежды возлагали они на него, но малого добились: всѣ холопы, не исключая и княжескихъ челядинцевъ, остались схизматиками. Вотъ вышелъ изъ покоевъ князя послѣ насильно-навязанной исповѣди ласковый, съ сіяющимъ лицемъ, капелланъ-іезуитъ, за нимъ юркнулъ другой, третій. Мало по малу всѣ удовлетворенные разошлись, оставивъ князя одного на произволъ судьбы. Остался лишь съ княземъ вѣрный ему челядинецъ, старый стремянной Максимъ.

„Максиме!—говоритъ князь, тяжко мнѣ умирать: Богъ караетъ меня за отступничество; измѣнилъ я вѣрѣ отцевъ своихъ, измѣнилъ я предкамъ своимъ, отступился я отъ бѣднаго русскаго народа, и въ угоду латинникамъ жалъ и преслѣдовалъ ни въ чемъ неповинное русское духовенство. Чувствую, что не умру по милости Божіей, пока чѣмъ-либо добрымъ не заглажу своихъ злыхъ дѣяній.. приведи мнѣ православнаго пресвитера..“

— Княже, теперь ночь и ночь бурная. Ледъ на рѣкѣ готовъ тронуться каждую минуту. Ты разогналъ пресвитеровъ и лишь за Бугомъ можно его отыскать, но ты, вѣдь, умрешь, пока онъ пріѣдетъ къ тебѣ.

— Максиме, и ты на старости измѣняешь мнѣ, боишься переправы чрезъ Бугъ!

— Нѣтъ, князь. Я не перекидчикъ, я твердый и крѣпкій въ вѣрѣ и присягѣ русинъ. Прошлое мое говоритъ о мнѣ: я былъ тебѣ вѣрнымъ слугой и выручалъ не разъ тебя и въ битвахъ, не смотря и на то, что ты перекинулся въ латинство. Иду.

„И въ этомъ простомъ человѣкѣ болѣе стойкости и прямоты душевной, чѣмъ во мнѣ“—думаетъ князь. „О, Господи, до чего я дошелъ? До чего довела меня эта показная культурность польская...“

Ждетъ терпѣливо Максима, покинутый всѣми князь и боится умереть до его прихода. Время томительно долго тянется. Вѣтеръ завываетъ и, нагоняя тучи, льетъ потоки дождя надъ „палацомъ“. Дождь барабанитъ по оконнымъ стекламъ и свинцовымъ карнизамъ палаца, нагоняя още большую тоску и смуту въ сердце князя.

Идетъ, зигзагами осторожно ступая по льду, старый Максимъ. Смерть ему не страшна, не разъ онъ видалъ ее своими очами, боится-жъ онъ теперь, что не выполнитъ предсмертнаго порученія князя. Ледъ гнется, трещитъ, изъ трещинъ выступаетъ вода и обдаетъ его... Но вотъ виднѣется ужъ на другомъ берегу огонекъ и опытный Максимъ, издали обходя опасныя темныя мѣста, трещины, проруби и лужи, направляется къ путеводному огню. Наконецъ и берегъ. Въ убогой избушкѣ сообщилъ княжескій челядинецъ собравшимся хлопамъ радостную вѣсть о желаніи князя исповѣдываться у русскаго, всѣми презираемаго, священника. Возбужденные вѣстью хлопы, мигомъ привезли къ избушкѣ стараго полубольного, изможденнаго отъ трудовъ, преслѣдованій и лишеній, своего батька и осторожно ступая по слѣдамъ добровольца-проводника бережливо, на рукахъ перенесли его по льду къ самому замку.

Вотъ напряженный слухъ умирающаго князя среди ливня и шума разгулявшейся погоды уловилъ какое-то движеніе въ своемъ палацѣ, вотъ шумъ ступающихъ по коврамъ ногъ явственнѣе слышится и, наконецъ-то, появляется пресвитеръ... О, Боже, тотъ самый, который нѣкогда испыталъ на своей спинѣ силу гайдамацкихъ рукъ и крѣпость ихъ жгутовъ, тотъ самый, только сѣдой!

— О, Боже, Юрій, ты-ли это? И собравъ послѣднія силы, припалъ князь къ морщинистой и загрубѣлой рукѣ забытаго имъ стараго друга, а теперь духовнаго отца—Юрія Софроновича.

— Я, тотъ самый, тотъ самый духомъ, что и прежде, дорогой князь и другъ!

И совершилось подъ покровомъ темной бурной ночи свѣтлое дѣло примиренія князя Сапѣги съ Богомъ, съ русскимъ народомъ и со старымъ другомъ своимъ!

Спокойно и съ блаженной улыбкой на устахъ умеръ князь Николай. На пышныхъ, съ помпой, на латинскій ладъ устроенныхъ родпей и ксендзами похоронахъ, среди блестя-

---

[1]) Село Збунино, Гродн. губ. недалеко отъ Кодня.

щей свиты присутствовали и убогіе, приникшіеся съ княземъ, хлопы; навзрыдъ они плакали, провожая въ могилу послѣдняго, доблестнаго русскаго князя на Подлясьи! Ксендзы же самодовольно тѣшились, объясняя плачъ „быдла“ успѣхомъ проповѣди „казнодѣя“, упомянувшаго въ своей проповѣди про чертей и пекло.

Но разлетѣлись прахомъ ихъ тщеславныя мечты: не умерло и не заглохло русское дѣло, завѣщанное послѣднимъ русскимъ княземъ, Николаемъ Сапѣгой, такъ какъ на оставленныя и переданныя имъ Юрію Софроновичу деньги, выросли по укромнымъ уголкамъ убогой Руси многія русскія школы и нашло себѣ поддержку брестское православное братство.

1905 г. 1 мая. *Иванъ Подлясьевъ.*

---

* * *

Осеннія тучи. осеннія думы,
И моремъ свинцовымъ залитая даль,
И дни, какъ могила, безъ солнца угрюмы,
И крадется въ душу невольно печаль.
Все заткано небо слезъ горькихъ ручьями
О жизни мятежной, о жизни людской,
И хочется плакать, залиться слезами,
О прежнихъ утратахъ, о скорби былой.

Ф. Нестряевъ.

Студенческая забастовка.

Одна изъ новыхъ газетъ сдѣлала замѣчательное открытіе: въ Россіи всѣ патріоты либо хулиганы либо полицейскіе. Авторъ этого открытія, г. Новиковъ, вздумалъ доказывать его на примѣрѣ патріотическихъ манифестацій, происходившихъ въ январѣ и февралѣ минувшаго года по всей Россіи. Оказывается, по его мнѣнію, что „національное собраніе" студентовъ петербургскаго университета было устроено хулиганами: стало быть, и пылкій адресъ „Верховному Вождю русскаго народа" прочелъ съ кафедры актоваго зала хулиганъ, и гимнъ пѣли хулиганы, и толпу къ Зимнему двору повели хулиганы и т. д. и т. д.

Между тѣмъ присутствовавшіе на этомъ „національномъ собраніи", въ томъ числѣ и я, видѣли, что кафедру все время занимало нѣсколько студентовъ, хорошо извѣстныхъ на своемъ факультетѣ: всѣ они до того дня считались завзятыми радикалами. Стало-быть, вотъ кого г-нъ Новиковъ называетъ хулиганами.

Быть можетъ, къ уличнымъ шествіямъ примыкали дѣйствительные хулиганы. Но если даже такъ,—что изъ этого слѣдуетъ? Только то, что манифестація даже хулигана подняла до высокаго патріотическаго порыва. А что сдѣлала анархія 9-го января, устроенная уже завѣдомо не хулиганами? Она даже честныхъ рабочихъ толкнула къ грабежу, разорившему нѣсколько ни въ чемъ неповинныхъ лавокъ и магазиновъ.

Въ настоящее время голоса изъ общества кричатъ о прекращеніи войны. Передъ совѣстью малодушныхъ встаютъ живымъ упрекомъ прошлогоднія манифестаціи, въ которыхъ они обѣщали Государю положить всѣ свои силы, свою жизнь въ борьбѣ съ врагомъ. И вотъ являются услужливые публицисты и стараются усыпить эти живые укоры, извратить и исказить то, что было. Неужели же общество годъ тому назадъ такъ же не хотѣло войны, какъ теперь это ему кажется? Неужели не само оно выражало свое искреннее непосредственное чув-

ство? Неужели тогда оно лицемѣрило изъ страха и только теперь, за спиной земскихъ адресовъ, рабочаго движенія и всероссійскихъ стачекъ, оно осмѣлѣло и заговорило откровенно?... Какая ложь, какая клевета на русскаго человѣка!

Не лучше ли просто сознаться, что мы обманулись въ надеждѣ на легкую побѣду; что мы угнетены долгимъ рядомъ военныхъ неудачъ; что наши слабые нервы устали, измотались; что терпѣнія намъ не хватаетъ; выдержки, дисциплины гражданской у насъ совсѣмъ нѣтъ.

Англія болѣе года терпѣла самыя основательныя пораженія отъ буровъ, именно *терпѣла*. А вѣдь Англія побогаче насъ, и парламентъ у нея есть, да и буры не чета Японіи... И что же? Англичане не только не прекратили войну прежде, чѣмъ добились побѣды, но даже не перемѣнили министерства. Вотъ что значитъ крѣпкіе нервы и гражданская выдержка, которыхъ нѣтъ у русскихъ людей.

Другая наша современная болячка—страсть къ „жупеламъ“ и ярлыкамъ. Обходится ли у насъ хоть одинъ вопросъ общественной жизни безъ страшныхъ для замоскворѣцкой купчихи словъ: „режимъ“, „бюрократія“, „конституція“? Какая бѣда не случится, стоитъ ихъ выкрикнуть,—и все объяснено, все рѣшено безъ дальнѣйшаго утружденія ума. Рушится ли мостъ, состоящій въ вѣдѣніи нашего самоуправленія, городской управы—виноватъ режимъ! Изнываютъ ли рабочіе въ лапахъ золотыхъ пауковъ промышленности—причина—бюрократія! Рѣжутся ли татары съ армянами на улицахъ города—спасеніе въ конституціи!..

Такимъ-то путемъ, за многіе годы царствованія жупеловъ въ нашихъ умахъ, отвыкли мы отъ самостоятельнаго мышленія, застыли въ своемъ жупельномъ либерализмѣ и утратили воспріимчивость къ новымъ идеямъ. Давно бастуетъ наша мысль, и нынѣшняя всероссійская забастовка—лишь естественное внѣшнее выраженіе этого внутренняго процесса. Чуть что не по насъ—бастуемъ. При слабости нервовъ, это, должно быть, неизбѣжно. Это традиціонное средство борьбы, которымъ проявляетъ себя нашъ маргариновый либерализмъ, знаменуетъ только политическое безсиліе и умственное банкротство своихъ послѣдователей. И это безсиліе, это банкротство обнаруживаетъ не бюрократія „изжившая себя“, а „передовая“ интеллигенція.

Абсолютная забастовка немыслима даже въ отдѣльномъ человѣческомъ тѣлѣ; о такой сложной вещи, какъ государство, и говорить нечего. Нѣкоторые органы могутъ прекра-

тить свою дѣятельность только цѣною жизни всего организма. Допустима недѣятельность лишь частичная. Очень жаль, что у насъ забываютъ басню о раздорѣ въ человѣческомъ тѣлѣ: что дѣлается съ тѣломъ, когда его органы вдругъ отказываются работать, т. е. бастуютъ?

Глаза и уши бастовать могутъ свободно, и даже къ великому общему удовольствію. Развѣ мы иногда не закрываемъ добровольно свои глаза на то, чего не хотимъ видѣть? Развѣ мы сами не затыкаемъ уши, когда боимся услышать нѣчто непріятное?

Носъ тоже можетъ бастовать: безъ обоняніе, съ насморкомъ отлично люди живутъ и даже „дѣйствуютъ". Иначе была бы немыслима „химическая обструкція", родное дѣтище забастовки. Потерять нюхъ, чутье по части этической даже особенно пріятно: дѣйствуешь себѣ, не разбирая средствъ, подъ краснымъ, подъ чернымъ флагомъ—„свободно".

И руки и ноги имѣютъ не меньшую возможность бастовать. Мало ли у насъ бездѣльниковъ коптитъ небо,—чѣмъ же новые хуже старыхъ? А такъ пріятно лежать на печи, палецъ о палецъ не ударяя, предаваясь dolce far niente, въ сознаніи своего высокаго гражданскаго подвига и въ чаяніи движенія воды: подожду-молъ годикъ, другой—авось сама вода подтечетъ подъ лежачій камень

Природа представляетъ намъ примѣры частичной постоянной атрофіи органовъ. У насъ въ Россіи водится слѣпой кротъ. водится и глухая тетеря. Встрѣчаются (и очень часто) случаи атрофіи ногъ съ сохраненіемъ способности двигаться: пресмыкающіеся гады.

Лишеніе способности движенія есть высшая степень забастовки, допустимая въ животномъ царствѣ. Есть живыя существа, которыя не въ состояніи двигаться сами. Они питаются, но на чужой счетъ и чужими трудами. *Такія* существа въ зоологіи называются *паразитами*. Наивысшей степени недѣятельности они достигаютъ, поселяясь *внутри* другого тѣла, дѣятельнаго, работающаго.

Бастуя, наша интеллигенція и полуинтеллигенція становится въ положеніе паразита. Какъ бы либерально ни былъ настроенъ умъ человѣка, его желудокъ требуетъ своего. Желудокъ не можетъ бездѣйствовать, ибо въ такомъ случаѣ организмъ умираетъ. Забастовавшіе могутъ не работать, но не ѣсть, они не могутъ. И если, не работая, они продолжаютъ получать свое жалованье или стипендіи и питать такимъ образомъ желудки, то этимъ самымъ они являются безсовѣстнымъ внутреннимъ паразитомъ въ народномъ тѣлѣ.

Студентъ-горнякъ (въ „Новомъ Времени“) высчиталъ, что бездѣятельность всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній стоила бы Россіи 50 милліоновъ рублей въ годъ, истраченныхъ попусту. Стало быть, у насъ появился 50-тимилліонный паразитъ! Дорого же обходится нашей бѣдной разоренной родинѣ это исчадіе лѣни и конституціонныхъ вожделѣній.

Я не говорю еще о тѣхъ милліонахъ, которые поглощаются забастовщиками изъ родительскихъ кармановъ, тоже, въ общемъ, довольно тощихъ. Я не говорю и о томъ, что ихъ бездѣлье является вопіющимъ нарушеніемъ долга передъ родиной и семьей. И это нарушеніе долга, этотъ соціальный паразитизмъ находитъ себѣ даже принципіальныхъ сторонниковъ.

Правда, организмъ не можетъ продолжать дѣятельность, когда силы его истощены. Когда мы физически не въ состояніи работать,—мы бастуемъ, мы прекращаемъ дѣятельность сами собою, безъ всякаго гнета и подстрекательства извнѣ.

Такою ли самопроизвольною и естественною является „забастовка“ учебныхъ заведеній, когда она принята многолюдной сходкой, подогрѣтой въ извѣстномъ духѣ двухчасовымъ изложеніемъ революціоннаго движенія въ Россіи, громкими восклицаніями объ учредительномъ собраніи; когда цѣлыя сотни несогласныхъ тутъ же выдѣляются и открыто протестуютъ противъ насилія онаглѣвшаго „большинства“; когда, наконецъ, поборники „свободы“ и паразитизма, не довольствуясь болѣе криками и свистками, переходятъ къ угрозамъ и даже къ дѣйствію кулакомъ и кастетомъ?

„Мы *не можемъ* долѣе работать!“ восклицаютъ юноши. Чистѣйшее и откровеннѣйшее фарисейство! Всѣмъ извѣстно, что во многихъ лабораторіяхъ университета работы шли своимъ порядкомъ; что у цѣлаго ряда профессоровъ практическія занятія на дому велись себѣ аккуратнѣйшимъ образомъ; что профессора и приватъ-доценты, которые „не въ состояніи“ читать лекціи въ университетѣ, спокойно продолжаютъ преподаваніе въ другихъ мѣстахъ, напр. въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ гимназіяхъ. Кто говоритъ, что онъ „не въ состояніи“ продолжать работу, говоритъ явную ложь. И если спросить не тѣхъ студентовъ, которые учиняютъ сходки и составляютъ всяческіе „комитеты“, а тѣхъ, которые съ самаго начала академическаго года занимались и учились,—смѣю думать, всѣ они скажутъ, что способность заниматься сохраняютъ и теперь.

Но можетъ статься, забастовка имѣетъ большой политическій смыслъ? „Мы знаемъ, что мы паразиты, что мы со-

вершаемъ подлость передъ своей семьей и родиной, но это есть самопожертвованіе во имя блага высшаго и отдаленнѣйшаго: *мы* уже пробудили спящее общество, а теперь устрашимъ правительство, заставимъ послѣднее дать странѣ великую реформу—конституцію".

Нѣчто въ этомъ родѣ, *пожалуй*, могли заявлять прежніе забастовщики, студенты 90-хъ годовъ. Тогда, *пожалуй*, они имѣли основанія претендовать на роль „будильника" общества. Кричало на всю Русь (или надрывалось такъ крикнуть) лишь одно студенчество. А взрослое общество, настоящіе зрѣлые граждане не кричали, не бастовали, а дѣлали свое дѣло безъ шума. И студенческій вопль разносился по всей землѣ не грознымъ, какъ труба архангела въ день Страшнаго Суда (такъ хотѣли бы думать студенты), а легкимъ скрипомъ назойливаго сверчка (такъ думаютъ другіе).

Но какъ бы то ни было, тогда еще можно было обольщать себя ролью единственнаго крикуна на Руси. Теперь этого обольщенія быть не можетъ, ибо интеллигенція и полуинтеллигенція вопитъ почти вся поголовно, кто сколько можетъ. Общество отнюдь не „спитъ". И *если даже* въ ту пору (допустимъ на минуту) протестъ студенчества могъ притязать на такую великую роль, то теперь нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать такъ. Къ нашему времени забастовка студентовъ отжила свое, сдѣлалась историческимъ пережиткомъ и вырождается въ уродливую каррикатуру.

Студентамъ подражаютъ реалисты и гимназисты, которые тоже „бастуютъ", тоже свои „требованія" предъявляютъ. И какія требованія!... Реалисты требуютъ отставки министра, гимназисты—свободнаго входа въ увеселительныя заведенія столицы... Вотъ нынѣшній „протестъ".

Одинъ изъ малыхъ сихъ, класса 4-го или 5 го, вообще очень неглупый, какъ-то излогалъ предо мною свое политическое міровоззрѣніе. „Я, говоритъ, тоже монархистъ, только я кон-сти-ту-листъ... нѣтъ: конституци-листъ", поправился мальчикъ. Вотъ нынѣшніе „политическіе" дѣятели!

Неужели это не злѣйшая каррикатура? Неужели эта забастовка не смѣшна?

Но пусть бы каррикатура оставалась только смѣшной. Горе въ томъ, что она еще и страшно вредна. По какимъ-то особеннымъ законамъ исторической логики, черезъ общую повальную забастовку хотятъ прійти къ счастію народному, къ благимъ кореннымъ реформамъ. Но такой путь гораздо ближе и прямѣе приведетъ къ совсѣмъ иному концу.

Отказъ отъ образованія есть отказъ отъ одного изъ сильнѣйшихъ орудій въ борьбѣ за прогрессъ и за самое существованіе. Закрывать самимъ университеты и гимназіи,— значитъ рубить сукъ, на которомъ сидишь: срубишь и полетишь въ бездну невѣжества и ничтожества. Это мракобѣсіе, подобнаго которому никогда не проповѣдывали даже самые завзятые ретрограды. Это культурное и національное самоубійство.

Добровольное невѣжество и „геройское" умственное банкротство русской интеллигинціи ведетъ только къ призыву свѣдущихъ образованныхъ людей изъ-за границы. Намъ не привыкать къ такимъ явленіямъ. Быть можетъ, и теперь-то наша интеллигенція бастуетъ съ такимъ легкимъ сердцемъ только потому, что большинству ея Россія не родная, не родина, не отечество, а лишь дойная корова.

Мало того. Правительство, покинутое (временно, конечно) русскими людьми, можетъ не ограничиться призывомъ заграничныхъ техниковъ и ученыхъ. Что, если оно призоветъ и министровъ для высшаго управленія страной тоже изъ за границы? Бироновщина была въ свое время и снова можетъ повториться, вмѣсто вожделѣнной конституціи и земскаго собора.

И *кто* ведетъ насъ къ этой бироновщинѣ и анархіи, ведетъ обдуманно и сознательно? Какой то гнусный заговоръ совъ, думающихъ тучами громкихъ словъ и грозой кулачной расправы затемнить солнце просвѣщенія, подъ благовиднымъ предлогомъ... Забастовки постановляются на сходкахъ: самая удобная форма подавленія личности совершается подъ знаменемъ ея освобожденія. Сходки же организуютъ и ведутъ таинственные „коалиціонные комитеты" разныхъ соціалъ-демократовъ, соціалъ-революціонеровъ, соціалъ-мракобѣсовъ и т. п. Вотъ онѣ,—совы заговорщицы!

Но солнце просвѣщенія и прогресса встанетъ надъ нашей страной вопреки и на зло этимъ заговорамъ. Никакія пернатыя, никакія пресмыкающіяся не въ состояніи довести могучій государственный организмъ до полнаго паралича, до полной забастовки, пока самъ народъ возмущается ихъ заговорами. А свое возмущеніе поведеніемъ интеллигенціи простой народъ уже показалъ, хотя, быть можетъ, и въ слишкомъ рѣзкой формѣ, въ рядѣ весьма поучительныхъ проявленій.

Неизбѣжный конецъ ученическаго и ученаго бездѣлья одинъ. Работающій организмъ не захочетъ долго терпѣть на себѣ паразита, хотя бы интеллигентнаго происхожденія: или уничтожитъ его, или принудитъ вернуться къ дѣятельности. „Работай или умри"—таковъ желѣзный законъ жизни. Въ

концѣ концовъ, слишкомъ длительная забастовка физически невозможна, благодаря требованіямъ желудка, который заставитъ покориться. Вопросъ, стало быть, не шкурный, какъ любятъ образно выражаться нѣкоторые, а именно желудочный.

Долго ли продержится бодрое настроеніе забастовавшихъ?

Подбодряющее вліяніе товарищескихъ свистковъ и кулаковъ сильно только на самой сходкѣ и поддерживается рядомъ софизмовъ, слабыхъ и не искусныхъ Разойдутся, разъѣдутся по домамъ, сядутъ на шею отцу-матери, поживутъ такъ въ своемъ блаженно-геройскомъ недѣланіи мѣсяцъ-другой... Мало-по-малу выдохнется и либерализмъ родительскій, сами отцы и матери перестанутъ поощрять сыновей къ бездѣлью.

Если вѣрить сообщеніямъ газетъ типа „Биржевыхъ Вѣдомостей", родительскія совѣщанія при среднихъ школахъ поощряютъ забастовки гимназистовъ и реалистовъ. Это непростительное легкомысліе, непрочное и недлительное, хотя легко объяснимое. Пока вашъ сынъ въ четвертомъ—пятомъ классѣ гимназіи, и вы изъ силъ бьетесь довести его до конца курса, то ваши родительскія мечты о сынѣ-кормильцѣ еще очень далеки отъ осуществленія. Если вамъ остается ждать вмѣсто 7 лѣтъ немногимъ больше, лѣтъ 8—9, это не такъ чувствительно. Но когда взрослый сынъ долженъ черезъ какіенибудь 2—3 мѣсяца окончить университетъ или институтъ, стать на свои ноги, стать вашей опорой, и вдругъ отсрочка, на годъ,—тутъ напряженное родительское ожиданіе должно подвергнуться тяжелому потрясенію. Рѣдкіе и робкіе еще вопли болѣе дальновидныхъ родителей уже слышатся.

Семья—вотъ кто прежде всѣхъ чувствуетъ на себѣ незаслуженную тяжесть паразитирующаго либерализма учащихся, вотъ откуда прежде всего должна послѣдовать нравственная реакція въ средѣ забастовщиковъ.

Нѣтъ, не бездѣлья ждутъ отъ молодежи семья, общество и государство. Не голые протесты, звонкіе и пустые, нужны въ настоящее время нашей родинѣ, а дѣло, дѣло истинное, полезное и творческое. И обществу не нужны протесты, являющіеся лишь каррикатурнымъ эхомъ на его собственные; ему нуженъ непрерывный притокъ свѣжихъ, молодыхъ, бодрыхъ силъ для продолженія его дѣла. И семьѣ прежде всего нуженъ честный кормилецъ, а не самодовольный дармоѣдъ.

Въ свое время М. Е. Щедринъ отмѣчалъ „*исторіографическую*" смѣну поколѣній въ Россіи XIX вѣка. Такъ, до половины этого вѣка присяжными исторіографами у насъ яв-

лились чиновники: исторію Россіи дѣлали они. Съ 60-хъ годовъ почетное званіе историіографовъ у нихъ стали оспаривать земцы.

Если-бы великій сатирикъ дожилъ до нашихъ дней, онъ отмѣтилъ бы въ 90-хъ годахъ появленіе новаго поколѣнія историіографовъ: эту роль присвоило себѣ студенчество, или такъ называющая себя, „лучшая часть молодежи", она же и „сливки общества" и „боевой авангардъ прогрессивной интеллигенціи" и т. д. и т. д. (Все взрослое общество, видите ли, спало да во снѣ жвачку пережевывало).

Но вотъ въ XX вѣкѣ на смѣну является еще новое, еще болѣе молодое поколѣніе: это „кон-сти-ту-ционалисты" изъ реалистовъ и гимназистовъ. А изъ-за ихъ спины выглядываетъ розовое улыбающееся личико грудного младенца, ждущаго своей очереди писать... исторію.

Полно, господа!.. Перестанемъ тѣшить себя ролью „двигателей" исторіи: маска, которая намъ вовсе не къ лицу. Не на школьныхъ скамьяхъ рѣшаются судьбы народовъ и государствъ. Общество само теперь не спитъ, само за себя говоритъ. Пора предоставить ему это право, и не навязываться болѣе въ нянькы тому, у кого сами мы на помочахъ ходимъ. Бросимъ же этотъ безсмысленный, безправственный паразитизмъ и возобновимъ прерванную работу. Только этотъ путь, путь усиленнаго труда, выведетъ насъ изъ порабощенія жупеламъ, изъ царства мракобѣсія на широкую дорогу самосовершенствованія и подготовки къ плодотворному гражданскому подвигу—служенію Родинѣ и человѣчеству.

Будущее не за паразитами!

Студ. В. Александровичъ.

Петербургъ.

Изъ записной книжки русскаго монархиста.

(Окончаніе).

CLXVII.

Корейскіе ваны и первый корейскій императоръ.

Изученіемъ бывшей организаціи верховной власти въ Кореѣ, кажется, никто спеціально не занимался, а стоило бы заняться. Корея представляла любопытный и чуть ли не единственный образчикъ политическаго атавизма такого государственнаго строя, за подобіями котораго нужно углубляться въ сѣдую даль вѣковъ. Въ Кореѣ мы имѣли типичный образчикъ бюрократической монархіи, нѣсколько напоминавшей китайскій монархизмъ. Корея показываетъ, что, подъ фиктивно-монархическою внѣшностью, подъ внѣшностью восточнаго абсолютизма, называемаго обыкновенно деспотизмомъ, могутъ существовать порядки, представляющіе, въ сущности, отрицаніе монархическихъ началъ.

Въ „Almanach de Gotha" за 1904 г. находимъ слѣдующія справки о корейской формѣ правленія:

„Корея (Те-ханъ)—неограниченная монархія, наслѣдственная въ династіи Су (царствующая съ 1392 г.) и признанная независимою (отъ Китая) сначала Японіей (въ 1876 г.), затѣмъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и великими европейскими державами и, наконецъ, Китаемъ по Симоносекскому трактату (апрѣль 1895 г.), въ силу котораго имперія богдыхановъ отказалась отъ всѣхъ сюзюренныхъ правъ надъ Кореею".

Прибавимъ, что эти права выражались лишь въ томъ, что корейскій монархъ ежегодно посылалъ въ Пекинъ посольство съ дарами ко дню новаго года. Въ вассальной зависимости отъ Китая, которая съ теченіемъ времени сдѣлалась номинальною, Корея очутилась съ 903 г. по Р. Х.,

когда Дзянь объединившій Корею въ одно государство, получилъ отъ богдыхана титулъ вана (царя) и китайскій чинъ, опредѣлявшій его степень въ числѣ другихъ вассаловъ и сановниковъ Китая.

„Іи-Гіенгъ, императоръ Кореи,—34-й государь изъ династіи Іи—провозгласилъ себя въ 1902 году гоангъ-тіеи, т. е. императоромъ". Это обстоятельство нужно имѣть въ виду при чтеніи тѣхъ изъ нашихъ извлеченій, въ которыхъ безвластный повелитель Страны Утренняго Покоя именуется королемъ.

Очеркъ государственнаго устройства въ корейской Имперіи до русско-японской войны можно найти въ пятой и шестой главахъ книги Гамильтона „Корея" и въ первомъ приложеніи къ русскому переводу (изданіе А. С. Суворина) названной книги. Описаніе торжественной процессіи шествія корейскаго императора къ храму предковъ, вышло у Гамильтона художественно, читается съ захватывающимъ интересомъ и совершенно переноситъ читателя въ атмосферу корейскихъ высшихъ стремленій, основанныхъ на культѣ предковъ. Заканчивая шестую главу, посвященную процессіи, Гамильтонъ пишетъ:

„Императоръ (по оконченіи процессіи) опять принялъ свой обычный видъ. Міръ, показанный намъ и такъ сильно заинтересовавшій насъ, сразу исчезъ.

„Глядя на безпорядочную толпу возвращающуюся съ процессіи, казалось, что сцена, промелькнувшая передъ нами, была сномъ. А все таки въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы пожили жизнью среднихъ вѣковъ".

CLXVIII.

Царь не одинъ!—съ Нимъ Богъ и Россія.

Поздравляя Императора Александра III 15 мая 1883 г. отъ лица всего православнаго духовенства съ совершеніемъ священнаго вѣнчанія и мѵропомазанія, митрополитъ кіевскій Платонъ закончилъ свою рѣчь такъ:

„Господи, спаси Царя! А Ты, Царь Православный, повай на Господа и мужественно неси крестъ Имъ на Тебя возложенный. Ты не одинъ,—съ Тобой Богъ и Россія!"

CLXIX.

Каково было политическое настроеніе К. Ѳ. Рылѣева послѣ 14 декабря 1825 г. до казни.

Вопросъ этотъ рѣшается перепиской Рылѣева съ женою изъ крѣпости, напечатанною г. Ефремовымъ въ 1872 году

съ библіографическими примѣчаніями въ собраніи сочиненій благороднѣйшаго изъ декабристовъ.

21 декабря жена писала Рылѣеву:

„Другъ мой! не знаю, какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердіе нашего Монарха. Третьяго дня обрадовалъ меня Богъ, и вслѣдъ за тѣмъ 2000 руб. и позволеніе посылать тебѣ бѣлье... Наставь меня, другъ мой, какъ благодарить Отца нашего Отечества... Настенька[1]) про тебя спрашиваетъ, и мы всю надежду возлагаемъ на Бога и на Императора".

На оборотѣ этого письма рукою Рылѣева набросано:

„Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, Государь, отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно; но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить Тебя, Государь! будь милостивъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самаго вступленія въ Думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностью своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; черезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу Тебя, Государь, прости ихъ: Ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословляю десницу, меня карающую, и Твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной".

Неизвѣстно, было ли переписано и передано Императору Николаю I это письмо. Тѣмъ не менѣе набросокъ его все таки составляетъ важный документъ для біографіи Рылѣева, характеризующій нравственный и политическій переворотъ, происшедшій въ его душѣ послѣ неудавшагося бунта и подъ вліяніемъ тяжелыхъ думъ узническаго уединенія.

На вопросъ жены и, вообще, на ея первое письмо Рылѣевъ писалъ 23 декабря:

„Милосердіе Государя и поступокъ Его съ тобою потрясли душу мою.

[1]) Дочь Рылѣева.

Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить Его. Молись, мой другъ, да будетъ Онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго Отечества и да осчастливитъ Онъ Россію своимъ царствованіемъ".

Въ письмѣ отъ 26 декабря Н. М. Рылѣева писала мужу, между прочимъ:

„Неизъяснимы милости, вновь оказанныя. Добродѣтельнѣйшая Императрица Александра Ѳеодоровна прислала мнѣ 22 числа, т. е. въ именины Настеньки, 1000 рублей. Чѣмъ я могу, несчастная сирота, возблагодарить Милосерднѣйшую Монархиню? Богъ видитъ слезы благодарности: онѣ проводятъ меня до могилы".

Въ отвѣтъ на эти строки Рылѣевъ писалъ:

„Молись Богу за Императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицею глубоко врѣзались въ сердце мое. Чтобы со мною ни было, буду жить и умру для нихъ".

Жена отвѣчала:

„При всей несчастной участи, я еще могу ходить, говорить, видѣть и слышать, и кто благодѣтель сему, какъ не Всевышнее существо и милосердіе Монарха, Отца нашего?

Ты могъ заблуждаться и можешь впредь, но быть неблагодарнымъ не можешь: эти слова Твои, какъ истиннаго христіанина, чистое раскаяніе.

Молись, мой другъ, Всевышнему,—да укрѣпитъ тебя въ добромъ намѣреніи; я знаю чистую душу твою, надѣюсь, что ты постараешься загладить поступокъ свой и возвратить милость и любовь Отца Отечества нашего".

Жена Рылѣева старалась поддерживать въ мужѣ надежду на помилованіе и сама питала ее.

7 января 1826 года она писала мужу:

„Милый мой другъ, страданіе мое не прекратится до тѣхъ поръ, какъ я увижу тебя свободнымъ и достойнымъ вѣрноподданнымъ Отца Отечества нашего".

Десять дней спустя, Н. М. Рылѣева въ такихъ выраженіяхъ писала мужу объ основаніяхъ своей надежды:

„Милосердъ Творецъ! Неужели пріемлющій образъ Его на землѣ не подобенъ Ему? Нѣтъ! скорѣе повѣрю, что будетъ вѣчная тьма на землѣ, нежели правосудіе Божіе и чадолюбиваго Отца нашего Отечества не будетъ существовать! Мы не на словахъ, но на самомъ дѣлѣ видимъ милосердіе его къ намъ".

25 января 1826 г. Н. М. Рылѣева такъ успокаивала мужа

„Сдѣлай одолженіе, мой другъ, не унывай, положись на Бога и милосердіе нашего Монарха. Ты спрашиваешь, мой другъ, кто меня лечитъ? Кто можетъ лечить отъ душевной скорби, кромѣ Бога? Твои письма—мое лекарство. Ежели бы не царское милосердіе надъ нами, то, вѣрно, я уже не могла-бы этого перенесть. Съ каждымъ твоимъ письмомъ я получаю новыя силы и надежду. И теперь я здорова, молюсь Богу съ Настенькой за Императорскій Домъ и надѣюсь на милосердіе".

15 февраля 1826 года Рылѣевъ ободрялъ и утѣшалъ жену въ такихъ выраженіяхъ:

„Вѣрю, другъ мой; но надобно имѣть болѣе твердости и надежды на Создателя. Если сердце твое съ надеждой обращается къ Нему, какъ пишешь ты, то не унывай и будь увѣрена, что онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ и все устроитъ къ лучшему. Я совершенно предался Его святой волѣ и съ тѣхъ поръ совершенно успокоился, какъ въ разсужденіи тебя съ Настенькой, такъ и на счетъ участи, какую предназначаетъ милосердіе Государя. Тебѣ то же надо сдѣлать".

Изъ письма жены Рылѣева отъ 20 февраля 1826 года:

„Истинно ничѣмъ невозможно перемѣнить участь нашу, кромѣ Бога и милосерднаго отца нашего, Государя. Да будетъ воля ихъ. Совершенно полагаюсь: отъ нихъ зависитъ жизнь и счастье, какъ твое, равно и мое, съ невинною нашей малюткою. Молю Всевышняго, да сохранитъ и продлитъ жизнь всему благословенному дому Императора нашего".

11 марта 1826 года Рылѣевъ написалъ женѣ письмо, которое было задержано, вслѣдствіе чего, два дня спустя, онъ написалъ то же письмо въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Печатая письмо отъ 13 марта, г. Ефремовъ, въ примѣчаніяхъ къ нему, указываетъ, чѣмъ оно отличалось отъ задержаннаго письма. Приводимъ это письмо въ извлеченіяхъ, съ примѣчаніями г. Ефремова:

„Пробывъ три мѣсяца одинъ съ самимъ собою, я узналъ себя лучше, я разсмотрѣлъ всю жизнь мою, и ясно вижу, что я во многомъ заблуждался. Раскаиваюсь и благодарю Всевышняго, что Онъ открылъ мнѣ глаза [1]); жалѣю только, что я уже болѣе не могу быть полезнымъ моему отечеству и Государю, столь милосердному.

Ради Бога, и ты имѣй, мой милый другъ [2]), болѣе твер-

[1]) Въ письмѣ отъ 11 было: Благодарю за то каждый день Всевышняго и жалѣю объ одномъ только и проч., а подчеркнутыхъ далѣе словъ не было.

[2]) Было: Ради Бога, мой милый другъ.

дости и надежды на благость Творца. Я знаю твою душу и совершенно увѣренъ, что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ безъ своего покровительства. Надѣйся на милосердіе Государя и молись Богу не за одного меня, но за всѣхъ, кто пострадалъ вмѣстѣ со мною [2]).

Въ письмахъ Рылѣева не разъ повторяется, что онъ раскаивался въ злѣ, которое имъ было причинено женѣ и дочери (13-го и 20-го апрѣля и 24 мая 1826 года). Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ Рылѣева выражается и сознаніе виновности передъ Государемъ. Въ черновомъ наброскѣ письма 27 марта говорилось:

„Я заслужилъ во всякомъ случаѣ нищету и всякое страданіе".

Рылѣевъ готовился къ казни, примиренный съ Богомъ и людьми, совершенно спокойно, съ теплымъ религіознымъ чувствомъ, въ истинно христіанскомъ настроеніи духа, что доказывается его письмомъ отъ 13 іюля. Изъ этого письма видно, что въ душѣ Рылѣева, послѣ 14 декабря, произошелъ крупный переломъ, и что онъ умеръ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ писалъ революціонныя стихотворенія и затѣвалъ военный бунтъ.

„Богъ и Государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорной. Да будетъ Его святая Воля. Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Ни ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроптalъ во все время моего заключенія и за то Духъ Святый дивно утѣшилъ меня. Подивись, мой другъ, въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ!

„Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ, и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи".

Въ брошюрѣ профессора Харьковскаго университета прот. Т. И. Буткевича „Религіозныя убѣжденія декабристовъ" (стр. 64), приводится стихотвореніе Рылѣева „Посланіе къ

---

[2]) Въ письмѣ отъ 11 было далѣе: „многіе изъ нихъ истинно достойны милосердія царскаго и заслуживаютъ лучшей участи".

женѣ", написанное очевидно въ послѣдніе дни жизни, когда поэту уже былъ объявленъ смертный приговоръ. Вотъ начало и заключительный стихъ „Посланія":

Ударитъ часъ, часъ смерти роковой
И погрузитъ меня въ сонъ тяжкій, гробовой.
Виновную главу, безъ ропота, безъ страху,
Съ однимъ раскаяньемъ твой другъ несетъ на плаху...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Но время!.. слышу зовъ... О, другъ мой! до свиданья!

„Посланіе" впервые появилось въ печати въ 1863 году во второмъ томѣ лейпцигскаго изданія Брокгауза „Библіотека русскихъ авторовъ"—„Собраніе стихотвореній декабристовъ" (стр. 203). Составитель этой книги, подписавшій свое предисловіе тремя *Л*, не сообщаетъ источника, изъ котораго онъ взялъ „Посланіе", а говоритъ только (стр 228), что оно было написано въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ Петропавловской крѣпости, незадолго до казни. Заподозрѣвать подлинность этого стихотворенія нѣтъ, однако, никакого основанія. Его содержаніе вполнѣ гармонируетъ съ письмами Рылѣева къ женѣ, а языкъ и форма обличаютъ автора „Думъ".

CLXX.

Любовь, истина, кротость и правда Царской Власти.

Встрѣчая 28 сентября 1904 года Императорскую Чету въ Ревельскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, его настоятель произнесъ небольшую привѣтственную рѣчь, вторая половина которой представляетъ сжатое, но мѣткое опредѣленіе движущихъ началъ Русскаго Самодержавія.

„Обширна Твоя Имперія, Государь, но любовь шире ея. Ты ею обнимаешь Тобой незабытые сѣверъ, югъ, западъ и востокъ Всѣ вѣрноподданные близки сердцу Твоему, всѣхъ Ты согрѣваешь любовью Своею. Царствуй истины ради, кротости и правды,—и наставитъ Тя десница Всевышняго".

CLXXI.

Сталь по поводу конституціонныхъ замысловъ Александра I.

Извѣстная книга Madame de-Stael „Deux années d'éxil" вышла въ Парижѣ въ 1821 году. Въ 1904 г. вышло ея новое

изданіе съ возстановленіемъ всѣхъ выпущенныхъ въ первомъ изданіи мѣстъ.

Давая отчетъ объ этомъ изданіи, г. Скальковскій [1]) приводитъ изъ него нѣкоторыя извлеченія и, между прочимъ, говоритъ:

„Какъ извѣстно, Сталь милостиво была принята Александромъ I, такъ сказать „интервьюировала" его и осталась очень довольна его откровенностью.

„Я всегда считала—пишетъ она—признакомъ посредственности боязнь касаться серьезныхъ вопросовъ, которая внушается большинству государей Европы. Они боятся произнести слово, имѣющее реальное значеніе. Императоръ Александръ, напротивъ, говорилъ со мною, какъ говорили бы англійскіе государственные люди, ищущіе силы внутри себя, а не въ загородкахъ, которыми ихъ можно окружить".

Какъ извѣстно, государь раскрылъ ей даже сокровенныя мысли свои о коренныхъ преобразованіяхъ государственнаго устройства, но, вращаясь въ высшемъ обществѣ, Сталь сразу замѣтила, что благія намѣренія Александра I-го едва ли осуществятся.

„Въ Петербургѣ, въ особенности, аристократы менѣе либеральны по принципамъ, чѣмъ государь. Привыкнувъ быть неограниченными владѣтелями своихъ крестьянъ, они, въ свою очередь, хотятъ, чтобы монархъ оставался всемогущимъ для поддержанія іерархіи ихъ деспотизма".

Сталь вѣрно передала обаятельное впечатлѣніе, которое Александръ I производилъ на всѣхъ, но въ ея сужденіяхъ о монархизмѣ петербургскихъ „аристократовъ" обнаружилось совершенное незнакомство съ Россіей. Крѣпостное право держалось не могуществомъ Императоровъ-автократовъ, а на невозможности осуществить крестьянскую реформу въ началѣ XIX вѣка. Петербургскіе „аристократы" были монархистами по той простой причинѣ, что они принадлежали къ царелюбивому русскому народу. Нѣтъ ни одного историческаго памятника, ни одного историческаго факта, ни одного эпизода, который бы подтверждалъ мысль Сталь о связи между монархизмомъ богатыхъ помѣщиковъ и ихъ правами надъ крестьянами. Верховники 1730 года были „владѣтелями крестьянъ", но подсунули Аннѣ Іоанновнѣ „пункты". Развитіе Самодержавной Власти вело не къ поддержанію крѣпостного права, а къ отмѣнѣ его. Въ эпоху подготовительныхъ трудовъ къ реформѣ 19 февраля конституціонныя требованія исходили, между прочимъ, и изъ лагеря крѣпостниковъ.

[1]) „Новое Время", 1904 г., № 20 сентября.

CLXXII.

Предсмертный завѣтъ Корнилова дѣтямъ.

5 октября 1854 г. знаменитый защитникъ Севастополя, вице-адмиралъ Влад. Алекс. Корниловъ, былъ тяжело раненъ на Малаховомъ Курганѣ.

У него была раздроблена ядромъ вся лѣвая нога, онъ тотчасъ впалъ въ забытье, но на перевязочномъ пунктѣ пришелъ въ сознаніе, причастился Святыхъ Таинъ, а, затѣмъ, далъ священнику такое порученіе:

— Скажите моимъ сыновьямъ, чтобъ они служили вѣрно Царю и Отечеству.

Въ тотъ же день Корниловъ скончался.

CLXXIII.

Что такое Самодержавіе?

Дополняя раньше сдѣланное опредѣленіе *Самодержавія* и его особенностей, сравнительно съ другими видами Монархіи (№№ II, CXLVI), можно сказать, что Монархъ тогда бываетъ истинно Самодержавнымъ, когда онъ самъ исполняетъ обязанности своего перваго министра, иначе канцлера или великаго визиря, и когда министры ограничиваются ролью или секретарей, или дѣйствующихъ по его указаніямъ сотрудниковъ.

CLXXIV.

Краткій титулъ Императорскаго Величества.

Для согласованія краткаго Императорскаго титула, употребляемаго въ обращеніи Верховной Власти къ народу, съ титуломъ, употребляемымъ въ церковныхъ моленьяхъ и съ исторически сложившимся въ Россіи представленіемъ объ ея монархіи, а также во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, краткій титулъ Императорскаго Величества лучше всего формулировать такъ:

„Божіею милостію, Мы, NN, Православный, Великій и Неограниченный Государь, Императоръ, Кесарь, Царь и Самодержецъ всей Россіи и проч., и проч., и проч.“.

Эта формула вытекаетъ изъ соображеній, изложенныхъ въ №№ VI, VIII, XVI, LI, LXIII, CIII, CXXXVI.

CLXXV.

Адресъ Русскаго Правительства.

Вскорѣ послѣ убійства министра внутреннихъ дѣлъ, Плеве, въ то время, когда въ печати шла агитація одноцвѣтнаго министерства во главѣ съ министромъ, который подбиралъ бы членовъ кабинета, руководилъ бы имъ и одинъ бы дѣлалъ доклады Государю,—въ одномъ изданіи, чуть ли не въ „Новомъ Времени", въ доказательство необходимости этой реформы, былъ разсказанъ такой анекдотъ легендарнаго свойства, долженствовавшій убѣдить, что безъ нея въ Россіи не можетъ быть и рѣчи о правительствѣ въ настоящемъ смыслѣ слова, а можетъ быть рѣчь лишь объ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, дѣйствующихъ независимо одно отъ другого, а иногда и на перекоръ одно другому.

Разъ какъ то Плеве въ разговорѣ съ однимъ предсѣдателемъ губернской земской управы, пріѣхавшимъ въ Петербургъ изъ провинціи сказалъ:

— Все будетъ зависѣть отъ правительства.

Земецъ язвительно спросилъ:

— Не будете ли вы такъ добры, ваше высокопревосходительство, сообщить мнѣ адресъ правительства. Онъ мнѣ неизвѣстенъ, и я ни у кого не могъ его узнать.

Плеве будто бы засмѣялся и ничего не отвѣтилъ.

А, между тѣмъ, отвѣтить было очень легко.

Адресъ Русскаго Правительства тотъ же самый, что и адресъ Его Императорскаго Величества.

М. Н. Катковъ очень вѣрно и мѣтко опредѣлилъ Русское Правительство, какъ Верховную Власть въ дѣйствіи.

CLXXVI.

Благословеніе войскъ Русскими Государями.

Во время войны съ Японіей Государь Императоръ предпринималъ неоднократно весною и лѣтомъ 1904 г. поѣздки по Россіи, чтобы благословлять войска, предназначенныя къ отправленію на Дальній Востокъ, образами.

Умилительныя картины царскаго напутствія и прощанія съ защитниками Земли Русской всѣмъ извѣстны, если не какъ очевидцамъ, то изъ газетъ и по фотографическимъ снимкамъ. Сначала солдаты принимали Царское благословеніе безъ шапокъ, но стоя, а впослѣдствіе, преклонивъ одно колѣно.

Царскія благословенія войскамъ—дѣло новое, но цари и прежде благословляли своихъ подданныхъ, прощаясь съ ними.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ о прощаніи Императора Александра II во дворцѣ съ воспитанниками и педагогическимъ персоналомъ военно-учебныхъ заведеній, которыми Онъ завѣдывалъ до восшествія на Престолъ, какъ ихъ Главный Начальникъ.

„Чтеніе прощальнаго приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ Императоръ началъ голосомъ свѣтлымъ и громкимъ. При чтеніи словъ, гдѣ Государь припоминаетъ, что, въ теченіе шести лѣтъ, личное наблюденіе за этими заведеніями составляло пріятнѣйшую для сердца его заботу, въ голосѣ его стали слышаться слезы, которыя превратились въ рыданія, когда Его Величество произнесъ слова приказа, обращенныя къ дѣтямъ; но голосъ его, прерываемый по временамъ полнотою чувствъ, по временамъ на мгновеніе дрожавшій, звучно разносился по обширной залѣ, по свидѣтельству очевидца. Всѣ бывшіе тутъ плакали, не было глаза сухого.

„По прочтеніи приказа, Императоръ, со слезами на глазахъ, перецѣловалъ всѣхъ членовъ Совѣта, директоровъ корпусовъ; поцѣловавъ директора Полтавскаго Корпуса, сказалъ: „Передайте это вашимъ", а начальнику военной академіи:— „Надѣюсь, что военная академія будетъ и впредь давать такихъ-же отличныхъ офицеровъ, какихъ она уже дала войскамъ".

„Обратясь потомъ къ выпускнымъ фельдфебелямъ всѣхъ корпусовъ, Государь продолжалъ: „Подите вы сюда, ко мнѣ, ко мнѣ!" Снова слезы слышались въ его голосѣ. „Любите, дѣти, и радуйте вашего Государя",—говорилъ Онъ,—„какъ вы прежде любили и радовали своего начальника; помните нашего общаго отца и благодѣтеля; передаю вамъ и его, и мое благословеніе",—и съ этими словами обѣ свои руки положилъ на головы двухъ, ближе другихъ стоявшихъ, кадетъ; всѣ они бросились въ слезахъ цѣловать руки Государя; Государь цѣловалъ ихъ въ голову и, не сдерживая рыданій, сказалъ: „я бы желалъ перецѣловать всѣхъ; передайте это вашимъ товарищамъ" (Татищевъ—„Императоръ Александръ II", т. I).

CLXXVII.

Поразительный случай пѣнія народнаго гимна умирающимъ моряномъ.

Іеромонахъ о. Алексѣй, спасенный въ числѣ немногихъ съ крейсера „Рюрикъ", погибшаго въ бою съ япон-

цами 1-го августа 1904 года, возвратившись въ Петербургъ изъ плѣна, разсказывалъ въ числѣ другихъ потрясающихъ эпизодовъ, которые ему приходилось наблюдать во время боя „Рюрика“ съ эскадрой Камимуры, какъ умиралъ тяжко раненый лейтенантъ Хладовскій.

„Воду сначала отливали, но, затѣмъ, дѣлать это не представлялось возможнымъ. Вдругъ съ мостика пришла вѣсть, что одинъ изъ непріятельскихъ крейсеровъ выбылъ изъ строя; умирающій лейтенантъ Хладовскій крикнулъ „ура“, его подхватила команда, и стали еще сильнѣе работать. Хладовскій, лежа, все время пѣлъ: „Боже, Царя храни“ и посылалъ меня ободрять команду“ [1]).

CLXXVIII.

Великій князь Павелъ Петровичъ о царственныхъ обязанностяхъ и стремленіяхъ.

„Si j'étais dans le cas d'avoir besoin d'un parti, alors j'aurais pu me taire sur des désordres pour ménager certaines personnes; mais, étant ce que je suis, je ne peux avoir ni parti, ni intérêt que celui de l'Etat; *j'aime mieux être haï en faisant bien qu'aimé en faisant mal*“.

„Еслибъ мнѣ необходимо было имѣть партію, я могъ бы обойти молчаніемъ безпорядки, чтобы пощадить извѣстныя лица; но, будучи тѣмъ, кѣмъ я есмь, я не могу имѣть партіи и не могу блюсти какой нибудь иной интересъ, кромѣ интереса Государственнаго; *я предпочитаю быть ненавидимымъ, дѣлая добро, чѣмъ быть любимымъ дѣлая зло*“. (Изъ письма Павла Петровича къ К. И Сакену 1777 г.).

Въ этихъ немногихъ словахъ прекрасно выражается духъ Русскаго Самодержавія.

CLXXIX.

Отвѣтъ Императора Александра III Н. К Гирсу.

Имя Александра III окружено блистательною легендою. Разсказываютъ, между тѣмъ, что, когда однажды министръ иностранныхъ дѣлъ Н. К Гирсъ рѣшился прибыть въ финляндскія шхеры и нарушить единственный въ году краткодневный отдыхъ Царя-Труженика запросомъ о томъ, что будетъ повелѣно отвѣтить по какому-то запросу, отвѣта на который „ожидаетъ Европа“, то Александръ III отвѣтилъ, будто бы: „Когда Русскій Царь ловитъ рыбу,—Европа можетъ подождать“. („Свѣтъ“ № отъ 20 октября 1904 г.).

[1]) „Южный Край“, 1904 г., № 12 октября.

CLXXX.

Два монархиста среди политическихъ арестантовъ.

Въ 1905 г., въ „Новомъ Времени", въ № отъ 29 января, была напечатана корреспонденція изъ Парижа г. Яковлева подъ заглавіемъ „Исторія объ одной запрещенной книгѣ".

. . . .Нашъ другъ Ѳомичевъ, который былъ умный человѣкъ, упорный работникъ, отличный товарищъ и закаленный характеръ, дошелъ до самыхъ странныхъ злоключеній: онъ былъ не только ревностный патріотъ и руссофилъ, но — что покажется невѣроятнымъ — убѣжденный монархистъ и страстный поклонникъ Династіи"...

„Знаете, кто этотъ Ѳомичевъ? „Политическій арестантъ, осужденный на каторгу", который отбывалъ свое наказаніе на Карѣ, въ тюрьмѣ для политическихъ. Страстность его убѣжденій доходила до того, что малѣйшая критика Самодержавія „выводила его изъ себя; ему случалось изъ за этого прерывать всякое сношеніе съ товарищами по заключенію".

„Это можно было бы еще допустить, въ концѣ концовъ, еслибы этотъ человѣкъ имѣлъ намѣреніе просить о помилованіи, что удалось нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей. Никому бы изъ насъ не пришло въ голову поставить ему въ вину или въ безчестье подобный поступокъ. Но Ѳомичевъ этого не сдѣлалъ".

„Мало того. Онъ едва не поплатился жизнью за покушеніе на убійство тюремнаго надзирателя за то, что тотъ билъ плетью одного уголовнаго за какую-то пустую провинность.

„Это, какъ видите, былъ не революціонеръ, мечтавшій о переворотѣ, а только человѣкъ, который не могъ переносить несправедливости и — тѣмъ болѣе — жестокости надъ ближнимъ. При другихъ условіяхъ изъ него навѣрно вышелъ бы исполнительный и гуманный чиновникъ или ревностный общественный дѣятель по выборамъ. Наша жизненная лотерея сдѣлала его каторжникомъ.

И Ѳомичевъ былъ не одинъ такой въ числѣ обитателей карской тюрьмы. „Многія изъ нашихъ товарищей раздѣляли его руссофильскія идеи. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли убѣжденіе, что соціальныя и экономическія условія Россіи далеко предпочтительнѣе условій жизни Западной Европы. Между нами происходили нескончаемые споры относительно превосходства Россіи, и нерѣдко заключались пари по этому поводу. Очень часто этотъ вопросъ вызывалъ между нами серьезныя ссоры"...

„Эти выдержки я беру изъ вышедшей недавно въ Парижѣ книги: „16 ans en Sibérie“. Авторъ ея—извѣстный въ свое время (четверть вѣка назадъ) „бунтарь“ Л. Дейчъ, самъ провелъ на каторгѣ и на поселеніи шестнадцать лѣтъ. Его книга, написанная правдиво и въ общемъ очень спокойно, безъ всякихъ декламацій, представляетъ собою воспоминаніе объ этомъ времени его жизни. Много въ этой книгѣ разсказано печальныхъ вещей, то драматическихъ, то потрясающе трагическихъ. Но въ ихъ числѣ я не знаю и представить себѣ не могу ничего болѣе кошмарнаго преведеннаго случая съ Ѳомичевымъ, —человѣкомъ, который въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ дней ложился спать и вставалъ съ сознаніемъ, что жизнь его погибла за идеи, которыя не его идеи, которымъ онъ даже прямо враждебенъ. У другихъ было утѣшеніе: палъ въ бою, но дрался за дѣло, которое считалъ правымъ. Но у Ѳомичева какое утѣшеніе?! Онъ долженъ былъ считать и, дѣйствительно, считалъ себя измѣнникомъ. Онъ „вбилъ себѣ въ голову, что долженъ провести всю жизнь въ сибирскихъ тюрьмахъ, во искупленіе вины своей передъ Царемъ, потому что былъ абсолютно убѣжденъ, что монархъ работаетъ только для блага своихъ подданныхъ“. Въ этомъ смыслѣ положеніе его товарища Емельянова, другого обитателя карской каторги, было еще безотраднѣе. „По примѣру Ѳомичева и нѣкоторыхъ другихъ, говорилъ Дейчъ, онъ весь былъ проникнутъ мыслью о могуществѣ и величіи русскаго Самодержца“, и „относился иронически къ революціоннымъ идеямъ“. Но онъ не смотрѣлъ даже на свои страданія, какъ на искупленіе!..“

Ѳомичевъ и Емельяновъ представляютъ любопытные образчики народнаго русскаго монархизма, какъ чувства и убѣжденія; но кто бы могъ думать, что монархисты бывали даже между людьми, торжественно признанными врагами Самодержавія?

CLXXXI.

Монархъ и канцлеръ.

Въ Вѣнѣ осенью 1904 года впервые шла драма Оскара Блюменталя „Der tote Löwe“ (Мертвый левъ). Въ этой сенсаціонной пьесѣ были выведены подъ именемъ герцога фонъ-Оливетто—князь Бисмаркъ, а подъ именемъ короля Марко—Императоръ Вильгельмъ II.

Герцогъ такъ опредѣляетъ свои отношенія къ королю:

„Мнѣ—дѣло, ему—честь“.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ говоритъ своему государю:

„Быстрѣе молніи должны
Мои слова преображаться
Въ дѣла и жизнь! Подчинены
Они лишь мнѣ! И пусть считаться
Я долженъ съ благомъ короля,—
Не потерплю съ собой раскола!
Творецъ и вождь всего лишь я
Его же роль—въ тѣни престола!
Онъ нѣмъ! Но все же онъ могучъ
Въ бронѣ изъ дѣлъ моихъ истлѣвшей:
Такъ за стѣной изъ черныхъ тучъ
Витаютъ атомы вселенной!“...

Король, протестуя противъ этой теоріи узурпаціи монархической власти отвѣчаетъ герцогу:

„О, нѣтъ! О, нѣтъ! И трижды нѣтъ!
Когда-бъ приказъ твой иль совѣтъ
Такою силой обладали,
Когда бы я, подобно стали,
Предъ ними долженъ былъ сгибать
Свои желанія и чувства,—
Кто-бъ не посмѣлъ меня назвать
Рабомъ, способнымъ лишь плясать
Подъ дудку твоего искусства?!
О, нѣтъ! О, нѣтъ! И трижды нѣтъ!
Не обольщайся самомнѣньемъ!
Не можетъ быть короны свѣтъ
Чужого свѣта отраженьемъ!
Мощь Властелина—это то,
Предъ чѣмъ все меркнетъ и клонится,—
Иначе онъ преобразится
Въ одно мишурное Ничто!..“ [1])

CLXXXII.

Яркое проявленіе монархизма со стороны румына.

Въ газетѣ „Новое Время“ въ № 26 дек. 1904 г. сообщалось:

„Интересное завѣщаніе оставилъ послѣ себя, по словамъ „Frankf. Zeit.“, недавно умершій, бывшій румынскій полковникъ, принцъ Росновану, на гробъ котораго былъ возложенъ

[1]) Корреспонденція изъ Вѣны „Одесскія Новости“, № отъ 21 октября 1904 г.

вѣнокъ отъ имени короля румынскаго. Духовное завѣщаніе Росновану поразило всѣхъ, такъ какъ въ немъ онъ пишетъ: „И желаю, чтобы Русскій Императоръ взялъ подъ свое покровительство построенную мною въ Росновѣ церковь. Прошу представителя Императора въ Румыніи наблюдать какъ за самымъ храмомъ, такъ и за правильнымъ отправленіемъ въ въ немъ богослуженія". Покойный полковникъ обращается къ Государю, какъ къ „высокому, единственному и могучему покровителю и защитнику нашей святой религіи" и завѣщаетъ духовенству молиться: 1) за Царя; 2) за всѣхъ членовъ Русскаго Императорскаго Дома по чину, установленному въ храмахъ московскаго Кремля; 3) за русскую Императорскую армію и, въ особенности, за гвардейскій полкъ, въ которомъ покойный служилъ въ молодости; 4) за короля Карла и за другихъ. Ктиторомъ церкви въ Росновѣ покойнымъ назначенъ русскій же—Юрій Александровичъ Олсуфьевъ, который уполномоченъ, въ случаѣ крайней необходимости, продать имѣніе Росново и, по уплатѣ долговъ, внести остатокъ вырученной суммы въ Святѣйшій Синодъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были употребляемы на содержаніе храма. Покойный былъ румыномъ, но всю жизнь тяготѣлъ къ Россіи и, живя въ Румыніи, все время былъ у себя на родинѣ на счету завзятаго руссофила.

Румынскій король Карлъ, въ бытность свою княземъ, сказалъ въ 1878 г., что румынскій народъ вѣками привыкъ видѣть въ русскомъ царѣ „высшее олицетвореніе могущества и величія на землѣ" [1]).

Румыны кромѣ того знаютъ, что они обязаны своимъ политическимъ возрожденіемъ Русскому Государю.

Бухарестскій городской голова, привѣтствуя Александра II, назвалъ Его Освободителемъ Румыніи. Великое значеніе имѣетъ для румынскаго народа Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и какъ естественный защитникъ православной церкви не только въ Россіи, но и вездѣ.

Вотъ разгадка интереснаго завѣщанія принца Росновану, которое поразило всѣхъ.

Въ этомъ завѣщаніи наглядно сказалось, что между румынскимъ народомъ и Императорскимъ Всероссійскимъ Престоломъ существуютъ тѣсныя нравственныя узы.

Н. И. Чернявъ.

---

[1]) С. С. Татищевъ, *Императоръ Александръ II*, II, 387

РАЗБЕРЕМСЯ!..[1]

Да, господа, намъ необходимо разобраться.

Мы живемъ въ невообразимой сутолокѣ и толчеѣ; право, точно огромный и шумный потокъ вырвался откуда-то, какъ взрывъ, и затопилъ все кругомъ клокочущимъ разливомъ криковъ и возгласовъ; что-то какъ-будто повыползало со всѣхъ сторонъ изъ потайныхъ убѣжищъ и затянуло назойливую и нудно немолчную голосянку... раздаются просьбы, бурныя требованія, угрозы, вопль... и вся эта разноголосица сливается въ одинъ неопредѣленный, смутный гулъ. Но есть три рѣзкихъ визгливыхъ крика, которые внезапно вырываются изъ огромной слитной тучи звуковъ, съ особенной силой разсѣкаютъ воздухъ и всегда мѣтко попадаютъ въ ухо, это—„долой самодержавіе", „долой бюрократизмъ", „да здравствуетъ народоправство"!

Наше собраніе открыто объявляетъ, что оно, своими помыслами и своими чувствами, у престола государева, оно чтитъ эту нашу историческую твердыню наряду со многими другими родными твердынями, и было бы, разумѣется, весьма странно, если бы вдругъ изъ него протянулась рука, съ намѣреніемъ попытнуть или опрокинуть престолъ самодержавнаго царя. При всемъ томъ, едвали будетъ безполезно намъ собраться съ мыслями и уяснить себѣ кое что изъ того, что творится около насъ и такъ назойливо сверлитъ ухо.

Не такъ давно довелось мнѣ услышать престранное заявленіе, будто „конституція есть самая совершенная форма правленія". Долженъ признаться, что эти слова производятъ на мой умъ нѣсколько непонятное дѣйствіе,—точно вдругъ заноза воткнется въ мысли и разсужденіе всякій разъ неминуемо начнетъ натыкаться на нее, что сопровождается непріятной задержкой въ ходѣ мысли и вызываетъ чувство досады, Такъ со мной было и раньше—даже въ ту зеленую пору,

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Одесскаго Отдѣла Русскаго Собранія 19 мая 1905 г.

когда я былъ невообразимо краснымъ, наперекоръ усиліямъ учебнаго заведенія, въ которомъ меня учили и которое, конечно, прилагало всѣ старанія къ тому, чтобы нечистая краснота не пристала къ его питомцамъ. Заноза не замедлила воткнуться въ мои мысли и въ этотъ разъ. Я сталъ раздумывать о конституціи на разные лады и все у меня выходило, что я какъ будто кружусь на одномъ мѣстѣ, да то и дѣло натыкаюсь на вонзившуюся занозу. Было непріятно и досадно. Вдругъ мнѣ пришла мысль перевести слово „конституція“ на русскій языкъ; я сейчасъ же сдѣлалъ это—и все разомъ освѣтилось; самой занозы, какъ не бывало.

„Конституція“, по русски, значитъ „государственное устройство“; въ силу этого перевода изъ вышеприведеннаго положенія, занозившаго мой умъ, получается слѣдующее: „государственное устройство есть самая совершенная форма правленія“.

Передъ такимъ положеніемъ остается только руками развести, такъ какъ въ немъ нѣтъ рѣшительно никакого смысла.

Но, разумѣется, я былъ бы придирчивъ и поступилъ бы слишкомъ опрометчиво, если бы остановился только на такомъ пониманіи слова „конституція“; у него есть еще и другое, за которое именно „конституція“ и пришлась особенно по сердцу нашимъ западникамъ. По этому другому пониманію, слово „конституція“ обозначаетъ „народоправство“. Такимъ образомъ, положеніе, сведенное мною къ безсмыслицѣ, теперь снова пріобрѣтаетъ смыслъ и должно быть выражено такими словами: „народоправство есть самая совершенная форма правленія“.

Такъ ли это?

Я думаю, что не такъ или, по крайней мѣрѣ, несовсѣмъ такъ. Было бы это такъ лишь въ томъ случаѣ, если бы „народоправство“ обозначало какой-нибудь *способъ* управленія; а между тѣмъ мнѣ думается, что народоправство не есть способъ управленія страной, но только простая форма общественной жизни. Здѣсь подъ народомъ надо разумѣть не стадо, не скопище, не разнузданную толпу и не простонародье наконецъ, а правильно устроенный общественный союзъ. У такого союза, конечно, должно быть извѣстное управленіе, народъ, жизнь котораго втиснута въ рамки этого союза, управляется опредѣленнымъ способомъ. Вотъ что такое, по моему мнѣнію, „народоправство“.

Слѣдовательно, вопросъ о самой совершенной формѣ правленія, отнюдь не рѣшается вышеприведеннымъ заявленіемъ,

а только, пожалуй, ставится. Управляющійся народъ, безспорно, во всѣхъ отношеніяхъ выше народа не управляющагося, потому, что безъ управленія не можетъ быть ни прочнаго общественнаго союза, ни самой цивилизаціи. Но не всякое управленіе есть совершенное и это послѣднее можетъ быть пока еще только предметомъ исканія или вопроса; въ крайнемъ случаѣ мы можемъ лишь мечтать приблизительно такимъ образомъ: есть, вѣроятно, совершенная форма правленія; она конечно самая удобная и самая желательная.

Какъ только я пришелъ къ этому простому выводу, мнѣ сейчасъ же припомнился одинъ господинъ, который какъ то разъ торжественно объявилъ, что самая совершенная одежда— самая удобная.

Ему въ отвѣтъ сказали:

— Ну да, пиджакъ.

— Ну конечно, халатъ.

— Да ужъ на что лучше поддевка.

— Коли нельзя совсѣмъ безо всякой одежды, то зипунъ куда какъ хорошо.

Я не ради простого смѣха привожу эту побасеньку, а ради неоспоримаго смысла, заключающагося въ ней.

Отвлеченно, разумѣется, можно установить правило, что есть или, точнѣе говоря, должна быть самая совершенная одежда и такою будетъ самая удобная. Но какъ только мы станемъ примѣрять какую нибудь одежду къ живому человѣку, такъ сейчасъ же натолкнемся на различныя трудности, которыхъ никакъ нельзя устранить путемъ простого установленія одного общаго правила. 1) Оно было бы слишкомъ отвлеченно и не принимаетъ въ расчетъ особенности, встрѣчающіяся въ сложеніи всякаго отдѣльнаго человѣка. 2) У каждаго изъ насъ есть свои вкусы и личныя наклонности. Одинъ, вѣкъ бы не вылѣзалъ изъ халата; другой всему на свѣтѣ предпочитаетъ зипунъ и т. д. Такимъ образомъ, одной совершенной одежды на самомъ дѣлѣ нѣтъ и не можетъ быть, и совершенство одежды, очевидно, должно вытекать не изъ общаго отвлеченно установленнаго правила, а изъ нуждъ и потребностей каждаго отдѣльнаго человѣка. Было бы не только смѣшно, но и нелѣпо пригонять человѣка къ какому нибудь костюму; не нога должна быть по сапогу, а сапогъ по ногѣ, иначе вѣдь будетъ недалеко и до ужасной китайской ножки.

Людей, которымъ кажется, что они, разъ на всегда, могутъ указать какую нибудь самую совершенную форму прав-

ленія, такъ что въ рамки ея безопасно можно втиснуть любой народъ, должны нѣсколько отрезвить эти замѣчанія.

Очевидно, одной, самой совершенной формы правленія на свѣтѣ не существуетъ и, если бы мы вздумали подгонять народъ къ какой нибудь готовой формѣ правленія, признавъ ее заранѣе самой совершенной, то мы оказали бы ему весьма плохую услугу,—мы тогда поступили бы подобно китайцамъ, сдавливающимъ и до безобразія уродующимъ ноги китаянкамъ, чтобы на нихъ могли надѣться самыя маленькія, т. е. самыя совершенныя, по понятіямъ китайцевъ, туфельки. Какъ извѣстно, китаянки, благодаря этимъ заботливымъ попеченіямъ, на всю жизнь лишаются правильнаго употребленія ногъ.

Совершенства формы правленія слѣдуетъ искать не въ отвлеченныхъ указаніяхъ, а въ условіяхъ быта и государственной жизни самого народа.

Наше тысячелѣтнее государство, въ силу глубочайшихъ историческихъ причинъ, получило окончательную отливку въ видѣ самодержавія. Теперь намъ говорятъ, что мы отстали, что пора стряхнуть эту ветхую форму государственнаго управленія и замѣнить ее болѣе новой и болѣе удобной. Когда-то на западѣ было дескать то же самое; но Европа нашла въ себѣ силы освободиться отъ гнета абсолютизма и счастливо вышла на широкую дорогу менѣе стѣснительныхъ государственныхъ формъ. Намъ остается только послѣдовать ея примѣру.

Этотъ совѣтъ, по моему глубокому убѣжденію, болѣе заманчивъ, чѣмъ полезенъ.

Мы должны стряхнуть свое, выросшее на нашей собственной почвѣ, и замѣнить это свое заимствованнымъ чужимъ.

Чѣмъ же?

На этотъ вопросъ, въ виду представленныхъ выше соображеній, нельзя уже отвѣтить словомъ „конституція“ или „народоправство“, такъ какъ въ этихъ словахъ отвѣта, строго говоря, не будетъ содержаться; теперь можно вести рѣчь только о „парламентаризмѣ“.

Итакъ, самодержавіе или парламентаризмъ?

У огромнаго народа есть верховный вождь и глава; ему вручена вся полнота правъ и вся полнота власти. Онъ никогда, ни въ одинъ моментъ исторіи не былъ похитителемъ своихъ полномочій у страны, они перешли къ нему отъ самой земли по ея собственному желанію. Эта земля все строилась, какъ строится она еще и въ наши дни смуты и печали; при своемъ строеніи, она невольно искала законно-юридической опоры и, гдѣ чуяла ее, туда и тянулась своимъ государствен-

нымъ смысломъ. Такъ именно и было во времена злого монгольскаго ига, когда разбитый, сначала удѣльными мятежами, а потомъ татарами, государственный союзъ сталъ понемногу снова возстановляться на Руси. Искомой опорой въ тѣ времена оказался московскій князь. Земля сама собралась около него и покорилась ему, признавая не только его власть, какъ что то неизбѣжное, но и *внутреннюю* или *нравственную* законность этой власти. Когда Иванъ III съ образами шелъ разгромлять Новгородъ, переметнувшійся на сторону Литвы въ своей обособленной и себялюбивой политикѣ, онъ едва ли только лукавилъ, какъ стараются представить его походъ нѣкоторые историки.—вѣрнѣе, онъ выражалъ этимъ способомъ просто взглядъ на дѣло всей русской земли. Смута начала XVII вѣка снова потрясла наше государственное зданіе сверху до низу; за то общеземскому политическому смыслу въ ту пору еще разъ пришлось проявиться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Государственный порядокъ и строй былъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ по желанію всей земли; самодержавіе опять оказалось единственнымъ и самымъ естественнымъ выраженіемъ возстановленнаго государственнаго устройства. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что вновь избранный самодержецъ не бросается на власть, какъ на давно искомую и заранѣе подготовленную добычу, а принимаетъ ее неохотно, принимаетъ, какъ великую тяжесть и страшный долгъ, возложенный на слабыя человѣческія плечи волею Божіею. Однимъ словомъ, слѣдуетъ сказать, что русское самодержавіе выросло изъ родной почвы, поднялось и развилось изъ тѣхъ самыхъ естественныхъ задатковъ или зародышей, изъ которыхъ разросталась и вся русская земля; этимъ своимъ естественнымъ ростомъ оно напоминаетъ нашу родную березу и кормилицу рожь, которыя питаетъ попираемая ногами русскаго народа почва.

Зато самодержавіе является не только живой, но и оживляющей силой во всемъ нашемъ огромномъ государственномъ тѣлѣ.

Страна при самодержавіи не засыпаетъ и не замираетъ, какъ это неминуемо должно быть при азіатскомъ деспотизмѣ или какъ это было когда-то при абсолютизмѣ на Западѣ. Азіатскій деспотъ существуетъ самъ по себѣ и только для самого себя; при немъ нѣтъ закона, нѣтъ и строгаго порядка,—то и другое замѣняетъ его личный произволъ; его власть, являющаяся простымъ произволомъ, отлично выражается извѣстнымъ „кесимъ башка“. Я прошу извинить мнѣ это маленькое заимствованіе у уличныхъ разговоровъ; но я не могу обойтись безъ

него,—„кесимъ башка", дѣйствительно, какъ нельзя лучше обозначаетъ собою положеніе азіатскаго деспота въ безмолвной и раболѣпной странѣ. Стертый съ лица земли европейскій абсолютизмъ былъ немногимъ выше азіатскаго султанизма. Его идеальное выраженіе можно находить въ извѣстномъ политическомъ завѣщаніи Ришелье: „все для народа и ничего при помощи народа". Если ничего при помощи народа, то вѣдь ничто не мѣшаетъ абсолютизму устранить или замѣнить собою и самую жизнь народа; страна, очевидно, обрекается на замираніе, и ея живыя силы должны при такомъ порядкѣ окончательно захиреть.

Напротивъ того, самодержавіе не устраняетъ и не замѣняетъ жизни народа, послѣдній при немъ свободно существуетъ, дѣйствуетъ и развивается; къ самодержцу перешла отъ народа только политика, т. е. *направленіе* и *защита* жизни народа какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. Но этотъ переходъ не имѣлъ вида какой-нибудь *договоренной* и *оговоренной передачи*, съ различными оформленными условіями и обязательствами. Самодержецъ сталъ во главѣ государства, при избраніи народа, волею Божіею, которая стала опредѣляться во всѣ послѣдующія времена рожденіемъ или наслѣдствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое государствованіе тѣсно срастается съ его духовной личностью, становится частью его „я" и превращается въ живую сердечную цареву думу о землѣ. Самыя важныя отрасли и проявленія государственнаго бытія оказываются неразрывно связанными съ его личнымъ повседневнымъ существованіемъ—подобно тѣмъ мелкимъ заботамъ, которыя наполняютъ день каждаго изъ насъ и безъ которыхъ мы не можемъ обойтись. Государство, съ его благомъ, является источникомъ его радостей и его огорченій. Всякая страна стремится къ счастью внутри, къ соблюденію достоинства и безопасности среди другихъ государствъ и къ великому мѣсту, по крайней мѣрѣ—не послѣднему мѣсту въ исторической чередѣ народовъ, опредѣляемому запасомъ народныхъ силъ и дарованій. Счастье страны можетъ быть достигнуто только при упроченіи въ ней *справедливости*, достоинство и безопасность ея есть ея *цѣлость* и *честь*, величіе ея *слава*, а все это вмѣстѣ взятое составляетъ государственное благо. Одному только самодержцу подъ силу осуществить это благо на дѣлѣ во всей его возможной полнотѣ, потому что въ душѣ и личности самодержавнаго государя страна находитъ свое, такъ сказать, сознательное выраженіе. Для огражденія справедливости самодержецъ не связанъ ни большинствомъ, ни меньшинствомъ; онъ, на основа-

ніи своихъ законныхъ правъ и на основаніи полноты своей законной власти, одинаково можетъ пойти какъ противъ партіи большинства, такъ и противъ партіи меньшинства; свое рѣшеніе онъ составляетъ, думая объ одной только правдѣ, такъ какъ онъ не есть ставленникъ партій и стоитъ рѣшительно внѣ партійныхъ обязательствъ, какъ и внѣ партійной распри. Цѣлость, честь и слава государства есть въ то же время цѣлость, честь и слава его лично. Угрожающая странѣ опасность или нанесенное ей оскорбленіе въ нашемъ обывательскомъ сознаніи отражается слишкомъ слабо; вѣдь каждый изъ насъ есть только одна сто-сорока-милліонная частица всего государства, потому-то и чувства наши въ отношеніи къ нему являются, по необходимости, частичными, мелко-дробными, а не всецѣлыми и захватывающими. Напротивъ, государь-самодержецъ, въ силу своихъ полномочій волею Божіею, живетъ и трепещетъ заодно со всей страной; обрушивающаяся на нее невзгода или причиненная ей обида тотчасъ отражается въ его душѣ великимъ потрясеніемъ и великимъ чувствомъ, потому-что по своимъ правамъ, власти и положенію онъ есть личное сознаніе всей земли, ея живая душа и ея чувствующее сердце. Вслѣдствіе такой внутренней, даже, можно сказать,—психической связи между самодержцемъ и страной, какъ ошибки самодержцевъ, такъ еще болѣе ихъ грѣхи влекутъ за собою потрясенія во всемъ государственномъ тѣлѣ. Преступленіе Бориса Годунова подготовило, какъ извѣстно, нравственную почву смуты; ошибка Екатерины II-й въ ея сословной политикѣ вызвала пугачевщину и пр.

Живую силу самодержавія намъ предлагаютъ замѣнить парламентаризмомъ.

Попытаемся взглянуть на парламентаризмъ прежде всего съ точки зрѣнія его происхожденія.

Самодержавная власть въ нашемъ отечествѣ развилась, какъ мы видѣли, естественнымъ путемъ, въ полномъ согласіи съ условіями и обстоятельствами народной жизни. Наоборотъ, на Западѣ въ основѣ всякой государственной власти лежитъ непремѣнно *борьба*. Тамъ государства возникаютъ не мирнымъ путемъ, а путемъ завоеваній; вотъ почему и власть въ такихъ государствахъ всегда являлась господствомъ и порабощеніемъ. Государство, возникшее на крови, не могло конечно представлять условій для мирнаго развитія политическихъ формъ и политическаго быта; побѣдитель и побѣжденный такъ и остались вѣчными врагами, питая другъ къ другу въ душѣ ненависть и непріязнь. Возникавшая отсюда вражда не всегда ко-

нечно имѣла одну и ту же степень напряженія; она то вспыхивала яркимъ зловѣщимъ пламенемъ, то на время какъ будто замирала и слабо тлѣла подъ спудомъ. Но прекратиться разъ навсегда она не могла. Сначала она привела къ появленію въ Европѣ абсолютизма, когда одному изъ побѣдителей удалось вырвать, опять таки въ схваткахъ кроваваго раздора, побѣдные лавры изъ рукъ другихъ своихъ товарищей по оружію. Потомъ самъ абсолютизмъ погибъ въ потокахъ крови, которая была разлита по Европѣ революціями. Возстали побѣжденные и побѣдитель принужденъ былъ сломать свой скипетръ. Послѣдствіемъ этихъ явленій было повсюдное распространеніе въ Европѣ парламентскаго строя. Такимъ образомъ парламентаризмъ есть ни что иное, какъ послѣдній актъ той кровавой распри и борьбы, съ которой начинается и которой проникнута вся исторія новыхъ народовъ Западной Европы.

Возникнувъ изъ борьбы и путемъ борьбы, парламентаризмъ и въ настоящее время продолжаетъ оставаться непрерывнымъ, часто проникнутымъ жесточайшей враждой *споромъ* между властью и подвластными. Иного, мирнаго отношенія къ вопросамъ государственнаго строенія въ парламентахъ мы не находимъ. Тамъ люди, повидимому, совершенно отказались отъ тихаго и вдумчиваго государствованія на пользу страны; напротивъ, послѣдняя превращается въ какую-то добычу, на которую жадно накидываются со всѣхъ сторонъ, происходитъ точно бурный раздѣлъ награбленнаго добра, разгораются ссоры, раздаются взаимные попреки. Опрокинуть министерство, произвести натискъ на неугодное правительство, прогнать съ государственныхъ должностей представителей ненавистной партіи—вотъ на что тратится мысль и краснорѣчіе парламентскихъ витій. Газеты обыкновенно подливаютъ въ огонь масла; онѣ вовсе не заботятся о выясненіи истины, не стараются внести въ жизнь и дѣла свѣтъ правды, а усиленно клеймятъ другъ друга позоромъ, клевещутъ, лгутъ, такъ что благодаря ихъ чернильной войнѣ по странѣ разливаются цѣлыя озера и моря грязи и всякаго рода нравственной нечистоты. Часто можно слышать увѣреніе, что это не бѣда, такъ какъ дескать изъ борьбы возникаетъ истина. Да, слова нѣтъ, выясненію истины очень нерѣдко предшествуетъ борьба; но эта борьба должна быть столкновеніемъ добросовѣстныхъ мнѣній, чтобы изъ нея могла произойти на свѣтъ истина. А тамъ, гдѣ завѣдомо нагромождается ложь на ложь, гдѣ люди ставятъ себѣ единственною цѣлью съ грязью смѣшать своего противника, невозможна никакая истина. Свѣтлая правда не можетъ ни-

коимъ образомъ возникнуть изъ черной и отъявленной лжи. Пресловутое дѣло Дрейфуса показало, что при разнузданномъ и коварномъ злоупотребленіи словомъ легко запутать и затемнить самую ясную и понятную вещь. Удивительно ли послѣ этого, что насыщенная ненавистью и злобой общественная атмосфера, отуманенная еще при томъ возмутительной газетной ложью, разряжается сплошь и рядомъ парламентскими бурями: раздается площадная брань и звонкіе плестки пощечинъ, господа депутаты—эти лучшіе избранники страны—идутъ другъ на друга съ сжатыми кулаками, по государственному святилищу, огражденному пышнымъ правомъ неприкосновенности, летятъ чернильницы, стулья, кресла; не стѣсняются даже подъ-часъ спять съ ноги сапогъ и вмѣсто доводовъ доказать свою правоту подметкой, а не то—такъ каблукомъ! Конечно, при такихъ условіяхъ открывается, быть можетъ, весьма широкій просторъ развитію политическаго краснорѣчія. Однако, едва-ли есть вѣскія основанія утверждать, что краснорѣчіе и государственное благо—одно и то же.

Защитники парламентскаго строя видятъ огромное преимущество его въ томъ, что при немъ самъ народъ управляетъ своей страной.

Да, можетъ быть, народу и кажется, что онъ самъ управляетъ своей страной; но вѣдь это есть вопіющій самообманъ.

Скажите мнѣ, какимъ образомъ могутъ управлять страной хлѣбопашцы, столяры, кузнецы, хлѣбопеки, рыболовы, сапожники, портные, пономари, дьяконы, священники, учителя, актеры, трактирщики, лавочники, приказчики, каменотесы, красильщики, извощики, матросы внутренняго плаванія, матросы внѣшняго плаванія, полотеры, обойщики, разпощики и т. д., и т. д., и т. д.? У каждаго жителя страны есть свое прямое дѣло, которымъ кормится онъ и которое отнимаетъ у него все время и поглощаетъ все его вниманіе. Онъ не можетъ бросить одно дѣло, хотя бы на самое короткое время, и приняться за другое, потому что всякое дѣло требуетъ особыхъ знаній и особой подготовки. Нельзя напримѣръ рыболову оставить на нѣсколько дней или недѣль свои обычныя занятія, поуправлять недолгое время страной и опять вернуться къ покинутому дѣлу. Изъ этого кромѣ обоюднаго вреда для него лично и для страны не получится рѣшительно ничего. Будетъ пропущено удобное время для рыбной ловли, а въ дѣлѣ управленія онъ можетъ оказаться пирожникомъ, принявшимся тачать сапоги.

— Это такъ; но народное представительство? скажутъ

мнѣ. Они вѣдь свободно избираются всѣмъ обществомъ и имъ вручаются полномочія отстаивать ввѣренныя права и выгоды?

Здѣсь-то, по моему мнѣнію, и обнаруживается со всею силою указанный мною выше самообманъ избирателей Я никакъ не могу допустить, чтобы представитель, пусть онъ будетъ избранъ безъ всякаго давленія и совершенно свободно, могъ быть отожествленъ съ цѣлымъ народомъ. Какимъ образомъ, напримѣръ, 50-милліонный народъ, пославшій засѣдать въ парламентъ 500 человѣкъ избранниковъ, отожествляется съ ними и самъ управляетъ своей страной? Тамъ 50 милліоновъ, а тутъ всего на всего пять сотъ человѣкъ—разница весьма немаленькая! Мы, собравшись въ количествѣ, положимъ, тысячи человѣкъ, послали вмѣсто себя выборнаго человѣка и разошлись по своимъ домамъ; нашъ уполномоченный отправился въ парламентъ. Непонятно, какимъ образомъ мы должны чувствовать себя управителями своей страны! Вѣдь мы даже не знаемъ, что говоритъ и дѣлаетъ нашъ избранникъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ; онъ можетъ ровно ничего не говорить и ровно ничего не дѣлать, а только куда ни попало класть шары, какъ поступила, безспорно, и добрая половина изъ насъ при избраніи самого нашего уполномоченнаго. Однако не будемъ подходить къ вопросу съ придирчивой математической мѣркой или аптекарскими вѣсами; оставимъ цифры съ ариѳметическими сопоставленіями и взглянемъ на предметъ нѣсколько иначе. Когда говорятъ объ участіи народа въ управленіи страной, то этимъ собственно хотятъ подчеркнуть только то, что, посылая своихъ представителей, народъ будто бы лучше защищаетъ свои права. На это я могу отвѣтить величайшимъ сомнѣніемъ. Беззавѣтной преданности нуждамъ избирателей и умѣнья отстоять ихъ выгоды можно ожидать только отъ человѣка самаго честнаго и самаго способнаго. Но такіе ли люди въ дѣйствительности попадаютъ на депутатскія кресла? Кажется, далеко не такіе. Чтобы быть избраннымъ, какъ намъ говорятъ, надо быть не только богатымъ, но и безмѣрно богатымъ. Избиратель не положитъ вамъ шара, если онъ на вашъ счетъ нѣсколько разъ не наѣстся и не напьется; кромѣ того, онъ съ васъ возьметъ еще нѣсколько обѣщаній для него лично и для его родственниковъ Такимъ образомъ домъ будущаго избранника долженъ сдѣлаться безплатнымъ пиршественнымъ столомъ, за которымъ то и дѣло будутъ наѣдаться и напиваться господа избиратели. Какъ не повѣрить, поэтому, напримѣръ Тэну, сообщающему намъ, что, въ его время, депутатское кресло въ англійскомъ парламентѣ стоило до 20000 р.

Теперь спрашивается: съ какими чувствами въ душѣ будетъ относиться народный избранникъ къ разоряющимъ его избирателямъ? и станетъ ли онъ впослѣдствіи больше думать о ихъ нуждахъ или о возмѣщеніи своихъ чудовищныхъ потерь?

Изъ моихъ словъ вытекаетъ два неоспоримыхъ вывода: 1) несомнѣнно, что народоправство въ смыслѣ участія всего народа въ управленіи страной есть величайшій самообманъ; 2) управленіе страной при помощи выборныхъ представителей отъ народа приноситъ государству весьма сомнительную пользу.

Если мы перенесемъ заморскіе парламентскіе порядки къ себѣ домой, то мы вовлечемъ нашу родину во многія бѣды.

Развѣ завести парламентъ значитъ пойти навстрѣчу какой нибудь назрѣвшей потребности или существенной нуждѣ отечества? Нисколько. Онъ будетъ на руку только тѣмъ, кто смотритъ на родину, какъ на лакомый кусокъ, которымъ, во что бы то ни стало, надо завладѣть, т. е. значитъ,—нуженъ людямъ, *не имѣющимъ родины*. Да еще хочется парламента межеумкамъ, не подымающимся выше слѣпого и рабскаго подражанія порядкамъ Западной Европы. Одинъ изъ такихъ господъ, разсматривая при мнѣ картину извѣстнаго побоища въ Инсбрукѣ, громко заявилъ: „какая прелесть!“ Побоище—и прелесть!.. Но это въ Западной Европѣ, а потому, какъ не восторгаться! Между тѣмъ, если вдуматься въ дѣло съ достаточной глубиной, то невольно признаешь, что парламентъ есть простой призывъ къ расхищенію власти и политическаго вліянія въ странѣ, онъ есть не болѣе, какъ насильственно узаконенное выраженіе или воплощеніе той борьбы, которая, какъ мы видѣли, лежитъ въ основѣ государственнаго быта западноевропейскихъ странъ. У насъ это расхищеніе приметъ прямо ужасающіе размѣры. Наше государство создано трудами и кровью русскаго народа; по несчастію для насъ, оно должно было включить въ свои предѣлы и въ свой составъ многіе чуждые намъ народы. Между этими народами есть не мало лютыхъ нашихъ враговъ; когда-то они были врагами внѣшними, а теперь стали врагами внутренними. Нынѣшняя смута, захватившая русскую землю, есть, быть можетъ, наполовину дѣло рукъ этихъ внутреннихъ враговъ. Но пока крѣпокъ и силенъ самодержавный строй нашего государства, ихъ враждебныя дѣйствія могутъ быть только дѣйствіями подпольными, разсчитанными, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ на успѣхъ чисто случайный. Обстоятельства сразу повернутся въ обратную сторону, какъ только будетъ у насъ заведенъ парламентъ. Мы, русскіе люди, потомки и наслѣдники основателей своего

государства, быстро очутимся въ положеніи осаждаемыхъ, на насъ будутъ вѣчно нападать, объявивъ насъ разъ навсегда угнетателями, и на законномъ основаніи примутся вырывать изъ нашихъ рукъ одно право за другимъ, пока не сведутъ насъ къ полному ничтожеству. Имъ сдѣлать это будетъ не особенно трудно, такъ какъ мы не въ состояніи даже будемъ противопоставить имъ того завѣтнаго большинства, которое въ парламентѣ, какъ извѣстно, все. На сто сорокъ милліоновъ нашего населенія—русскихъ приходится до восьмидесяти милліоновъ; это составляетъ только чуть-чуть больше половины. Такимъ образомъ въ парламентѣ мы будемъ преобладать на самую ничтожную долю. Враждебнымъ депутатамъ едва-ли будетъ трудно привлечь на свою сторону нѣсколько лишнихъ человѣкъ, чтобы составить большинство,—за средствами въ такихъ случаяхъ обыкновенно вѣдь не стоятъ. Они даже прямо разъединятъ насъ и поселятъ въ русской партіи гибельное для нея междоусобіе; заранѣе можно предсказать, что депутаты изъ крайнихъ украинцевъ всѣ перейдутъ на сторону нашихъ противниковъ и мы, господа страны, оставшись въ меньшинствѣ, будемъ побиты. Финляндецъ, полякъ, еврей, остзеецъ, грузинъ, армянинъ и пр.—всѣ эти люди растащутъ Россію на куски, такъ какъ это слово для нихъ пустой звукъ; а мы послѣ времени будемъ кусать локоть. Они Россіи не создавали, они не связаны съ ней ни кровью, ни преданіями; для нихъ русское государство пока простое учрежденіе, которымъ надо пользоваться; разъ это учрежденіе попадетъ въ ихъ руки, они сумѣютъ поживиться около него не по нашему. Какое имъ дѣло—будетъ цѣла Россія или нѣтъ!

При парламентскомъ строѣ въ весьма искусственное и даже ложное положеніе попадаетъ верховная государственная власть въ странѣ. Гдѣ красуется въ столицѣ зданіе парламента, тамъ верховная власть перестаетъ быть органомъ спокойно-благожелательнаго государствованія и горячихъ заботъ объ отечествѣ, тамъ, напротивъ, она бываетъ вынуждена больше думать о своей цѣлости и безопасности. Такъ будетъ и у насъ. Въ людяхъ, приставленныхъ къ власти или точнѣе говоря—добившихся власти, заработаетъ изо всѣхъ силъ инстинктъ самосохраненія, а извѣстно, что этотъ инстинктъ, дѣйствующій обыкновенно заодно съ чувствомъ страха, не знаетъ удержу и готовъ на все; недаромъ одинъ мыслитель, именно Милль, называетъ его самымъ отвратительнымъ. Парламентъ, набитый шумнымъ и коварнымъ роемъ политикановъ—этихъ признанныхъ теперь бичей конституціонныхъ странъ—сдѣлается

вѣчной угрозой для власти и эта угроза будетъ проистекать не изъ желанія пользы родинѣ, а изъ личныхъ вожделѣній г.г. народныхъ избранниковъ и стоящихъ за ихъ спинами вліятельныхъ избирателей. Подумать только—сколько рукъ протянется изъ разноплеменнаго русскаго парламента къ кормилу власти и какъ затрещитъ это кормило, когда его примутся безъ зазрѣнія совѣсти вырывать другъ у друга парламентскіе дѣльцы съ акцентомъ и безъ акцента! Можно напередъ предвидѣть, какая надпись украситъ собою входъ въ нашъ парламентъ; то не будетъ „польза и благо Россіи", а дерзкая кличка „берегись" и „хватай". И наша верховная власть постоянно будетъ оглядываться на эту роковую надпись, связанная ею по рукамъ и ногамъ. Всякій ея промахъ, всякая ея неудача будутъ подхвачены и раздуты ея врагами въ парламентѣ, они обрадуются ея ошибкамъ, какъ благопріятному предлогу къ разнымъ рѣшительнымъ парламентскимъ шагамъ и запросамъ, чтобы окончательно добить ее, а вовсе и не подумаютъ о томъ, какъ бы помочь ей исправить, быть можетъ, невольно причиненное ею зло. Чтобы уцѣлѣть, сама власть должна будетъ направить свои главныя усилія къ постоянному обезпеченію себѣ въ парламентѣ большинства; такимъ образомъ, ея дѣятельность въ очень значительной степени сведется къ подтасовкѣ партій и заискиванію благосклонности у г.г. народныхъ избранниковъ. Заслонивъ собою государство, парламентъ поставитъ власть въ необходимость считаться только съ собою, съ своими настроеніями и своими видами; между нимъ и властью начнется рядъ нескончаемыхъ затяжныхъ переговоровъ, своего рода шахматныхъ ходовъ, выпадовъ, отступленій, шагъ впередъ, шагъ назадъ и пр. Газеты обо всемъ этомъ примутся трубить, что называется, во всю ивановскую, читатель станетъ захлебываться забористыми политическими разоблаченіями, страшно возростетъ желанная для редакцій розничная продажа; но огромная и во многомъ первобытная еще страна, въ существѣ дѣла, очутится внѣ всякихъ политическихъ теченій и ожесточенныхъ парламентскихъ или газетныхъ схватокъ. Шумный водоворотъ политики будетъ бурлить и пѣниться на одной поверхности, не захватывая самой глубины. Какъ часто при такихъ условіяхъ государственная власть будетъ превращаться въ мышку, которой станутъ играть злыя парламентскія кошки! Вѣдь съ наступленіемъ политической „весны" разомъ почувствуется въ обществѣ ослабленіе государственной узды и тогда то вездѣ встрепенутся люди

себѣ на умѣ, а по странѣ лукаво пробѣжитъ зловѣщій кличъ: „теперь не зѣвай".

Нельзя привѣтствовать введеніе у насъ парламентаризма и какъ успокоительную мѣру.

Смутьяновъ, евреевъ, поляковъ, финляндцевъ, армянъ и проч., парламентъ нисколько не успокоитъ и ничуть не привяжетъ къ Россіи, а напротивъ, онъ только окончательно развяжетъ имъ руки; то, что они теперь дѣлаютъ тайно, тогда будутъ дѣлать открыто, въ качествѣ полномочныхъ представителей своего народа. Они теперь втихомолку занимаются разнаго рода происками, а при парламентѣ станутъ требовать громкимъ голосомъ. Кто въ состояніи указать, напримѣръ, предѣлъ домогательствамъ однихъ евреевъ! Однажды мнѣ пришлось услыхать шутку, что они замолчатъ только въ томъ случаѣ, если у насъ будетъ республика, а во главѣ ея президентъ изъ колѣна іудина. Не думаю я, чтобы въ этихъ словахъ заключалась только одна шутка; въ нихъ много похожаго и на правду. Другіе инородцы врядъ ли также останутся позади евреевъ въ своихъ корыстныхъ поползновеніяхъ! въ итогѣ раздѣлъ Россіи между покоренными ею народами. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не кричатъ возлѣ насъ открыто: „намъ нужна не конституція, а революція!" Слово „намъ" здѣсь едва ли означаетъ русскихъ людей. Нѣтъ, полуинородческая смута уляжется только тогда, когда Россія откажется отъ своихъ верховныхъ правъ надъ покоренными народностями, т. е. иными словами, когда она перестанетъ быть великой державой, насмѣявшись надъ кровавыми трудами ушедшихъ въ вѣчность поколѣній. Что жъ, можетъ быть, русскій народъ готовъ принести и эту чудовищную жертву?...

Но ужели не содрагнемся мы, господа, при одной мысли о такомъ самоистребленіи!...

Нѣтъ, нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ!... Не бывать тому!... Долой иноземные порядки! они намъ не ко двору, они гибельны для насъ. На дняхъ мнѣ случилось читать отрывки изъ воспоминаній П. П. Гнѣдича. Въ нихъ, между прочимъ, разсказывается, какъ одинъ русскій помѣщикъ, еще временъ крѣпостничества, вздумалъ поставить у себя хозяйство по заграничному образцу. Денегъ у барина было много, а прихотей и того больше. Изъ Англіи онъ выписалъ паровыя машины. Для того, чтобы перевезти ихъ, барину въ уѣздѣ пришлось построить цѣлыхъ восемь мостовъ на свой счетъ, такъ какъ прежніе не могли бы выдержать тяжести заморскихъ чудовищъ. У каждой машины, при двигателѣ появился или англи-

чанинъ, или американецъ; они не могли ужиться другъ съ другомъ въ ладу и грызлись между собою, даже подкупали рабочихъ, чтобы тѣ портили у соперниковъ машины; а сами машины, отапливаемыя углемъ, страшно дымили и напустили копоти на весь уѣздъ. Когда заходитъ рѣчь о русскомъ парламентѣ, мнѣ всегда приходитъ на умъ затѣйникъ-помѣщикъ. Если мы переволочемъ къ себѣ въ родныя мѣста заморскую машину парламентаризма, то хорошаго изъ этой затѣи получится весьма немного. У насъ при машинѣ непремѣнно появятся чужаки, какихъ и теперь не занимать стать, начнутъ они враждовать другъ съ другомъ, да портить дорогую машину, а машина примется дымить и совсѣмъ засыплетъ нашу родину своей невообразимой копотью.

М. Лебедевъ.

---

* * *

Я знаю, счастья въ жизни нѣтъ.
А есть лишь призраки и грезы,
Минутный смѣхъ и снова слезы,
Надеждъ безумныхъ жалкій бредъ.
Я ихъ отвергнулъ обѣщанья,
Я развѣнчалъ свои мечты,—
И не склоняю головы,
И не желаю состраданья.
Зачѣмъ обманывать себя,
Ища несбыточнаго счастья?
Передо мной—одни ненастья,
Со мной—лишь Высшій Рокъ... да я!

В. Ермоловъ.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ
Харьковскаго Драматическаго Театра.

I.

Театръ безспорно является могущественнѣйшимъ органомъ просвѣщенія; это также школа, но дѣйствующая не сухимъ поученіемъ, а живымъ примѣромъ; театръ расширяетъ нашъ будничный кругозоръ, учитъ насъ полнѣе и всесторонняѣе понимать людей съ ихъ пороками, недостатками и слабостями. заставляетъ насъ переживать чужое горе, входить въ положеніе ближняго и тѣмъ развиваетъ терпимость и отзывчивость; театръ спасаетъ отъ исключительности и замкнутаго себялюбія, предостерегаетъ отъ увлеченій, ярко рисуя неизбѣжныя послѣдствія ложно сдѣланнаго шага; театръ выдвигаетъ передъ нами высокіе идеалы, будитъ спящія силы духа, сѣетъ великое сѣмя человѣчности на нашей душевной нивѣ и въ то же время наталкиваетъ насъ на самоуглубленіе, развиваетъ самосознаніе и избавляетъ отъ пошлаго воздѣйствія засасывающей среды съ ея обыденными мелкими стремленіями и интересами. Припомнимъ, что просвѣтительная дѣятельность театра общедоступна, образна и въ силу этого кругъ ея вліянія несравненно болѣе обширенъ, чѣмъ область воздѣйствія школы: она вліяетъ на человѣка лишь въ извѣстные годы, театръ-же остается вѣрнымъ учителемъ на всю жизнь—грамотный и неграмотный въ большей или меньшей степени подпадаетъ его обаянію. Всякій, кто только бывалъ въ театрѣ, по личному опыту знаетъ, насколько понятнѣе является художественное произведеніе на сценѣ, чѣмъ при чтеніи, конечно подъ условіемъ соотвѣтствующаго исполненія. Да и широкая публика, въ сущности только посѣщая представленія, знакомится съ величайшими произведеніями драматическихъ писателей, обогатившихъ своими безсмертными перлами всемірную литературу. Не будь театра, многіе и не знали-бы даже о су-

ществованіи Шекспира, Гете и другихъ міровыхъ геніевъ, не говоря уже о второстепенныхъ драматургахъ.

Но благотворное содѣйствіе театра развитію общественности и пробужденію лучшихъ сторонъ человѣка возможно только при безкорыстномъ веденіи дѣла, при безусловномъ преобладаніи высокихъ просвѣтительныхъ цѣлей надъ своекорыстными разсчетами и погонею за предпринимательской выгодой: разъ театръ опускается до уровня обыкновеннаго торговаго предпріятія, то желаніе льстить грубымъ инстинктамъ толпы превращаетъ его въ разсадникъ распущенности и легкомыслія.

Образовательное значеніе театра сознается всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ; всюду театръ находитъ живое участіе и матеріальную поддержку со стороны правительства и обществъ. Какъ извѣстно, теперь во всѣхъ большихъ городахъ Россіи находятся театры, требующіе значительныхъ средствъ, труда, умѣнья и любви къ дѣлу, чтобы выполнять свое отвѣтственное назначеніе. Многія городскія управленія не останавливаются передъ значительными затратами для поддержанія театральнаго дѣла на подобающей высотѣ: театры, принадлежащіе городскимъ обществамъ, во многихъ мѣстахъ сдаются предпринимателямъ безвозмездно, пользуются безплатнымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ; кое гдѣ помимо всѣхъ этихъ льготъ выдаются даже субсидіи, такъ какъ городовое положеніе вмѣняетъ думамъ въ ихъ прямую обязанность попеченіе о театрахъ и другихъ общеполезныхъ, просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.

Изъ большихъ просвѣтительныхъ центровъ исключеніемъ оказывается одинъ только Харьковъ, наиболѣе, послѣ столицъ, переполненный учебными заведеніями, своего рода умственный очагъ всего юго востока Россіи. У насъ театръ является нынѣ какъ бы нелюбимымъ дѣтищемъ городского управленія, предоставленнымъ на произволъ судьбы: театральное дѣло болѣе полстолѣтія находилось въ частныхъ рукахъ и далеко не пользовалось въ послѣднее время поддержкой города, хотя справедливость требуетъ сказать, что харьковскій театръ много лѣтъ честно несъ свою службу и три поколѣнія одной и той-же семьи Млотковскій-Дюковы тратили свои скромныя, частныя средства и силы на неблагодарную задачу, на доставленіе своимъ согражданамъ въ высшей степени полезнаго и пріятнаго удовольствія. За то въ доброе, старое время, харьковское общество ясно сознавало значеніе театра и всегда готово было оказать ему посильную поддержку, какъ показываетъ даже бѣглый взглядъ на его минувшія судьбы.

II.

Съ первоначальной исторіей харьковскаго театра можно нѣсколько ознакомиться по замѣткамъ и воспоминаніямъ Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко [1]): это единственный источникъ, изъ котораго можно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о далекомъ прошломъ харьковской сцены. Еще въ 1780 г., когда было открыто харьковское намѣстничество, появляется въ нашемъ городѣ нѣкоторое подобіе публичнаго театра, пользовавшагося неизмѣннымъ покровительствомъ мѣстнаго начальства. Но даже г. Квитка не знаетъ, „гдѣ, въ какомъ домѣ и какъ была устроена сцена, какъ равно зачѣмъ, когда и почему все это разстроилось". Только въ 1791 году правитель губерніи, Ѳ. И. Кишенскій, воспользовался „деревянной залой", пристроенной „къ дворцу" въ 1787 г. по случаю проѣзда Императрицы Екатерины II, и поручилъ губернскому архитектору, А. Ярославскому, устроить въ ней театръ, гдѣ „два раза (вторникъ и пятница) въ недѣлю бывали представленія для увеселенія харьковской публики" [2]).

Дѣло наладилось и харьковское чиновничество и дворянство восхищалось частью произведеніями гремѣвшихъ тогда русскихъ писателей,—комедіями Сумарокова („Вздорщица", „Скупой" и др.), Хераскова („Добрые солдаты"), Княжнина („Сбитеньщикъ", „Несчастье отъ кареты", „Хвастунъ" и др.), Аблесимова („Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ"), Фонъ-Визина („Недоросль"), Майкова („Аркасъ и Ириса") и другихъ мало извѣстныхъ авторовъ, частью переводными пьесками („Два охотника", „Говорящая картина", „Тщеславный", „Счастливый волокита", „Честное слово", „Нанина" (Вольтера), „Менехмы", „Беверлей" и т. под.).

Государственный трауръ по случаю кончины Императрицы Екатерины прекратилъ существованіе театра, а въ слѣдующемъ 1797 г. при губернаторѣ Тепловѣ самая зала, расположенная въ теперешнемъ университетскомъ дворѣ, была разобрана. Только въ 1808 году возобновились въ Харьковѣ театральныя представленія благодаря двумъ актерамъ съ актрисою, проходившимъ черезъ нашъ городъ и, чтобъ избавиться отъ голодной смерти, предложившимъ свои услуги харьковской публикѣ

---

[1]) Квитка-Основьяненко. „Исторія театра въ Харьковѣ". (Собраніе сочиненій, т. IV. Харьковъ, 1890 г.).

[2]) Ярославскій. „Записки". Кіевская Старина. 1887 г. № 9, стр. 414—415.

„*единственно для пользы общей*". Пріютомъ театру послужилъ „бревенчатый балаганъ" [1]), принадлежавшій штабсъ-капитану Черкесову и выстроенный „для театра и народныхъ увеселеній" въ нынѣшнемъ Николаевскомъ скверѣ, противъ дома Дворянскаго Собранія. Этотъ „жалкій, вполнѣ провинціальный театръ" [2]) былъ извѣстенъ подъ именемъ „театра Шредера", такъ какъ молодому чиновнику, Н. И. Шредеру [3]), „мы обязаны, говоритъ Квитка, за новое основаніе у насъ театра". Но „содержатель", одинъ изъ актеровъ, вскорѣ сбѣжалъ, ограбивъ товарищей. Дѣло грозило рухнуть; „спасителями" явились Калиновскій и Петровскій [4]); но успѣха не выпало на ихъ долю благодаря чванству польскихъ артистовъ и артистокъ, величавшихся своимъ шляхетствомъ и плохо владѣвшихъ русскою рѣчью. Въ 1812 г. представленія совершенно прекратились, будучи временно возобновлены въ 1813 г. Театръ влачилъ жалкое существованіе, но приблизительно въ 1814 году И. Ѳ. Штейнъ вошелъ въ компанію съ Калиновскимъ, перенеся представленія во вновь (1816 г.) выстроенное деревянное помѣщеніе на теперешней Театральной площади на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Дѣтскимъ Пріютомъ. Компаніонами была составлена очень хорошая труппа, а ея украшеніемъ былъ знаменитый М. С. Щепкинъ. Но вскорѣ (1818 г.) Харьковъ ея лишился, такъ какъ князь Рѣпнинъ гражданскій губернаторъ черниговскій и полтавскій, перевелъ ее въ Полтаву и поставилъ въ зависимое отъ себя положеніе, взявъ ее на „свое содержаніе". Лишь во время Крещенской и Успенской ярмарки она наѣзжала въ Харьковъ [5]). Въ 1821 г. Штейнъ снова беретъ въ свои собственныя руки театральное дѣло и до 1833 г, ведетъ его, пріѣзжая въ Харьковъ къ Успенской ярмаркѣ и, *при поддержкѣ публики*, оставаясь до Великаго поста.

Въ 1833 году Штейна смѣнилъ Л. Ю. Млотковскій, построившій первый каменный театръ въ Харьковѣ и тѣмъ поставившій театральное дѣло на болѣе прочную почву.

---

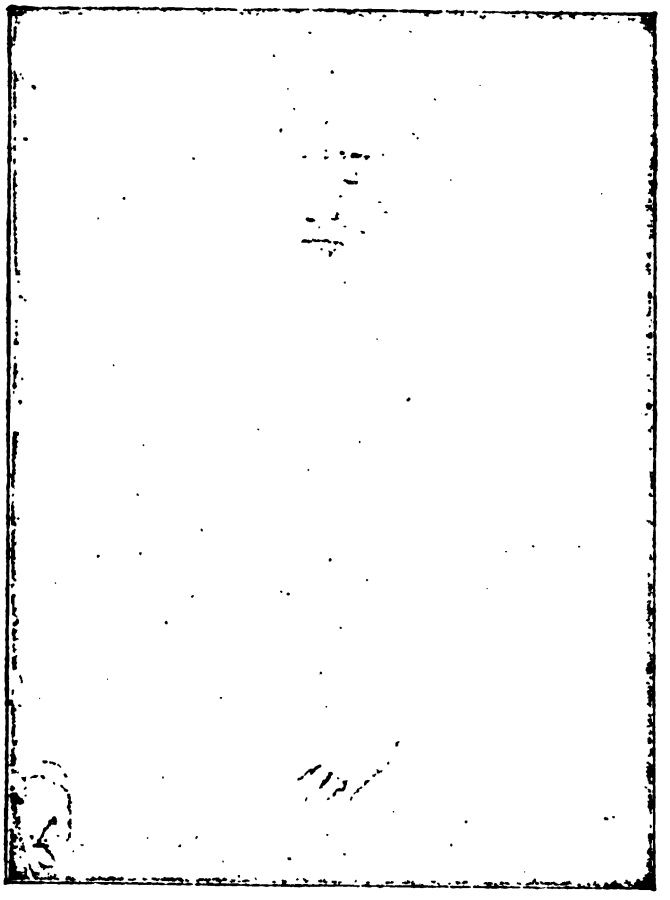
[1]) Щепкинъ. „Записки", стр. 112.

[2]) Роммель. „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьков. Университета", стр. 75.

[3]) См. „Харьк. Губ. Вѣд." 1859 г. № 42.

[4]) См. статью Н. И. Чернаева въ № 4471 газеты „Южный Край" 13 января 1894 г.

[5]) См. статьи Н. И. Чернаева въ № 4494 „Южный Край" 1894 г. и № 4898 за 1895 г.



Л. Ю. Млотковскій.

III.

Людвигъ Юрьевичъ (по документамъ Войцѣховичъ) Млотковскій принадлежалъ къ числу дворянъ кіевской губерніи и былъ внесенъ въ книгу дворянъ кіевскаго уѣзда [1]). Католикъ и полякъ по происхожденію Л. Ю. Млотковскій прибылъ въ Харьковъ въ 1832 г. для службы въ труппѣ Штейна; здѣсь онъ занималъ амплуа трагика, перваго любовника и пѣвца, такъ какъ, обладая хорошимъ баритономъ, пожиналъ лавры въ такъ называемыхъ „пьесахъ съ музыкой". Млотковскій былъ однимъ изъ столповъ труппы Штейна, въ составъ которой

[1]) См. Свидѣтельство изъ кіевской коммиссіи, для разбора дворянскихъ документовъ учрежденной, № 448 отъ 17 ноября 1832 г.

входила тогдашняя провинціальная знаменитость, актриса Острякова, впослѣдствіи сдѣлавшаяся второю женою Млотковскаго, который, по семейнымъ преданіямъ, былъ женатъ первымъ бракомъ на увезенной имъ княжнѣ Мицельской, рано умершей и оставившей трехъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, Александру, Вѣру (впослѣдствіи Дюкову) и Марію, получившихъ воспитаніе въ семьѣ извѣстнаго харьковскаго богача, откупщика Кузина. Въ высшей степени энергичный и предпріимчивый Л. Ю. Млотковскій поставилъ харьковскій театръ на высоту, удовлетворяющую требованіямъ такихъ тонкихъ цѣнителей, какъ извѣстный писатель Квитка-Основьяненко. Репертуаръ былъ очень разнообразенъ: давались драмы, трагедіи, комедіи, легкія пьески, водевили и дивертисменты, ставились произведенія Шекспира (Лиръ, Гамлетъ), оперы (фра-Дьяволо, Цампа, Панъ Твардовскій), изрѣдка балетъ. Съ большимъ успѣхомъ шли произведенія харьковскаго писателя, Квитки (Сватання на Гончаривци, Шельменко-денщикъ, Щира любовь и др.). Прекрасная постановка дѣла и значительный художественный успѣхъ привлекли къ Млотковскому сочувствіе мѣстнаго начальства и общества, что обнаружилось въ дозволеніи выстроить въ Харьковѣ каменный театръ *навсегда*.

18 августа 1839 года харьковское купеческое общество отвело участокъ земли по сумской улицѣ подъ театръ, съ условіемъ, „чтобы Млотковскій за городскую землю, на коей будетъ выстроенъ театръ, каждогодно производилъ платежъ въ думу поземельныхъ по 200 руб. ассигнаціями“ [1]). Млотковскій энергично взялся за постройку по Высочайше утвержденному фасаду, но мѣсто оказалось недостаточнымъ для возведенія необходимыхъ службъ. Тогда, по предписанію харьковскаго гражданскаго губернатора, г. Устимовича, за № 14045, харьковское купеческое общество 15 окт. 1840 г. присовокупило къ отведенному уже участку „часть свободной сзади зданія земли, до линіи улицы (Рымарской) для устройства необходимыхъ построекъ при зданіи театра и со включеніемъ въ оную данную условія, что *мѣсто это отдается въ полную собственность Млотковскому* и его законнымъ наслѣдникамъ, или кому отъ него передано будетъ законнымъ актомъ, съ платежемъ двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ *навсегда* въ пользу.

---

[1]) См. Приговоръ харьковскаго купеческаго общества отъ 15 окт. 1840 г. Копія съ этого документа хранится въ семейномъ архивѣ гг. Дюковыхъ, будучи обнародована Н. И. Черняевымъ въ его „Матеріалахъ для исторіи харьковской сцены“. Харьковъ. 1900

города и не иначе, какъ постояннаго существованія зданія для театра". Одновременно были выработаны особыя условія, отдававшія содержателя театра подъ руку особаго директора, избираемаго начальникомъ губерніи; директоръ былъ ближайшимъ покровителемъ и ходатаемъ о выгодахъ театра, а слѣдовательно и посредникомъ между высшимъ мѣстнымъ начальствомъ и содержателемъ. Создавалась далѣе монополія: § 15 условій гласитъ: „Никакая другая труппа, въ г. Харьковѣ, къ представленіямъ допущена быть не можетъ"; даже дни не театральныхъ представленій постороннихъ лицъ въ другихъ зданіяхъ назначались только по ходатайству директора, завися отъ усмотрѣнія начальника губерніи, „дабы не раздѣлять публики и не ослаблять сбора въ пользу содержателя для соблюденія его выгодъ".

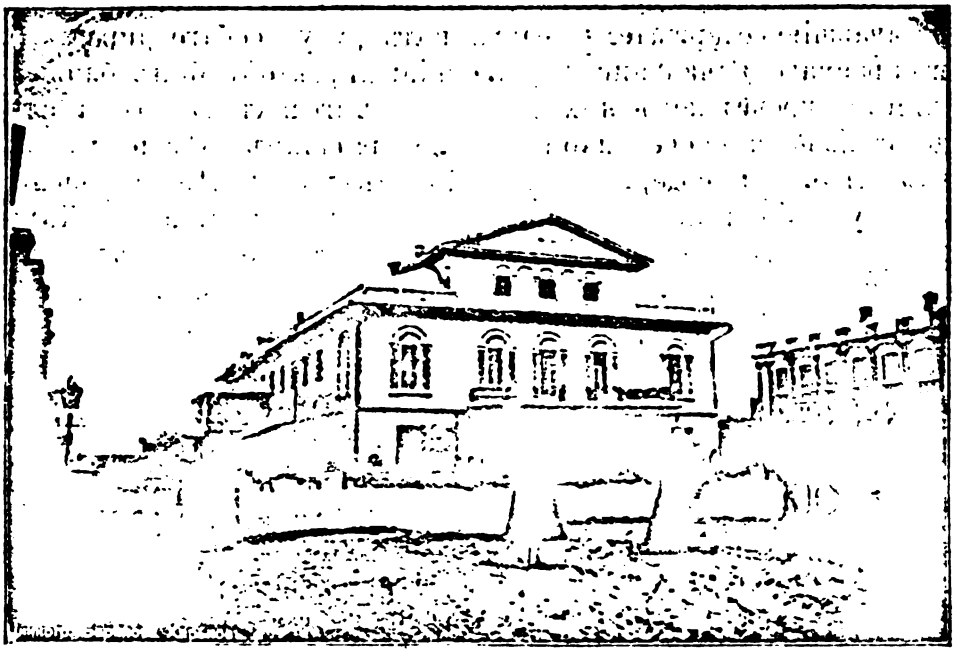
Смѣна губернатора не повела къ измѣненію отношеній начальства къ Млотковскому: 11 ноября 1841 года новый губернаторъ Мухановъ просилъ ходатайства генералъ-губернатора, кн. Долгорукова, объ ежегодномъ отпускѣ на содержаніе театра въ 3000 руб. серебромъ изъ винно-откупной суммы, имѣя въ виду, что безъ пособія правительства содержаніе театра невозможно для Млотковскаго" [1]). Комитетъ изъ губернскаго предводителя дворянства кн. Голицына, кн. Шаховского, извѣстнаго драматурга, и директора театра Шретера, разсмотрѣвъ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ театра, также заключилъ: просимое Млотковскимъ вспомоществованіе признать необходимымъ, съ учрежденіемъ дирекціи для надзора за точнымъ употребленіемъ вспомогательныхъ и сборныхъ суммъ. Былъ выработанъ и особый проектъ для опредѣленія правъ и обязанностей дирекціи и антрепренера, но остался безъ исполненія за неполученіемъ разрѣшенія на отпускъ просимаго Млотковскимъ пособія.

По свидѣтельству Н. Н. Дюкова [2]), Млотковскій едва ли былъ бы въ состояніи осуществить постройку каменнаго театра, если бы ему на помощь не явился К. Н Кузинъ, открывшій Млотковскому кредитъ болѣе, чѣмъ на 40000 руб. Благодаря этому 15 августа 1842 г. началъ свою службу подъ управленіемъ Л. Ю. Млотковскаго такъ называемый старый дюковскій театръ.

---

[1]) См. Н. Черняевъ. „Матеріалы для исторіи харьковской сцены" стр, 18: „О харьковскомъ театрѣ", записка, извлеченная изъ дѣлъ архива харьковскаго Губернскаго Правленія.

[2]) Докладъ харьковской городской управы, разрѣшенный къ печати 19 апр. 1877 г.



Это зданіе, памятное всѣмъ харьковскимъ театраламъ, не отличалось ни особой красотой, ни удобствами, ни размѣрами, хотя, по тогдашнему времени, безспорно являлось однимъ изъ лучшихъ въ городѣ. Внутренность театра была вполнѣ прилична: сцена довольно просторна и приспособлена къ разнообразнымъ постановкамъ; обширный партеръ, три яруса ложъ и раекъ вмѣщали значительное количество зрителей, которые не гонялись за внѣшностью, но были хорошими цѣнителями искусства и умѣли подмѣчать и раздувать въ своихъ любимцахъ священную искру истиннаго дарованія. Сколько извѣстныхъ артистовъ обязаны своей славой харьковской сценѣ, видѣвшей и поощрившей ихъ первые, робкіе шаги на подмосткахъ „дюковской коробки", которая была цѣлые десятки лѣтъ своего рода магнитомъ, притягивавшимъ всѣ свѣжіе и зрѣлые таланты артистическаго міра: Харьковъ благодаря своему постоянному театру сдѣлался центромъ драматической жизни всего Юга Россіи и поддержаніе его громкой славы обходилось не дешево: сохранилось любопытное указаніе [1]) самого Млотковскаго: на всѣ расходы по театру въ 1840 г. имъ было истрачено всего 117,610 р. ассигн., причемъ „содержаніе

[1]) См. Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1841 г. № 18.

собственнаго дома на углу театральнаго переулка и Садовой улицы и другіе расходы домашніе, какъ то: театръ, костюмы для меня, для дѣтей, учителя, мадамъ, прислугѣ и проч. въ годъ 31000 руб." Необходимо принять во вниманіе, что кромѣ семьи Млотковскому приходилось давать „все содержаніе" тремъ актрисамъ, 12 дѣвочкамъ танцоркамъ (и одѣяніе), ламповщику, столяру, 4 капельдинерамъ, 2 афишерамъ, сторожу, двумъ работникамъ и смотрительницѣ за дѣвочками. Впрочемъ и самъ Млотковскій велъ жизнь открытую, давалъ часто балы, пирушки, ужины, отличаясь обычной въ театральномъ мірѣ неразсчетливостью. Неудивительно, что его домъ былъ проданъ, а за долги по постройкѣ театра пришлось впослѣдствіи расплачиваться его дочери, Вѣрѣ Людвиговнѣ Дюковой.

Богато одаренный отъ природы, увлекающійся, энергичный Л. Ю. Млотковскій отличался присущей театральнымъ дѣятелямъ непосѣдливостью, любя бродячую, вольную жизнь, манившую въ даль, къ переходу изъ одного города въ другой, къ новымъ лаврамъ, новымъ людямъ и успѣхамъ. Не удержалъ Млотковскаго въ Харьковѣ и „собственный театръ": уже въ 1843 г. онъ покидаетъ этотъ городъ и переноситъ свою антрепризу въ рядъ другихъ мѣстъ. Повидимому, однако, его отъѣздъ изъ Харькова въ Орелъ и странствія по другимъ городамъ (Тифлисъ, Воронежъ, Вознесенскъ) вызывались и неурядицами со второй женой, о которыхъ сохранились темныя семейныя преданія... Съ отъѣздомъ Млотковскаго началось дирекціонное междуцарствіе въ исторіи харьковскаго театра.

О. Барсукова.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЪ.

Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія [1]).

XXXII. Засѣданіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія, происходившее 15 марта текущаго года въ залѣ Дворянскаго Собранія, состоялось подъ предсѣдательствомъ проф. Я. А. Денисова. Посвящено оно было обмѣну мнѣній по поводу докладовъ В. А. Задонскаго [1]) и Г. А. Шечкова [2]). Передъ обсужденіемъ были прочитаны положенія послѣдняго, а первый напомнилъ, въ общемъ, главныя мысли своего доклада. В. А. Задонскій считаетъ главной причиной всѣхъ неурядицъ въ земскихъ губерніяхъ—господствующее мнѣніе въ правящихъ сферахъ: будто мирные обыватели имѣютъ возможность *сами* защищаться отъ неспособныхъ или вредныхъ общественныхъ дѣятелей, имѣя въ своемъ распоряженіи такое орудіе борьбы какъ „выборное начало". Это мнѣніе г. Задонскій считаетъ совершенно ошибочнымъ, потому что мирные граждане тѣмъ и отличаются, что они вовсе не желаютъ борьбы, а потому и не способны къ ней вслѣдствіе своей несолидарности, неполитичности и отсутствія *живого, личнаго* интереса къ дѣламъ управленія. Такія качества выработались въ народѣ благодаря его историческому воззрѣнію, что управлять или давать защиту отъ какихъ бы то ни было враговъ—дѣло правительства, а не народа.—Затѣмъ докладчикъ говоритъ о несостоятельности современныхъ органовъ самоуправленія и усматриваетъ ее 1) въ обширности раіоновъ ихъ дѣятельности 2) въ предоставленіи завѣдыванія дѣлами не отдѣльнымъ личностямъ, а цѣлой толпѣ и 3) въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ по принципу большинства. Несовершенство этого принципа заключается въ томъ, что при голосованіяхъ личность поддается гипнозу толпы и теряетъ самостоятельность сужденій. Такимъ образомъ „большинство голосовъ"—ничто иное, какъ простая фикція и вовсе

[1]) См. „Мирный Трудъ" № 4.

не выражаетъ большинства самостоятельныхъ мнѣній. Чтобы парализовать этотъ гипнозъ въ западныхъ парламентахъ прибѣгаютъ къ организаціи партій. При партійномъ-же режимѣ жизнь народа становится до-нельзя тягостной. Но главное вниманіе докладчикъ обращаетъ на самую основу органовъ самоуправленія, т. е. на „выборное начало". Это начало имѣло значеніе въ старину, когда оно примѣнялось въ обществахъ, составленныхъ изъ *единомышленниковъ*. Но со времени Французской Революціи, когда укоренились идея „народовластія" и *разномысліе* въ обществѣ,—выборное начало не только утратило свое значеніе, но сдѣлалось прямо опаснымъ для устойчивости государства, такъ какъ служитъ орудіемъ въ рукахъ враговъ существующаго порядка.

Оживленный обмѣнъ мыслей, вызванный докладомъ сосредоточился на вопросѣ о „выборномъ началѣ".

Первымъ выступилъ съ замѣчаніями профессоръ русской исторіи *П. П. Бушинскій*, указавшій, что хотя въ Русской Исторіи выборное начало и было извѣстно, но несеніе выборныхъ должностей понималось какъ *обязанность*, а не какъ особое преимущество. Равнымъ образомъ и „выборные люди" по проэкту Сперанскаго отличаются по идеѣ отъ современныхъ гласныхъ. У Сперанскаго „выборнымъ людямъ" принадлежитъ не управленіе, а контроль. Современные недочеты „выборнаго начала" именно и объясняются отсутствіемъ надлежащаго сильнаго контроля какъ со стороны общества, такъ и со стороны правительства. Въ доказательство своихъ утвержденій профессоръ привелъ много примѣровъ изъ Русской Исторіи.

Профессоръ всеобщей исторіи *А. С. Вязигинъ* замѣтилъ, что всѣ способы передачи тому или иному лицу извѣстныхъ правъ и обязанностей—страдаютъ различными недостатками. Докладчикъ же занялъ положеніе прокурора и построилъ настоящій обвинительный актъ только противъ выборнаго начала. Но для справедливой оцѣнки его, необходимо сдѣлать сравненіе съ остальными способами, имѣющими каждый свои недочеты. Такъ мы видимъ, что назначеніе открываетъ широкій просторъ лицепріятію, протекціи и т. под. Примѣры всѣ легко могутъ найти изъ явленій современной жизни. Въ другихъ случаяхъ, замѣщеніе общественныхъ должностей происходитъ на основаніи принадлежности къ извѣстной имущественной группѣ, или по рожденію (напр. пополненіе англійской палаты лордовъ или верхней палаты японскаго парламента). При этомъ способѣ полномочія можетъ получить—человѣкъ недостойный, неспособный, не желающій работать и т. д. Третьимъ способомъ

является—жребій. Но на его несостоятельность указывалъ еще Сократъ. Въ самомъ дѣлѣ: „сапожника, который шьетъ мнѣ обувь—я выбираю; магазины для покупки всего необходимаго въ домашнемъ обиходѣ—я выбираю. Никто не найметъ прислуги по жребію. Общественнаго же дѣятеля, которому вручаются при самоуправленіи весьма важныя права, распространяющіяся на все мое житье-бытье,—я не имѣю права выбирать, а этотъ вопросъ предоставляется жребію, т. е. слѣпому случаю, который можетъ выдвинуть и негодяя, и бездѣльника, и глупца. Вѣдь людей съ административными способностями и склонностями вовсе не такъ много, а потому, на основаніи теоріи вѣроятности, избранными по жребію скорѣе окажутся лица, вовсе не подготовленные къ управленію общественными и государственными дѣлами. Вдобавокъ, нельзя не отмѣтить, что общее стремленіе въ жизни человѣчества направляется къ умаленію значенія случайности и къ достиженію сознательно намѣченной цѣли. Съ каждымъ вѣкомъ случай отходитъ назадъ въ объясненіи явленій, такъ какъ все больше укрѣпляется положеніе, что цѣлесообразность и закономѣрность управляютъ міромъ. Зачѣмъ же отдавать предпочтеніе случайному жребію передъ сознательно произведеннымъ выборомъ? Нельзя видѣть въ немъ только одно худое: выборное начало освящено преданіями первоначальной церкви, избиравшей священнослужителей и епископовъ, выборное начало искони давало лицъ, несущихъ общественныя тяготы русскому народу и даже возвело на престолъ Самодержца—родоначальника нынѣ Царствующаго Дома. Но, какъ всякое человѣческое дѣло—выборы имѣютъ свои недостатки, особенно ярко обнаруживающіеся тамъ, гдѣ сознательное отношеніе къ государственной и общественной жизни мало развито, гдѣ служеніе благу цѣлаго стоитъ ниже личныхъ выгодъ. Надо стремиться къ торжеству сознанія, а не случая, надо бороться не съ выборнымъ началомъ, какъ способомъ замѣщенія должностей, а съ его отрицательными сторонами и злоупотребленіями. Устранить выборы при данномъ положеніи дѣлъ невозможно, а потому намъ надобно приложить всѣ усилія, чтобы выборное начало перестало быть орудіемъ въ рукахъ противниковъ исконныхъ русскихъ началъ и служило ихъ воплощенію. Довольно спать и уклоняться отъ предоставленныхъ закономъ правъ и обязанностей подъ предлогомъ принципіальнаго отвращенія къ выборамъ! Вѣдь на нашихъ глазахъ, пока мы, вѣрные завѣтамъ родной старины, пребывали въ лѣнивой бездѣятельности, поборники зарубежныхъ порядковъ захватили въ свои руки земство, го-

родское самоуправленіе, разнаго рода общества, печать, читальни, книгохранилища, школу, народное просвѣщеніе, всюду заняли крѣпкія позиціи, откуда ихъ теперь надо вытѣснить при помощи того же выборнаго начала, которымъ мы такъ пренебрегаемъ. Эту задачу поставилъ передъ нами самъ Государь, ибо послѣ обнародованія манифеста 18 февраля выяснился, каждому сугубо, долгъ всякаго вѣрноподданнаго дать откликъ на царскій призывъ и проявить, вмѣсто общественной спячки и безразличія, усиленную самодѣятельность. Настала пора дѣйствій, а не пререканій по чисто кабинетнымъ вопросамъ: жизнь вспять повернуть невозможно, но жизненными явленіями можно и должно разумно пользоваться ради служенія вѣчнымъ началамъ Добра и Правды". Засимъ профессоръ Вязигинъ указалъ на неточность утвержденія г-на Задонскаго, будто идея народовластія является дѣтищемъ французской революціи: уже въ сѣдой древности, въ античномъ мірѣ, въ средніе вѣка эта идея была извѣстна и оттуда перешла и въ современныя западно-европейскія государственныя теоріи. Кромѣ того и русская исторія знаетъ ея проявленія.

Возраженія профессора вызвали горячій отвѣтъ докладчика. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „До воззрѣній языческаго міра мнѣ дѣла нѣтъ! Я говорилъ о народахъ христіанской эры, о народахъ, почерпнувшихъ свое міросозерцаніе изъ поученій Христа и Его апостоловъ. А эти народы всегда исповѣдывали, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога.* Указанные профессоромъ старинные французскіе акты точно также не могутъ опровергнуть мои положенія. Эти акты писались юристами, теоретиками и отнюдь не выражали воззрѣній самого народа. Представьте себѣ французскаго безграмотнаго мужичка тѣхъ временъ, мужичка, идущаго за первобытнымъ плугомъ. Неужели этотъ мужичекъ сталъ-бы разсуждать о „власти народа", о „передачѣ всей суммы власти такому-то"? Я утверждаю, что *народу* подобныя идеи—были безусловно чужды. Затѣмъ Андр. Серг. приводитъ недоумѣніе Сократа относительно замѣны выборовъ—жеребьевкой. Въ томъ-то и дѣло, что въ данномъ случаѣ греческій философъ сравниваетъ несравнимое. Въ самомъ дѣлѣ: выбирая сапожника или виноторговца, кого этотъ выборъ касается? Только меня одного и никого другого. Если я плохо выбралъ, то моя ошибка отзовется только на мнѣ одномъ. Выбирая-же государственнаго и общественнаго дѣятеля, я выбираю не только для себя, *но и для другихъ.* Если я ошибусь въ выборѣ, то моя ошибка отзовется не только на мнѣ, *но и на другихъ.* А это большая

разница. Тутъ возникаетъ вопросъ о „нравственной" отвѣтственности передъ *другими* людьми. А такъ какъ люди въ большинствѣ эгоисты и не доросли до необходимой нравственной высоты, то уже поэтому выборное начало нельзя считать пригоднымъ способомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выборное начало вызываетъ партійную борьбу—во всякомъ случаѣ, и слѣдовательно *во всякомъ случаѣ* вредно, тогда какъ способъ назначенія вреденъ только при дурномъ начальникѣ, (но начальникъ вовсе не всегда дурной). Способы же опредѣленія „по рожденію" или „по жребію" вредны только въ тѣхъ развѣ случаяхъ, когда *всѣ* засѣдающія лица—бездарны. Но такихъ случаевъ почти и не бываетъ Вообще же я долженъ сказать, что въ докладѣ я не говорилъ о выборномъ началѣ, какъ о принципѣ, а о выборномъ началѣ—*нашихъ дней*. Вопросъ этотъ прежде всего практическій. Съ этой точки зрѣнія и надо смотрѣть на него, ибо намъ важнѣе всего—считаться съ практикой жизни".

Кн. М. Л. Шаховской нашелъ, что докладчикъ въ возраженіи отступилъ отъ своихъ принциповъ. Выборное начало князь считаетъ лучше всѣхъ другихъ способовъ вообще, а въ настоящее время—въ особенности. *Ѳ. А. Ницецко* и *о. П. Скубачевскій* высказались также за выборное начало. Священникъ же *о. Ф. Пестряковъ* обратилъ вниманіе на злоупотребленія (подкупы и т. д.), которыя возможны при существованіи выборнаго начала. Въ свою очередь, въ качествѣ убѣжденнаго противника выборнаго начала выступилъ профессоръ богословія, прот. *Т. И. Буткевичъ*. Въ пламенномъ словѣ онъ указалъ на то, что въ тяжелыя годины Россію спасало вовсе не выборное начало. Императоры Николай I и Александръ III обуздали революціонное движеніе, не прибѣгая къ выборамъ. А въ Смутное время? Кто „выбиралъ" Минина?

Профессоръ *Н. К Кульчицкій* также отнесся безусловно отрицательно къ „выборному началу". Почтенный профессоръ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Выслушавъ съ удовольствіемъ оба доклада о выборномъ началѣ, я присоединяюсь рѣшительно къ выводамъ докладчиковъ. Мнѣ приходилось много думать по данному вопросу и много разъ имѣть дѣло съ выборнымъ началомъ. Вотъ почему и рѣшаюсь высказать передъ уважаемымъ собраніемъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Не скрою, что я желалъ бы доказать преимущества избранія по жребію передъ такъ называемыми выборами, какъ они практикуются въ настоящее время.

Выборное начало въ его теперешнемъ смыслѣ, какъ ме-

тодъ, очень слабъ. Оно почти никогда не достигаетъ цѣли, т. е. не опредѣляетъ наиболѣе достойнаго изъ массы избираемыхъ. Происходитъ это потому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы другъ друга не знаемъ или, что еще хуже, знаемъ только одну показную сторону. Выборное начало, какъ идея, подкупаетъ насъ, ибо выражаетъ стремленіе отдать дѣло въ руки лучшія, наиболѣе надежныя въ общихъ интересахъ въ разсчетѣ на безпристрастіе избирателей и избираемыхъ. Въ дѣйствительности же мы наблюдаемъ, что вездѣ, всегда и безъ всякихъ исключеній выборное начало сопровождается партійностью, переходящей почти всегда на личную борьбу отдѣльныхъ вожаковъ. Въ лучшемъ случаѣ это будетъ борьба партійныхъ интересовъ. Желая чѣмъ нибудь пособить горю и сдѣлать избирателей болѣе независимыми отъ посторонняго вліянія, какъ извѣстно, ввели такъ называемую *закрытую баллотировку*. Однако дѣло отъ этого только проиграло. Выборное начало лишилось единственнаго надежнаго контроля, это гласности. Сплотившееся большинство съ этого момента можетъ чинить всякій произволъ и насиліе, оставаясь неизвѣстнымъ и потому неотвѣтственнымъ. Судите сами, можетъ ли подобный методъ служить дѣлу справедливости, можно ли ждать отъ него добра въ рѣшеніи общественныхъ интересовъ Замѣчательна въ разбираемомъ вопросѣ косность нашего образованнаго класса, его неопытность въ критической самооцѣнкѣ. Куда не посмотрите, вездѣ требуютъ выборнаго начала и гласности. не замѣчая, что это двѣ вещи, взаимно другъ друга исключающія. Вездѣ кричатъ о свободѣ личности и требуютъ безусловнаго подчиненія большинству, не замѣчая всей нелѣпости подобнаго положенія. Выборное начало въ данный моментъ можно считать общепринятымъ, но не потому, что оно удовлетворяетъ своей цѣли, а потому, что мы неспособны возвыситься до созданія иной, болѣе справедливой формы.

Теперь два слова о жребіи. Избраніе по жребію на первый разъ кажется методомъ совершенно непригоднымъ, ибо вынутіе жребія дѣло слѣпого случая, которому довѣриться, говорятъ, нельзя. Таково общее мнѣніе. Присмотрѣвшись однако внимательнѣе, мы скоро убѣдимся, что жребій вовсе не такъ слѣпъ, какъ кажется на первый разъ. Напротивъ онъ, какъ и всякое другое явленіе, поддается учету и несетъ съ собой много признаковъ, весьма интересныхъ именно для разбираемаго случая, т. е. способа избранія.

Воспользуемся для выясненія сказаннаго нѣсколькими простыми и безспорными примѣрами. Допустимъ, что въ закры-

томъ мѣшкѣ два шара, красный и бѣлый. Если мы вынемъ одинъ изъ нихъ, то разумѣется дѣло слѣпого случая, попадется ли намъ красный или бѣлый, и сколько бы разъ мы не повторяли операціи вынутія одного изъ двухъ шаровъ, результатъ будетъ одинъ и тотъ же, будетъ вынутъ *совершенно случайно* то красный, то бѣлый шаръ. Поэтому принято, что въ данномъ случаѣ *вѣроятность вынуть бѣлый или красный шаръ одинакова.* Это и есть примѣръ слѣпого случая, такъ сказать, въ чистомъ видѣ. Дѣло однако очень измѣняется, если мы, въ тотъ же закрытый мѣшокъ, положимъ 10 шаровъ, изъ нихъ 1 красный и 9 бѣлыхъ. Тогда, всякому понятно, вынутіе бѣлаго шара станетъ гораздо вѣроятнѣе, нежели вынутіе краснаго. Хотя и здѣсь играетъ роль тотъ же слѣпой случай, но онъ уже, выражаясь фигурально, далеко не столь всемогущъ. Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Въ тотъ же закрытый мѣшокъ положимъ 100 шаровъ, изъ нихъ 1 красный и 99 бѣлыхъ. При такихъ условіяхъ слѣпой случай тоже не исключается, но вынутіе бѣлаго шара становится весьма вѣроятнымъ, напротивъ вынутіе краснаго станетъ мало вѣроятнымъ. И т. д. По мѣрѣ того, какъ накопляется количество бѣлыхъ шаровъ, въ наблюдателѣ крѣпнетъ увѣренность въ томъ, что при желаніи вынуть бѣлый шаръ, будетъ вынутъ именно бѣлый, а не красный. Иными словами. Если мы имѣемъ въ мѣшкѣ значительное преобладаніе шаровъ одного цвѣта, то вынимая изъ мѣшка нѣкоторое количество шаровъ, мы съ увѣренностью можемъ разсчитывать, что большинство вынутыхъ шаровъ будетъ преобладающаго цвѣта. Наша увѣренность будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше будетъ преобладать одинъ изъ цвѣтовъ надъ другимъ. Вполнѣ научно обоснованная „теорія вѣроятностей“ показываетъ, что „слѣпой случай“ при этомъ укладывается въ точно выраженныя математическія формулы.

Многимъ покажется совершенно неправдоподобнымъ, если мы выскажемъ положеніе, что опытъ съ шарами совершенно примѣнимъ къ избранію лицъ и что жребій — болѣе надежный способъ, нежели выборное начало въ практикуемой нынѣ формѣ. Поэтому постараемся отклонить обычныя возраженія, которыя всѣ сводятся въ сущности къ одному, а именно,—говорятъ, нельзя никакого дѣла отдать случайному составу людей, *первымъ попавшимся*: они могутъ испортить его непоправимо. Моей задачей такимъ образомъ является приведеніе доказательствъ въ пользу того, что избираемые по жребію не случайны, а напротивъ, люди наиболѣе желательные для удовлетворенія функцій, ясно сознаваемыхъ большинствомъ.

Избраніе по жребію, конечно должно, происходить изъ лицъ, обладающихъ правомъ избирательнаго голоса, т. е. такихъ, которые въ случаѣ, если бы это было необходимо, могутъ принимать активное участіе въ выборахъ, могутъ избирать другихъ и быть избираемы другими. Одно это указываетъ, что въ данной группѣ лицъ по самому существу нѣтъ элементовъ случайныхъ. Однако, когда говорятъ, что случайному составу лицъ опасно довѣрять рѣшающій голосъ, то допускаютъ возможность, что составъ избранныхъ можетъ быть случайно очень низокъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи. Дѣйствительно, такому составу было бы нежелательно предоставить распоряженіе интересами ближнихъ. Никто съ этимъ спорить не станетъ, но прежде чѣмъ принять сказанное возраженіе, нужно установить точно, справедливо ли подозрѣніе, высказываемое apriori, что при правильной постановкѣ избранія по жребію, могутъ попасть худшіе элементы избирателей въ преобладающемъ количествѣ.

Обратимся ради выясненія дѣла опять къ предыдущимъ выводамъ, которые вытекаютъ закономѣрно изъ опыта вынутія шара того или другого цвѣта. Предварительно установимъ слѣдующее положеніе, уже много разъ доказанное, а именно—*въ обществѣ всѣ его элементы могутъ быть правильно размѣщены* какъ по своимъ физическимъ признакамъ, такъ и по своимъ умственнымъ качествамъ, а равнымъ образомъ и *по степени своей даровитости.* Эта послѣдняя для насъ въ данный моментъ должна разсматриваться, какъ наиболѣе важный факторъ, ибо нѣтъ нужды доказывать, что только даровитый человѣкъ легко преодолѣваетъ встрѣчаемыя на пути препятствія и тѣмъ легче, чѣмъ даровитость его больше. Можно принять даже съ увѣренностію, что высокоодаренный человѣкъ всегда достигаетъ и высокаго положенія, несмотря ни на какія преграды.

Располагая элементы общества по степени ихъ даровитости мы убѣдимся, что огромное большинство ихъ составитъ *средину, средняго человѣка.* Отъ этой очень большой группы въ сторону плюса и минуса расположатся группы болѣе и менѣе даровитыхъ, при чемъ выясняется *рѣзкое паденіе въ числѣ* по мѣрѣ удаленія отъ средины и при томъ одинаково въ обѣ стороны. Если группу лицъ средней даровитости или даже вмѣстѣ съ первыми ближайшими къ ней группами приравнять къ бѣлымъ шарамъ нашего опыта, то безусловнымъ результатомъ жребія будетъ избраніе лицъ средней даровитости и никоимъ образомъ мы не получимъ другого результата, если

бы даже и желали: это не въ нашей волѣ. Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что путемъ правильно поставленнаго избранія по жребію, мы всегда получимъ составъ удовлетворительный, *средній*. Я утверждаю: именно этотъ составъ избранныхъ и будетъ наиболѣе соотвѣтствовать намѣченной цѣли. Это будетъ всегда собраніе лицъ, которое одно только въ состояніи выразить *дѣйствительное мнѣніе массы*, т. е. такое, которое вполнѣ правильно выражаетъ *нужды* той или другой группы населенія.

Спрашивается однако, будетъ ли средній составъ избранныхъ абсолютно пригоденъ для разрѣшенія общественныхъ задачъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, *да*. Каждому подобному представительному собранію подлежитъ разрѣшеніе дѣлъ, близко касающихся лично каждаго, дѣлъ въ сущности не сложныхъ для здравомыслящаго человѣка. У всякаго собранія находится въ распоряженіи цѣлый рядъ спеціальныхъ помощниковъ, которые въ случаѣ техническихъ затрудненій явятся къ услугамъ собранія. Я иду еще далѣе, обращаясь въ частности къ народнымъ собраніямъ. Обычно у насъ говорятъ о народѣ пренебрежительно, называя его темнымъ, безграмотнымъ, глупымъ (извѣстный фельетонистъ Меньшиковъ) и прочими нелестными эпитетами. Мнѣ кажется, что это большое недоразумѣніе. Наше образованное общество безъ всякаго основанія овладѣло привилегіей умственно развитаго класса. Если отбросить нѣкоторые внѣшніе признаки, которыми украшается такъ называемый образованный классъ, то его умственная слабость и неспособность къ разрѣшенію какихъ-либо простыхъ общественныхъ задачъ проявится съ поразительной ясностью. Совсѣмъ обратное мы увидимъ, знакомясь ближе съ рѣшеніями народной массы.

Избраніе по жребію однако имѣетъ и свои недостатки. Изъ нихъ самый существенный заключается въ томъ, что путемъ жребія нельзя отобрать выдающихся людей, людей исключительныхъ дарованій. Это правда, но мы уже высказывали, что люди, дѣйствительно талантливые, а тѣмъ болѣе геніальные, сами по себѣ преодолѣваютъ всѣ препятствія на своемъ пути и занимаютъ высокое положеніе въ обществѣ помимо всякихъ избраній. Въ заключеніе замѣчу, что при разборѣ вопроса о степени относительнаго достоинства отдѣльныхъ методовъ избранія нельзя довольствоваться *мнѣніями*. Фразы „я такъ думаю“ или „я полагаю“ мало принесутъ пользы. Было бы наоборотъ желательно, чтобы ко всякому методу, разъ ему отдается предпочтеніе, была приложена и точная мѣрка, найти которую возможно, стоитъ только обратиться къ наукѣ“.

Пренія, такимъ образомъ, затянулись и г. предсѣдательствующій предложилъ устроить 10-минутный перерывъ, послѣ котораго на обсужденіе были поставлены положенія доклада Г. А. Шечкова, дабы дать возможность всесторонне обсудить поднятые въ немъ вопросы. Первымъ выступилъ В. А. Задонскій, который прочелъ небольшую статью, помѣщенную въ журналѣ „Дѣятель" и представляющую крайне отрицательную оцѣнку дѣятельности земства за 40 лѣтъ его существованія. Въ виду общей усталости и поздняго времени проф. Я. А. Денисовъ закрылъ засѣданіе, выразивъ отъ общаго имени признательность Г. А. Шечкову и В. А. Задонскому, равно какъ и участникамъ преній.

Это засѣданіе ознаменовалось яркимъ выраженіемъ понятій о приличіи и терпимости, распространенныхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ нашей „неучащейся молодежи". Незначительная группа молодыхъ людей обоего пола, частью одѣтыхъ въ форму технологовъ и гимназистовъ, пыталась ворваться въ залъ засѣданія, ссылаясь на ярлыки, полученные отъ принимающихъ на сохраненіе верхнее платье. Дежурный членъ призналъ, конечно, такіе оригинальные входные билеты не дѣйствительными. Тогда молодежь, почти исключительно евреи съ армяниномъ во главѣ, подняла шумъ и стала грозить бомбами и кинжалами, а нѣкая еврейка неистовствовала, осыпая бранью всѣхъ членовъ Русскаго Собранія. Молчаливое презрѣніе было достойнымъ отвѣтомъ. Двери въ залъ были закрыты; уплоченные за вѣшалку деньги были возвращены, и неудачные демонстранты „погалдѣвъ" удалились, не проникнувъ дальше прихожей и не встрѣчая сочувствія въ средѣ сторожей, потѣшавшихся надъ безсильной злобой представителей инородческаго уваженія къ неприкосновенности жилищъ и свободѣ собраній.

П. Хорсовъ.

Одесскій Отдѣлъ Русскаго Собранія.

25 марта 1905 г. въ помѣщеніи юнкерскаго училища состоялось первое Общее собраніе членовъ Одесскаго отдѣла Русскаго Собранія. По открытіи собранія предложено было выразить благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ привѣтствія ко дню открытія отдѣла. Выражена была благодарность преосвящ. Іустину, отслужившему торжественный молебенъ и пожертвовавшему въ пользу отдѣла 100 руб., хорамъ юнке-

ровъ и семинаристовъ, художнику П. П. Ладнову за прекрасное исполненіе челобитной. Доложено собранію о пожертвованіи отбывшимъ на Дальній Востокъ членомъ-учредителемъ подполковникомъ Д. Ѳ. Кореневымъ одной тысячерублевой облигаціи городского Кредитнаго общества. Капиталъ этотъ рѣшено отчислить въ запасный фондъ подъ названіемъ „капитала Д. Ѳ. Коренева", проценты же съ облигаціи предназначены на изданія отдѣла.

Послѣ доклада дѣлопроизводителя—„О задачахъ дѣятельности Русскаго Собранія" [1])—приступили къ обсужденію вопроса о помѣщеніи для засѣданій и общихъ собраній. Совѣтомъ доложено предложеніе одного изъ старшинъ Благороднаго собранія объ уступкѣ одесскому отдѣлу въ дни засѣданій малой залы Благороднаго собранія. Предложеніе принято съ благодарностью. Любезно предложенное помѣщеніе является однако, лишь временнымъ, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ само Благородное собраніе переходитъ въ другое, менѣе обширное помѣщеніе. Для распорядительства въ дни засѣданій избранъ въ завѣдующіе хозяйствомъ ст. с. И. А. Аболенскій. Завѣдываніе научно-литературными засѣданіями взялъ на себя по просьбѣ собранія проф. А. И. Алмазовъ. Изъ пожертвованныхъ и отчасти изъ выписанныхъ отдѣломъ книгъ, начала составляться библіотека, завѣдываніе которой согласилась принять на себя членъ собранія, г-жа В. Ф. Кипенская.

Многими членами собранія высказывалась мысль о необходимости имѣть газету, которая бы являлась органомъ собранія и проводила бы въ общество взгляды, исповѣдуемые Русскимъ Собраніемъ. Собраніе, вполнѣ раздѣляя эти пожеланія, не могло, однако, не признать, что изданіе газеты потребовало бы весьма значительныхъ средствъ и кромѣ того сопряжено со множествомъ другихъ практическихъ затрудненій, дѣлающихъ это благое желаніе пока совершенно неосуществимымъ. Пока рѣшено издавать для народа лишь отдѣльные листки или брошюры съ цѣлью противодѣйствія революціонной пропагандѣ. Принимая такое рѣшеніе, собраніе пошло навстрѣчу желаніямъ самого рабочаго населенія: узнавъ объ открытіи одесскаго отдѣла Русскаго Собранія, группа кишиневскихъ рабочихъ-патріотовъ обратилась къ одному изъ членовъ совѣта съ просьбой высылать имъ брошюры „гдѣ бы разъяснялась вся лживость подпольныхъ бумажекъ". Такого же содержанія письмо рабочаго помѣщено было на столбцахъ

[1]) См. Мирный Трудъ 1905 г. № 5.

мѣстныхъ „Вѣдомостей Градоначальства". Для веденія издательскаго дѣла избранъ нарядъ (коммиссія) подъ предсѣдательствомъ члена совѣта ген.-м. П. М. Кардиналовскаго. Открытъ пріемъ пожертвованій на изданія; тутъ же въ собраніи собрано было по подпискѣ 129 руб.

Наряду съ издательскимъ нарядомъ рѣшено учредить „отдѣлъ справокъ", гдѣ давались бы отвѣты на различные умственные запросы простого люда. Съ этой цѣлью предположено оповѣстить населеніе Одессы, а также другихъ городовъ юга, что за разрѣшеніемъ возникающихъ у нихъ вопросовъ, сомнѣній они могутъ обращаться въ отдѣлъ справокъ, откуда имъ будутъ даваться отвѣты, письменные или, въ случаѣ, если вопросъ представляетъ общій интересъ, печатные. Завѣдываніе отдѣломъ справокъ принялъ на себя членъ совѣта, Н. Н. Родзевичъ.

Приступили затѣмъ къ избранію новыхъ членовъ; всего избрано 83 лица.

Собранію доложена грустная вѣсть о только что послѣдовавшей кончинѣ дѣйствительнаго члена одесскаго отдѣла Русскаго Собранія, Софьи Викторовны Думбадзе. Почтивъ память покойной вставаніемъ, собраніе рѣшило отслужить на квартирѣ усопшей панихиду 26 марта и возложить на гробъ ея вѣнокъ отъ имени одесскаго отдѣла Русскаго Собранія.

Первое общедоступное засѣданіе состоялось 8-го апрѣля 1905 г. въ маломъ залѣ Благороднаго собранія, подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Алмазова. Присутствовали гг. члены отдѣла, гости, въ числѣ которыхъ было много студентовъ университета и слушательницъ женскихъ педагогическихъ курсовъ.

Засѣданіе открылось рѣчью г. предсѣдательствующаго. Указавъ на то, что 7 апрѣля 1904 года было подписано ходатайство объ учрежденіи одесскаго отдѣла Русскаго Собранія, проф. Алмазовъ отмѣтилъ, что вновь учрежденный отдѣлъ открываетъ новый годъ своего существованія первымъ научнымъ засѣданіемъ. Такъ какъ дѣло новое, то слушатели должны снисходительно отнестись къ недостаткамъ въ постановкѣ чтеній. Каждое чтеніе будетъ служить намъ урокомъ, и замѣченные пробѣлы будутъ восполняться съ теченіемъ времени.

Прочитанъ былъ докладъ свящ. о. К. Стефановича— „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ канонистъ".

Затѣмъ, послѣ перерыва, товарищъ предсѣдателя архим. о. Анатолій сдѣлалъ докладъ „Объ уничтоженіи патріаршества въ Россіи".

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе: г.г. Лебедевъ, проф. А. И. Алмазовъ, ген.-м. П. М. Кардиналовскій, проф. Г. И. Перетятковичъ, о. А. М. Клишинъ, Н. Н. Родзевичъ и І. А. Микулинъ.

Слѣдующее засѣданіе состоялось 4 мая въ помѣщеніи Благороднаго собранія, подъ предсѣдательствомъ профессора А. И. Алмазова.

Членъ отдѣла И. В. Каменскій прочиталъ свой докладъ: *„Нѣсколько словъ объ отношеніи русскихъ людей къ современной дѣйствительности“*. Разсмотрѣвъ существующія группировки русскихъ людей, докладчикъ пришелъ къ выводу, что русское общество дѣлится въ настоящее время на слѣдующія партіи: реакціонную, національно-прогрессивную, конституціонную (западническую), умѣренно-республиканскую (сторонники буржуазной республики), соціалъ-демократическую и анархическую. Русское Собраніе должно, по мнѣнію докладчика, выяснить свое отношеніе къ этимъ партіямъ. Члены Русскаго Собранія скорѣе всего, по мнѣнію докладчика, являются націоналъ-прогрессистами, причемъ имъ приходится вести борьбу на два фронта—съ врагами царской власти и съ врагами возвѣщенныхъ царемъ преобразованій. Девизъ Русскаго Собранія—Православіе, Самодержавіе и Народность—требуетъ дополненія: надо сказать—*истинное* Православіе, *истинное* Самодержавіе и *истинная* Народность. Истинное православіе, по мнѣнію докладчика, вполнѣ согласуется съ вѣротерпимостью, истинное самодержавіе—съ представительствомъ въ видѣ земскаго собора съ совѣщательной ролью, истинная народность—съ уваженіемъ къ другимъ народностямъ. Высказываясь, такимъ образомъ, за земскій соборъ, докладчикъ полагаетъ, что Русскому Собранію слѣдуетъ выяснить свою точку зрѣнія на тѣ вопросы, которые будутъ предложены къ обсужденію на этомъ земскомъ соборѣ. Особенно подробно остановился докладчикъ на инородческомъ, въ частности на еврейскомъ вопросѣ.

А. И. Алмазовъ предложилъ присутствующимъ высказаться по поводу первой части доклада, исключивъ изъ преній вторую часть, касающуюся національнаго вопроса, такъ какъ въ этой части авторъ уклонился отъ поставленной имъ темы. По поводу первой части проф. Алмазовъ замѣтилъ, что политическія партіи у насъ еще не сформировались и поэтому говорить о нихъ является нѣсколько преждевременнымъ. Не слѣдуетъ также предрѣшать созваніе земскаго собора, а тѣмъ

болѣе тѣ вопросы, которые будутъ предложены на обсужденіе. Мы видимъ, что нѣкоторые вопросы уже разрѣшаются правительствомъ безъ участія выборныхъ, какъ напримѣръ, вопросъ о вѣротерпимости.

П. И. Смюсаревскій спрашиваетъ докладчика, какъ онъ смотритъ на конституцію, считаетъ ли онъ эту форму правленія болѣе совершенной, чѣмъ самодержавіе.

И. В. Каменскій заявляетъ, что онъ, какъ славянофилъ, стоитъ за самодержавіе при единеніи царя съ землею. Царь долженъ быть выше партій, а тяжущимися сторонами являются бюрократія и самоуправленіе.

Ф. Ф. Добронравовъ полагаетъ, что правильнѣе было бы говорить о состязаніи между бюрократіей государственной и земской. Нельзя говорить о тожествѣ земскихъ соборовъ XVII в. съ земскимъ соборомъ въ наше время при существованіи въ нашемъ государствѣ различныхъ національныхъ стремленій.

М. В Лебедевъ замѣтилъ, что референтъ говоритъ о политическихъ партіяхъ; но у насъ нѣтъ сложившихся и признанныхъ партій; есть лишь различныя убѣжденія, причемъ люди одинаковыхъ убѣжденій соединяются въ группы, но не партіи. Мы можемъ ставить вопросъ, какъ слѣдуетъ Русскому Собранію относиться къ тому или другому явленію, вопросу, а не къ партіи.

Н. Н. Родзевичъ указываетъ на то, что докладчикъ, употребляя постоянно выраженія—„прогрессъ", „регрессъ", „реакція" и т. п., недостаточно выяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ этими выраженіями, т. е, что вообще онъ называетъ движеніемъ *впередъ* и *назадъ*. Иногда весьма благодѣтельная реформа есть возвращеніе къ старинѣ. Самъ же докладчикъ упомянулъ о томъ, что освобожденіе крестьянъ можетъ быть разсматриваемо какъ огромный шагъ назадъ, т. е. какъ возвращеніе къ тому далекому прошлому, когда крестьяне были свободны. Въ министерство кн. Святополкъ-Мирскаго нѣкоторая часть нашей печати и общества говорила о возвращеніи къ политикѣ гр. Лорисъ-Меликова и желала завершенія того, что не успѣлъ исполнить гр. Лорисъ-Меликовъ. Это было бы возвращеніемъ назадъ за 25 лѣтъ, но врядъ ли эту часть печати можно назвать реакціонной.

Въ виду того, что назначенный на это же засѣданіе докладъ М. В. Лебедева посвященъ тому же вопросу, рѣшено отложить дальнѣйшія пренія до прочтенія означеннаго доклада. Докладъ же М. В. Лебедева за позднимъ временемъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія.

16 мая, въ помѣщеніи Благороднаго собранія состоялось второе Общее собраніе. Открывая собраніе, предсѣдатель сообщилъ присутствующимъ радостную вѣсть о томъ, что челобитная одесскаго отдѣла Русскаго Собранія доложена Государю Императору, причемъ Его Величество собственноручно начертать соизволилъ: „искренно всѣхъ благодарю". Отвѣтъ Государя былъ выслушанъ стоя и покрытъ дружными, долго не смолкавшими криками „ура". Затѣмъ была разсмотрѣна и утверждена составленная совѣтомъ смѣта на 1905 г. Согласно этой смѣтѣ запасный капиталъ равняется 1200 руб., расходныхъ средствъ предположено приблизительно 942 руб. 75 к., кромѣ пожертвованій на изданія. Изъ числа этихъ 942 руб. 75 коп. собраніе погасило сдѣланные уже совѣтомъ расходы по открытію и первоначальному обзаведенію въ размѣрѣ 332 р. 9 коп. Пожертвованія на изданія достигли 347 руб.

Приступлено къ избранію новыхъ членовъ. Избрано 23 лица.

19 мая въ помѣщеніи Благороднаго собранія состоялось общедоступное засѣданіе. Предсѣдательствовалъ, за отказомъ проф. Алмазова, членъ совѣта Н. Н. Родзевичъ. *М. В. Лебедевъ* прочиталъ свой докладъ „Разберемся" [1]). Выяснивъ понятіе о конституціи, подъ которой въ сущности разумѣется народоправство, докладчикъ отдаетъ преимущество самодержавному строю; у каждаго представителя есть свои личные интересы, которые онъ поневолѣ стремится ставить выше общихъ, между тѣмъ какъ интересы Государя совпадаютъ съ интересами всей страны. Далѣе докладчикъ нарисовалъ яркую картину того, во что превратился бы у насъ парламентъ или даже земскій соборъ съ совѣщательной ролью.

Докладчикъ былъ награжденъ шумными рукоплесканіями. Въ краткой прочувствованной рѣчи онъ благодарилъ за сочувствіе, высказавъ, что относитъ эти рукоплесканія не къ достоинствамъ своего доклада, а къ тѣмъ взглядамъ, которые онъ высказалъ. Такое единодушіе и единомысліе русскихъ людей кажется докладчику лучшимъ утѣшеніемъ въ переживаемые нашимъ отечествомъ тяжелые дни и залогомъ того, что Россія со славой выйдетъ изъ затрудненій.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе и студенты. Г. *Лященко* предложилъ вопросъ, не является ли нынѣшняя война дѣломъ нашихъ бюрократовъ,

[1]) См. Мирный Трудъ № 7.

которые вызвали столкновеніе, въ то время какъ Государь желалъ мира. Полк. *Есаулов* возразилъ, что если война для насъ пока несчастна, то это вина не бюрократіи, а интеллигенціи. Самая бюрократія наша изъ той интеллигенціи, которая уже съ 60 г.г. воспитывается въ чуждыхъ русскому народу началахъ; которая не проникнута ни любовью къ родинѣ, ни сознаніемъ ея интересовъ. Народъ нашъ думаетъ иначе, не падаетъ духомъ: въ то время какъ интеллигенція малодушно требуетъ прекращенія войны и уничтоженія нашего искоснаго строя, крестьянскіе адресы выражаютъ готовность стоять до конца за Царя-Батюшку, за вѣру и отечество. Ораторъ насчиталъ до 170 подобныхъ крестьянскихъ адресовъ, но это далеко не всѣ.

Горячая рѣчь полк. Есаулова награждена шумными рукоплесканіями.

Прочитанъ былъ П. И. Слюсаревскимъ присланный Совѣтомъ Русскаго Собранія докладъ: „Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ".

По поводу доклада, *И. В Каменским* высказано было, что положеніе въ Финляндіи есть результатъ ошибки, сдѣланной Александромъ I, даровавшимъ Финляндіи отдѣльное управленіе. Такимъ образомъ, и самодержавная власть можетъ ошибаться, но вина за эти ошибки падаетъ не на Государя, а на его совѣтниковъ, составляющихъ средостѣніе между царемъ и народомъ. Единая воля царя нуждается въ прюсвѣщеніи народнымъ умомъ. Русское Собраніе, являющееся выразителемъ славянофильскихъ взглядовъ, должно съ искреннимъ сочувствіемъ откликнуться на желаніе царя знать голосъ народа.

Б. А. Пеликан выразилъ, что наши славянофилы, подобно жирондистамъ, были идеалистами. Это въ большинствѣ случаевъ люди богатые, далекіе отъ жизни, отличавшіеся духовной чистотой, а потому теоретики. Ихъ совѣты не практичны. Представительство, это ловушка самодержавію. Не слѣдуетъ забывать, что и генеральные штаты 1789 г. должны были имѣть лишь совѣщательное значеніе, но скоро захватили въ свои руки всю власть. Царю не нужно представительство: теперь съ помощью телеграфовъ и телефоновъ онъ, если пожелаетъ, чуть не въ 24 часа можетъ непосредственно узнать подлинный голосъ своего народа. Высказавшись противъ представительства по существу, ораторъ подчеркнулъ, что теперь, во время войны, созваніе представителей особенно некстати. Вольтеръ, отрицательно относясь къ французскимъ порядкамъ, былъ тѣмъ не менѣе горячимъ патріотомъ: когда Франція вела

войну, онъ валялся въ ногахъ у Фридриха Вел., прося его заключить союзъ съ Франціей. Наши либералы не таковы: они хотятъ воспользоваться внѣшними затрудненіями, чтобы вынудить у правительства уступки.

Рѣчь Б. А. Пеликана вызвала шумныя рукоплесканія.

Полк. *Есауловъ* замѣтилъ, что ненормальное положеніе въ Финляндіи создалось оттого, что у престола были иноземные совѣтники. Царь—помазанникъ и ему не нужно совѣтниковъ, а тѣмъ болѣе иноземныхъ.

Н. Н. Родзевичъ, возражая г. Каменскому, указалъ на то, что нельзя всѣмъ славянофиламъ приписывать симпатіи къ земскому собору; этихъ увлеченій совсѣмъ не раздѣлялъ напр. Хомяковъ. Нельзя также говорить о созывѣ земскаго собора, какъ о вопросѣ уже рѣшенномъ; это только газетные толки. На самомъ дѣлѣ, Государь сказалъ лишь *о привлеченіи выборныхъ людей къ участію въ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній*, а о томъ, въ чемъ выразится это участіе еще ничего не извѣстно.

И. Е Вознесенскій замѣтилъ по поводу прочитаннаго доклада, что главнымъ недостаткомъ нашей окраинной политики является непослѣдовательность. Уступки, дѣлаемыя инородцамъ не только не удовлетворяютъ ихъ, а напротивъ поощряютъ выставлять все болѣе и болѣе широкія требованія.

Въ заключеніе предсѣдательствующій Н. Н. Родзевичъ сообщилъ присутствующимъ о томъ, что Совѣтъ Русскаго Собранія, выслушавъ въ засѣданіи Отдѣла докладъ П. Ф. Булацеля объ окраинахъ и не возражая противъ желательности сохраненія внутренняго самоуправленія Финляндіи, ея этнографическихъ, культурныхъ и иныхъ бытовыхъ особенностей, призналъ безусловно необходимымъ:

а) упроченіе духовно-нравственныхъ и матеріальныхъ узъ, связующихъ Финляндію съ Имперіей, путемъ неуклоннаго продолженія и укрѣпленія начатыхъ объединительныхъ преобразованій въ духѣ русской государственности;

б) упраздненіе всего того, что имѣетъ значеніе признаковъ государственной обособленности Финляндіи;

в) предоставленіе русскимъ людямъ въ Финляндіи полной равноправности съ мѣстными гражданами, и

г) уравненіе Финляндіи съ остальной Россіей въ несеніи всѣхъ общегосударственныхъ повинностей и тягостей.

Вполнѣ соглашаясь со всѣми этими требованіями, присутствующіе выразили желаніе, чтобы Совѣтъ Одесскаго Отдѣла высказалъ свое мнѣніе по вопросамъ, затронутымъ въ докладѣ.

На 29 мая назначено было общее собраніе, которое за неприбытіемъ законнаго числа членовъ не могло состояться. Признано возможнымъ только прочтеніе Н. Н. Родзевичемъ доклада о поѣздкѣ его въ Кишиневъ, такъ какъ докладъ этотъ не требовалъ обсужденія вопроса, а представлялъ собою лишь сообщеніе, подобное тѣмъ, которыя имѣютъ мѣсто въ общедоступныхъ или членскихъ засѣданіяхъ, гдѣ не является необходимымъ присутствіе опредѣленнаго числа членовъ.

Поѣздка докладчика въ Кишиневъ вызвана тѣмъ, что тамъ образовался среди рабочихъ патріотическій кружокъ, число членовъ котораго быстро возрастаетъ и достигло въ настоящее время 800 чел. Кружокъ ставитъ своей цѣлью противодѣйствіе революціонной пропагандѣ; узнавъ объ открытіи въ Одессѣ Отдѣла Русскаго Собранія, кружокъ, черезъ своего уполномоченнаго Іосифа Пассата вошелъ въ переписку сначала съ членомъ Совѣта ген.-м. П. М. Кардиналовскимъ, а затѣмъ съ докладчикомъ, завѣдующимъ „Отдѣломъ справокъ", прося снабжать кружокъ листками и брошюрами патріотическаго содержанія, а также обращаясь за совѣтомъ, какъ поступить, чтобы кружокъ получилъ надлежащее разрѣшеніе. Кружокъ возбудилъ противъ себя озлобленіе радикальной, или соціалъ-демократической партіи; кишеневское еврейское населеніе обратилось даже къ губернатору съ жалобой, что члены кружка будто-бы организуютъ еврейскій погромъ. Между тѣмъ, Іосифъ Пассатъ писалъ, напротивъ, что члены кружка всѣми силами стараются предотвратить погромъ. „Мы хорошо понимаемъ", писалъ онъ, „что всякіе безпорядки, какого бы характера они ни были, огорчаютъ Государя Императора и приносятъ вредъ родинѣ и русскому народу". Озлобленіе дошло до того, что члены кружка стали подвергаться нападеніямъ, въ одного изъ нихъ стрѣляли изъ револьвера и слегка ранили. Съ другой стороны и патріоты иногда, слыша возмутительныя рѣчи противъ Государя, пускали въ ходъ кулаки или же принимали участіе въ задержаніи участниковъ противоправительственныхъ манифестацій, имѣвшихъ мѣсто въ Кишиневѣ въ концѣ апрѣля. Тогда газета „Бессарабская Жизнь", а за нею одесскія еврействующія газеты предприняли цѣлый походъ противъ патріотическаго кружка, который называли не иначе какъ „черной сотней", „патріотствующими хулиганами" и т. п. наименованіями. Съ негодованіемъ разсказывалось о томъ, какъ „хулиганы" нападаютъ на мирныхъ обывателей, избиваютъ ихъ на глазахъ бездѣйствующей полиціи; сообщалось, будто бы жизнь въ Кишиневѣ стала опасною и обыватели боятся вы-

ходить на улицу. „Южное Обозрѣніе“ требовало строгихъ мѣръ и сенаторской ревизіи и настаивало на правѣ гражданъ вооружаться, въ виду нападенія „хулигановъ“. Въ кишиневской думѣ, во время засѣданія Общества врачей по вопросу о борьбѣ съ холерой, д-ръ Д—скій настаивалъ на необходимости требовать уничтоженія „черной сотни“. Съ другой стороны, докладчику приходилось слышать, что патріоты подвергаются нападеніямъ и что руководитель кружка Іосифъ Пассатъ боится даже за свою жизнь.

Желаніе на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и побудило докладчика лично предпринять поѣздку въ Кишиневъ. Остановившись у знакомаго студента В. (члена корпораціи—„Единеніе—сила“), докладчикъ пригласилъ туда Пассата и изъ разговоровъ съ нимъ, съ родственниками В. и съ другими кишиневцами убѣдился, что всѣ описанные въ газетахъ случаи нападенія патріотовъ на „мирныхъ обывателей“ или совершенно вымышлены, или искажены, или безъ всякаго основанія приписаны патріотамъ. Нѣкоторые случаи опровергнуты печатно самими яко-бы пострадавшими; въ другихъ случаяхъ „мирные обыватели“ оказывались революціонными агитаторами, пойманными на мѣстѣ преступленія, съ ворохомъ прокламацій, притомъ же всегда вооруженными огнестрѣльнымъ оружіемъ. Не только не поддаваясь вліянію революціонной пропаганды, но даже задерживая и передавая подстрекателей въ руки полиціи, а иногда избивая ихъ, патріоты значительно содѣйствовали порядку въ Кишиневѣ и сокращенію размѣровъ пропаганды, такъ какъ агитаторы перестали обращаться къ незнакомымъ людямъ, рискуя наткнуться на патріота. Владѣльцы трехъ чайныхъ трактировъ въ Кишиневѣ („Москва“, „Ардаганъ“ и „Кронштадтъ“), сочувствуя цѣлямъ патріотическаго кружка, совершенно закрыли двери своихъ заведеній для агитаторовъ, которые прежде за столиками легче всего вербовали себѣ сторонниковъ. На Пассата было нѣсколько нападеній и рабочіе устроили поэтому постоянную охрану у его дома; каждаго, входящаго во дворъ, останавливаютъ и обыскиваютъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли при немъ оружія. Иногда даже городовые, *смѣнившись съ поста, добровольно* приходятъ дежурить у дома Пассата: они признаются, что благодаря возникновенію патріотическаго кружка, могутъ спокойнѣе и увѣреннѣе стоять на посту. Тѣмъ болѣе страннымъ является поведеніе бессарабскаго губернатора, который, относясь съ непонятной снисходительностью къ агитаторамъ, въ то же время воздвигъ преслѣдованіе противъ кружка патріо-

товъ. Такъ революціонеръ Клейманъ, доставленный въ участокъ съ ворохомъ прокламацій и стрѣлявшій въ рабочихъ, которые его задерживали, приговоренъ лишь къ 15-дневному аресту, а патріоты, задержавшіе и при этомъ побившіе его приговорены къ 2-мѣсячному аресту. За избіеніе революціонера Тихомирова нѣсколько рабочихъ подвергнуто 3-мѣсячному аресту, при чемъ трое, по словамъ Пассата, даже не были при избіеніи, а арестованы, по указанію самого Тихомирова. Рабочій-революціонеръ, стрѣлявшій въ патріота Карнѣева и ранившій его, приговоренъ лишь къ 15-дневному аресту.

Въ заключеніе докладчикъ высказалъ мысль о необходимости оказать поддержку кишиневскому патріотическому кружку, а вмѣстѣ съ тѣмъ установить надъ нимъ наблюденіе со стороны Русскаго Собранія, чтобы такимъ образомъ предохранить членовъ отъ излишнихъ увлеченій или отъ новыхъ гаиоповъ, которые иначе сумѣютъ втереться въ кружокъ и дать ему совершенно другое, нежелательное направленіе.

Членъ Отдѣла *Б. А. Пеликанъ*, указалъ на то, что въ докладѣ Н. Н. Родзевича обращаютъ на себя вниманіе два характерныя для нашего времени явленія. Первое заключается въ томъ, что наши революціонеры сами боятся того народа, за интересы котораго они будто-бы борются. Ни въ одной странѣ нельзя было найти демагога, который бы обращался къ правительству, съ просьбой защитить его отъ народа. Это ясно показываетъ, что революція въ Россіи совершенно не имѣетъ корней въ народѣ. Другой характерной чертой нашей эпохи является существованіе у насъ администраторовъ, которые изъ стремленія къ популярности сами же сѣютъ смуту.

Въ заключеніе Б. А. Пеликанъ заявилъ, что вполнѣ присоединяется къ мнѣнію докладчика, что Русскому Собранію слѣдуетъ поддерживать организаціи, подобныя патріотическому кружку.

По окончаніи доклада въ домовой церкви семинаріи отслужена была, по желанію присутствующихъ, панихида по русскимъ морякамъ, павшимъ въ цусимскомъ бою.

6-го іюля состоялось общее собраніе. Здѣсь, между прочимъ, обсуждали вопросъ объ изданіи газеты, которая бы служила органомъ Одесскаго Отдѣла Русскаго Собранія. Признавая вполнѣ желательнымъ изданіе подобной газеты и не имѣя пока возможности, за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ о стоимости изданія газеты и о средствахъ на это предпріятіе, прійти къ какому-нибудь положительному рѣшенію на

этотъ счетъ, собраніе постановило поручить Совѣту войти съ надлежащимъ ходатайствомъ объ измѣненіи или уничтоженіи примѣчанія 2 къ ст. 3 устава „Русскаго Собранія", въ силу коего повременныя изданія могутъ быть выпускаемы Русскимъ Собраніемъ только для своихъ членовъ.

Собраніе признало весьма желательнымъ устройство публичныхъ чтеній для солдатъ и народа. Избрана коммиссія изъ 10 лицъ, которой поручено разработать этотъ вопросъ, озаботиться пріисканіемъ помѣщеній, гдѣ бы могли устраиваться подобныя чтенія и намѣтить приблизительную программу чтеній. Избрано 15 новыхъ членовъ.

Книги, поступившія въ редакцію журнала „Мирный Трудъ" по 20 августа 1905 года.

Д. Х. Самодержавіе (Опытъ схематическаго построенія этого понятія. Приложеніе къ сочиненіямъ А. С. Хомякова. Римъ 1899 г.) Изданіе второе. Москва 1905 г.

Изданія Одесскаго Отдѣла Русскаго Собранія: „На сельскомъ сходѣ," „Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить," „Въ казармѣ". Для безплатной раздачи народу. Одесса 1905.

Пановъ А. А. „Что такое Сахалинъ и нуженъ ли онъ намъ? Петербургъ 1905. Безплатно.

Пастырская бесѣда преосвященнѣйшаго Стефана, Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго, съ о.о. депутатами Могилевской епархіи. Могилевъ 1905.

Плясонъ А. Современные вопросы. Москва 1905.

Попсвъ Анатолій Воспоминанія о Саровѣ. М. 1905.

Старобѣльскій М. Къ характеристикѣ современныхъ дѣятелей: кн. С. Н. Трубецкой. Почаевъ. 1905.

Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской духовной Академіи В. I 1904. В. II 1905. Кіевъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Одновременно съ Манифестомъ отъ 6-го августа были утверждены Положенія о Государственной Думѣ и о выборахъ въ Думу. При помощи этихъ документовъ первостепенной важности можно уяснить себѣ истинный характеръ и значеніе новаго учрежденія, дать ему посильную оцѣнку и указать на ожидающее его будущее.

Прежде всего, бросается въ глаза полное отсутствіе связи Думы съ главнымъ устоемъ Россійской Державы—Православной Вѣрой: отъ выборныхъ, принадлежащихъ къ числу ея сыновъ, все равно, какъ отъ инославныхъ и иновѣрцевъ, требуется не присяга на Крестѣ и Евангеліи, а „торжественное обѣщаніе предъ Всемогущимъ Богомъ", „удостовѣренное своеручной подписью". Слѣдовательно, послѣ указа о вѣротерпимости, дѣлается новый еще болѣе рѣшительный шагъ къ окончательному превращенію Россіи изъ государства христіанскаго въ „лишенное исповѣданія" (confessionslos) по западно-европейскому образцу. Нигдѣ и ни въ чемъ православнымъ не отдается ни малѣйшаго преимущества; духовенство, бывшее встарь столь существенной частью Земскихъ Соборовъ, нынѣ имѣетъ голосъ лишь въ качествѣ землевладѣльцевъ, домовладѣльцевъ и „уполномоченныхъ отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковной землею" (ст. 12).

Столь же круто разрываетъ связь съ прошлымъ и отношеніе Положенія къ русской народности: отъ членовъ Думы требуется лишь знаніе русскаго языка, который, слѣдовательно, остается государственнымъ; но ни одно постановленіе не обнаруживаетъ ни почтенія о закрѣпленіи за создателемъ русской державы, русскимъ народомъ, преобладающаго положенія. Въ силу этой особенности отнынѣ Россія перестаетъ быть государствомъ національнымъ, такъ какъ по своей „политической подготовкѣ" и въ особенности по „богатству" русскіе не могутъ сохранить за собой положеніе господствующей народности.

Что же касается до третьяго устоя нашей исторической и государственной жизни—Самодержавія, то объ его сохраненіи замѣтны нарочитыя попеченія: такъ уже Высочайшій Манифестъ говоритъ о „сохраненіи неприкосновеннымъ основного закона Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти", а торжественное обѣщаніе вмѣняетъ прежде всего въ сугубую обязанность членовъ Государственной Думы „храненіе вѣрности Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому", а затѣмъ уже „памятованіе лишь о благѣ и пользѣ Россіи". Вступленіе въ Думу обусловлено принесеніемъ этого обѣщанія (ст. 13), что преграждаетъ доступъ въ нее всѣмъ искреннимъ противникамъ Самодержавія. Наконецъ, законосовѣщательный характеръ Думы подчеркивается Манифестомъ и все „Положеніе" явственно показываетъ, что образъ правленія у насъ остается формально неограниченнымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Дума приближаетъ насъ къ водворенію „истиннаго Самодержавія", ибо Власть, устранившая свою прежнюю связь съ Народностью и Православіемъ, приложилась, наоборотъ, къ западно-европейскому абсолютизму. Этого мало: въ „Положеніи" явственно замѣчается уклонъ въ сторону парламентаризма, а, слѣдовательно и отступленіе отъ завѣтовъ неограниченной монархіи: въ лицѣ неутверждаемаго *никѣмъ* выборнаго Предсѣдателя Думы создается власть, облеченная весьма крупными полномочіями, которыми легко и злоупотреблять. Сплотившееся большинство, выставившее зависящаго *только отъ него* вожака, который черезъ годъ можетъ быть наказанъ неизбраніемъ, нельзя признать выразителемъ народнаго мнѣнія въ необходимой полнотѣ. Такимъ образомъ, Дума вовсе не обезпечиваетъ желанную „свободу мнѣнія", а представленіе Императору только проэктовъ, одобренныхъ $^2/_3$ голосовъ (ст. 48 и 49) сковываетъ и необходимую „свободу рѣшенія". Заключеніе Думы можетъ не соотвѣтствовать интересамъ многомилліоннаго люда, лишеннаго голоса; а случайно оставшіеся въ меньшинствѣ не могутъ даже представить „особаго мнѣнія", хотя и на Западѣ уже борятся именно за „права меньшинства". Благо русское требуетъ устраненія подобнаго ограниченія, противнаго завѣтамъ родной старины, не видѣвшей въ механическомъ подсчетѣ голосовъ путь къ правдѣ. Нельзя не отмѣтить и другого несоотвѣтствія „Положенія" съ правильнымъ пониманіемъ природы Самодержавія: ст. 3 устанавливая, и безъ того понятную въ самодержавномъ государствѣ, возможность распущенія Думы Государемъ до истеченія пяти-

лѣтняго срока, подчеркиваетъ, что тѣмъ же самымъ Указомъ назначаются новые выборы въ Думу. Здѣсь явственно сквозитъ желаніе сдѣлать существованіе Думы вѣчнымъ, лишивъ Власть права упразднить ее за выяснившейся непригодностью и неработоспособностью; земскіе соборы, поддерживавшіе дѣйствительное единеніе Царя и народа, не ставили Самодержцу такого обязательнаго указанія.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что устанавливаемое Манифестомъ „единеніе Царя съ народомъ“ не таково, какимъ оно было встарь, а потому едва ли можетъ лечь въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

Этотъ выводъ можно подтвердить и другими особенностями Положенія о Государственной Думѣ. Такъ, оно мѣриломъ доступа въ Думу выдвигаетъ имущественное начало, какъ будто достойными людьми, довѣріемъ общественнымъ облеченными, могутъ быть только обладающіе извѣстнымъ, очень высокимъ цензомъ. Стало быть, не личныя высокія качества, не разносторонніе познанія, не дарованія истиннаго мужа совѣта и разума, а извѣстная степень зажиточности обусловливаетъ право участвовать въ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ. Вотъ почему можно сказать, что Россія изъ государства христіанскаго и національнаго превращается въ плутократическое и становится на совершенно ложный путь, повторяя ошибку римскихъ императоровъ и ихъ подражателей: Кесари выбрали себѣ опорой крупныхъ собственниковъ, отдавъ имъ въ подчиненіе средніе классы и рабочій людъ, и тѣмъ самымъ на собственной груди отогрѣли тѣхъ, кто привелъ къ разложенію единой имперіи и раздѣленію властныхъ полномочій единаго Властелина между множествомъ мелкихъ владѣтелей. Опытъ той-же Западной Европы показываетъ, что именно мелкое дворянство, крестьянство, среднее купечество всегда смотрѣли на Государя какъ на защитника отъ рабства капиталу, все равно земельному или денежному. Вѣдь даже великое крестьянское и дворянское возстаніе въ Германіи искали въ императорѣ стоятеля за попранные князьями правду и внутренній миръ. Равнымъ образомъ наблюденіе надъ современной жизнью Россіи показываетъ, что обладатели того же ценза отдали мѣстныя самоуправленія въ руки, почти повсемѣстно, сторонниковъ конституціоннаго уклада И это вполнѣ понятно, труженники не имѣютъ досуга и потребности властвовать, тогда какъ обезпеченные въ имущественномъ отношеніи имѣютъ слишкомъ много свободнаго времени и явственно хотятъ играть у насъ такую же роль, какую имъ предостав-

ляетъ въ другихъ странахъ парламентаризмъ, являющійся не народоправствомъ, а орудіемъ для господства плутократіи. Правда, Положеніе дѣлаетъ попытку отвести нашему крестьянству извѣстное количество мѣстъ въ Думѣ, хотя и не соотвѣтствующее численному его преобладанію надъ другими сословіями, ибо статья 49 гласитъ: „въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ *изъ своей среды* одного члена Государственной Думы". Стало быть, крестьянство обезпечено по крайней мѣрѣ однимъ членомъ отъ губерніи. Но по статьѣ 17, „въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости". Значитъ, не всѣ крестьяне оказываются выборщиками, а только члены волостныхъ сходовъ, т. е. болѣе зажиточный людъ, не всегда радѣющій объ интересахъ многочисленной крестьянской бѣдноты, которая, такимъ образомъ, лишена голоса, подобно всему рабочему классу. Конечно, возможно, теоретически, что сходъ облечетъ своимъ довѣріемъ и какого-либо ходока изъ бѣдняковъ и рабочаго, принадлежащаго къ какому-либо изъ сельскихъ обществъ данной волости, но гораздо вѣроятнѣе, что выбраннымъ окажется какой-либо богатѣй, кулакъ, ибо иные крестьяне, не выходя изъ обществъ, обладаютъ значительнымъ количествомъ земли и большимъ вліяніемъ на односельчанъ. Въ виду этого обстоятельства можно ждать появленія такихъ выборныхъ отъ крестьянъ, интересы коихъ будутъ прямо противоположны крестьянскимъ. Нужно также принять во вниманіе неподготовленность сельскаго населенія къ политической жизни, отсутствіе въ немъ навыка и умѣнья разбираться въ предоставляемыхъ ему закономъ средствахъ къ отстаиванію своихъ пользъ, продолжительную опеку, загасившую стойкость и самостоятельность, невѣжество, открывающее широкій просторъ всякимъ, по преимуществу вреднымъ, вліяніямъ, и тогда едва ли будетъ возможно возлагать какія-либо особыя надежды на крестьянскихъ избранниковъ. Вдобавокъ, очутившись въ совершенно непривычной обстановкѣ, эти самые избранники будутъ себя едва ли чувствовать лучше, чѣмъ въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ льются мало понятныя рѣчи и приходится голосовать по вопросамъ, требующимъ и знанія, и развитія и способности уловить отношеніе даннаго рѣшенія къ общимъ нуждамъ своихъ избирателей.

Едва ли оправдаются разсчеты и составителей Положенія на предоставленіе крестьянскимъ выборнымъ голоса въ губернскомъ общемъ избирательномъ собраніи. Для рѣшающей роли нужна сплоченность всѣхъ крестьянскихъ выборщиковъ, знаніе ими кандидатовъ и сознательное предпочтеніе кого-либо изъ нихъ. При наличности этихъ данныхъ крестьяне могутъ оказаться вершителями исхода голосованій во многихъ мѣстахъ, но они слишкомъ мало освѣдомлены о положеніи дѣлъ за предѣлами родной волости, чтобъ знать всѣхъ выборщиковъ отъ губерніи. Поэтому крестьянскіе голоса безъ посторонняго, конечно нежелательнаго, вліянія разобьются, а, можетъ быть, дадутъ перевѣсъ какому-либо ловкачу, который плѣнитъ ихъ широковѣщательными посулами и обѣщаніями „чернаго передѣла“. Но при единодушіи крестьянскіе выборные оказываются рѣшающей силой, такъ какъ едва ли можно разсчитывать, что мѣстные землевладѣльцы, промышленники и торговцы будутъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ, въ виду различія ихъ классовыхъ интересовъ и того страшнаго духовнаго разлада, который охватилъ всѣ слои русскаго общества.

Имѣя это въ виду, статья 52 говоритъ о дополнительныхъ выборахъ, если избирательное собраніе не дастъ указаннаго въ особой росписи числа членовъ Государственной Думы для данной губерніи, города или области. Если эти дополнительные выборы не завершатся успѣхомъ, то назначаются на третій день окончательные, причемъ избранными считаются получившіе относительное большинство. Другими словами, небольшая, но сплоченная группа можетъ провести своего ставленника, такъ, напр., въ любомъ губернскомъ собраніи можетъ пройти, человѣкъ, располагающій, скажемъ, 20 голосами, если остальные распадутся между другими кандидатами, получающими 19 и менѣе избирательныхъ. Довольно мудрено усмотрѣть въ такомъ избранникѣ лицо, признанное достойнымъ и облеченное довѣріемъ въ качествѣ выборнаго наприм. отъ Харьковской губерніи съ почти трехмилліоннымъ населеніемъ! Впрочемъ, количеству населенія не придается Положеніемъ почти никакого значенія, что явственно обнаруживается и на предоставленіи одинаковаго числа членовъ Думы городамъ и губерніямъ съ весьма рѣзкими колебаніями по числу жителей. Вообще нѣтъ никакой возможности открыть, почему данная губернія должна поставить то или иное количество выборщиковъ или членовъ Думы; въ иныхъ случаяхъ число послѣднихъ даже менѣе числа уѣздовъ въ губерніи. Итакъ, Положеніе распредѣляетъ далеко не равномѣрно право населенія избрать лицъ,

облеченныхъ его дѣйствительнымъ довѣріемъ. Вотъ почему „росписаніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ", равно какъ „росписаніе числа губернскихъ выборщиковъ" требуетъ коренного пересмотра и составленія по всѣмъ извѣстнымъ, а потому и доступнымъ всеобщей оцѣнкѣ, основаніямъ, но не по бюрократическому усмотрѣнію, прикрытому завѣсой канцелярской тайны. Этотъ пересмотръ неизбѣженъ и вполнѣ допустимъ, ибо Высочайшій Манифестъ не смотритъ на „Положеніе", какъ на нѣчто, стоящее выше всякой критики и не нуждающееся ни въ какихъ улучшеніяхъ: заботясь о сохраненіи основныхъ законовъ Имперіи, Государь только сохранилъ *„всецѣло* за Собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы" и обѣщаетъ „дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія, когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному".

Правда, и Государственной Думѣ предоставляется (ст. 34) право возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, но предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными. Нѣкоторыми органами поднятъ вопросъ, слѣдуетъ ли Положеніе о Государственной Думѣ признать такимъ основнымъ закономъ, объ отмѣнѣ или измѣненіи котораго не имѣютъ права ходатайствовать ея члены? Сопоставленіе съ Высочайшимъ Манифестомъ заставляетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ „усовершенствованіе" и „измѣненіе" оставлены *всецѣло* за Самодержавной Властью и, стало быть, надежды, высказываемыя въ печати, что первое же засѣданіе Думы должно поднять вопросъ объ ея преобразованіи, необходимо признать лишенными закономѣрной почвы.

Несомнѣнно, что выразительныя слова Манифеста предусмотрительно пресѣкаютъ всякую попытку Думы превратиться въ Учредительное Собраніе, сообразно вожделѣніямъ поборниковъ революціоннаго движенія. Та же предусмотрительность замѣчается въ мѣропріятіяхъ, выработанныхъ на тотъ случай, когда въ стѣнахъ Думы появятся попытки произвести обструкцію: „когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если же Дума не сообщаетъ къ назначенному сроку своего заключенія, то совѣтъ разсма-

тривает дѣло безъ заключенія Думы" (ст. 53). Равнымъ образомъ, принята во вниманіе и возможная, на основаніи наблюденій надъ дѣятельностью нашихъ университетскихъ совѣтовъ, земскихъ собраній и городскихъ думъ, проволочка дѣлъ отъ неприбытія положеннаго (1/3) числа членовъ, что вызываетъ объявленіе засѣданія Думы не состоявшимся. Въ такихъ случаяхъ, по 52 статьѣ, подлежащее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію *не позже* двухъ, послѣ несостоявшагося засѣданія, недѣль Если же разсмотрѣніе въ теченіе этого срока не послѣдуетъ или засѣданіе не состоится за неприбытіемъ членовъ, то Министру предоставляется право внести дѣло въ Государственный Совѣтъ безъ заключенія Думы

Указанные способы борьбы съ обструкціей и небрежнымъ отношеніемъ къ обязанностямъ со стороны гг. членовъ Думы явственно показываютъ, что на гг. „достойнѣйшихъ представителей" Законодатель смотритъ сквозь трезвые очки безпристрастнаго наблюденія воюющихъ недочетовъ парламентаризма и самоуправленія, предоставленнаго мало къ нему склонной средѣ. Имѣя это въ виду, для уменьшенія случайности выборовъ и послѣдствій избирательной горячки, Положеніе вводитъ многостепенность выборовъ и допускаетъ передачу правъ на голосъ лишь сыновьямъ и мужьямъ женщинъ обладающихъ цензомъ. Повидимому и хорошо извѣстныя стороны парламентскихъ преній, во время которыхъ иные депутаты говорятъ зажигательныя рѣчи, также учитываются Положеніемъ, такъ какъ по 44 статьѣ допускаются къ оглашенію въ печати лишь отчеты о засѣданіяхъ Думы, составленные присяжными стенографами и одобренные предсѣдателемъ Думы. Однако 42 статья предоставляетъ тому же предсѣдателю право разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго Собранія Думы представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія. Ясно, что подобное преимущество оказывается представителямъ печати для того, чтобъ они имѣли возможность знакомить публику со своими впечатлѣніями и отчетами о слышанномъ. Подлежатъ ли эти отчеты контролю предсѣдателя? Отвѣтъ не ясенъ для русскихъ представителей печати, если она останется подъ цензурой, и отрицательный для зарубежныхъ корреспондентовъ, которые, получивъ доступъ, будутъ мѣшать правду съ небылицами, ибо никакой цензурѣ не подлежатъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы всѣхъ представителей печати поставить въ одинаковое и отвѣтственное положеніе, оставивъ за оффиціальными отчетами, провѣряемыми предсѣдателемъ, такъ сказать исправляющее значеніе и ха-

рактеръ документальныхъ историческихъ свѣдѣній. Закрытію же доступа (ст. 41) въ засѣданія Думы и Отдѣловъ для всѣхъ посторонніхъ лицъ можно только порадоваться въ виду крайней невоспитанности нашей широкой публики, отсутствію въ ней надлежащаго такта и сдержанности, доказанному ея поведеніемъ на тысячахъ засѣданій, превращенныхъ ею въ какія то дикія сборища и противоправительственныя скопища. Нельзя не упомянуть, что страшная тирапія толпы помѣшала плодотворной дѣятельности Національнаго Собранія въ эпоху французской революціи и сдѣлала его жертвой кучки крайнихъ революціонеровъ, поддерживаемыхъ улицей. Неотвѣтственность членовъ Думы передъ избирателями, которымъ они не обязаны давать отчетъ (ст. 14), также ведетъ къ уменьшенію поводовъ вторженія толпы въ рѣшеніе государственныхъ вопросовъ, но и несомнѣнно уменьшаетъ благую связь съ Землей и можетъ дать званіе члена на цѣлыхъ пять лѣтъ лицемѣру, обманувшему довѣріе своихъ избирателей. Освобождая отъ отчетовъ членовъ Думы, Положеніе зато позволяетъ имъ исполнять свои обязанности по собственному „крайнему разумѣнію и силамъ“, а не по указкамъ со стороны, и предоставляетъ имъ полную свободу сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы (ст. 14), хотя, конечно, предсѣдателю вмѣняется въ обязанность (ст. 39) останавливать членовъ Думы, если они уклоняются отъ соблюденія порядка и уваженія къ закону. Мало того, возможно удаленіе члена Думы изъ засѣданія или устраненіе его на опредѣленный срокъ лишь отъ участія въ засѣданіяхъ Думы, но эти кары осуществляются по постановленію собранія (ст. 40). Если же членъ Думы не ограничится словеснымъ нарушеніемъ закона, но совершитъ преступныя дѣянія при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на немъ по сему званію, то подлежитъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для членовъ государственнаго совѣта, нарушившихъ долгъ службы (ст. 20).

Несомнѣнно это создастъ для членовъ Думы очень привиллегированное положеніе, соотвѣтствующее важности возлагаемыхъ на нихъ закономъ обязанностей, такъ какъ имъ предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, а равнымъ образомъ ихъ вѣдѣнію подлежатъ всякія дѣла, вносимыя особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ на усмотрѣніе Думы (ст. 33).

Правда, Дума является лишь помощницей Государственнаго Совѣта, но избираемый ею предсѣдатель всеподданѣйше повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы (ст. 10), слѣдовательно приравнивается къ министру. Заключенія, принятыя большинствомъ Думы вносятся въ государственный совѣтъ (ст. 48), тогда какъ законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ $^2/_3$ Думы и Совѣта возвращаются министру (ст. 49). Для устраненія разногласій между Думой и Совѣтомъ избирается особая коммиссія изъ членовъ обоихъ учрежденій, но перевѣсъ все таки оставленъ за Государственнымъ Совѣтомъ, какъ болѣе опытнымъ учрежденіемъ (ст. 50—51).

Всѣ эти великія права и полномочія выпадаютъ на долю выборнымъ лишь отъ имущественно обезпеченной части населенія, такъ какъ предоставленіе избирательныхъ правъ нанимателямъ дорогихъ квартиръ открываетъ доступъ въ Думу представителямъ и денежнаго капитала, въ дополненіе къ представителямъ промышленности и землевладѣнія Даже положенное вознагражденіе мало мѣняетъ дѣло: крестьянина хорошо обезпечиваетъ 10 руб. суточнаго вознагражденія (ст 23), но средній купецъ, землевладѣлецъ, промышленникъ не соблазнится этимъ вознагражденіемъ, ибо отлучка причинитъ кормящему его и семью дѣлу непоправимый вредъ. Устраненіе же всѣхъ получающихъ вознагражденіе за государственную службу отъ участія въ Думѣ оставляетъ въ ней лишь двѣ силы—капиталистовъ разнаго рода, несомнѣнно хорошо знающихъ, чего они хотятъ, и крестьянъ, стремящихся къ земельному обезпеченію и едва-ли способныхъ бороться за вѣковые устои Россіи. Въ виду неясности отношеній [1]) Думы къ министрамъ, которые легко могутъ занять неприступное положеніе, это рѣзкое различіе между интересами и уровнемъ развитія двухъ главныхъ составныхъ частей Думы можетъ привести къ укрѣпленію министерской бюрократіи, въ особенности если будетъ установленъ кабинетъ министровъ, согласно дѣйствующій и дружно поддерживающій предложенія различныхъ вѣдомствъ: передъ искусившимися государственными людьми едва-ли окажутся способными устоять мало освѣдомленные члены Думы. Если же въ ней возобладаетъ

[1]) Съ одной стороны Дума имѣетъ право дѣлать запросы министрамъ, а съ другой министры могутъ давать на нихъ отвѣты не лично, а чрезъ должностныхъ лицъ, или уполномачиваемыхъ (ст. 24). Конечно, возможны очень значительныя проволочки и своеобразная обструкція со стороны бюрократіи.

революціонное настроеніе, то новое учрежденіе окажется очагомъ борьбы съ Правительствомъ.

Слѣдовательно, страшныя затраты, принимая во вниманіе расходы по организаціи выборовъ, потерю времени выборщиками, стоимость содержанія Думы и ея канцеляріи, едва-ли окупятся той пользой, которую она можетъ принести странѣ въ теперешнемъ своемъ видѣ. Свободная, но отвѣтственная печать и свѣдущіе люди скорѣе указали бы дѣйствительныя народныя нужды и нашли бы средства для удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей нашей жизни, сдѣлавъ это въ большемъ согласіи съ завѣтами родной старины, чѣмъ законосовѣщательное учрежденіе такого состава и такого характера. Ни одно изъ современныхъ общественныхъ теченій въ Россіи не можетъ найти въ Думѣ полное удовлетвореніе своихъ завѣтныхъ стремленій: поборники безусловнаго преобладанія бюрократическихъ идеаловъ недовольны выборнымъ учрежденіемъ, получившимъ право не только обсуждать мѣропріятія, вырацываемыя въ глухой тиши петербургскихъ канцелярій, но и вносить собственныя предложенія, едва не обѣщающія безмятежный покой нашимъ сановникамъ; сторонники конституціоннаго уклада не способны помириться съ только законосовѣщательнымъ голосомъ, предоставленнымъ „народнымъ представителямъ“, и желаютъ скорѣйшаго превращенія Думы въ парламентъ. Крайніе радикальные круги негодуютъ по поводу крушенія требованій всеобщаго и прямого голосованія и мечтаютъ по прежнему о введеніи демократической республики, если не о насажденіи соціалистическаго рая; желавшіе возврата къ родной старинѣ видятъ въ Думѣ платье не по русскому богатырскому плечу, плохо скроенное изъ кусковъ привозныхъ матерій и бѣлыми нитками сшитое съ уцѣлѣвшими остатками прежняго кафтана, уже давно перекроеннаго бюрократіей на западно европейскій ладъ. Не имѣя же корней въ обществѣ, Дума не можетъ оказаться жизнеспособной, а потому не внесетъ успокоенія, но сдѣлается неминуемо разсадникомъ борьбы противъ бюрократіи, противъ несправедливаго предпочтенія внѣшняго признака опредѣляемаго то по имущественному то по податному цензу— болѣе глубокому, внутреннему— личнымъ духовнымъ качествамъ, стяжавшимъ истинное довѣріе общественное, противъ преобладанія плутократическаго средостѣнія надъ національными русскими идеалами, требующими свободнаго единенія Царя по старинѣ со всей русской землей.

12 августа. *А. Взгигинъ.*

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Принявъ главное начальство надъ русскими войсками послѣ тяжелыхъ мукденскихъ дней, генералъ Линевичъ желѣзной рукой остановилъ дальнѣйшее движеніе японцевъ и у мощнаго созданнаго имъ заслона остановился бѣшеный напоръ вражескихъ волнъ. Лишь изрѣдка ихъ слабые всплески показывали, что ихъ сила истощилась отъ дальности разстоянія и неодолимости заградившей путь преграды. Правительство микадо поняло, что благоразуміе настоятельно требуетъ, чтобы Нипponъ ограничился достигнутыми успѣхами и не довѣрялъ будущему, сулившему яростный приливъ откатившейся назадъ русской стихіи: надо использовать выгоды своего положенія, занятаго съ такими страшными жертвами и, предоставивъ разнымъ союзамъ и повременной печати—требовать журавля въ небѣ, удержать въ своихъ рукахъ пойманную синицу. Истощенная сдѣланнымъ усиліемъ, истратившая всѣ запасныя и занятыя на тяжкихъ условіяхъ деньги, Японія обратилась къ своимъ союзникамъ Америкѣ и Англіи съ просьбой избавить ее отъ неминуемаго удара, подготовленнаго собравшимся съ силами послѣ внезапно-коварнаго нападенія, русскимъ медвѣдемъ, мало-по малу заносящимъ свою могучую лапу надъ головой юркаго, но уже усталаго и раненаго противника. „Человѣколюбіе", спрятанное въ дальній уголъ склада „международныхъ" жупеловъ, на время измѣнническаго избіенія русскихъ въ нейтральномъ порту, и другихъ правонарушеній, обусловившихъ японскіе успѣхи, теперь немедленно вынуто изъ чехла гуманнѣйшимъ ловкачемъ—президентомъ С.-Американскихъ штатовъ, который обратился къ виновнику гаагской конференціи съ предложеніемъ ознакомиться съ японскими условіями, на коихъ можно устроить ко благу всего человѣчества, „страдающаго отъ ужасовъ войны",

[1] См. Мирный Трудъ 1904 г. № 2—10, 1905 г. № 1—6.

почетный для обоихъ противниковъ миръ. Всякому было ясно, что если даже Японія удержитъ за собой области, занятыя ею во время военныхъ дѣйствій, то она получитъ гораздо больше, чѣмъ желала до ихъ начала, и станетъ твердой ногой на материкѣ Азіи, выполнивъ свою завѣтную, тысячелѣтнюю мечту. Почетъ же для Россіи будетъ состоять въ томъ, что она, цѣною сотенъ милліоновъ рублей и многихъ десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней, освободится отъ города „Линяго", „убыточной" восточно-китайской желѣзной дороги и постояннаго доступа къ берегамъ Тихаго океана.. Но этого показалось мало нашимъ международнымъ доброжелателямъ: для большей славы россійской державы они рѣшили наградить прекрасныхъ выполнителей ихъ предначертаній милліардами рублей изъ русскаго кармана и украсить вѣнецъ микадо драгоцѣнной жемчужиной, вынутой изъ короны державной Россіи. Съ этой цѣлью, во время, вѣроятно, невольнаго затишья на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій японцы стараются стащить все, что плохо лежитъ на нашихъ далекихъ и безащитныхъ побережьяхъ Великаго океана И вотъ газеты сообщаютъ о высадкахъ въ заливахъ де Кастри и св. Ольги, на Камчаткѣ и Сахалинѣ. Этотъ богатый, но совершенно заброшенный нами островъ долженъ былъ вознаградить своими сокровищами всѣхъ капиталистовъ, давшихъ деньги въ займы Японіи. 24-го іюня японцы занимаютъ Корсаковскій постъ на Сахалинѣ послѣ ничтожнаго сопротивленія; наши незначительныя силы отошли внутрь острова, но были настигнуты непріятелемъ и послѣ двухдневнаго боя у деревни Владимировки были вынуждены отступить (28 іюня) къ селенію Маука, гдѣ 2 іюля были окончательно раздавлены превосходными силами врага; пол. Алексинскій, 13 офицеровъ, 367 солдатъ, нѣсколько орудій и пулеметовъ попали въ руки побѣдителей; остатки русскихъ разсѣялись по дебрямъ и командующій нашими войсками, генер. Лянуновъ „изъ человѣколюбія" прекратилъ дальнѣйшее уже „безполезное" сопротивленіе. Небольшіе отряды солдатъ и каторжниковъ продолжаютъ еще держаться, но всѣ важнѣйшія поселенія острова заняты въ настоящее время японцами и неудивительно: ихъ 15 тысячный корпусъ изъ войскъ трехъ родовъ оружія боролся съ разрозненными 5 тысячами русскихъ, вовсе неимѣвшихъ конницы и располагавшихъ ничтожной артиллеріей. Судейскій генералъ Лянуновъ не обнаружилъ и тѣни военныхъ дарованій и не сумѣлъ причинить врагу сколько нибудь значительный ущербъ. Доставшуюся легкую добычу японцы поспѣшили

закрѣпить за собой, переименовавъ Сахалинъ въ Карофуто, назначивъ гражданское управленіе, приступивъ къ проведенію желѣзныхъ дорогъ. Итакъ врагъ сталъ твердой ногой на русской территоріи и не замедлилъ использовать это обстоятельство во время выясненія условій заключенія мира.

Японцы приступили къ предварительнымъ переговорамъ какъ торгаши, рѣшивъ запрашивать побольше, чтобъ имѣть возможность показать міру свою уступчивость и заставить русскихъ проявить ее въ свою очередь. Къ несчастію, русскимъ уполномоченнымъ выступилъ г. Витте, лишенный политической проницательности и страдающій явнымъ самомнѣніемъ. Съ первыхъ же шаговъ онъ во всеуслышаніе объявилъ себя сторонникомъ мира, а слѣдовательно готовымъ на уступки японскимъ требованіямъ. Теперь дипломатамъ микадо надо было получше использовать этотъ крупнѣйшій промахъ, совершенно извратившій характеръ открываемыхъ переговоровъ: сначала предполагалось, что обѣ стороны ознакомятся лишь съ условіями, на которыхъ каждая считаетъ возможнымъ прекратить кровопролитіе. Если японскія требованія оказались бы несоотвѣтствующими достоинству и жизненнымъ интересамъ Россіи, то, очевидно, надо было *не торговаться, а воевать*: всякому ясно, что это продолженіе войны вытекало бы изъ высокомѣрныхъ условій, продиктованныхъ возмнившими себя „побѣдителями", одержавшими лишь рядъ частныхъ успѣховъ, но очень далекими отъ окончательнаго торжества. Никакое „человѣколюбіе" и „миролюбіе" не заставляли подвергать достоинство Россіи униженію, приступая къ обсужденію явно неприемлемыхъ условій: кто могъ признать серіознымъ требованіе выдачи судовъ, укрывшихся въ нейтральныхъ портахъ, или многомилліардной контрибуціи? Эти условія были поставлены для отвода глазъ или „на авось", а что какъ славолюбивый г. Витте, желая во что бы то ни стало сдѣлаться миротворцемъ, поступится и тутъ?

Разъ послѣ ознакомленія съ наглыми запросами японцевъ, переговоры продолжались, несмотря на рядъ униженій, съ удивительной легкостью перенесенныхъ нашимъ уполномоченнымъ, здравый смыслъ говорилъ, что г. Витте пойдетъ на уступки, чтобъ не проѣхаться задаромъ черезъ океанъ. Японцы это поняли и использовали: пока глава нашихъ делегатовъ бесѣдовалъ днемъ съ представителями печати, а ночью съ еврейскими банкирами, занимался саморекламой, жалъ руки кочегарамъ, смотрѣлъ, какъ оставшіеся не у дѣлъ его товарищи коротаютъ время за виптомъ, паутина исподволь

запутывала неосмотрительную муху, возомнившую себя орломъ: японцамъ надо было, чтобъ русскій уполномоченный призналъ ихъ хозяевами Кореи, отказался въ ихъ пользу отъ Ляодунскаго полуострова и желѣзной дороги на Портъ-Артуръ, согласился на щедрое вознагражденіе (этакъ милліоновъ 100—150) за содержаніе, леченіе и перевозъ плѣнныхъ: г. Витте гордился своей уступчивостью, доказывающей человѣколюбіе и миролюбіе, хотя ихъ еще лучше доказало бы полное принятіе всякихъ японскихъ требованій вслѣдъ за первыми же боевыми выстрѣлами... г. Витте отказывался лишь платить контрибуцію, отдать суда, уступить Сахалинъ, и настаивалъ на правѣ Россіи держать сильный флотъ на Тихомъ океанѣ, хотя любезно обѣщалъ дать словесную гарантію, что этого скоро не будетъ...

Русское общественное мнѣніе, отражающее воззрѣнія подлинныхъ русскихъ людей, чувствующихъ себя сынами общей, оскорбляемой врагомъ, осыпаемой издѣвательствами зарубежныхъ и домашнихъ недоброжелателей, матери съ ужасомъ и душевной болью слѣдило за портсмутскими переговорами, понимая прекрасно, куда клонится дѣло. Различіе политическихъ и общественныхъ воззрѣній не мѣшало многимъ объединиться въ единодушномъ желаніи продолженія войны до дѣйствительно почетнаго мира. Россія, сѣрая, деревенская, пробуждалась отъ невыносимыхъ страданій, причиненныхъ безславной войной и позорной уступчивостью Всѣ взоры по прежнему были обращены къ Престолу, гдѣ больше всѣхъ скорбѣлъ и терзался Державный Мученикъ. Наступала минута, когда Царь и Россія объединятся въ общемъ стихійномъ порывѣ отстоять честь Родины; все громче раздавались голоса: „ни пяди земли, ни рубля контрибуціи“. Плебисцитъ г. Шарапова, въ короткое время собравшаго 500 тысячъ подписей за войну, депутаціи, адреса Государю, письма въ редакціи газетъ все указывало, что настойчивость японскихъ дипломатовъ можетъ вырвать изъ ихъ рукъ все уступленное г. Витте... создавъ въ Россіи мощное общественное теченіе противъ безславнаго мира. И вотъ выступаетъ на подмогу г. Рузвельтъ съ наивной попыткой сдѣлать черное бѣлымъ—предлагая русскимъ уплатить контрибуцію въ видѣ выкупа за занятый японцами Сахалинъ! Тутъ ужъ запротестовалъ и г. Витте, ибо послѣднему мальчишкѣ ясно, что намъ предлагали уплатить ту же позорную дань врагу за свою собственную землю, которую еще надо захватчику удержать. Возникла опасность, что муху вытащитъ изъ паутины народное чувство, возму-

щенное алчной наглостью хищнаго паука, и твердость русскаго царя, показавшаго полную готовность къ широкимъ внутреннимъ преобразованіямъ и продолженію войны: 6 августа былъ обнародованъ манифестъ о созывѣ Государственной Думы и указъ о мобилизаціи, производимой въ обширныхъ размѣрахъ. Стало быть, правительство хотѣло объединить всѣхъ вѣрноподданныхъ ради побѣдоноснаго конца навязаннаго Россіи кроваваго столкновенія. Добыча ускользала, настойчивость повела бы только къ разрыву переговоровъ и возобновленію военныхъ дѣйствій, не обѣщавшихъ ничего хорошаго японцамъ. г. Витте, уложилъ свои чемоданы, но, къ горькому сожалѣнію, очень не торопился отъѣздомъ; понадобилось тратить дни для переписыванія и подписыванія протоколовъ, а тѣмъ временемъ противъ Россіи была двинута вся международная мощь и англійская газета Times откровенно заявила, что „на русскаго царя будетъ вскорѣ произведено такое давленіе, что онъ не въ состояніи будетъ ему противостоять“. Будущіе историки раскроютъ всѣ обстоятельства подпольной интриги, направленной къ заключенію Россіей невыгоднаго мира, но и намъ, малоосвѣдомленнымъ современникамъ, бросаются въ глаза любопытныя совпаденія: вмѣсто успокоенія, послѣ Державнаго манифеста на западныхъ окраинахъ, въ Польшѣ и Остзейскомъ краѣ, развивается сильнѣйшее революціонное движеніе, потребовавшее введенія военнаго положенія; въ рядѣ городовъ совершаются еврейской молодежью уличные безпорядки и продолжается избіеніе неповинныхъ представителей полиціи. На Кавказѣ идетъ кровавое броженіе и настоящая междуусобная рѣзня; нелѣпыя забастовки и стачки отнимаютъ у русскаго рабочаго кусокъ хлѣба, заставляютъ правительство дѣлать неотложные заказы иностраннымъ заводамъ, а наша армія не получаетъ во время необходимаго. Космополиты, взращенные нашей безпочвенной школой, всюду выражаютъ сочувствіе Японіи и назойливо требуютъ превращенія Россіи или въ парламентарную монархію или въ демократическую республику. Погромы чередуются съ манифестаціями и глухое народное недовольство разражается въ рядѣ насилій.. Словомъ, Россія никогда не была такъ раздроблена и такъ неединодушна, какъ именно теперь, когда нужно было всѣмъ и каждому сугубо помнить, что первый долгъ гражданина—повиноваться законамъ своего отечества. Только прирожденные рабы, да подлые измѣнники, забывшіе велѣнія совѣсти и долгъ присяги, могли предъявлять разныя требованія *теперь*, когда надо было не покладая рукъ ра-

ботать, до самопожертвованія, до самоотреченія, надъ подготовкой побѣды.

Въ этомъ недостойномъ поведеніи значительной части „русскаго" общества кроется главная причина всѣхъ постигшихъ насъ невзгодъ и печальной „необходимости" купить хотя бы тѣнь почетнаго мира цѣною весьма значительныхъ уступокъ.

Не менѣе неблагопріятно сложились для продолженія войны и международныя отношенія: во время портсмутскихъ переговоровъ Англія подписала новый союзный договоръ съ Японіей, который обязывалъ договорившіяся стороны оказывать другъ другу поддержку даже въ борьбѣ съ одной державою. Другими словами, продолженіе войны обѣщало вмѣшательство въ нее Англіи, которая и отправила сильную эскадру боевыхъ судовъ въ Балтійское море, русское побережье котораго оставалось совершенно беззащитнымъ, благодаря уходу на Дальній Востокъ почти всѣхъ сколько нибудь годныхъ для сраженія кораблей; да и бунтующая Остзейская провинція, мятежная Финляндія, распущенныя морскія команды, учинявшія безпорядки въ военное время даже въ Кронштадтѣ и Либавѣ—не обѣщали стойкаго сопротивленія новому врагу. Надо принять въ разсчетъ и опасность пожара на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ кипитъ вражда племенъ и въ Критѣ пылаетъ постоянный очагъ осложненій, надо учесть возможность столкновеній между Германіей и Англіей, равно какъ натянутость отношеній нашей коварно-разсчетливой союзницы и ея восточной сосѣдки. Все это требовало, чтобъ Россія имѣла руки развязанными для свободныхъ дѣйствій въ Европѣ и вышла изъ столкновенія, на которое многіе западные политики смотрятъ какъ на колоніальную войну, неудача коей не задѣваетъ жизненныхъ и насущныхъ интересовъ Имперіи.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе на паденіе нашего международнаго кредита, вызванное военными неудачами и внутренними смутами: одновременность ихъ пошатнула довѣріе денежныхъ круговъ, которые даже послѣ первыхъ нашихъ неудачъ принимали наши займы на болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ „побѣдоносной Японіи"; но начались внутреннія неурядицы и золото потекло обильной рѣкой изъ Россіи, а курсъ нашихъ бумагъ пошелъ на пониженіе. Безъ денегъ воевать нельзя--вотъ старая истина, которая обнаружилась въ полной силѣ и на этотъ разъ. Многіе кустарные финансисты твердятъ, что бумажныя деньги спасли бы насъ, обезпечивъ продолженіе войны на неопредѣленное время, но они упустили изъ вида необходимость, въ силу забастовокъ,

увеличить заграничные заказы и какъ разъ на военныя нужды, а иностранные поставщики желаютъ получать звонкой монетой. Помимо этихъ весьма неблагопріятныхъ условій для продолженія войны, прибавилось грозное стихійное бѣдствіе: въ свыше, чѣмъ 20 губерніяхъ это лѣто завершилось полнымъ неурожаемъ; въ самой Манджуріи тоже недородъ, слѣдовательно надо озаботиться прокормленіемъ голодающаго населенія внутри страны и обезпеченіемъ продовольствія для сотенъ тысячъ русскихъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ. Рѣшеніе этой многотрудной задачи было бы подъ силу только сплотившейся вокругъ Верховнаго Вождя, дружной, самоотверженно настроенной Россіи, а у насъ даже манифестъ о Государственной Думѣ вызвалъ предложеніе союза союзовъ—бойкотировать этотъ актъ и продолжать борьбу до переустройства Россіи на западныхъ началахъ! Итакъ, разложеніе нашего „образованнаго класса“, забвеніе имъ долга гражданина въ минуты великой опасности, политиканство, заведшее многихъ на скользкій путь почти открытой измѣны Отечеству, усиленіе инородцевъ и внутренній крахъ привели къ принятію самаго невыгоднаго изъ договоровъ, какіе только заключала Россійская Имперія. Международныя осложненія и естественныя бѣдствія также оказали свое пагубное воздѣйствіе, увеличивъ тяжесть выпавшихъ на долю нашу испытаній.

Всѣ эти условія были учтены нашими недругами и японцы запрашивали весьма многое въ надеждѣ на подмогу своихъ союзниковъ, чуть не зажегшихъ пламя открытой гражданской войны въ Россіи. Тѣмъ не менѣе у насъ оставалась полная возможность побѣдить, такъ какъ Японія пострадала больше насъ и ея старыя войска растаяли на поляхъ грозныхъ битвъ; новыя были по духу и подготовкѣ неизмѣримо хуже, какъ показали случаи взятія въ плѣнъ цѣлыхъ частей. Кредитъ Микадо стоялъ не высоко, ибо заимодавцы обезпечивали каждую копѣйку залогомъ государственнаго достоянія и доходныхъ статей. Внутри страны тоже не было спокойствія и довольства, такъ какъ всѣмъ было ясно, что окончательная побѣда надъ Россіей очень далека и едва ли возможна; этотъ годъ принесъ неурожай риса, сулящій голодъ; заминка дѣлъ вызвала рядъ краховъ, а затянувшаяся война повела къ усиленію соціальнаго движенія. Но у насъ преувеличивали японскія силы и „великій самородокъ дипломатіи“ былъ изумленъ, когда японцы отказались и отъ выкупа Сахалина и отъ военнаго вознагражденія. „Геніальный“ г. Витте увѣренъ былъ, что японцы пылаютъ жаждой новыхъ побѣдъ и не склонны на уступки,

а потому и былъ ошеломленъ тѣмъ, что видно всякому трезвому наблюдателю: *Японія не могла продолжать войну*, а потому Ойяма больше 6 мѣсяцевъ и не переходилъ въ наступленіе, ограничиваясь мелкими стычками. Уступчивость г-на Витте спасла Микадо отъ неизбѣжнаго пораженія и это прекрасно понимаютъ всѣ японцы; они рвутъ волосы, рыдаютъ на показъ, выпускаютъ газеты въ траурныхъ рамкахъ, толкуютъ о „позорномъ мирѣ“, а оставшись наединѣ ликуютъ, что получили наканунѣ неминуемаго разгрома богатѣйшія области и возмѣщеніе, безгранично щедрое, расходовъ на военноплѣнныхъ: будетъ чѣмъ залѣчить раны, причиненныя войной. такъ какъ противникъ считаетъ расходы на нашихъ плѣнныхъ *только* по 10 р. въ день на душу, т. е. хочетъ за рядового солдата получить суточное содержаніе члена нашей Государственной Думы. Всего-же нашихъ плѣнныхъ считается до 80 т. человѣкъ, т. е. мы должны будемъ, по этому невѣроятному разсчету, уплатить по 800000 р. въ день, а въ итогѣ сотни милліоновъ совершенно изнеможенной Японіи.

Другое дѣло, какъ справимся мы со всѣми послѣдствіями мира, прославляемаго какъ почетный, какъ блестящая побѣда разносторонняго гепія г. Витте. Отдавъ желѣзную дорогу и Ляодунскій полуостровъ, куда мы вложили не меньше милліарда, истративъ до 3 милліардовъ на военныя издержки, мы должны будемъ лѣчиться на собственный счетъ, такъ какъ потеря лучшей части Сахалина не прибавляетъ намъ ни славы, ни могущества: если сравнить положеніе Японіи и Россіи до войны и послѣ мира, то увидимъ, что мы больше потеряли и ничего не пріобрѣли, тогда какъ японцы меньше истратили и очень много получили. Непонятна поэтому самооцѣнка г. Витте, который поспѣшилъ протрубить на весь міръ о своей „полной побѣдѣ“, о томъ, что даже онъ „не могъ предвидѣть столь крупный и счастливый результатъ“. Правда, пресмыкающіяся и еврейскія газеты поддерживаютъ это заблужденіе и представляютъ г. Витте геніальнымъ самородкомъ-дипломатомъ и величаютъ его новымъ Таллейраномъ. Плохую услугу оказываютъ они своему кумиру этимъ сопоставленіемъ: Таллейранъ былъ человѣкомъ безъ совѣсти и убѣжденій, жаждалъ только власти и денегъ. Будучи епископомъ онъ запятналъ себя разными похожденіями и во время революціи измѣнилъ и своему государю и своему сословію, но тайно сносился и съ несчастнымъ королемъ. Изобличенный въ этомъ онъ былъ вынужденъ покинуть родину и занялся торговыми дѣлами. Угадавъ возвышеніе Наполеона, Таллейранъ поддер-

живалъ этого военнаго диктатора, но въ несчастьи измѣнилъ и ему, несмотря на великія почести и щедрые подарки. Устроивъ Бурбоновъ, онъ предалъ и ихъ, перейдя впослѣдствіи на сторону Людовика Филиппа. Согласитесь, что плохая честь уподобиться такому лицемѣру, предателю и темному дѣльцу! Его первые дипломатическіе шаги были вполнѣ неудачны и его громкая слава, какъ дипломата основывается на его роли во время Вѣнскаго конгреса, гдѣ онъ своими интригами спасъ для Бурбоновъ границы королевской Франціи и коварно подготовилъ союзъ Англіи и Австріи съ Франціей противъ Россіи и Пруссіи. Но кто-же можетъ уподобить современное положеніе Россіи тому, въ которомъ была Франція той поры, раздавленная цѣлой коалиціей державъ, разгромленная въ рядѣ битвъ, перенесшая взятіе столицы непріятелемъ, наводнившимъ чуть не всю страну своими силами? Г-нъ Витте заставилъ корреспондента газеты „Слово“ такъ формулировать свою заслугу передъ Россіей: „Ура! Японцы уступили. *Мы отдали* половину Сахалина и не платимъ ни гроша контрибуціи“. И за эту чисто отрицательную заслугу иныя газеты предлагаютъ возвести г. Витте въ графское достоинство! Конечно, наша исторія знаетъ графовъ Румянцева Задунайскаго, Суворова Рымникскаго, Паскевича Эриванскаго, Дибича Забалканскаго, Муравьева Амурскаго и многихъ другихъ и этотъ славный списокъ обогащается новымъ графомъ—Витте Сахалинскимъ, имѣющимъ всѣ права на такое прозвище: благодаря ему Россія потеряла этотъ важный островъ...

Эти заключенія неоспоримо правильны и намъ нечего золотить горькую пилюлю, которую остается только проглотить, если у насъ нѣтъ мужества разорвать портсмутскія путы, еще не скованныя ратификаціей Не сплотила насъ грозная война, нужно, чтобъ объединило страстное стремленіе скорѣе уврачевать полученныя раны и внутреннія язвы, чтобъ вновь Россія стала страшной врагамъ, чтобъ порядокъ и законность вернулись въ ея предѣлы, чтобъ честный производительный трудъ на общую пользу смѣнилъ пагубное стремленіе къ насильственнымъ переворотамъ и дружное общественное противодѣйствіе остановило дальнѣйшее развитіе революціоннаго движенія. Пожаръ, устроенный коварными поджигателями въ стѣнахъ родимаго дома, заставилъ насъ сдѣлать уступки врагу, разломавшему отдаленную ограду. Но если мы будемъ подливать масло въ огонь, то лишимся на вѣки прочнаго крова. Еще не поздно взяться

за умъ и извлечь хоть это полезное поученіе изъ тяжелаго испытанія, обнаружившаго вопіющую нашу несостоятельность: во многомъ мы отстали отъ другихъ, а потому намъ надо учиться и трудиться, чтобъ не остаться въ хвостѣ у всѣхъ. Не помогутъ намъ никакія конституціи, ибо помимо свободной дѣятельности и личнаго подвига отдѣльнаго человѣка не могутъ произойти никакія общественныя улучшенія.

20 августа. *Н. Черниковъ.*

ПОСЛѢДНЯЯ ПРОСЬБА.

Русскій народъ, послѣ ловушки, поставленной для него въ Портсмутѣ, находится, если не на краю гибели, то передъ лицомъ неисчислимыхъ бѣдствій. До ратификаціи, т. е. утвержденія мирнаго договора, заключеннаго господиномъ Витте, осталось сорокъ дней. И если въ теченіи этихъ сорока дней не произойдутъ чудеса Божественнаго Милосердія къ обездоленному и опозоренному Русскому народу, то этотъ могучій страстотерпецъ задохнется отъ рукъ своихъ-же предателей.

Возстаньте-же, дѣлатели Русской правды! Возстаньте Святители Православной Церкви, какъ нѣкогда въ годину лихолѣтія возстали Авраамій Палицынъ и Гермогенъ! Возстаньте Мининъ и Пожарскіе! Нужна теперь ваша помощь, какъ еще никогда за тысячелѣтнее бытіе Россіи. Дерзайте же молвить громкое слово правды. Кликните кличъ и весь Русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, подхватитъ ваше слово и пойдетъ за вами.

Знайте, что Русскій народъ не отдался въ обманъ, онъ ясно видитъ, что съ нимъ сдѣлали, онъ хорошо понялъ, понялъ, не смотря на гулъ слащавыхъ фразъ,—какому неслыханному предательству его подвергли. Вся Русь негодуетъ, ея грозное воинство, ея стомилліонный народъ, ея раненые и больные, ея матери, отдавшіе сыновей не на позоръ, а на славную брань, ея дщери, пославшія братьевъ и мужей не на отступленіе, а **побѣду** и даже на смерть за честь Родины.

Вся Русь негодуетъ, ибо не обратили вниманія на ея законныя просьбы и мольбы.

Въ роковую минуту, покуда не поздно, попросимъ еще одинъ разъ, въ послѣдній разъ, да избавитъ насъ Русскій Самодержецъ отъ тяжелаго позора и отъ козней нашихъ злѣйшихъ враговъ, Англичанъ и международныхъ капиталистовъ. Попросимъ Его, да разорветъ Онъ бумажку, подписанную господиномъ Витте и да разрѣшитъ нашимъ доблестнымъ войскамъ продолжать до конца дѣло, врученное намъ Промысломъ Божьимъ. Вспомнимъ притчу Господа нашего Іисуса Христа, о человѣкѣ, который и ночью не переставалъ стучать въ дверь сосѣда, покуда тотъ ему не отворилъ и не исполнилъ его просьбу. Поступимъ и мы такъ же.

Пусть наши приходы, со своими пастырями во главѣ, наши союзы Русскихъ людей, всѣ любящіе свою родину, всѣ эти милліоны, готовые отдать свою кровь за Святую Русь, пусть они не теряя минуты, отсылаютъ Государю свои челобитныя.

Скажемъ Ему, что мы не только не боимся англійскаго флота, вздумавшаго насъ „пугать“ балтійскими маневрами, но что мы горимъ нетерпѣніемъ, наказать наконецъ этихъ мореплавателей, этихъ заугольныхъ враговъ! Скажемъ Ему, что никакая коалиція державъ намъ не страшна и что страшимся мы одного только царскаго слова о мирѣ, ибо слово это означало-бы утрату единомыслія между Царемъ и Народомъ. А съ такой утратой для насъ и свѣтъ не милъ, и жизнь не дорога.

25 августа. *В. Задонскій.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Пановъ А. А. „*Что такое Сахалинъ и нуженъ ли онъ намъ?*“ Петербургъ 1905.

А. А. Пановъ въ текущемъ году выпустилъ уже въ свѣтъ весьма обстоятельное и цѣнное изслѣдованіе—„Сахалинъ, какъ колонія“ (очеркъ колонизаціи и современнаго положенія Сахалина), встрѣченное очень сочувственно нашей повременной печатью. Теперь, въ горькіе дни портсмутскаго позорища, вопросъ о значеніи „проклятаго острова“, получилъ сугубый интересъ и чуткій авторъ поспѣшилъ исполнить долгъ русскаго человѣка, подѣлившись своими всесторонними наблюденіями и выводами съ соотечественниками, большинство коихъ не имѣетъ настоящаго представленія о Сахалинѣ, усвоивъ о немъ легкомысленныя воззрѣнія гг. Дорошевичей. Желая раскрыть глаза русскому обществу, вообще мало знакомому съ родиной и ея богатствами, г. Пановъ изложилъ кратко свои основныя положенія и отпечаталъ, при денежной помощи неизвѣстнаго лица, въ 8000 экземпляровъ небольшую книжку для *безплатнаго* распространенія точныхъ свѣдѣній объ этомъ лакомомъ кускѣ, на который зарятся американцы и японцы. Установивъ твердо, что до конца XVIII в. Сахалинъ не принадлежалъ Японіи, а въ началѣ XIX уже считался „россійскимъ владѣніемъ“, авторъ показываетъ, что лишь послѣ очищенія его въ 1854 г. (подъ опасеніемъ англо-французскаго десанта) японцы заявляютъ настойчиво права на южный Сахалинъ, но въ 1875 г. отказываются отъ него, получивъ въ обмѣнъ Курильскіе острова. Слѣдовательно, у японцевъ нѣтъ историческихъ правъ на эту окрайну русской державы. Равнымъ образомъ нѣтъ и какихъ основаній для уступки нашего достоянія подданнымъ Микадо, которые только теперь, когда русскія изысканія раскрыли сахалинскія богатства, поняли свою ошибку, помѣшавшую имъ столѣтія назадъ завладѣть этимъ „холоднымъ и непріютнымъ островомъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, даже поверхностному взору бросается изобиліе каменнаго угля, мощные пласты котораго выходятъ во многихъ мѣстахъ на поверхность. Добыча этого неоцѣненнаго сокровища не требуетъ ни особыхъ затратъ, ни приспособленій; качества сахалинскаго угля не уступаютъ лучшимъ англійскимъ и шотландскимъ сортамъ. Правда добываніе поставлено очень плохо; подъѣздныхъ путей, погрузочныхъ и перевозочныхъ средствъ нѣтъ; нѣтъ и удобныхъ, оборудованныхъ стоянокъ для судовъ, а потому хотя „вся площадь острова (свыше 66 тыс. кв. вер.) представляетъ одну сплошную свиту каменноугольныхъ пластовъ, являющихся неистощимымъ запасомъ столь важнаго минерала", наши суда покупаютъ по дорогой цѣнѣ у иностранцевъ худшее топливо, а на переплоченныя деньги можно было бы создать изъ Сахалина поставщика угля на весь Дальній Востокъ. Этого мало: на Сахалинѣ имѣются залежи значительныхъ рудныхъ богатствъ (мѣдь, свинецъ, серебро, золото). Особенно обильны желѣзныя руды Рѣдкое сочетаніе прекраснаго топлива и желѣза открываетъ полную возможность блестящаго развитія металлургической промышленности, имѣющей подъ бокомъ прекрасный рынокъ, связанный удобными и дешевыми морскими путями. Помимо металловъ Сахалинъ располагаетъ запасами нефти, превышающими во всѣхъ отношеніяхъ американскіе и бакинскіе. Стало быть дешевый керосинъ, смазочныя масла, превосходное и удобное топливо къ услугамъ предпріимчивыхъ людей.

У береговъ Сахалина кишатъ стаи разнообразныхъ рыбъ; особенную цѣнность имѣетъ кэта (родъ семги) и жирная, вкусная сельдь, обращаемая японцами на удобреніе; (1 300,000 пуд. въ годъ) киты, моржи, тюлени увеличиваютъ естественныя богатства Сахалина, доставляющаго морскую капусту и трепанговъ, столь цѣнимыхъ въ Китаѣ. Двѣ трети острова покрыты строевымъ лѣсомъ; въ средней и южной части возможно земледѣліе и скотоводство. Совокупность этихъ условій дѣлаетъ Сахалинъ огромной цѣнностью и его стоимость превышаетъ 10 милліардовъ, которые при постыдной уступчивости обогатятъ нашего врага. Но если бы даже Сахалинъ представлялъ глухую, мрачную, никуда негодную въ промышленномъ отношеніи пустыню, то и тогда онъ все-таки былъ бы необходимъ Россіи: по своему географическому положенію онъ на 900 верстъ тянется у нашихъ береговъ, приближаясь къ нимъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла (7 в.). Слѣдовательно, онъ закупориваетъ устье Амура и отрѣзываетъ отъ мірового оборота весь бассейнъ этой великой рѣки (около 1.900,000 кв. кил.). Наше

Пріамурье уже теперь оказывается житницей Забайкалья, Иркутской губ. и Якутской области Оно нуждается въ обезпеченномъ приморскомъ сношеніи съ культурными странами, доставляющими машины и предметы обихода. Золотой и рыбный промыселъ, естественныя богатства края (золото, мѣдь, серебро, свинецъ, нефть, каменный уголь, мраморъ, бѣлая и зеленая глина, сюрьма, аметисты и другіе минералы) требуютъ свободнаго выхода въ море для своего развитія, выгоднаго для насъ лишь подъ условіемъ сохраненія Сахалина. Утрата его хоронитъ будущее всего Приамурья, гдѣ пристроилось уже свыше 300,000 русскихъ людей, главнымъ образомъ крестьянъ. Энергіи русскихъ предпринимателей Сахалинъ открываетъ широкое поле, лежащее нынѣ въ небреженіи. Но пора переплаты иностранцамъ, пора забвенія коренныхъ выгодъ населенія, пора оставленія втунѣ естественныхъ богатствъ миновала безвозвратно и только преступное угодничество передъ иноземными капиталистами можетъ одобрять отдачу японцамъ ключа къ Приамурью,—Сахалина, одной изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ среди сокровищъ русскаго народа". Каждый читатель книжки г. Панова скажетъ мысленно ему „спасибо" за толковое, ясное и общедоступное выясненіе значенія Сахалина въ настоящемъ и будущемъ для Русскаго народа, который долженъ, отстаивая самое свое существованіе и экономическую независимость, обладать безопаснымъ выходомъ на вольную гладь Тихаго Океана.

Н. Черниковъ.

Учено-богословскіе и церковно-проповѣднические опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи. Выпускъ I. Кіевъ. 1904 г. 454 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. Вып. II. Кіевъ. 1905 г. 590 стр. Цѣна 2 р. 50 коп

Въ то время, какъ наши свѣтскія учебныя заведенія превратились въ поприще политической борьбы, а студенты проводятъ невозвратимые дни въ праздныхъ выходкахъ и нелѣпыхъ забастовкахъ, въ Духовныхъ Академіяхъ продолжается честное служеніе наукѣ и отечеству, ибо въ ихъ стѣнахъ питомцы и наставники вдумчиво и рачительно работаютъ надъ самосовершенствованіемъ. Пріятнымъ доказательствомъ достигнутыхъ ими успѣховъ являются выше названные „Опыты", издающіеся на проценты съ капитала, пожертвованнаго преосвященнымъ Димитріемъ (Ковальницкимъ), нынѣ архіепископомъ Одесскимъ.

Благодаря просвѣщенному рвенію и щедрости достойнаго пастыря не только лучшія изъ сочиненій и проповѣдей воспитанниковъ Кіевской Академіи, но и „опыты, сравнительно, меньшей научной цѣнности“ вошли, какъ добрый вкладъ, въ русскую научную сокровищницу. Конечно, здѣсь не слѣдуетъ искать новыхъ и глубокихъ изысканій, плода болѣе зрѣлаго и самостоятельнаго творчества, но всѣ напечатанныя статьи заслуживаютъ безусловно поощренія, давая любителямъ богословскаго духовнаго чтенія разнообразный и богатый матеріалъ. Но и всякій образованный человѣкъ найдетъ здѣсь здоровую и обильную духовную трапезу, ибо рядомъ съ болѣе узкими спеціальными работами [1]) „Опыты“ даютъ очень интересныя изслѣдованія по русской литературѣ [2]) и широкимъ этико-философскимъ вопросамъ [3]). „Поученія“ и „слова“, принадлежащія перу юныхъ витій, также отличаются умѣлымъ выборомъ предмета, удовлетворяютъ какой-либо пытливый запросъ современности и въ простой безыскуственной рѣчи вводятъ слушателей или читателей въ кругъ мыслей, навѣваемыхъ тѣмъ или инымъ празднествомъ церковнымъ.

Во всѣхъ студенческихъ сочиненіяхъ видна работа мысли, продуманность, хорошее усвоеніе добрыхъ литературныхъ навыковъ, а порою и научныхъ пріемовъ. Конечно, они не чужды недостатковъ, присущихъ произведеніямъ начинающихъ авторовъ. Порою замѣтно поспѣшное обобщеніе, скачекъ въ доказательствахъ, недостаточное знакомство съ литературой вопроса, случайная ссылка на второстепенное пособіе при отсутствіи указанія на болѣе важный трудъ. Но эти недочеты не бьютъ въ глаза, несмотря на то, что студенческія работы напечатаны въ томъ видѣ, какъ онѣ были поданы профессорамъ-руководителямъ. Это свидѣтельствуетъ о значительной

[1]) „Przestroga prawowiernym“ студ. Дѣвицкаго, „Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ и протестантствѣ“ студ. А. Каптыря, „Библейскія данныя о различныхъ болѣзняхъ и ихъ врачеваніи, въ связи съ общимъ характеромъ библейско-еврейскаго міросозерцанія“ студ. Т. Попова.

[2]) „Домострой, какъ памятникъ литературы“ студ. Ѳ. Власова „Отраженіе эпохи 60-хъ годовъ въ русской церковной проповѣди“ студ. В. Богдановича, „Проповѣди покойнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго“ студ. В. Бычковскаго.

[3]) „Идея богочеловѣчества въ богословско-философской системѣ Вл. Соловьева“ студ. С. Переверзева, „Любовь къ Богу и ближнему, какъ начало и конецъ всей добродѣтельной жизни, по ученію древнегреческихъ церковныхъ писателей“ студ. Г. Ивановскаго, „Соціальное значеніе христіанства по ученію Ѳ. М. Достоевскаго“ ст Н. Онтлика.

высотѣ средняго уровня студентовъ-академистовъ, наглядным показателемъ коего дѣйствительно являются „Опыты“, имѣющіе въ виду „дать документальную исторію прогрессивнаго хода развитія, расширенія, усовершенствованія науки академической, сообразно выступающимъ новымъ запросамъ и потребностямъ жизни церковно-общественной“ (Предисл.). Достигнутые добрые плоды опытнаго руководительства, трудоспособности, природныхъ дарованій, значительнаго развитія и литературной подготовки способны порадовать всякаго, кому дорого научное знаніе и интересы просвѣщенія въ Россіи: въ темную ночь повальнаго невѣжества, высокомѣрнаго презрѣнія къ труду, неумѣнія ни правильно выражаться, ни послѣдовательно мыслить, окутавшую воспитанниковъ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, яркой звѣздой горятъ „Опыты“, доказывая, что на „ниву народную“ выходятъ изъ академій ряды юныхъ тружениковъ, идеалистически настроенныхъ и научно мыслящихъ. Хвала воспитателямъ этихъ свѣжихъ ратоборцевъ противъ царящаго въ мірѣ зла, хвала и молодымъ людямъ, умѣющимъ пользоваться совѣтомъ и опытомъ „мужей разума“: только соединенныя усилія старшихъ и младшихъ поколѣній могутъ создать прочное основаніе непрерывнаго роста научнаго знанія и послужить незыблемымъ залогомъ постояннаго служенія общественнымъ идеаламъ, освѣщеннымъ и указаннымъ великой книгой вѣчной жизни—Евангеліемъ.

„*Пасторская бесѣда преосвященнѣйшаго Стефана, епископа Могилевскаго и Мстиславскаго съ о.о. депутатами могилевской епархіи*“. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1905 г.

Наше время выдвигаетъ передъ православнымъ духовенствомъ множество вопросовъ первостепенной важности, для правильнаго разрѣшенія коихъ необходимо возмѣстить недочеты отдѣльныхъ лицъ соборнымъ обсужденіемъ общихъ потребностей и недоумѣній. Отчетъ о пастырской бесѣдѣ преосвященнаго Стефана съ депутатами могилевской епархіи показываетъ, что въ среду священнослужителей глубоко проникло сознаніе необходимости улучшеній и дѣятельнаго совмѣстнаго къ нимъ стремленія. Подъ предсѣдательствомъ чуткаго Владыки пастыри, „*обезпеченные полной свободой мнѣній*“, обсуждали на засѣданіи 3 мая, что дѣлать 1) съ отпадающими изъ состава православной могилевской паствы, не увлекая съ собой другихъ внѣшними мѣрами воздѣйствія, 2)

когда они позволяютъ себѣ насиліе надъ членами своего семейства, желающими остаться вѣрными православію, 3) когда цѣлый приходъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо агитаторовъ, захочетъ отпасть отъ православія? Какъ видно всякому, эти вопросы—жгучіе, властные по своей жизненности, по горькимъ послѣдствіямъ указа о вѣротерпимости, обнародованнаго, къ великой скорби православныхъ, *до* внесенія въ нашу церковную жизнь потребныхъ исправленій, согласныхъ св. канонамъ и нуждамъ современнымъ. Значитъ, теперь надо, какъ можно скорѣе выступить на борьбу съ внесеннымъ указомъ соблазномъ, выработать ея пріемы и способы и направить дружныя усилія къ единой цѣли—торжеству православной церковью хранимой единой вселенской истины. Одновременно съ приведенными выше тремя основными вопросами Владыка поставилъ на обсужденіе и четвертый: о бракахъ православныхъ со старообрядцами и сектантами, ибо 11 пунктъ указа 17 апрѣля повелѣваетъ „уравнять въ правахъ“ сихъ послѣднихъ „съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи смѣшанныхъ браковъ“. Однако освященіе Церковью браковъ съ безпоповцами, нѣтовцами, самокрещенцами, молоканами, духоборами, толстовцами, пашковцами, новомеенопистами, іеговистами, хлыстами и т. д. „въ виду тѣхъ тяжкихъ хуленій, кои возводятся ими на православную церковь, а также такихъ пунктовъ въ вѣроученіи, по которымъ сектанты должны быть отнесены къ язычникамъ скорѣе, чѣмъ къ христіанамъ, благословлять ихъ бракъ съ православными значитъ подавать первымъ поводъ къ кощунству, а послѣднимъ къ соблазну и возмущенію религіознаго чувства, такъ какъ *благословеніе* брака православныхъ съ язычниками, магометанами или евреями противно канонамъ св. нашей церкви. Послѣдовавшее собесѣдованіе было чрезвычайно интересно, оживленно и поучительно. Рѣшено, послѣ очень горячаго и обстоятельнаго обсужденія, 1) обращаться лишь со словомъ убѣжденія, вразумленія и умоленія къ каждому добровольно отпадающему отъ православія, если только отпадшій не проявитъ ожесточенной озлобленности, пахальныхъ насмѣшекъ и выходокъ. 2) Совратители же за свои насильственныя дѣйствія должны отвѣчать передъ свѣтскимъ судомъ, а совращаемыхъ, буде они по ихъ духовной немощи обнаружатъ опасеніе вернуться въ лоно православія открыто, имѣть въ общеніи на подобіе тайныхъ христіанъ *въ странахъ языческихъ*. 3) На случай отпаденія цѣлыхъ приходовъ ходатайствовать, чтобъ все церковное имущество оставалось за православною церковью, ибо оно жер-

твовалось именно въ ея пользу. Новыя же религіозныя общества не имѣютъ никакихъ на него правъ и должны сами заботиться о своемъ обезпеченіи. 4) Относительно смѣшанныхъ браковъ постановлено не приводить пока въ исполненіе сомнительнаго пункта указа 17-го апрѣля, обратившись въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о дополнительныхъ постановленіяхъ.

Засимъ пастырское собраніе перешло къ обсужденію вопросовъ о преподаваніи закона Божія, проповѣдничествѣ, внѣ богослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Постановлено было: признать преподаваніе закона Божія первѣйшей обязанностью священника и всѣмъ священникамъ работать не покладая рукъ въ виду современнаго, опаснаго для Церкви положенія дѣлъ. Въ случаѣ крайней необходимости передавать это преподаваніе учителю, если онъ вполнѣ благонадеженъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, но отнюдь не оставляя тщательнаго наблюденія и живого руководительства учителемъ. Если же по убѣжденію священника учитель—человѣкъ невѣрующій и нецерковный, то, согласно указанію закона, доложить о семъ епископу и указать другое правоспособное и благонадежное лицо. Что касается проповѣдничества, его значеніе было признано всѣми, хотя современная постановка требуетъ улучшеній, а потому постановлено: предоставивъ каждому выборъ мѣръ совершенствованія и руководителя, признать самымъ желательнымъ видомъ проповѣди устную, живую бесѣду, не исключающую пользованіе готовымъ печатнымъ матеріаломъ. Лучшія проповѣди печатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ для братскаго облегченія и назиданія. Но проповѣдями ограничиться нельзя, ибо для наставленія пасомыхъ въ таинствахъ вѣры и пониманіи молитвъ нужны внѣбогослужебныя собесѣдованія или чтенія. Собраніе признало весьма желательнымъ собирать прихожанъ въ храмъ или школу для общей утренней или вечерней молитвы съ общимъ пѣніемъ, предложило a) устраивать систематическія поученія для наученія молитвамъ и таинствамъ вѣры, b) испытывать брачущихся въ знаніи важнѣйшихъ молитвъ и истинъ вѣры, c) устраивать религіозно-нравственныя, историческія и бытовыя чтенія съ показываніемъ туманныхъ картинъ и общимъ пѣніемъ въ перерывахъ, d) купить по нѣскольку волшебныхъ фонарей на благочиніе. Для облегченія пріобрѣтенія свѣдѣній, потребныхъ при правильной и успѣшной подготовкѣ внѣ богослужебныхъ чтеній, рѣшено внести преобразованія въ существующія церковныя библіотеки: закрывъ благочинническія библіотеки и распредѣливъ по церквамъ ихъ книги, основать при каждой

церкви библіотеку, ради облегченія составленія которой помѣщать въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ хотя бы заимствованные отзывы о новыхъ хорошихъ книгахъ, подходящихъ для нуждъ пастырей. Послѣднимъ изъ поднятыхъ Владыкой вопросовъ было положеніе церковно-приходскихъ попечительствъ: признавая, что существующія уже въ епархіи попечительства не стоятъ на высотѣ своихъ задачъ, собраніе рѣшило принять всѣ возможныя мѣры для привлеченія прихожанъ къ совмѣстной дѣятельной работѣ, открывъ къ ней доступъ и женщинамъ, какъ большой сознательной и охранительной силѣ въ области религіозной жизни.

Въ концѣ пастырское собраніе съ разрѣшенія Преосвященнаго возбудило нѣсколько имъ самимъ поставленныхъ вопросовъ: первымъ обсуждалось предложеніе снять съ священнослужителей обязанность вести богослужебный журналъ, что требуетъ много времени и ведетъ къ занесенію „неправды“ на его страницы. Владыка указалъ, что журналъ необходимъ для контроля, важенъ какъ историческій источникъ для характеристики дѣятельности пастырей, назидателенъ, какъ справка для самого священника. „Неправдѣ“ же нѣтъ мѣста въ записяхъ іереевъ, довѣріе къ правдивости словъ коихъ освободило ихъ отъ клятвы въ судѣ. Надо вести журналы по іерейской совѣсти, заставляя за недосугомъ вписывать необходимое псаломщиковъ. Затѣмъ собраніе остановилось на обсужденіи вопроса, нужны ли исповѣдныя вѣдомости и зачѣмъ требуется второй ихъ экземпляръ. Владыка объяснилъ, что запись исполнившихъ долгъ исповѣди и причастія необходима для опредѣленія состава прихожанъ, что важно въ будущемъ, когда прихожанамъ будетъ предоставлено право участія въ церковныхъ дѣлахъ и выборѣ священниковъ. По обычаю древней церкви намъ надо знать, кто наши прихожане и находятся ли они въ дѣйствительномъ общеніи съ церковью. Необходимо измѣнить лишь форму исповѣдныхъ вѣдомостей, занося въ нихъ, какъ въ многолѣтніе списки, прихожанъ, ихъ убыль отъ смерти, совращенія, приростъ отъ рожденія и присоединенія, а также свѣдѣнія о посѣщеніи храма, исповѣди и причащеніи. Второй экземпляръ требуется, по объясненію секретаря консисторіи, для храненія въ болѣе безопасномъ мѣстѣ и наведенія справокъ. Собраніе рѣшило возбудить ходатайство объ измѣненіи формы вѣдомостей и освобожденіи отъ представленія второго экземпляра. Потомъ былъ поднятъ вопросъ о неномѣрной дороговизнѣ разсылаемыхъ изъ консисторіи книгъ и бланокъ, что является возбуждающимъ него-

дованіе налогомъ. Владыка согласился съ справедливостью нареканій, но указалъ на недостаточность жалованья консисторскихъ чиновниковъ. Собраніе выразило пожеланіе, чтобъ собираемыя деньги шли, по крайней мѣрѣ, меньшей братіи, а не тѣмъ, кто и безъ того получаетъ много. Наконецъ, была высказана просьба устранить слова „свидѣтельствуемъ по іерейской совѣсти и долгу священства“ въ рекомендаціяхъ, выдаваемыхъ благочинническимъ совѣтомъ кандидатамъ на исканіе псаломщицкаго мѣста, діаконскаго и священническаго сана, ибо подобная форма налагаетъ слишкомъ большую отвѣтственность на рекомендующихъ. Владыка разъяснилъ, что привлекши совѣты къ выбору и рекомендаціи кандидатовъ, онъ желалъ достигнуть улучшенія состава клира, ибо лично не можетъ знать всѣхъ ищущихъ. Отъ совѣтовъ не требуется невозможная непогрѣшимость сужденій, но безпристрастныя справки и благоразумная осторожность противъ допущенія въ составъ клира завѣдомо дурныхъ людей.

Это разъясненіе закончило собраніе, закрытое, послѣ 6 часовой работы, въ 12 часовъ ночи.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго отчета о весьма благовременной попыткѣ Архипастыря, глубоко проникающаго въ нужды и потребности нашей смутной поры. Великая жатва предстоитъ передъ нашимъ духовенствомъ, которое должно во многомъ измѣнить привычные навыки подъ напоромъ новыхъ запросовъ. Надо не закрывать глаза, не негодовать на ихъ возникновеніе, а брать на себя руководство ихъ удовлетвореніемъ, дабы остаться дѣйствительными пастырями словеснаго стада. Велики испытанія, выпавшія на долю св. Руси, но примѣръ преосвященнаго Стефана показываетъ, что наше духовенство приготовляется къ борьбѣ за истину и вѣритъ въ побѣду правды. Возстановленіе правильной приходской жизни и тщательное соблюденіе каноническихъ предписаній обновитъ еще болѣе нашъ церковный строй. Міряне, вѣрующіе, образованные, жаждущіе жизни и дѣятельности по завѣтамъ св. Церкви, облегчатъ священнослужителямъ ихъ великое бремя своимъ участіемъ въ устроеніи попечительствъ, чтеній, благотворительныхъ учрежденій. Нынѣ всѣ разобщены, затеряны въ одиночествѣ, приходъ же все свяжетъ, всѣхъ воодушевитъ и всѣмъ дастъ работу для несенія „тяготъ другъ друга“.

А. Наумъ.

Въ прибитыхъ объявленіяхъ—пасквиляхъ—требовали „надѣть желѣзный ошейникъ“ на аббата Мори на Новомъ мосту. Одинъ ораторъ при „единодушномъ одобреніи предлагаетъ сжечь домъ г. Эпремениля, его жену, дѣтей, его движимость и его самого“.

Противорѣчія не признаютъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи выразилъ свое отвращеніе къ смертнымъ приговорамъ: „въ ту же минуту его схватили за шиворотъ, заставили стать на колѣни и, въ видѣ публичнаго покаянія, поцѣловать землю; затѣмъ его приговорили къ дѣтскому наказанію: его окунули нѣсколько разъ въ бассейнѣ и передали въ руки толпѣ, которая начала катать его въ пыли“.

На слѣдующій день одно духовное лицо было попрано ногами и перебрасываемо съ рукъ на руки. Нѣсколько дней спустя, 22 іюня, были произведены двѣ подобныхъ же самораправы. Владычица-толпа пользуется всей полнотой верховной власти, присваивая себѣ права какъ законодателя, такъ и судьи, какъ судьи, такъ и палача. Ея кумиры священны: кто относится къ нимъ съ неуваженіемъ,—тотъ виновенъ въ оскорбленіи Величества и подвергается немедленной карѣ. Въ теченіи первой недѣли іюля былъ высѣченъ какой то аббатъ, плохо отозвавшійся о Неккерѣ, торговки рыбой подняли юпку у какой то женщины и избили ее до крови за то, что она произнесла ругательство передъ бюстомъ Неккера. Всѣмъ подозрительнымъ мундирамъ объявлена война. „Какъ только появится гусаръ, пишетъ К. Демуленъ, подымается крикъ: вотъ Полиньякъ, и каменьщики забрасываютъ его камнями. Вчера вечеромъ два гусарскихъ офицера, г.г. Сомбрейль и де-Полиньякъ, явились въ Пале-Рояль... въ нихъ начали бросать стульями и конечно убили бы ихъ, если бы они не обратились въ бѣгство. Позавчера схватили одного полицейскаго шпіона, травили его, какъ травятъ оленя, до изнуренія, выкупали его въ бассейнѣ, бросали въ него камни, били тростью, выбили одинъ глазъ изъ орбиты, и, наконецъ, несмотря на его мольбы и крики о пощадѣ, вторично бросили его въ бассейнъ. Терзанія его продолжались отъ полудня до половины шестого и у него было свыше десяти тысячъ палачей“.

Подумайте о значеніи подобнаго очага возстанія въ подобное время. Рядомъ съ законной властью подпялась новая власть, законодательство перекрестковъ и публичныхъ мѣстъ, безымянное, неотвѣтственное, необузданное, подгоняемое впередъ ресторанными теоріями, неистовствомъ умовъ и балаганнымъ подстрекательствомъ. И тѣ голыя руки, которыя только

что разрушили все въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, являются его тѣлохранителями и его исполнителями.

5. Это—диктатура сбѣжавшейся толпы и ея поступки самоуправны, какъ и должно соотвѣтствовать ея свойствамъ, она обрушивается на все, что ей сопротивляется. Каждый день населеніе Версаля собирается на улицахъ и у входа въ Собраніе и „оскорбляетъ такъ называемыхъ аристократовъ“ [1]).

Въ понедѣльникъ 22 іюня „едва не убили Д'Эпремениля; аббатъ Мори спасся лишь благодаря силѣ одного кюре, который схватилъ его въ охапку и бросилъ въ карету архіепископа Арльскаго“. 23-го, парижскій архіепископъ, государственный канцлеръ были освистаны, опозорены, оплеваны, осмѣяны такъ, что едва не пропали отъ срама и ярости; буря возгласовъ, какими ихъ встрѣтили, была такъ ужасна, что Папоре, секретарь короля, сопровождавшій министра, скончался въ тотъ же день отъ испуга. 24-го, епископъ города Бове едва не былъ убитъ камнемъ, попавшимъ ему въ голову. 25-го парижскій архіепископъ спасся только благодаря быстротѣ своихъ лошадей; толпа погналась за нимъ, бросая камнями, осадила его отель, выбила всѣ стекла и, не смотря на защиту французской гвардіи, опасность была такъ велика, что онъ былъ принужденъ пообѣщать, что присоединится къ депутатамъ третьяго сословія. Вотъ какимъ путемъ грубая рука народа творитъ сліяніе сословій. Она тяготитъ одинаково надменно и надъ своими противниками и надъ своими представителями. „Всякое наше засѣданіе происходило подъ опекой, пишетъ Бальи, такъ какъ на немъ находилось всегда больше шестисотъ зрителей“, [2]) не нѣмыхъ и благоговѣйныхъ, а дѣятельныхъ, шумящихъ, которые примѣшивались къ депутатамъ, поднимали руку во время голосованій, по каждому поводу принимали участіе въ преніяхъ своими рукоплесканіями или свистками, въ качествѣ побочнаго собранія, часто впушавшаго свою волю главному. Они отмѣчаютъ и записываютъ имена возражающихъ; эти имена передаютъ сначала тѣмъ, кто на переносныхъ стульяхъ усаживается у входа въ залъ, а отъ нихъ—въ толпу,

---

[1]) Étienne Dumont, Souvenirs 72; C. Desmoulins-lettres du 24 juin; A Young 25 juin; Buchez et Roux II, 28.

[2]) Bailly I, 179 и 227; Mounier-Recherches sur les causes, qui ont empêché les Français de devenir libres I, 291, II, 61, Marmontel I 28. Народъ проникаетъ въ Собраніе съ цѣлью подбодрить своихъ сторонниковъ, выбрать и отмѣтить свои жертвы и нагнать страхъ на слабыхъ страшнымъ испытаніемъ поименнаго голосованія.

которая ждетъ депутатовъ при выходѣ [1]). Отнынѣ записанные признаются „врагами общества“. Ихъ списки составляютъ, печатаютъ и вечеромъ они въ Пале-Роялѣ дѣлаются уже списками обреченныхъ на гибель.

Подъ этимъ грубымъ давленіемъ проходитъ множество декретовъ, между прочимъ и тотъ самый, которымъ общины объявляютъ себя Національнымъ Собраніемъ и захватываютъ верховную власть.

Накануѣ, Малуэ предложилъ установить предварительно, на чьей сторонѣ большинство; въ ту же минуту всѣ имѣющіе въ виду сказать „нѣтъ“, числомъ болѣе трехсотъ человѣкъ, собрались вокругъ него; тогда „съ галлерей устремляется какой то человѣкъ, бросается на него, хватаетъ за воротникъ, крича: замолчи, негодный гражданинъ!“ Малуэ вырвали изъ его рукъ, подоспѣла стража; „но въ залѣ распространился ужасъ, вслѣдъ за возражающими понеслись угрозы и на слѣдующій день насъ было только девяносто“.

Конечно, списокъ ихъ именъ немедленно былъ пущенъ по рукамъ; нѣкоторые изъ нихъ, депутаты отъ Парижа, въ тотъ же вечеръ разыскали Бальи: одинъ „честнѣйшій человѣкъ и прекрасный патріотъ“ былъ предупрежденъ, что его домъ должны поджечь, а у него какъ разъ жена собиралась рожать и малѣйшее безпокойство въ домѣ было бы смертельно для больной. Подобнаго рода доводы оказываются рѣшающими.

Въ самомъ дѣлѣ, три дня спустя, при принесеніи новой присяги въ мячной залѣ, одинъ только депутатъ Мартинъ д'Ошъ рѣшился написать противъ своего имени: „не согласенъ“. Оскорбленный большинствомъ товарищей, „указанный немедленно толпѣ, столпившейся у входа въ залъ, онъ былъ вынужденъ, чтобы избѣжать растерзанія на куски, спасаться черезъ боковой выходъ и нѣсколько дней не посѣщать засѣданія [2]). Благодаря этому вмѣшательству галлерей, радикальное меньшинство, въ коли-

---

[1]) Письма (рукописныя) депутата Булле муниципальнымъ должностнымъ лицамъ г. Понтіви (сообщены г. Розенцвейгомъ, архивистомъ въ Ваннѣ), съ 1 мая 1789 г. по 4 сент. 1790 г.: „16 іюня 1789 г. толпа, окружавшая залъ Собранія, состояла въ эти дни изъ 2—3000 человѣкъ“.

[2]) Письма Булле, 23 іюня: какой дивный моментъ былъ, когда мы съ энтузіазмомъ соединились ради родины въ новой присягѣ!.. Зачѣмъ же одинъ изъ нашихъ членовъ выбралъ это мгновеніе, чтобъ обезчестить себя? Его имя теперь заклеймено во всей Франціи, а у несчастнаго есть дѣти! Покрытый тотчасъ всеобщимъ презрѣніемъ, онъ выходя упалъ отъ слабости въ дверяхъ съ крикомъ: „я умру отъ этого!“ Я не знаю, что съ нимъ потомъ было.

чествѣ едва тридцати человѣкъ, руководитъ большинствомъ [1]) и не позволяетъ ему сбросить съ себя это иго. 28 мая, когда Малуэ просилъ обсудить при закрытыхъ дверяхъ способы примиренія, предложенныя королемъ, галлереи свикали его и депутатъ М. Бушъ, обратился къ нему съ слѣдующими, слишкомъ ясными, словами; „знайте, милостивый государь, что мы ведемъ здѣсь пренія передъ нашими повелителями и обязаны дать имъ отчетъ въ нашихъ мнѣніяхъ".

Таково было ученіе „Общественнаго договора" и депутаты, люди мало знакомые съ дѣломъ, теоретики и провинціалы, изъ робости, изъ боязни двора и привилегированныхъ лицъ, изъ оптимизма и довѣрія къ людямъ, изъ увлеченія и необходимости держаться своихъ первыхъ постановленій, не смѣютъ и не умѣютъ освободиться отъ тиранніи господствующаго ученія. Отнынѣ оно становится закономъ: Учредительное и Законодательное собранія и Конвентъ стремятся выдержать его до конца. Было признано, что публика галлерей представляетъ собою народъ, съ правами равными и даже большими, чѣмъ депутаты.

Эта публика—та же, что въ Пале-Роялѣ,— иностранцы, праздношатающіеся, любители новостей, парижскіе вѣстовщики, ресторанные горланы, будущіе завсегдатаи клубовъ, короче, всѣ изступленные изъ буржуа, подобно тому, какъ чернь, грозящая у дверей Собранія и бросающая каменья, вербуется среди изступленной части простого народа.

Такъ, путемъ невольнаго подбора, партія, которая присваиваетъ себѣ общественную власть, составляется изъ наглыхъ умовъ и наглыхъ рукъ. Произвольно, безъ предварительнаго соглашенія, опасные безсловесные оказываются въ союзѣ съ опасными животными и этому незаконному союзу суждено перевернуть все вверхъ дномъ среди растущаго разлада законныхъ властей.

Когда командующій войсками, засѣдая со своимъ штабомъ и совѣтомъ, обсуждаетъ планъ кампаніи, въ общихъ интересахъ—прежде всего—сохраненіе въ полной неприкосновенности дисциплины, чтобы посторонніе, солдаты или обозные, не проникли на совѣщаніе, чтобъ бросить вѣсъ своей наглости и необдуманности на вѣсы, которые начальники обязаны держать съ осторожностью и хладнокровіемъ. Таково было ясное требованіе правительства [2]). Оно не имѣло успѣха и

[1]) De Ferrières I, 168; Malouet I. 298; ibid. II, 10. По его показанію, эта партія не насчитывала тогда болѣе 10 членовъ. Dumont 250.

[2]) Декларація 23 іюня, 15-й параграфъ.

ничего не оставалось болѣе правительству, какъ примѣнить силу противъ упорнаго захвата власти толпой. Но самая сила ускользаетъ изъ рукъ правительства: растущее неповиновеніе, охвативъ народъ, какъ зараза распространяется и на войска.

Послѣ 23 іюня двѣ роты французской гвардіи отказываются отъ службы въ казармахъ [1]); 27-го онѣ нарушаютъ запрещеніе выходить изъ казармъ и съ этихъ поръ, каждый вечеръ видятъ, какъ онѣ, маршируя въ два ряда, входятъ въ Пале-Рояль". Мѣсто это имъ знакомо: здѣсь—всеобщее сходбище тѣхъ дѣвушекъ, у которыхъ они состоятъ любовниками и паразитами [2]). „Всѣ патріоты пристаютъ къ нимъ: вмѣсто нихъ платятъ за вино, за мороженное; ихъ развращаютъ на глазахъ офицеровъ". Надо принять еще во вниманіе, что они издавна ненавидятъ своего полковника г. дю-Пателе за то, что онъ утомлялъ ихъ усиленными упражненіями, уменьшилъ число сержантовъ, „пилилъ ихъ", закрылъ школу, гдѣ воспитывали дѣтей ихъ музыкантовъ, примѣнялъ палки для наказанія людей и придирался къ ихъ выправкѣ, пищѣ и разговорамъ.

Этотъ полкъ потеранъ для дисциплины: въ немъ образовалось тайное общество и солдаты обязались передъ своими вожаками не предпринимать ничего противъ Національнаго Собранія. Равнымъ образомъ былъ заключенъ союзъ между ними и Пале-Роялемъ. 30 іюня, одиннадцать ихъ коноводовъ, отведенныхъ въ Аббатство, пишутъ письмо, прося помощи: какой-то молодой человѣкъ, взобравшись на стулъ передъ кафе Фойи, читаетъ это письмо во всеуслышаніе; тотчасъ отправляется шайка, выламываетъ калитку ударами калотушекъ и желѣзныхъ полосъ и съ тріумфомъ уводитъ заключенныхъ; имъ устраиваютъ въ саду празднество, разставивъ охрану вокругъ нихъ, чтобъ не пришли забрать ихъ снова. Разъ подобное безчинство остается безпаказаннымъ, невозможно поддержать никакой порядокъ; въ самомъ дѣлѣ, 14 іюля утромъ изъ шести батальоновъ, пять измѣнили. Что же касается другихъ полковъ, то и они ведутъ себя не лучше, и въ свою очередь ока-

---

[1]) Montjoie II, 118; C. Demoulins письма отъ 24 іюня и слѣд. дней; Récit fidèle M-de Sainte-Fère бывшаго офицера французской гвардіи 9. Besenval. III, 413. Bouchez et Roux II, 35. Souvenirs inédits [канцлера Паскьера.

[2]) Peuchet (Encyclopédie methodiquec 1789, ссылка Parent-Duchâtelet): „Почти всѣ солдаты-гвардейцы принадлежатъ къ этому разряду (сутеноровъ) и многіе записываются въ полки только для того, чтобы жить на счетъ этихъ несчастныхъ женщинъ".

зываются развращенными. „Вчера, пишетъ Демуленъ, артиллерійскій полкъ послѣдовалъ примѣру французской гвардіи; онъ преодолѣлъ сопротивленіе часовыхъ и явился для присоединенія къ патріотамъ Пале-Рояля... Видно только, какъ народъ пристаетъ ко всѣмъ военнымъ, встрѣчая ихъ криками: „идемъ! да здравствуетъ третье сословіе"; и чернь тащитъ ихъ въ кабачки выпить за здоровье коммуны". Драгуны говорятъ офицеру, который ведетъ ихъ въ Версаль: „мы повинуемся вамъ, но, когда мы придемъ, объясните министрамъ, что, если намъ прикажутъ произвести хотя малѣйшее насиліе надъ нашими согражданами, первый выстрѣлъ придется на вашу долю". Двадцать человѣкъ инвалидовъ, отправленныхъ забрать курки и шомполы ружей изъ подвергавшагося опасности магазина, затратили шесть часовъ для того, чтобъ сдѣлать двадцать ружей негодными для употребленія, такъ какъ желали сохранить ихъ неповрежденными для разграбленія и вооруженія народа. Короче, наибольшая часть арміи покинула правительство. Какъ бы ни былъ хорошъ начальникъ, но, разъ онъ начальникъ, на него смотрѣли, какъ на врага.

Комендантъ де Сембрейль, „которому они не могутъ сдѣлать ни малѣйшаго упрека, увидитъ сейчасъ, что его пушкари направили на его домъ орудія и самого его едва не повѣсили своими собственными руками на рѣшеткѣ.

Такъ сила, которой приказываютъ подавить возстаніе, служитъ лишь для пополненія его рядовъ новыми борцами. Мало того, выставленное на показъ оружіе, чѣмъ разсчитывали сдержать толпу, даетъ пищу подстрекательствамъ и доводитъ ее до бунта.

6. Роковой моментъ наступилъ: это не смѣна какой-нибудь правительственной власти, которая падаетъ для того, чтобы уступить мѣсто другой, это устраненіе всякой правительственной власти, уступающей мѣсто перемежающемуся деспотизму толпы, которая, очертя голову, бросается впередъ подъ вліяніемъ изступленія, легковѣрія, нищеты и страха [1]). Словно совершенно внезапно возвращающійся къ дикости ручной слонъ, народъ однимъ движеніемъ сбрасываетъ на землю своего обычнаго вожатаго, а новые вожаки, которымъ онъ позволяетъ усѣсться на его шеѣ, находятся тамъ только для вида: впредь онъ идетъ по своему усмотрѣнію, освобожденный отъ ихъ разумной воли и предоставленный своимъ чувствамъ, инстинктамъ и вожделѣніямъ.

[1]) Переписка коменданта Морриса съ Вашингтономъ: „свобода — вотъ теперешній всеобщій крикъ; власти существуютъ только на словахъ".

Очевидно хотѣли только предупредить его скачки въ сторону: король запретилъ всякое насиліе, командиры не позволяютъ войскамъ стрѣлять [1]); но раздраженное, дикое животное принимаетъ всѣ предупредительныя мѣры за покушенія на него. Въ будущемъ оно хочетъ быть самостоятельнымъ и для начала раздавливаетъ своихъ сторожей. 12 іюля, около полудня [2]), при извѣстіи объ отставкѣ Неккера, въ Пале-Роялѣ поднимается яростный вопль; Камиллъ Демуленъ вскакиваетъ на столъ и объявляетъ, что дворъ „замышляетъ устроить патріотамъ Варфоломеевскую ночь".

Его награждаютъ поцѣлуями и объятіями, надѣваютъ по его предложенію зеленыя кокарды, заставляютъ закрыть всѣ танцовальные залы и театры въ знакъ траура, направляются къ Курціусу, чтобъ взять бюсты герцога Орлеанскаго и Неккера, и устраиваютъ съ ними тріумфальное шествіе.

Между тѣмъ драгуны принца де-Ламбека, выстроенные на площади Людовика XV, натыкаются у входа въ Тюльери на баррикаду изъ стульевъ и встрѣчены градомъ камней и бутылокъ [3]). Въ другомъ мѣстѣ, на бульварахъ передъ отелемъ

---

[1]) Bailly I, 302: „король былъ чрезвычайно довѣрчивъ и разсчитывалъ принять мѣры лишь для водворенія общественнаго порядка и мира. Сила истины заставила судъ оправдать г. де-Безенваля въ покушеніи противъ народа и отечества"; Marmontel IV, 183: Mounier II, 40.

[2]) C. Desmoulins lettre de 16 juillet; Buchez et Roux II, 83.

[3]) Процессъ принца де-Ламбека (Парижъ, 1790 г.), съ показаніями 83 свидѣтелей и преніями. Толпа первая сдѣлала нападеніе; войска стрѣляли въ воздухъ и былъ раненъ только одинъ человѣкъ—господинъ Шонель, да и то легко, принцемъ де-Ламбекомъ (показаніе г. де-Карбуара, стр. 84 и капитана Рейнака стр. 101). „Едва только принцъ де-Ламбекъ, сидѣвшій на сѣрой лошади въ сѣромъ сѣдлѣ безъ кобуры и пистолетовъ, появился въ саду, какъ на него бросилась дюжина людей и, уцѣпившись за узду и гриву его лошади, изо всѣхъ силъ старалась стянуть его на землю, а какой-то маленькій человѣчекъ въ сѣромъ платьѣ на очень близкомъ разстояніи выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Принцъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ вырваться у нихъ, и отбился отъ нихъ лишь тѣмъ, что поднималъ лошадь на дыбы и фехтовалъ саблей, не раня, однако, въ это время никого. Свидѣтель видѣлъ, что онъ ударилъ только плашмя саблей по головѣ одного человѣка, который пытался развести мостъ, чтобы отрѣзать отступленіе его отряду. Этотъ отрядъ старался только раздвинуть толпу, ожесточенно бросавшуюся на него, причемъ съ террасъ его осыпали камнями и даже стрѣляли". Человѣкъ, пытавшійся развести мостъ, схватилъ лошадь принца за уздечку, но получилъ небольшую царапину въ 23 линіи длиною, которую тутъ же перевязали и залѣчили водочнымъ компресомъ. Всѣ по-

Монморанси французскіе гвардейцы, убѣжавшіе изъ казармъ, открываютъ огонь по полку „королевскихъ нѣмцевъ", оставшихся вѣрными присягѣ. Со всѣхъ сторонъ звучитъ набатъ, оружейные магазины ограблены, городской домъ занятъ толпой; 15 или 16 добровольныхъ избирателей, оказавшихся тамъ, рѣшаютъ, что округи будутъ призваны и вооружены.

Новый властелинъ обнаружился: это былъ вооруженный народъ на улицахъ.

Тотчасъ же на сцену выступаютъ подонки общества. Въ ночь съ 12 на 13 іюля [1]) „были разбиты и сожжены всѣ заставы, кромѣ заставъ въ предмѣстьяхъ С.-Марселя и С.-Жака, начиная отъ предмѣстья св. Антонія до предмѣстья С.-Оноре". Ввозныхъ пошлинъ болѣе нѣтъ и городъ остается безъ дохода въ тотъ самый моментъ, когда онъ обязанъ нести самыя значительныя затраты; но какое дѣло до этого черни, которая прежде всего желаетъ дешеваго вина? Разбойники, вооруженные пиками и дубинами, рыскаютъ повсюду, раздѣлившись на множество шаекъ, для грабежа домовъ, на хозяевъ которыхъ смотрятъ, какъ на враговъ общественнаго благосостоянія. „Они стучатся въ двери, крича: дайте намъ оружія и денегъ! Всю эту ужасную ночь буржуа сидѣли взаперти по домамъ, дрожа каждый за себя и за свои семьи". Весь слѣдующій день, 13-го, столица, казалось, отдана во власть презрѣнной черни и бандитовъ. Одна шайка выламываетъ ударами топоровъ двери у Лазаристовъ, уничтожаетъ библіотеку, шкафы, картины, окна, физическій кабинетъ, стремглавъ бросается въ погреба, разбиваетъ бочки и напивается до-пьяна. 24 часа спустя тамъ нашли около тридцати мертвыхъ или умирающихъ, утонувшихъ въ винѣ, мужчинъ и женщинъ; изъ послѣднихъ одна на девятомъ мѣсяцѣ беременности. Передъ домомъ [2]) вся улица завалена обломками; „одни изъ разбойниковъ держатъ въ рукахъ

дробности дѣла показываютъ, что офицеры были терпѣливы и человѣчны до крайности. Тѣмъ не менѣе „на слѣдующій день, 13 го, какой-то субъектъ прибилъ на перекресткѣ Бюсси писанное воззваніе, приглашавшее гражданъ схватить принца де Ламбека и *немедленно четвертовать его* (показаніе Коссона, 114)

[1]) Bailly I, 356 - Marmontel IV, 310.

[2]) Montjoie, III, 86. „Я разговаривалъ съ охранявшими тюльерійскій замокъ. Они не были парижанами.. Страшное лицо, отвратительная одежда (Монжуа—подозрительный источникъ во множествѣ случаевъ, заслуживаетъ вниманія при воспроизведеніи незначительныхъ происшествій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ лично"). Morellet-Memoires I, 374; Dussaulx-L'oeuvre des sept jours 352; Revue historique 1676. III.

жбаны, другіе съѣстное, заставляютъ каждаго прохожаго выпить и разливаютъ вино направо и налѣво всѣмъ проходящимъ. Вино течетъ по откосу въ ручей, издавая сильнѣйшій запахъ". Между тѣмъ находятъ муку и зерно, которыя монахи постоянно держали, согласно указу, въ складахъ, и отправляютъ 52 повозки на рынокъ. Другая шайка направляется, чтобъ освободить силой всѣхъ заключенныхъ въ долговомъ отдѣленіи: третья проникаетъ въ королевскія кладовыя и забираетъ тамъ цѣнное оружіе и доспѣхи. Передъ особнякомъ г. де Бретель и Пале-Бурбонъ скопляется толпа и хочетъ ихъ разграбить, чтобы наказать собственниковъ. Г. де-Кронъ, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ и уважаемыхъ людей въ Парижѣ, но, на свое несчастіе, полицейскій офицеръ, едва спасается отъ преслѣдованія, причемъ особнякъ его разграбленъ.

Въ ночь съ 13-го на 14-е грабятъ булочныя и винотор-говли: „какіе-то люди, принадлежащіе къ самымъ презрѣннымъ подонкамъ, вооруженные ружьями, вертелами и пиками, заставляютъ открывать двери домовъ и требуютъ, чтобъ ихъ напоили, накормили и дали имъ денегъ и оружія". Это все бродяги, оборванцы, весьма многіе полураздѣты, большая часть вооружены словно дикари, съ ужасными отталкивающими физіономіями, однимъ словомъ тѣ, кого вы не встрѣтите днемъ на улицахъ; многіе изъ нихъ иноземцы, явившіеся неизвѣстно откуда [1]). Говорятъ ихъ болѣе 50000 и они завладѣли важнѣйшими караульнями.

„За эти два дня и двѣ ночи, говоритъ Бальи, Парижъ подвергался опасности быть разграбленнымъ и былъ спасенъ отъ бандитовъ только національной гвардіей".

Уже „на полныхъ народомъ улицахъ" [2]) разныя твари съ гражданокъ срывали серьги и пряжки съ башмаковъ, а воришки издѣвались надъ ними.

Къ счастью, организовалась милиція, въ которую записываются первѣйшіе горожане и дворяне; 48000 человѣкъ формируются по полкамъ и батальонамъ; буржуа покупаютъ у бродягъ ружья по 3 ливра, ихъ шпаги, сабли и пистолеты по 12 су. Нѣсколькихъ злодѣевъ вѣшаютъ на мѣстѣ преступле-

---

[1]) Mathieu Dumas, Memoires I, 531: „мирные обитатели убѣгали при видѣ этихъ ужасныхъ сборищъ изъ чужеземныхъ пеистовыхъ бродягъ. Всѣ дома запирались. Когда я возвращался домой, въ кварталѣ Сенъ-Дени, нѣсколько этихъ бродягъ вселяли ужасъ, стрѣляя изъ ружей на воздухъ".

[2]) Dussaulx 379.

нія, другихъ большею частью обезоруживаютъ и возстаніе опять становится политическимъ. Но какова бы ни была его цѣль, оно остается постоянно безразсуднымъ, потому что оно популярно. Его панегиристъ Дюссо, сознается однако [1]), что „онъ думалъ, что присутствуетъ при полномъ разложеніи общества". Не было ни вождей, ни управленія. Кажется, будто избиратели—импровизированные представители Парижа, верховодятъ надъ толпой, а на самомъ дѣлѣ толпа верховодитъ надъ ними. Одинъ изъ нихъ, Легранъ, не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ, чтобы спасти городской домъ, какъ принести шесть боченковъ пороху и объявить ворвавшейся толпѣ, что онъ взорветъ всѣхъ. Избранный ими предводитель г. де-Салль, въ четверть часа получаетъ двадцать штыковыхъ ударовъ въ грудь и не разъ самый комитетъ цѣликомъ бывалъ недалекъ отъ избіенія.

Представьте себѣ въ мѣстѣ, гдѣ идутъ разговоры и упрашиванія, стеченіе 15 сотенъ людей, сдавленныхъ 100 тысячами другихъ, которые пытаются войти силою", трещащія панели, опрокинутыя одна на другую скамьи, оградку присутственнаго мѣста, оттѣсненную къ предсѣдательскому креслу, сумятицу, заставляющую думать, что насталъ день послѣдняго суда, вопли умирающихъ, пѣсни и рыданія „людей внѣ себя и большею частію незнающихъ, гдѣ они и чего они хотятъ".

Каждый округъ представляетъ собой въ свою очередь маленькій центръ. Самымъ главнымъ изъ всѣхъ является Пале-Рояль. Постановленія, обвиненія, депутаціи, катятся отъ одного къ другому вмѣстѣ съ человѣческимъ потокомъ, который то застаивается, то стремительно рвется впередъ, управляясь только направленіемъ покатости и попадающимися на дорогѣ неровностями. Толпа скопляется то здѣсь, то тамъ; ея стратегія состоитъ только въ томъ, чтобы толкать или быть подталкиваемой. Пока они входятъ только туда, куда ихъ впускаютъ. Если они проникаютъ къ инвалидамъ, то только благодаря потворству солдатъ. У Бастиліи они отъ десяти часовъ утра до пяти часовъ вечера стрѣляютъ изъ ружей въ стѣны 40 футовъ вышины и 30 толщины и лишь совершенно случайно одинъ выстрѣлъ попадаетъ въ какого-то инвалида на башнѣ. Ихъ жалѣютъ словно дѣтей, которымъ стараются причинить возможно меньшую боль: по первому требованію ко-

[1]) Dussaulx, 288, 336, 359, 360, 361. „Въ сущности ихъ просьбы походили на приказанія и невозможно было болѣе одного раза имъ противиться".

мендантъ Бастиліи убираетъ пушки изъ амбразуръ и заставляетъ гарнизонъ поклясться, что онъ не будетъ стрѣлять до нападенія на него; онъ приглашаетъ первую депутацію завтракать и позволяетъ посланцу изъ „городского дома“ осмотрѣть всю крѣпость; онъ выдерживаетъ, не отвѣчая, даже нѣсколько залповъ и позволяетъ завладѣть первымъ мостомъ, не зажигая даже затравки [1]). Если онъ, наконецъ, стрѣляетъ, то лишь при послѣдней крайности, чтобы защитить второй мостъ, да и то предварительно предупредивъ осаждающихъ, что дастъ залпъ. Однимъ словомъ, его великодушіе и терпѣніе чрезмѣрны, сообразно гуманности его времени. Они же сошли съ ума отъ новаго ощущенія нападенія и сопротивленія, отъ запаха пороха, увлеченія битвы; они умѣютъ только ежеминутно бросаться на каменныя громады и пускаемыя ими въ ходъ средства соотвѣтствуютъ уровню ихъ тактики. Какой-то пивоваръ воображаетъ зажечь эту каменную глыбу, обливая ее сверху изъ насосовъ лавендовымъ и маковымъ масломъ съ вспрыснутымъ фосфоромъ. Какой-то молодой плотникъ, имѣющій небольшія познанія по археологіи, предлагаетъ построить катапульту. Нѣсколько человѣкъ думаютъ, что схватили дочь коменданта и хотѣли сжечь ее, чтобы побудить отца къ сдачѣ. Другіе подожгли какое-то переднее строеніе, наполненное соломой, чѣмъ загородили себѣ проходъ. „Бастилія не была взята живой силой, говорилъ храбрый Эли, одинъ изъ ея защитниковъ: прежде, чѣмъ на нее напали, она сдалась [2])“ на капитуляцію, подъ обѣщаніемъ, что никому не будетъ причинено зла. Гарнизонъ, очень хорошо защищенный, не имѣлъ желанія, безъ опасности для себя, стрѣлять въ эти живыя громады [3]), да и кромѣ того видъ безчисленной толпы привелъ его въ смущеніе. Нападеніе производилось только восемью или девятью стами человѣкъ [4]), по преимуществу мастеровыхъ и лавочниковъ изъ предмѣстій, портныхъ, каретниковъ, мелочныхъ разносчиковъ, виноторговцевъ, перемѣшавшихся съ французскими

[1]) Dussaulx 447; Revue rétrospective IV, 282 (Донесеніе начальника 32 швейцарцевъ).

[2]) Marmontel IV, 317.

[3]) Dussaulx 454: „солдаты отвѣтили, что они рѣшатся на все, только не на убійство такого большого числа своихъ согражданъ“.

[4]) Dussaulx 447. Число изувѣченныхъ, раненыхъ, убитыхъ и оставшихся въ живыхъ, бойцовъ было 825; Marmontel IV, 320: „въ число побѣдителей, доходившее до 800, включены и тѣ, кто не приближался къ площади“.

гвардейцами, однако площадь Бастиліи и всѣ прилегающія улицы были переполнены любопытными, сбѣжавшимися поглядѣть на зрѣлище; среди нихъ, говоритъ одинъ свидѣтель [1])— „на открытомъ воздухѣ множество элегантныхъ дамъ изъ высшаго свѣта, оставившихъ свои кареты на нѣкоторомъ разстояніи". Ста двадцати человѣкамъ гарнизона съ высоты ихъ брустверовъ казалось, что весь Парижъ вылился на нихъ. Они сами опускаютъ подъемный мостъ и впускаютъ врага: всѣ рѣшительно потеряли голову, и осажденные и осаждающіе, особенно послѣдніе, такъ они опьянены побѣдой. Едва войдя, они начинаютъ ломать все, задніе зря стрѣляютъ въ переднихъ; „каждый стрѣляетъ, не обращая вниманія, ни куда, на въ кого попадаютъ его выстрѣлы". Неожиданное всемогущество и возможность убивать всѣхъ—слишкомъ сильный напитокъ для человѣческой природы: у человѣка начинается своего рода помѣшательство, *въ глазахъ рябитъ кровь* и его изступленіе оканчивается звѣрствомъ.

Особенность народнаго возстанія та, что въ немъ никто не повинуется никому, дурныя страсти свободны такъ-же, какъ и великодушные порывы и герои не могутъ тамъ обуздать убійцъ. Эли, вошедшій первымъ, Шола и Гюленъ, храбрецы, бывшіе впереди и французскіе гвардейцы, знающіе законы войны, стараются сдержать свое слово; но толпа, напирающая сзади, только и знаетъ, что бить и бить наудачу. Она щадитъ стрѣлявшихъ по ней швейцарцевъ, принявъ ихъ по ихъ синимъ балахонамъ за заключенныхъ, но зато съ остервененіемъ набрасывается на инвалидовъ, открывшихъ ей ворота. Того самаго, который помѣшалъ коменданту взорвать на воздухъ крѣпость, пронзаютъ двумя ударами шпаги, отрубливаютъ ему кисть руки ударомъ сабли, наконецъ, вѣшаютъ его, а его руку, спасшую цѣлый кварталъ Парижа, съ тріумфомъ таскаютъ по улицамъ. Офицеровъ вытаскиваютъ. пятерыхъ изъ нихъ убиваютъ вмѣстѣ съ тремя солдатами на дорогѣ или на мѣстѣ.

За долгіе часы перестрѣлки проснулись кровожадные ин-

[1]) Неизданныя воспоминанія канцлера Паскьера, очевидца. Онъ стоялъ, прислонившись къ рѣшеткѣ сада Бомарше, и глядѣлъ, а рядомъ съ нимъ была артистка M-lle Конта, оставившая свою карету на Королевской площади. Журналъ Марата „Другъ народа" № 590. „Когда небывалое стеченіе обстоятельствъ заставило пасть плохо защищаемыя стѣны Бастиліи предъ усиліями кучки солдатъ и толпы несчастливцевъ большею частью нѣмцевъ и почти цѣликомъ провинціаловъ, то передъ крѣпостью появились Парижане, привлеченные туда лишь однимъ любопытствомъ".

стинкты и желаніе убійствъ, превратившееся въ навязчивую потребность, распространилось далѣе во всей толпѣ, даже среди тѣхъ, кто былъ лишь зрителемъ. Довольно одного вопля, чтобъ ее уговорить, съ нея достаточно крика „караулъ“ и разъ кто-либо изъ нихъ ударилъ, то и всѣ хотятъ бить.

„Тѣ, у кого не было оружія [1]), разсказываетъ одинъ офицеръ, бросали въ меня камнями; женщины скрежетали зубами и грозили мнѣ кулаками. Уже сзади меня убили двухъ моихъ солдатъ... Когда же я былъ въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ „Городского Дома“, причемъ всеобщій крикъ грозилъ меня повѣсить, вдругъ передо мной принесли насаженную на пику голову, которую поднесли ко мнѣ для разсмотрѣнія, говоря, что это голова коменданта г. де-Лоней“.

Когда этотъ послѣдній выходилъ, онъ получилъ ударъ шпагой въ правое плечо; когда онъ достигъ улицы Сентъ-Антуана, то вся толпа вырывала съ остервененіемъ у него волосы и наносила ему удары. Подъ сводами Сенъ-Жана онъ былъ уже сильно израненъ. Одни изъ окружавшихъ его кричали „надо отрубить ему голову“, другіе—надо „повѣсить его“, третьи предлагали „привязать его къ конскому хвосту“. Но онъ самъ, прійдя въ отчаяніе и желая прекратить свое мученіе, кричитъ: „кто дарустъ мнѣ смерть“, и защищаясь ударяетъ ногой въ низъ живота одного изъ державшихъ его людей. Въ тоже мгновеніе его пронизываютъ штыками, тащатъ его въ ручей, бьютъ его трупъ, вопя: „это паршивецъ и чудовище, предавшее насъ; *нація* требуетъ его голову, чтобъ показать ее публикѣ“, и приглашаютъ отрѣзать ему голову человѣка, котораго онъ ударилъ. Это былъ безмѣстный поваръ-ротозѣй, который пошелъ въ Бастилію, чтобъ поглядѣть, что тамъ происходитъ; онъ рѣшаетъ, что, разъ это всеобщее мнѣніе, значитъ дѣло *„патріотично“*, и разсчитываетъ даже „заслужить медаль за истребленіе чудовища“. Онъ ударяетъ ссуженною ему саблей по обнаженной шеѣ; но плохо отточенная сабля рубитъ плохо; тогда онъ вытаскиваетъ изъ кармана маленькій ножъ, съ черной ручкой и „въ качествѣ повара“ умѣетъ обработать говядину и благополучно оканчиваетъ операцію. Затѣмъ, надѣвъ голову на конецъ вилъ съ тремя зубцами, въ сопровожденіи 200 вооруженныхъ людей, „не считая толпы“, онъ открываетъ шествіе и на улицѣ С.-Оноре заставляетъ привязать еще къ головѣ двѣ надписи, чтобъ точно указать,—кому

[1]) Разсказъ командира 32 швейцарцевъ, виноторговца Шола. Допросъ одного изъ побѣдителей Дено, отрубившаго голову у г. Лоней.

она принадлежала. Наступаетъ веселіе: пройдя по Пале-Роялю, шествіе достигаетъ Новаго моста; передъ статуей Генриха IV трижды опускаютъ отрубленную голову, говоря „кланяйся своему хозяину". Это было послѣдней насмѣшкой, которая сквозитъ во всемъ тріумфѣ и въ палачѣ явственно проглядываетъ уличный мальчишка.

7. Тѣмъ временемъ нѣсколько другихъ шелопаевъ, распоряжаясь, съ легкомысліемъ болтуновъ, жизнями, такъ же свободно, какъ и словами, составили въ Пале-Роялѣ ночью съ 13 на 14 списокъ „обреченныхъ", который они разсылаютъ во множествѣ экземпляровъ; они прилагаютъ стараніе, чтобъ адресовать его каждому изъ лицъ, поименованныхъ въ немъ: графу д'Артуа, маршалу Брольи, принцу Ламбеку, барону Безанвалю, г.г. Бретелю, Фуллону, Бертье, Мори, д'Эпременилю, Лефевру д'Амекуру и еще многимъ другимъ [1]; за голову каждаго изъ нихъ, доставленную въ кафе Каво, обѣщана награда.

Вотъ списокъ именъ для разнузданной толпы; достаточно будетъ впредь кому-нибудь изъ обреченныхъ на смерть встрѣтиться съ толпой: онъ дойдетъ лишь до перваго фонаря на углу, но не далѣе.

Весь день 14-го импровизированный трибуналъ засѣдаетъ безъ перерыва, закрѣпляя актами свои приговоры. Въ виду того, что купеческій старшина и предсѣдатель избирателей въ „Городскомъ Домѣ", г. де-Флессель, показалъ себя равнодушнымъ [2]), Пале-Рояль объявляетъ его измѣнникомъ; посылаютъ схватить его; но во время пути какой-то молодой человѣкъ убиваетъ его выстрѣломъ изъ пистолета, остальные съ остервененіемъ набрасываются на его тѣло и его голова, носимая на пикѣ, отправляется на присоединеніе къ головѣ г. де-Лонея. Столь-же смертоносныя обвиненія и столь-же близкіе къ исполненію приговоры носятся со всѣхъ сторонъ въ воздухѣ. „Подъ малѣйшимъ предлогомъ, говоритъ одинъ избиратель, намъ доносили на тѣхъ, кого считали противниками Революціи; это обозначало уже, что они враги государства. Безъ всякой провѣрки, они не говорили ни о чемъ больше, какъ только о захватѣ обвиненныхъ, разрушеніи ихъ домовъ, срытіи ихъ особняковъ. Какой-то молодой человѣкъ кричалъ: „немедленно слѣдуйте за мной, идемъ къ Безанвалю!"

---

[1]) Montjoie, 3 часть, 85.—Dussaulx 287, 355, 368.

[2]) Только то всего. Ни одинъ свидѣтель не говоритъ, что видѣлъ это пресловутое письмо къ г. Лонею. По мнѣнію Дюссо у него не было даже времени и возможности писать.

Всѣ головы были такъ встревожены и всѣ умы столь недовѣрчиво настроены, что чуть не на каждомъ шагу на улицѣ „приходится называть свое имя, объявлять родъ занятій, мѣстожительство и свое мнѣніе... Нельзя ни войти въ Парижъ, ни выйти изъ него, не возбудивъ подозрѣнія въ измѣнѣ". У заставы были задержаны въ ихъ каретѣ и едва не разорваны въ клочки принцъ де-Монбарей, сторонникъ новыхъ идей, и его жена. Одинъ дворянскій депутатъ, направлявшійся въ Національное Собраніе, былъ схваченъ въ фіакрѣ и приведенъ на Гревскую площадь; здѣсь ему показываютъ трупъ г. Лонея и объявляютъ, что съ нимъ поступятъ такимъ же образомъ. Жизнь всѣхъ висѣла на волоскѣ и въ слѣдующіе дни, когда корюль удалилъ свои войска, уволилъ своихъ министровъ, опять призвалъ Неккера, на все согласился, опасность осталась столь же большой.

Толпа, предоставленная революціонерамъ и себѣ самой, продолжаетъ дѣлать тѣ же смертоносные скачки, такъ что даже муниципальные сановники [1]), къ которымъ она была даже привязана, парижскій мэръ Бальи и начальникъ національной гвардіи Лафайетъ, вынуждены хитрить съ нею, умолять ее и становиться между нею и тѣми несчастными, на которыхъ она бросается.

Ночью 15 іюля во дворѣ Городского Дома схватили женщину, переодѣтую мужчиной, и довели ее до обморока издѣвательствами; тогда Бальи, чтобы спасти ее отъ смерти, принужденъ былъ притвориться страшно на нее разгнѣваннымъ и отправить ее немедленно въ тюрьму. За время съ 14 по 22 іюля Лафайетъ, рискуя собственной жизнью, спасаетъ своею рукой семьнадцать человѣкъ въ различныхъ кварталахъ [2]).

22 іюля арестовали на основаніи доносовъ, которые были распространены вокругъ Парижа, словно дорожная пыль, двухъ высокопоставленныхъ администраторовъ—государственнаго совѣтника Фуллона и его зятя Бертье, одного возлѣ Фонтенебло, другого—недалеко отъ Компьеня. Строгій, но умный и дѣль-

---

[1]) Bailly. II, 32, 74, 83, 90, 95, 108, 117, 137, 158, 174. „Я давалъ приказанія, которыя не исполняли и не слушали... Мнѣ дали понять, что я не нахожусь въ безопасности, (15 іюля). Въ эти несчастныя времена любой врагъ, любая клевета оказывались способными поднять толпу. Всѣ, кто раньше былъ у власти, всякій, кто сдерживалъ бунтовщиковъ, и мѣшалъ имъ, былъ увѣренъ, что подвергнется преслѣдованію".

[2]) Лафайетъ. Воспоминанія. I, 264. (Письмо отъ 16 іюля 1789 г.) „Я спасъ уже жизнь 6 человѣкъ, которыхъ собирались повѣсить въ разныхъ кварталахъ города".

ный хозяинъ, Фуллонъ [1]) истратилъ прошлой зимой шестьдесятъ тысячъ франковъ на устройство работъ для бѣдныхъ въ своемъ помѣстьи, а Бертье, человѣкъ рачительный и способный, составилъ опись Иль-де Франса для уравненія податей, что уменьшило платежи тѣхъ, кто былъ излишне обложенъ, сначала на одну восьмую, а затѣмъ на четверть. Но вѣдь оба приводили въ порядокъ тотъ самый лагерь, противъ котораго поднялся Парижъ, оба они еще недѣлю тому назадъ всенародно занесены въ „списокъ обреченныхъ“ Пале-Рояля, а для народа, смущеннаго безпорядками, раздраженнаго голодомъ, обезумѣвшаго отъ подозрѣній—обвиняемый есть уже виновный. О Фуллонѣ, также какъ и о Ревельонѣ, создается басня, приписывающая ему поступки, заклейменные той-же печатью,—своего рода ходячая монета для народнаго употребленія, которую народъ самъ создастъ, соединяя въ одномъ ужасномъ словѣ весь запасъ своихъ страданій и злопамятности: [2]) онъ-де сказалъ, что „мы не лучше его лошадей и если у насъ нѣтъ хлѣба, то намъ остается ѣсть траву“.

74-хъ лѣтняго старика приводятъ въ Парижъ съ кошелкой сѣна на головѣ, ошейникомъ изъ чертополоха и ртомъ, набитымъ сѣномъ. Напрасно бюро избирателей, желая спасти его, приказываетъ взять его въ тюрьму; толпа кричитъ „осудить и повѣсить“ и самовольно назначаетъ судей. Напрасно Лафайетъ трижды умоляетъ и настаиваетъ, чтобъ былъ правильный судъ и чтобъ обвиненный былъ отведенъ въ Аббатство; нахлынула новая волна народа и какой-то хорошо „одѣтый“ человѣкъ закричалъ: „Да развѣ нуженъ судъ для человѣка, осужденнаго тридцать лѣтъ назадъ?“

Фуллона, уносятъ, тащатъ на площадь и вѣшаютъ на фонарь; веревка дважды обрывается и дважды онъ падаетъ на мостовую; третій разъ его вѣшаютъ на новой веревкѣ, затѣмъ снимаютъ, отрѣзываютъ ему голову и надѣваютъ ее на остріе пики [3]).

---

[1]) Poujoulat. Исторія франц. революціи, 100, (съ документальными доказательствами). Протоколы провинціальнаго собранія Иль-де Франса (1787), 127.

[2]) Напр.: „онъ строгъ съ вассалами“.—„Онъ не даетъ имъ хлѣба, желая, чтобы они питались травой!“—„Онъ хочетъ, чтобы они ѣли траву, какъ лошади“.—„Онъ сказалъ, что они прекрасно могутъ ѣсть сѣно, что они не лучше его лошадей“.—Такія же басни вымышляютъ и въ другихъ современныхъ жакеріяхъ.

[3]) Bailly II, 108. Народъ, мало просвѣщенный и столь-же неопытный, какъ и господа, не знаетъ болѣе точныхъ доказательствъ хорошаго управленія, какъ успѣхъ.

Въ это время въ кабріолетѣ подъ охраной привезли изъ Компьеня Бертье, котораго мѣстный муниципалитетъ не рѣшился держать въ своей тюрьмѣ, постоянно угрожаемой. Вокругъ него несли ярлыки, съ оскорбительными для него надписями; на станціяхъ въ него бросали черствыми кусками чернаго хлѣба, говоря: „Бери! несчастный, вотъ тотъ хлѣбъ, который ты заставилъ насъ ѣсть!“ Когда онъ прибылъ къ церкви въ Сенъ-Мерри надъ нимъ разражается ужасная буря оскорбленій. Его называютъ кулакомъ, хотя онъ за всю свою жизнь не купилъ и не продалъ ни одного зерна хлѣба; въ глазахъ толпы, которой необходимо объяснить зло чьимъ-либо злодѣйствомъ, онъ—виновникъ голода. Когда его привели къ Аббатству, его конвой былъ разсѣянъ, а его самаго толкаютъ къ фонарю. Видя себя погибшимъ, онъ выхватываетъ ружье у одного изъ убійцъ и храбро защищается имъ. Но какой-то солдатъ изъ „королевскихъ кроатовъ“ распоролъ ему животъ саблей, а другой вырвалъ у него сердце. Случайно тамъ находился поваръ, который отрѣзалъ голову г. Лонея; повару дали сердце для несенія, а голову взялъ солдатъ и оба они отправляются въ Городской Домъ, чтобы показать эти трофеи г. Лафайету. Возвращаясь въ Пале-Рояль, они усѣлись за столъ въ какомъ-то кабачкѣ; народъ требуетъ у нихъ эти два смертныхъ останка; они швыряютъ останки въ окно и кончаютъ свой ужинъ, въ то время какъ подъ окномъ толпа влачитъ сердце, окруженное букетомъ бѣлой гвоздики.

Вотъ что дѣлается въ этомъ саду, гдѣ годъ тому назадъ „самое избранное общество“, въ большихъ парикахъ собиралось потолковать послѣ Оперы и при мягкомъ свѣтѣ луны порою до двухъ часовъ утра упивалось то скрипкой Сенъ-Жоржа, то нѣжнымъ голосомъ Гарата.

8. Отнынѣ ясно, что безопасности ни для кого не существуетъ: ни новая милиція, ни новыя власти не въ силахъ поддержать уваженіе къ закону. „Не осмѣливались, говоритъ Бальи [1]), противорѣчить тому самому народу, который недѣлю назадъ взялъ Бастилію“. Тщетно возмущенные Бальи и Лафайетъ грозятъ подать въ отставку послѣ двухъ послѣднихъ убійствъ; ихъ заставляютъ остаться. Ихъ покровительство, какое-бы оно значеніе не имѣло, остается единственнымъ и если національная гвардія не помѣшала всѣмъ убійствамъ, то, по крайней мѣрѣ, она помѣшала нѣкоторымъ.

Такъ всякій живетъ, какъ можетъ, подъ постояннымъ

[1]) Bailly II, 95, 108.—Malouet II, 14.

страхомъ новыхъ ударовъ народной руки. „*Для всякаго безпартійнаго человѣка*, пишетъ Малуэ, *терроръ начинается съ 14-го іюля*“.

17-го, передъ поѣздкой въ Парижъ, король причащается и дѣлаетъ завѣщаніе, предвидя убійство. Между 16 и 18 двадцать лицъ высшаго круга, по большей части изъ тѣхъ, чья голова была оцѣнена въ Пале-Роялѣ, покидаютъ Францію. Среди нихъ были графъ д'Артуа, маршалъ Брольи, принцъ Кондэ, де-Конти, де-Ламбекъ, де-Водемонъ, графиня де-Полиньякъ, герцогиня де Полиньякъ и де-Гишъ.

На слѣдующій день послѣ двухъ убійствъ, скрываются или убѣгаютъ г.г. де-Крюнъ, Думеркъ и Сюро,—самые ревностные члены продовольственнаго комитета, а также всѣ агенты по покупкѣ хлѣба и надзиратели хлѣбныхъ магазиновъ. Еще наканунѣ двухъ убійствъ парижскіе нотаріусы вынуждены были выдать авансомъ 45000 франковъ, обѣщанныхъ рабочимъ С.-Антуанскаго предмѣстья, а затѣмъ и безъ того почти пустая общественная касса разорялась ежедневно на 30000 ливровъ, для уменьшенія цѣнъ на хлѣбъ. Люди и имущества, великіе и малые, частные лица и чиновники, даже само правительство, все это—въ рукахъ толпы. „Съ этого момента, говоритъ одинъ депутатъ [1]), нигдѣ нѣтъ болѣе свободы, даже въ „самомъ національномъ собраніи... Франція лишаетъ себя жизни передъ тридцатью мятежниками. Собраніе дѣлается въ ихъ рукахъ пассивнымъ орудіемъ, служившимъ имъ для выполненія ихъ намѣреній“.

Да и сами-то они не руководятъ ничѣмъ, хотя кажутся руководителями. Все находится во власти чудовищнаго звѣря, закусившаго удила, выбрыкиванія котораго становятся все сильнѣе.. Вѣдь не только два стрекала, которыя его встревожили, продолжаютъ колоть его (я подразумѣваю здѣсь жажду нововведеній и ежедневную нужду), но надъ его ушами постоянно жужжатъ размножающіеся тысячами политическіе шершни, равно какъ прельщаетъ своеволіе, которымъ онъ натѣшился на первый разъ, поощренный знаками одобренія, которыми его тогда осыпали, а потому онъ съ каждымъ днемъ все неистовѣе устремляется впередъ. Возстаніе прославляли, ни одинъ изъ убійцъ не былъ разысканъ; мало того, Собраніе учреждаетъ слѣдствіе, направленное противъ заговора министровъ, постановляетъ выдать награды побѣдителямъ Бастиліи, объявляетъ ихъ спасителями Франціи. Всюду усердно прославляютъ народъ, его

[1]) Ferrières I, 168.

трезвый умъ, великодушіе и справедливость. Новому властелину оказываютъ поклоненіе: въ оффиціальныхъ обращеніяхъ, въ печати, въ Собраніи ему всенародно твердятъ, что онъ надѣленъ всѣми добродѣтелями, всѣми правами, всей властью. Если онъ и пролилъ кровь—то безъ умысла, а вслѣдствіе подстрекательства, но онъ всегда дѣйствуетъ по непогрѣшимому влеченію. Впрочемъ, говоритъ одинъ депутатъ, „была-ли чистой эта кровь?“ Большинство охотнѣе вѣритъ теоріямъ своихъ книгъ, нежели опыту своихъ глазъ: они упорствуютъ въ выдуманныхъ ими идилліяхъ, ихъ греза, устраненная настоящимъ, все таки находитъ себѣ убѣжище въ будущемъ: завтра, когда конституція будетъ готова, осчастливленный народъ поумнѣетъ. Безропотно покоримся же бурѣ, которая ведетъ въ столь хорошую пристань.

Въ ожиданіи этихъ благъ надъ обезоруженнымъ и недѣятельнымъ королемъ, надъ неповинующимся и непокорнымъ Собраніемъ замѣчается настоящій монархъ,—народъ, вѣрнѣе сказать скопище,—сто, тысяча, десять тысячъ лицъ, собравшихся случайно, по какому-либо побужденію, по какой-либо тревогѣ, и тотчасъ же непреодолимо становящееся законодателями, судьями и палачами. Эта ужасная, разрушительная, неопредѣленная, ничѣмъ несдерживаемая власть со своей матерью, дерущей горло чудовищной Свободой, сидятъ на порогѣ Революціи, какъ два привидѣнія у воротъ Мильтонова ада: „Одна изъ нихъ казалась до пояса красивой женщиной, но омерзительно кончалась чешуйчатыми изгибами,—пространными и огромными,—змѣи, вооруженной смертоноснымъ жаломъ. У ея пояса—стая адскихъ собакъ, вѣчно лающихъ своими широкими и зіяющими, какъ у Цербера, пастями, гудѣла отвратительной сворой; однако, когда онѣ хотѣли, то пресмыкаясь входили въ ея чрево—ихъ конуру, если что-либо мѣшало ихъ лаю, и тамъ, внутри, невидимые ворчали и лаяли. Другой образъ—если только можно назвать образомъ то, что не имѣло опредѣленнаго образа, ни въ членахъ, ни въ суставахъ, ни въ станѣ, чье вещество казалось тѣнью, стоялъ черный какъ ночь, суровый какъ десять фурій, ужасный какъ адъ, потрясая грознымъ дротикомъ. То, что казалось его головой, носило подобіе королевскаго вѣнца, и чудовище это приближалось ужасными шагами“.

ГЛАВА III. 1. Анархія отъ 14 іюля до 6 октября 1789 г. Упраздненіе правительства. Кому принадлежитъ дѣйствительная власть. 2. Провинція. Паденіе старинныхъ властей. Недостаточность новыхъ властей. 3. Настроеніе народа. Голодъ. 4. Паника. Всеобщее вооруженіе. 5. Посягательства на личности и на общественную собственность, въ Страсбургѣ, Шербургѣ, Мобежѣ, Руанѣ, Безансонѣ, Труа. 6. Податей больше не платятъ. Истребленіе лѣсовъ. Новое право охоты. 7. Посягательства на личность и на частную собственность. Аристократы объявлены врагами народа. Воздѣйствіе парижскихъ новостей. Вліяніе сельскихъ повѣренныхъ. Отдѣльные случаи насилія. Общее возстаніе на западѣ. Война объявлена замкамъ, феодальной и всякой вообще собственности. Приготовленія къ другимъ возстаніямъ.

1. Какъ бы ни было плохо какое-либо правительство, но есть нѣчто еще худшее—это упраздненіе правительства: исключительно благодаря ему, воли множества людей дѣйствуютъ въ согласіи, а не какъ попало. Оно служило для общества почти тѣмъ, чѣмъ мозгъ для живого существа. Будучи бездарнымъ, легкомысленнымъ, расточительнымъ, всепоглощающимъ, оно часто злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, надрываетъ силы и сбиваетъ съ пути то тѣло, которымъ оно должно было бы бережно руководить. Но все же, что бы оно ни дѣлало, оно совершаетъ больше хорошаго, нежели дурного, такъ какъ, исключительно благодаря ему, это тѣло держится на ногахъ, идетъ и согласуетъ свои шаги. Безъ него не будетъ обдуманныхъ и цѣлесообразныхъ движеній, могущихъ принести пользу всему животному.

Только въ правительствѣ сходятся всѣ намѣренія цѣлаго, знаніе членовъ и способа ихъ дѣйствія, свѣдѣнія извнѣ, точная и полная освѣдомленность, дальнозоркость, короче—высшій разумъ, постигающій общій интересъ и разсчитывающій средства, приспособленныя къ цѣли.

Если оно ослабѣваетъ и ему болѣе не повинуются, если оно смято и изогнуто извнѣ какимъ-либо грубымъ давленіемъ, разумъ перестаетъ руководить общественными дѣлами и соціальная организація дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ. Благодаря разрушенію общества и разъединенію индивидуумовъ, каждый человѣкъ возвращается къ своей первоначальной слабости и вся власть переходитъ въ руки временныхъ сходбищъ, которыя, словно вихри, подымаются среди человѣческой пыли.

Можно угадать, какъ эти случайно сложившіяся шайки станутъ пользоваться той властью, хорошимъ примѣненіемъ которой затрудняются опытнѣйшіе умы.

Дѣло идетъ объ продовольствіи, обладаніи имъ, его стои-

мости и распредѣленіи налоговъ, ихъ частей, ихъ взиманія и распредѣленія, частной собственности, ея видахъ, правахъ и границахъ, объ общественной власти, принадлежащихъ ей правахъ и ея границахъ, обо всѣхъ вообще тонкихъ и сцѣпленныхъ другъ съ другомъ зубчатыхъ колесикахъ, составляющихъ великую экономическую, политическую и общественную машину. Каждая шайка въ своемъ округѣ хватаетъ своими грубыми руками тѣ части, которыя оказываются наиболѣе ей доступными, портитъ или ломаетъ ихъ по игрѣ случая, подъ впечатлѣніемъ минуты, не имѣя ни представленія, ни заботы о послѣдствіяхъ, даже когда отраженіе ихъ должно обратиться на нее же и погрести ее завтра подъ развалинами, сдѣланными ею сегодня. Точь въ точь, какъ сбросившіе цѣпи негры, которые пытаются вести судно, попавшее въ ихъ руки, таща и толкая его каждый въ свою сторону.

Въ подобныхъ случаяхъ бѣлые не очень то превосходятъ чернокожихъ: мало того, что толпа, имѣющая цѣлью насиліе, составляется изъ лицъ наиболѣе бездѣльныхъ, наиболѣе возбужденныхъ, наиболѣе склонныхъ ко всякому разрушенію и своеволію, но вѣдь, когда она безчинно совершаетъ насильственное дѣяніе, всякій, самый грубый, самый безразсудный и наиболѣе испорченный ея членъ, опускается еще ниже своего уровня, опускается до тьмы послѣднихъ подонковъ, до ихъ жестокости и безумія.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, получающему и наносящему удары, нужно много навыка обращаться съ оружіемъ, нужна привычка къ опасности и хладнокровію, чувство чести, чтобы оказать сопротивленіе хмѣлю убійства и не злоупотребить своей силой, подобно дикарю; особенно необходимо постоянно помнить о страшномъ воинскомъ уставѣ, который въ представленіи любого солдата ставитъ въ перспективѣ висѣльницу и увѣренность, что онъ будетъ вздернутъ на ней по приговору судьи, если нанесетъ лишній ударъ. Всѣхъ этихъ внѣшнихъ и внутреннихъ путъ недостаетъ у человѣка, брошеннаго въ пучину возстанія. Онъ новичекъ въ средствахъ къ тѣмъ поступкамъ, которые совершаетъ. Онъ не боится болѣе закона, ибо его упразднятъ. Начатое дѣло увлекаетъ его дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ. Онъ озлобленъ опасностью и сопротивленіемъ. Прикасаясь къ лихорадочнымъ, онъ самъ заражается лихорадкой и слѣдуетъ за бандитами, ставшими его товарищами [1]). Прибавьте къ этому вопли, пьянство, зрѣлище раз-

[1]) Dussaulx, 874. „Я замѣтилъ, что если въ народѣ того времени мало кто дерзалъ на преступленія, то многіе ихъ желали и всѣ ихъ тер-

рушеній, физическое содраганіе первнаго аппарата, напряженнаго болѣе, чѣмъ онъ можетъ вынести, и вы пойдете, какъ вмѣсто умиротворенныхъ и приученныхъ древней цивилизаціей, крестьянина, рабочаго и буржуа, является неожиданно варваръ, гораздо хуже,—первобытное животное, похотливая, кровожадная, кривляющаяся обезьяна, которая издѣваясь убиваетъ и рѣзвится на причиненныхъ ею поврежденіяхъ.

Вотъ то истинное правительство, которому предана Франція, и самый свѣдущій, наиболѣе правдивый и глубокій наблюдатель Революціи не нашелъ ничего болѣе подходящаго для сравненія съ нею, какъ, послѣ восемнадцати мѣсячнаго опыта, уподобить ее нашествію варваровъ на римскую имперію въ четвертомъ вѣкѣ [1]): „Гунны, Герулы, Вандалы и Готы не придутъ ни съ Сѣвера ни съ Чернаго моря: они—среди насъ“.

2. Когда въ зданіи согнулась главная балка, то это влечетъ за собою увеличеніе потрескиваній, и второстепенные брусья валятся одинъ за другимъ, теряя опору, которая ихъ держала. Точно также, когда палъ авторитетъ короля, пали въ прахъ и всѣ власти, отъ него исходящія [2]). Интенданты, парламенты, командующіе войсками, великіе прево, представители администраціи, суда и полиціи во всѣхъ провинціяхъ и во всѣхъ должностяхъ, охранители порядка и собственности, наученные умерщвленіемъ г. де-Лонея, заключеніемъ въ тюрьму Безанваля, бѣгствомъ маршала де-Брольи и гнуснымъ убійствомъ Фуллона и Бертье, знаютъ, чего стоитъ исполненіе своихъ обязанностей, причемъ, изъ боязни, что они объ этомъ не вѣдаютъ, выступаютъ мѣстныя возстанія, чтобъ взять ихъ за шиворотъ.

Намѣстникъ Бургони былъ плѣнникомъ, со стражей у его дверей въ Дижонѣ, и ему было воспрещено разговаривать съ

пѣли“. Archives nationales DXXIX. 3. Донесеніе муниципальныхъ чиновниковъ Кремье Дофине 3 ноября 1789 г. Совершенныя ими злодѣянія начинались съ погребковъ и только пьянымъ могли прійти въ голову тѣ проявленія неслыханнаго безумія, которымъ они предавались при разграбленіи и поджогахъ замковъ.

[2]) Mercure de France, 14 января 1792 г. (Revue politique de l'année 1791 par Mallet du Pan.).

[1]) Alb. Babeau I, 206. „Исполнительная власть нынѣ безусловный нуль“. Письмо губернатора Морриса: 31 іюля 1789 „Этотъ край теперь такъ близокъ къ анархіи, какъ только можетъ подойти къ ней общество, избѣгая полнаго разложенія“.

кѣмъ бы то ни было безъ разрѣшенія и свидѣтелей [1]). Намѣстникъ Кана былъ осажденъ въ старомъ дворцѣ и сдался. Въ Бордо намѣстникъ отдастъ Шато Тролигеттъ со снаряженіемъ и ружьями. Воздержавшійся отъ уступокъ намѣстникъ Меца, подвергается оскорбленіямъ и подчиняется требованіямъ черни. Намѣстникъ Бретани, „словно бродяга", блуждаетъ по своей провинціи, въ то время какъ его люди, обстановка и посуда оставлены въ Реннѣ какъ залогъ; едва онъ вступилъ въ Нормандію его окружаютъ и ставятъ часовыхъ у его дверей. Интендантъ Безансона—„въ бѣгахъ"; Руанскій интендантъ видитъ, какъ сверху до низу грабятъ его домъ, и спасается среди криковъ толпы, требующей его головы.

Въ Реннѣ схватываютъ старшину парламента, издѣваются надъ нимъ, оставляютъ подъ надзоромъ въ его комнатѣ и затѣмъ отправляютъ его, больного, подъ конвоемъ въ городъ.

Въ Страсбургѣ „36 домовъ, принадлежавшихъ лицамъ изъ администраціи, намѣчены къ разграбленію [2])".

Въ Безансонѣ президента парламента принуждаютъ выпустить бунтовщиковъ, арестованныхъ въ предыдущій бунтъ, и всенародно сжечь все дѣлопроизводство объ нихъ. Въ Эльзасѣ въ самомъ началѣ смутъ всѣ прево вынуждены были бѣжать, бальи и сеньоральные судьи попрятались, лѣсные дозорщики скрылись; дома сторожей разрушены: одного изъ нихъ, шестидесятилѣтняго старика, измученнаго побоями, потащили въ деревню, вырывая ему волосы; отъ его дома оставили лишь стѣны, да часть кровли; всю движимость сожгли, поломали или раскрали, а его самаго съ женой силой заставили подписать документъ, по которому онъ обязывался возвратить всѣ штрафы, наложенные имъ за время службы, и выдать росписку, что не будетъ преслѣдовать за весь ущербъ, который потерпѣлъ. Во Франшъ-Контэ бальяжные (окружные) судьи не смѣютъ приговорить къ наказанію преступниковъ; объѣздная команда ихъ болѣе не задерживаетъ; начальникъ мѣстныхъ войскъ

---

[1]) Archives nationales H. 1453. Lettres de M. Amalot 24 Juillet; H 784 de M. Langeron 16 и 18 octobre K. K. 1105 Correspondance de M. de Thiard, commandant militaire de la Bretanne, 4 septembre 7 и 30 octobre—Floquet VII, 527, 555—Guadet Histoire de Girondins (29 juillet 1789).

[2]) M. de Rochambeau Memoires I, 253 (18 juillet) Sauzay Histoire de la persécution révolutionaire dans le département du Doubs I, 128 (19 juillet). Archives nationales F7 3253 (lettre des députes de la commission provinciale d'Alsace 8 septembre) D, XXIX, I note de M. de la Tour du Pin 28 octobre 1789—Lettle de M. de Langeron 3 septembre; de Breitmann, garde-marteau, Val Saint Amarin (Haute Alsace) 26 juillet.

пишетъ, что „всевозможныя преступленія множатся и нѣтъ никакихъ средствъ для наказанія".

Во всѣхъ провинціяхъ полное неповиновеніе сдѣлалось постояннымъ явленіемъ и одна провинціальная коммиссія грустно замѣчаетъ: „можно ли ожидать какого-нибудь успѣха отъ нашихъ усилій водворить порядокъ, когда власти разстроены и сведены на ничто, когда нѣтъ общественной силы, когда всѣ связи порваны, когда каждый считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ обязанностей, когда общественная власть не смѣетъ болѣе себя выказать и считается преступленіемъ быть облеченнымъ ею?" [1]).

Отъ этого огромнаго разрушеннаго государства остается сорокъ тысячъ сборищъ людей, причемъ каждое обособлено и отдѣлено—городовъ, поселковъ и деревень,—гдѣ муниципалитеты, выборные комитеты, импровизированные національные гвардейцы—стараются устранить лишь наиболѣе опасныя насилія.

Но это мѣстное начальство—новичокъ въ своемъ дѣлѣ, онъ слишкомъ человѣчно и робко; избранные крикомъ, они вѣрятъ въ народное право; окруженные возстаніемъ, они чувствуютъ себя въ опасности. Вотъ почему въ большинствѣ случаевъ они повинуются толпѣ. „Почти никогда, пишетъ одна провинціальная коммиссія [2]), муниципалитетъ не взыскиваетъ; Онъ предоставляетъ просторъ самымъ большимъ насиліямъ, лишь бы не дѣлать донесеній, за которыя сограждане рано или поздно могутъ попытаться привлечь къ отвѣтственности. Муниципалитеты не въ состояніи болѣе отказать имъ въ чемъ бы то ни было".

Въ деревняхъ особенно, мэръ или синдикъ, будучи самъ земледѣльцемъ, думаетъ прежде всего, какъ бы не нажить себѣ враговъ, и всегда откажется отъ службы, если она должна принести ему „непріятности". Въ городахъ, и особенно въ большихъ, ихъ администрація почти столь же податлива и еще болѣе непрочна, такъ какъ взрывчатаго матеріала здѣсь

---

[1]) Léonce de Lavergne. Les assemblées nationales, 197. Ср. Brissot (Le patriote français августъ 1789). „Въ провинціяхъ царитъ полное неповиновеніе, такъ какъ онѣ не чувствуютъ болѣе узды исполнительной власти. Кто былъ въ ея распоряженіи? Интенданты, судьи, солдаты. Интенданты разбѣжались, судьи безмолвны, солдаты противъ власти и за народъ. Свобода—пища, которую не всякій желудокъ переваритъ безъ подготовки".

[2]) Archives nationales. F⁷. 3253 (Lettre de députés de la commission intermédiaire d'Alsace 8 sept. 1789).

скопилось больше и муниципальные чиновники, сидя на своихъ креслахъ въ „Городскомъ Домѣ“, чувствуютъ себя какъ бы сидящими на минѣ, ежеминутно готовой взорваться. Почемъ знать, можетъ быть завтра какое-нибудь предложеніе, брошенное въ кабачкѣ предмѣстья, или зажигательная газетка, принесшая изъ Парижа, доставитъ искру...

Для борьбы съ чернью они не располагаютъ другой защитой, какъ чувствительныя прокламаціи Національнаго собранія, безполезное присутствіе войскъ, которыя станутъ лишь разглядывать происходящее, да національные гвардейцы, которые, конечно, прибудутъ слишкомъ поздно.

Тогда, по временамъ, эти буржуа, ставшіе владыками, испускаютъ вопль отчаянія подъ рукой владыки съ улицы, который держитъ ихъ за горло.

Въ Пюи-въ-Велэѣ [1]), въ городѣ съ двадцатитысячнымъ населеніемъ, президіаль, комитетъ изъ 24 комиссаровъ, 200 драгунъ и 800 человѣкъ буржуазной гвардіи—„всѣ парализованы, всѣ оцѣпенѣли передъ самой презрѣнной чернью. Пути добросердечія только увеличили ея неповиновеніе и заносчивость.“

Она осуждаетъ всѣхъ, кого вздумается и въ теченіи шести дней висѣлица, воздвигнутая ея руками, предрекаетъ новымъ магистратамъ ожидающую ихъ участь.

„Что будетъ съ нами, говорятъ они, зимой въ этой бѣдной странѣ, гдѣ недостаетъ хлѣба? Мы сдѣлаемся добычей дикихъ звѣрей“.

3. Въ самомъ дѣлѣ, они голодны и отъ революціи ихъ нужда только растетъ. Вокругъ Пюи-въ-Велэѣ ужасная буря, страшный градъ и проливной дождь опустошаютъ край, размываютъ поля. На югѣ урожай посредственный и даже неудовлетворительный. „Начертить картину состоянія Лангедока,

---

[1]) Archives nationales D, XXIX, I (Lettre des curés consuls, conseillers au presidial et principaux negotiants du Puy en Velay 16 septembre 1789) H, 1453 (Lettre de l'intendant d'Alenson 18. juillet) Я не долженъ скрывать отъ васъ умножающихся возстаній, которыя мы терпимъ во всѣхъ краяхъ моего округа. Безнаказанность, которой они хвалятся, увеличиваетъ ихъ смѣлость такъ, какъ судьи боятся раздражить народъ примѣрами строгости. Злодѣи въ перемежку съ честными людьми сѣютъ ложные слухи во вредъ частнымъ лицамъ, которыхъ они обвиняютъ въ укрывательствѣ хлѣба или въ непринадлежности къ третьему сословію и подъ этимъ предлогомъ они устремляются на дома этихъ людей, грабятъ все, что въ нихъ находятъ, а хозяева избѣгаютъ смерти только бѣгствомъ.

пишетъ нѣкій интендантъ [1]), значило бы дать описаніе всевозможнѣйшихъ бѣдствій.

Ужасъ, обуявшій всѣ общины, былъ сильнѣе законовъ, остановилъ обращеніе и могъ бы вызвать нужду даже среди изобилія. Съѣстные припасы стоятъ чудовищно дорого и нехватаетъ звонкой монеты. Общины разорены тѣми неимовѣрными расходами, которые они несутъ по содержанію депутатовъ въ сенешальства, по устройству буржуазной гвардіи, ея начальниковъ, на покупку для нея оружія и обмундировки, на образованіе коммунъ, постоянныхъ совѣтовъ, на печатаніе всякаго рода отчетовъ для оповѣщенія о всѣхъ постановленіяхъ, даже весьма несущественныхъ, той потерей времени, которая вызвана новыми условіями жизни, всеобщимъ застоемъ промышленности и торговли": всѣ эти причины „довели Лангедокъ до крайней нужды".

Въ центрѣ и на сѣверѣ, гдѣ урожай хорошъ, средства пропитанія также рѣдки, такъ какъ никто не рѣшается вывозить хлѣбъ для продажи и прячетъ его. „Вотъ уже пять мѣсяцевъ, пишетъ муниципальный совѣтъ Лувіера [2]), ни одинъ земледѣлецъ не показывается на городскомъ базарѣ. Никогда еще, во всѣ времена, когда бы ни бывала значительная дороговизна, не случалось подобнаго событія. Наоборотъ, чѣмъ дороже былъ хлѣбъ, тѣмъ болѣе переполнялся рынокъ".

Напрасно муниципалитетъ приказываетъ сорока семи прилегающимъ приходамъ снабжать городъ хлѣбомъ; они объ этомъ не заботятся; „каждый для себя и каждый самъ по себѣ" и интендантъ не въ силахъ болѣе подчинить мѣстные интересы интересамъ общественнымъ. „Въ хлѣбныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ насъ, пишетъ одинъ изъ бургундскихъ городовъ, нельзя обезпечить себѣ свободную покупку провизіи. Мѣстныя правила, защищаемыя буржуазной милиціей, препятствуютъ вывозу и мѣшаютъ обращенію. Сосѣдніе рынки ничего намъ не доставляютъ и вотъ уже мѣсяцевъ восемь не было привезено ни одного мѣшка хлѣба на нашъ рынокъ".

Въ Труа хлѣбъ стоитъ 4 су за фунтъ, въ Барѣ-на-Оби и его окрестностяхъ—4½. Но въ благотворительныхъ мастер-

---

[1]) Archives nationales, H. 942 (Observations de M. de Ballainvilliers 30 Octobre 17-9).

[2]) Archives nationales D, XXIX, 1 Lettre de l'assamblée municipale de Louviers, fin août 1789—Lettre de l'assamblée communale de saint Bris (bailliage d'Auxerre) 25 septembre. Lettre des officiers municipaux de Ricey-Haut, près de Bar-sur-Seine, 25 août du chevalier d'Allouville, 8 septembre.

ских оставшійся безъ работы ремесленникъ зарабатываетъ 12 су въ день и, бывая въ деревнѣ, онъ видѣлъ прекрасные хлѣба. Какъ же ему послѣ этого не прійти къ заключенію, что голодовкой онъ обязанъ скупщикамъ, и не считать, что, если онъ умретъ отъ голода, то только потому, что злодѣи уморили его голодомъ? Въ силу такихъ соображеній всѣ, черезъ чьи руки проходятъ припасы: землевладѣльцы, фермеры, купцы, чиновники,—слывутъ за „измѣнниковъ". Очевидно, что противъ народа составленъ заговоръ: къ нему, конечно, причастно правительство, королева, духовенство, дворянство, а также магистраты, высшая буржуазія, богачи. Въ Иль-де-Франсѣ ходитъ слухъ, будто мѣшки съ зерномъ бросаютъ въ Сену и нарочно пасутъ кавалерійскихъ лошадей на зеленыхъ всходахъ. Въ Бретани убѣждены, что хлѣбъ вывозятъ и скапливаютъ для иностранцевъ. Въ Турени увѣрены, что такой-то крупный торговецъ скорѣй дастъ прорости зерну въ своихъ житницахъ, чѣмъ продастъ его. Въ Труа кричатъ про одного торговца, что онъ, въ соглашеніи съ булочникомъ, отравилъ муку квасцами и мышьякомъ.

Представьте себѣ дѣйствіе подобныхъ подозрѣній на страдающую толпу: волна ненависти подымается отъ голоднаго желудка къ больному мозгу. Народъ всюду ищетъ своихъ воображаемыхъ враговъ и бросается впередъ, закрывъ глаза, нужды нѣтъ на кого и на что, не только всей тяжестью своей массы, но и всей силой своей ярости.

4. Онъ смущенъ уже съ первыхъ же недѣль. Человѣческое стадо, привыкшее быть руководимымъ, встревожено тѣмъ, что его оставили на произволъ судьбы; ему не хватаетъ вожаковъ, которыхъ онъ растопталъ своими ногами; освободившись отъ ихъ путъ, онъ липнется ихъ покровительства и чувствуетъ себя покинутымъ въ незнакомой мѣстности, предоставленнымъ невѣдомымъ ему опасностямъ, которыхъ онъ не можетъ устранить. Ну что какъ внезапно нападутъ волки именно теперь, когда пастухи убиты или обезоружены?!

А волки есть, я хочу сказать бродяги и злодѣи, выступившіе немедленно изъ мрака. Это они поджигали, грабили: ихъ неизбѣжно отыщешь въ каждомъ возстаніи. Съ тѣхъ поръ, какъ стража перестала ихъ ловить, они показываются, вмѣсто того, чтобъ прятаться. Имъ надо только сговориться, собраться въ шайки—и любая собственность и жизнь всѣхъ будетъ въ ихъ распоряженіи. Въ городахъ и селахъ распространяется глухая тревога, смутная боязнь; совершенно внезапно къ концу іюля паника, словно вихрь ослѣпляющей пыли,

катится по сотнямъ мѣстъ. Говорятъ, что грабители приближаются; они жгутъ нивы; они уже въ шести, въ двухъ лье; это донесено бѣглецами, спасающимися врассыпную.

28 іюля, въ Ангулемѣ [1]), около трехъ часовъ пополудни зазвонили въ набатъ, забили тревогу, раздался призывъ къ оружію, подняли пушки на валъ: надо приготовить къ защитѣ городъ отъ 15000 разбойниковъ, которые приближаются. Съ высоты стѣнъ съ ужасомъ замѣчаютъ вихрь пыли, несущійся къ городу, но оказалось, что это гонецъ, направляющійся проѣздомъ въ Бордо. Тутъ число грабителей уменьшилось уже до 1500, но было „доказано, что они грабятъ деревни". Къ 9 часамъ вечера подъ оружіемъ было 20000 человѣкъ, которые проводятъ такъ всю ночь, постоянно прислушиваясь, но ничего не слыша. Около трехъ часовъ утра снова смятенье, набатъ. Всѣ строятся въ боевой порядокъ, всѣ увѣрены что разбойниками сожжены Руффекъ, Вернейль, Ларошфуко и другія мѣстечки. На слѣдующій день приходятъ подкрѣпленія изъ деревень, чтобъ оказать вооруженную помощь противъ все еще отсутствующихъ разбойниковъ. „Въ 9 часовъ, говоритъ одинъ свидѣтель, въ городѣ было 40000 человѣкъ, которыхъ намъ надо отблагодарить". Разъ разбойники не показываются, значитъ они спрятались: сто верховыхъ и множество пѣшихъ отправляются, чтобъ обыскать Бранонскій лѣсъ, и къ великому своему удивленію не находятъ ничего. Но ужасъ не улегся, „въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ дней постоянно ставятъ охрану и образуютъ отряды изъ гражданъ, а Бордо извѣщенъ посылкой курьера, чтобъ предложить помощь въ 20 и даже 30 тысячъ человѣкъ".

„Но удивительнѣе всего, прибавляетъ разсказчикъ, что такая же тревога и приблизительно въ тотъ же часъ произошла въ десяти окрестныхъ мѣстахъ, въ каждомъ приходѣ". Для этого достаточно, чтобы какая-нибудь дѣвка, возвращаясь вечеромъ въ деревню, встрѣтила двухъ мужчинъ, не принадлежащихъ къ мѣстнымъ жителямъ. Такъ было въ Оверни: тамъ цѣлые приходы вдругъ бросились ночью спасаться въ лѣсахъ, покидая свои дома, забирая съ собой обстановку; „бѣглецы сами вытоптали и испортили свои нивы; нѣсколько беременныхъ женщинъ причинили себѣ ушибы въ лѣсу, другія сошли съ ума". Испугъ придалъ имъ крылья: два года спустя г-жѣ Кампанъ

[1]) Archives nationales D, XXIX, 1; Littre de M. Briand-Delessart (Angoulême) 1 août.—De M. Bret, lieutenant général de la prévôté de Mardogne 5 septembre.—Du chevalier de Castellas (Auvergne) 15 sept. (sur les événements de la nuit du 2 au 3 août M-me Campan II, 65.

показывали возлѣ Монъ-д-Оръ остроконечный утесъ, на который взобралась убѣгая одна женщина и откуда она не могла сойти безъ помощи веревокъ.

Но вотъ они наконецъ вернулись къ себѣ домой и ихъ жизнь, казалось, приняла обычное теченіе. Однако потрясенія большихъ массъ не проходятъ безнаказанно и подобное смятеніе, само по себѣ, является живымъ источникомъ безпокойства: опасность была, разъ всѣ встревожились и, если она не приходитъ отъ бродягъ, то значитъ идетъ съ другой стороны. Въ Эльзасѣ и Дижонѣ[1]) Артуръ Юнгъ слышитъ, какъ говорятъ за табльдотомъ, будто королева составила заговоръ съ цѣлью подложить мину подъ Національное Собраніе и уничтожить весь Парижъ; немного позже, его схватили и допрашивали въ какой то деревушкѣ возлѣ Клермона, такъ какъ онъ, очевидно, соучастникъ заговора королевы и графа д'Антрагъ, имѣющихъ въ виду взорвать столицу и сослать уцѣлѣвшихъ жителей на галеры.

Противъ этихъ призраковъ, размножаемыхъ возбужденнымъ воображеніемъ, безсильны разсудокъ и опытъ. Отнынѣ каждая община, каждый отдѣльный человѣкъ запасаются оружіемъ и готовы пустить его въ дѣло. Крестьянинъ откапываетъ свою кубышку и „отыскиваетъ 10—12 франковъ на покупку ружья“.—„Въ самой жалкой деревушкѣ вы натыкаетесь на національную милицію“. По всѣмъ городамъ ходятъ патрули гвардейцевъ и отряды добровольцевъ. По требованію городскихъ управленій, командующіе войсками отпускаютъ оружіе, припасы и обмундировку; въ случаѣ отказа грабятъ арсеналы и вотъ, по доброй волѣ или силой, за полгода такимъ образомъ въ руки народа переходитъ 400.000 ружей![2]). Но этимъ недовольствуются: имъ надо пушекъ. Брестъ, имѣя ихъ, требуетъ еще двѣ, каждый городъ Бретани дѣлаетъ тоже. Самолюбіе и желаніе сознавать себя сильнымъ вызываютъ соревнованіе. Теперь у нихъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, чтобъ быть господами. У нихъ въ рукахъ находится цѣликомъ вся власть, вся сила, всѣ средства принужденія и устрашенія и, среди дѣйствительнаго междуцарствія всѣхъ законныхъ властей, этими

---

[1]) Arthur Young, 24 и 31 іюля, 18 и 19 августа.

[2]) Bouillé, 108. —Archives nationales KK, 1105. Correspondance de M. de Thiard 20 sept 1789 (по поводу сотни ружей, данныхъ городу Сенъ-Бри). „Имъ эти ружья вовсе не нужды, но эта любовь къ оружію есть эпидемія времени, которой надо предоставить ослабляться самой. Они хотятъ вѣрить въ разбойниковъ и враговъ, а ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ“. 25 сентября. „Имя руководитъ одно только тщеславіе и спѣсивое желаніе имѣть пушки—единственное ихъ побужденіе“.

державными руками руководятъ лишь безумныя, смертоносныя внушенія голода и подозрѣній.

5. Было бы слишкомъ долго повѣствовать обо всѣхъ ихъ насиліяхъ, захватахъ обозовъ, о грабежѣ хлѣба, о повѣшенныхъ, обезглавленныхъ и избитыхъ мельникахъ и хлѣбныхъ торговцахъ, о фермерахъ, которыхъ подъ страхомъ смерти вынуждали отдавать послѣдніе запасы зерна, предназначеннаго для посѣва, объ ограбленныхъ собственникахъ, разоренныхъ домахъ [1]). Оставаясь безнаказанными, терпимыми, извиняемыми или плохо подавляемыми, покушенія учащаются и обрушиваются сначала на служебныхъ лицъ и на общественную собственность. По обыкновенію негодные отбросы идутъ во главѣ и налагаютъ свой отпечатокъ на всякое возстаніе.

Въ Страсбургѣ, 19 іюля, при извѣстіи, что Неккеръ возвращается, чернь по своему толкуетъ наблюдаемую ею общую радость. Около пятисотъ—шестисотъ босяковъ съ присоединившимися къ нимъ мелкими ремесленниками бѣгутъ въ Городской Домъ и собравшійся тамъ магистратъ едва успѣваетъ спастися бѣгствомъ черезъ задній выходъ. Въ свою очередь солдаты, съ оружіемъ въ рукахъ, бездѣйствуютъ, а нѣкоторые даже подзадориваютъ нападающихъ. Окна летятъ въ дребезги подъ градомъ камней, входныя двери выламливаютъ желѣзными ломами и чернь бурнымъ потокомъ врывается при одобрительныхъ крикахъ зрителей. Тотчасъ же во всѣ окна и двери Городского Дома посыпался „дождь ставень, рамъ, стульевъ, столовъ, диванovъ, книгъ, бумагъ, а затѣмъ и черепицъ, досокъ, рѣшетокъ и частей самого сруба. Общественные архивы были пущены на вѣтеръ; ими были устланы сосѣднія улицы; документы объ освобожденіи отъ податей, хартіи на привиллегіи, всѣ подлинные акты, которыми, начиная съ Людовика XIV, обезпечивалась свобода города,—все это погибло въ пламени.

---

[1]) Archives nationales H. 1453. Письма г. Амело отъ 17 и 24 іюля. „Много богатыхъ частныхъ лицъ въ городѣ (Auxonne) были отпущены за выкупъ этой толпой, большая часть которой состояла изъ разбойниковъ“. Письмо 9 земледѣльцевъ Бретейля (въ Пикардіи). „Всѣ ихъ житницы были накануѣ разграблены до послѣдняго зерна. Они грозили разграбить весь собранный нами хлѣбъ и поджечь наши риги, когда онѣ будутъ полными. Чернь побывала у г. Тассара, нотаріуса, въ его домѣ и грозила ему убійствомъ. Донесеніе Миро, королевскаго прокурора въ сенешальствѣ Баръ-ле-Дюкъ 15 сент. Д. XXIX, 1. 27 іюля народъ поднялся, умертвилъ, самымъ ужаснымъ способомъ, нѣкоего торговца, занимавшагося продажей хлѣба. 27 и 28 его домъ, равно какъ и другого торговца, былъ разграбленъ и т. д.“.

Нѣкоторые изъ грабителей бросаются въ погреба съ дорогими винами; здѣсь они выпустили изъ бочекъ 15000 ведеръ, причемъ образовался цѣлый прудъ въ пять футовъ глубиной, гдѣ нѣсколько человѣкъ утонуло. Остальные уходятъ, нагруженные добычей, на глазахъ солдатъ, которые не задерживаютъ ихъ. Три дня кряду длится этотъ грабежъ; многіе дома, принадлежавшіе магистратамъ, „разорены отъ чердаковъ до погребовъ“. Когда же наконецъ честн. граждане взялись за оружіе и возстановили порядокъ, то власти ограничились повѣшеніемъ лишь одного изъ воришекъ; мало того, чтобы успокоить народъ, смѣнили магистратъ и понизили цѣны на хлѣбъ и мясо. При такой пощадѣ преступниковъ и такихъ мѣрахъ возмездія неудивительно, если возстаніе распространяется во всѣ стороны по окружности: въ самомъ дѣлѣ, начавшись въ Страсбургѣ, оно охватываетъ весь Эльзасъ, причемъ въ деревняхъ, какъ и въ городѣ, пьяницы и негодяи стоятъ во главѣ его.

Гдѣ бы не происходило дѣйствіе, на западѣ ли, на сѣверѣ или на востокѣ,—зачинщики всюду одной породы. 21 го іюля въ Шербургѣ [1]) оба главаря возстанія оказываются „ворами съ большой дороги“, которые ведутъ за собою женщинъ изъ предмѣстья, иностранныхъ матросовъ, чернь съ пристани и множество солдатъ въ рабочихъ блузахъ. Они требуютъ ключей отъ хлѣбныхъ магазиновъ, разоряютъ дома трехъ крупнѣйшихъ торговцевъ и помощника интенданта г. де Гаранто: „всѣ ихъ счеты и конторскія книги сожжены; у одного Гаранто убытки исчисляются по меньшей мѣрѣ въ 100000 экю“.

Всюду таже жажда разрушенія и своего рода завистливое бѣшенство противъ тѣхъ, кто владѣетъ, приказываетъ или пользуется удовольствіями: 27 го іюля въ Мобежѣ, въ ту самую минуту, когда собирались представители общины [2]), нижніе слои населенія вмѣшались въ дѣло прямо и по своему обычному способу. Кучка гвоздарей и слесарей занимаетъ Городской Домъ и принуждаетъ мэра понизить цѣну на хлѣбъ. Почти въ тоже мгновеніе другая шайка, угрожая смертью, пускается за ними въ погоню и бьетъ окна, въ то время, какъ войска, призванныя къ оружію, спокойно созерцаютъ разрушеніе. Смерть мэру, всѣмъ властямъ, всѣмъ чиновникамъ! Бунтов-

[1]) Дюмурье (очевидецъ), книга III, глава III. Процессъ вели и закончили двѣнадцать адвокатовъ и одинъ засѣдатель, которыхъ назначилъ самъ народъ съ оружіемъ въ рукахъ. Hippeau, IV, 382.

[2]) Archives nationales F⁷ 3248. (Донесеніе мэра отъ 11 сентября).

щики врываются въ тюрьмы, освобождаютъ заключенныхъ и бросаются на помѣщенія для сбора различныхъ налоговъ; шалаши, гдѣ взимали пошлины съ съѣстныхъ припасовъ, были до основанія снесены; бюро порта разломано, вѣсы и гири сброшены въ рѣку. Всѣ таможенные склады и управленіе акцизными сборами расхищены, а надзиратели вынуждены выдать квитанціи. Дома актуаріуса, старшины и контролера фермъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ города разорены; двери и окна въ нихъ выломаны, мебель и бѣлье изодраны въ клочки, серебро и драгоцѣнности брошены въ колодезь. Такому же разграбленію подверглись дома мэра въ городѣ и въ одномъ лье отъ него, въ деревнѣ. Не сохранилось „ни одного окна, ни одной двери, ничего изъ вещей или съѣстныхъ припасовъ“; этого мало, дѣло свое они совершили въ полномъ сознаніи, не прерывая его ни на минуту „отъ 10 часовъ вечера и до 10 часовъ утра слѣдующаго дня“. И по просьбѣ всѣхъ честныхъ перепуганныхъ жителей, мэръ, послѣ 34 лѣтъ службы, подаетъ въ отставку и покидаетъ страну!

24 іюля въ Руанѣ [1]) прокламація, написанная отъ руки, своимъ правописаніемъ и стилемъ указываетъ на интеллигентность ея составителей и предвѣщаетъ грядущія событія: „Нація, тебѣ предстоитъ снести четыре головы; Понкарре (старшій президентъ), Моссіона (интендантъ), Годара де Бельбефа (генеральный прокуроръ) и Дюрана (королевскій прокуроръ). Безъ этого мы погибли и, если этого вы не сдѣлаете, вы прослывете за націю безъ сердца“. Что можетъ быть яснѣе этого? Но муниципалитетъ, которому парламентъ передалъ этотъ списокъ обреченныхъ, съ беззаботностью начальствующихъ отвѣчаетъ, что „ни одинъ гражданинъ не можетъ считать себя обреченнымъ на смерть; и на него никому нельзя смотрѣть, какъ на такового, ибо онъ можетъ и даже долженъ чувствовать себя въ безопасности въ своемъ жилищѣ, будучи увѣренъ, что нѣтъ человѣка въ городѣ, который не помчится къ нему на помощь“. Это значитъ сказать толпѣ, что она вольна дѣлать, что ей вздумается.

Послѣ этого главари возстанія безпрепятственно работаютъ въ теченіи десяти дней: одинъ изъ нихъ, хирургъ Журденъ, демагогъ по принципу, какъ и большинство его сотоварищей; другой, Бордье, парижскій актеришка, прославившійся въ роли арлекина [2]), содержатель кабака, „ночной бродяга и

[1]) Floquet VII, 551.

[2]) E. et J. de Goncourt. La société française pendant la Révolution, 37.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1905 годъ,

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

„Южный Край"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ - ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ столицъ и провинцій отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Корреспонденціи изъ Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Турціи, Швейцаріи, Персіи, Малой Азіи и другихъ странъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политикажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1905 годъ:

Съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20.

Съ пересылкою иногороднимъ:

11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	—	3 —	1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской ул., въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторы: А. А. Іозефовичъ.
Н. Н. Окуловъ.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ 1905 г. „МИРНЫЙ ТРУДЪ“ ГОДЪ ТРЕТІЙ 1905 г.

(современное научно-литературное и общественное изданіе)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа) ежемѣсячными выпусками не менѣе 100 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, *русскаго національнаго самосознанія*, усиленію *культурнаго общенія со славянствомъ*, изученію *созидательной* работы Запада и росту *общественной самостоятельности*, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, 2) Беллетристическія новости, 3) Литературная критика, 4) Искусство, театръ и музыка, 5) Вопросы воспитанія и обученія, 6) Внутреннее обозрѣніе, 7) Политическая лѣтопись, 8) Статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, 9) Обозрѣніе научныхъ журналовъ, 10) Дѣятельность ученыхъ обществъ, 11) Научныя мелочи, 12) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій, 13) Библіографія, 14) Объявленія.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго Собранія и его Отдѣловъ, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 р. съ пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за комиссію и пересылку денегъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 руб. за половину и 5 руб. за четверть страницы. Въ редакціи продаются книжки „Мирнаго Труда“ за 1902—3 г. (первый годъ изданія) и за (второй) 1904 г. по 5 руб. съ пересылкой за годовой экземпляръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1905 годъ.

Редакторъ-издатель проф. *А. Вламимировъ*.

6045 050

3 2044 092 939 909